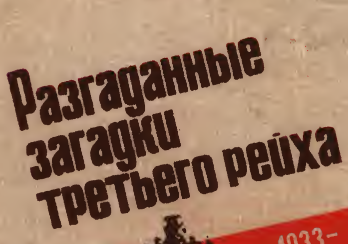
Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ

Разгаданные загадки третьего рейха

1933–1941

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ

Разгаданные загадки третьего рейха

КНИГА НЕ ТОЛЬКО О ПРОШЛОМ

1933—1941

Издательство Агентства печати Новости
Москва, 1980

Введение

У Германа Геринга дрожали руки. Взяв неуверенным движением стакан, он отпивал воду небольшими глотками. В тишине маленькой комнаты было слышно, как зубы стучат о стенки стакана. Сидевший у двери американский сержант даже ухмыльнулся. Но Геринг не обратил на него ни малейшего внимания. Его взор был устремлен в другую сторону: на офицеров в форме Советской Армии, которые сидели за столом перед ним.

Герман Геринг, некогда всемогущий рейхсмаршал «Великой германской империи», преемник фюрера, главнокомандующий военно-воздушными силами и министр авиации, главный имперский лесничий и охотничий, имперский уполномоченный по делам четырехлетнего плана, действительный член имперского тайного совета, сидел сейчас на неудобном жестком стуле перед допрашивавшими его тремя советскими полковниками. Рядом, за небольшим столиком, расположились еще два советских офицера: капитан и старший лейтенант, ведшие протокольную запись допроса. Сквозь окно пробивался летний солнечный свет: на дворе стоял июнь 1945 года.

Обстановка была необычной для рейхсмаршала. В течение многих лет он привык говорить с иностранными офицерами в иных условиях: либо в своем огромном берлинском кабинете на Лейпцигерштрассе, либо в увешанном редчайшими картинами приемном зале загородной резиденции «Каринхалль». Впрочем, с советскими представителями он встречался очень редко — только на официальных приемах. Зато в годы войны, на пути в свой полевой штаб, некогда находившийся близ Винницы, из «мерседеса» наблюдал он за вереницами советских военнопленных. Любого из них он мог приказать доставить к себе на допрос...

Теперь же допрашивали его, Геринга. Три советских полковника — два пехотинца и один моряк — задавали вопросы, с брезгливостью посматривая на все еще тучного, но замет-

но похудевшего Геринга. На нем был светло-голубой мундир без единого ордена, к которым он всегда питал такое пристрастие. Лишь серебристые рейхсмаршальские петлицы отличали его от любого другого пленного. Геринг никак не мог удобно усесться. Взгляд его был неуверенным, почти заискивающим. Иногда на лбу проступал пот...

Я хорошо, очень хорошо помню этот допрос. Геринг отвечал медленно, и было совсем нетрудно точно записывать его слова. Мы, два переводчика-секретаря, договорились, что будем фиксировать ответы попеременно, так что оставалось время наблюдать за поведением допрашиваемого.

Что же заставило самоуверенного экс-рейхсмаршала так волноваться, более того — испугаться? Только лишь факт допроса? Об этом много лет спустя, в тиши своего уютного дома, стоящего на великолепном озере Тегерн-зее, мне рассказал генерал артиллерии в отставке Вальтер Варлимонт. Он, как и Геринг, предстал тогда перед советскими офицерами. После допроса Геринг сказал ему, что в первый момент он испугался, думая, что американское командование решило выдать Советскому Союзу плененных войсками США главарей третьего рейха. Лишь когда он понял, что речь об этом не идет, к нему возвратилась былая самоуверенность.

Как я очутился в люксембургском курортном городке Бад-Мондорфе, где 16 июня 1945 года состоялся этот допрос? Рассказывать о времени — не обязательно значит рассказывать о себе. Но когда время уходит в туманную дымку прошлого, начинаешь задумываться над тем, что и твое прошлое является маленькой частицей тех грандиозных событий.

Военные биографии начинаются по-разному. Моя началась в тот момент, когда августовским утром 1941 года перед строем солдат 6-го запасного инженерного полка раздался голос командира роты:

— Знающие немецкий язык, два шага вперед!

Цель вызова не была объяснена. (Десант? Засылка в тыл противника? Агитработа?). Сразу вышли человек 15—20: большинство новобранцев составляли студенты старших курсов московских вузов и среди них — студенты ныне легендарного Института философии, литературы и истории (ИФЛИ). Через несколько дней мы стали курсантами школы военных переводчиков, а весной 1942 года с двумя «кубарями» на петлицах я оказался на Воронежском фронте. Затем этот фронт стал Юго-Западным, Сталинградским и, наконец, Донским. Когда же наступила памятная зима завершения Сталинградской битвы, штабу фронта понадобилось переводчиков больше, чем по штатному расписанию. Этому обстоятельству я и был обязан счастьем стать офицером штаба будущего Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского.

О штабах можно говорить и писать много. Свою книгу о Генеральном штабе Б. М. Шапошников назвал «Мозг армии». Штабы фронтов, наверное, не могут претендовать на полное соответствие этому определению, но в известном объеме они также являлись «мыслительными аппаратами». Штаб Рокоссовского обладал именно этим качеством. Редко в каком-нибудь «штатском» коллективе можно было встретить столько высокоинтеллигентных людей, как в этом штабе. К ним принадлежали и те офицеры, которые занимались оценкой войск противника, среди них — ныне покойный майор Александр Михайлович Смыслов.

Мне очень хотелось быть похожим на Смыслова. Не только в образцовой выправке и воинской организованности, которых мне явно не хватало. «Знать противника» — это требование Смыслов учил понимать не просто. Он приучал не только учитывать части вермахта, находившиеся перед нашим фронтом, но и серьезно изучать состояние немецкой армии, ее моральный уровень, характер командного состава, пополнения, подвоза, транспорта — совсем как на кафедре страноведения! С той лишь разницей, что изучение проходило не в университетских кабинетах и удобных библиотечных залах, а в подземных блиндажах, под грохот орудий. И мы держали экзамен не перед профессорами, а перед собственной совестью, ибо каждый просчет мог обернуться тяжкими последствиями для наших войск, а каждая удача помогала делу Победы.

Сталинградское сражение завершилось — фронт пошел на запад: Курская дуга, Белоруссия, Польша, Померания и, наконец, Берлин. Здесь на рассвете 1 мая 1945 года мне пришлось выполнить совершенно необычное задание: читать и «переводить с листа» командующему 1-м Белорусским фронтом Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову, в начале года сменившему на этом посту К. К. Рокоссовского, письмо за подписью Геббельса и Бормана, в котором извещалось о самоубийстве Гитлера. Крах третьего рейха, как именовало себя гитлеровское государство, стал фактом. Через полтора месяца я оказался в составе первой советской следственной комиссии, перед которой предстали главные немецкие военные преступники. Среди офицеров, которым поручили это дело, был и Александр Михайлович Смыслов...

Но довольно о себе. Я разрешил себе эту нескромность лишь для того, чтобы читатель ощутил некоторую причастность автора к тем военно-политическим сюжетам, которые он включил в свою новую работу «Разгаданные загадки третьего рейха. Книга не только о прошлом».

Третий рейх — не только прошлое? Да, фашизм как форма империалистической диктатуры не принадлежит только прошлому. И если верно, что, не поняв прошлого, нельзя

строить будущее, то анализ и понимание нацизма можно рассматривать как сугубо актуальную задачу. Исторические параллели не все объясняют, но могут во многом помочь. Облик врагов мира в конце XX века иной, чем это было в середине нашего столетия. Они не носят коричневых рубах штурмовиков или черных мундиров СС. У них иной словарь, иная терминология. Но в одном они очень схожи: в неуемном стремлении скрыть от своих и чужих народов свои подлинные цели. История империализма складывается из десятков, сотен больших и маленьких загадок, из тайн самой различной категории секретности.

Об этих раскрытых загадках недавней истории — а автором выбраны лишь некоторые из них — пойдет речь на страницах книги. Я занимался этой темой давно и писал об этом не раз в своих предыдущих книгах. Но каждое обращение к прошлому, каждый новый извлекаемый из архивов документ, каждая встреча с очевидцами давно минувших событий убеждали в необходимости углубленного и обостренного внимания ко всему, что связано с трагедией Европы, которая не должна повториться.

Признаюсь: я бессилен без документа. Не потому, что считаю документ истиной в последней инстанции. Сила документа не в его безгрешности. Он подобен моментальному фотоснимку, сделанному некой «скрытой камерой» истории и, в отличие от свидетельств очевидцев и участников событий, не может быть изменен по их воле. Правда, считается, что в документе не бывает эмоций: бумага не способна кричать или смеяться. Но в действительности в документах заложен огромный эмоциональный потенциал. Чего стоят, к примеру, строки акта о безоговорочной капитуляции Германии!

Итак, автор опирается в своей работе на документы, только на документы, и еще раз на документы. Я отстаиваю документальную прозу, которую произвела сама история, полная таких неожиданных материалов, которые не выдумает самый искусный фантаст. Это — тяжкие вериги, наложенные на самого себя, ибо нужный документ не всегда лежит на столе. На поиски некоторых из них ушли долгие годы, и иногда я позволю себе на страницах этой книги рассказать саму историю поиска. Все приводимые высказывания и даже диалоги основаны на протокольных записях, документальных свидетельствах или, наконец, на рассказах очевидцев, с которыми автор беседовал в течение последних лет в Москве, Киеве, Варшаве, Праге, Берлине, Бонне, Женеве, Мюнхене, Дюссельдорфе, Цюрихе, Лондоне, Брюсселе, Амстердаме...

Для того чтобы резче обозначить тот исторический рубеж, который пролег в истории Европы в роковой день

22 июня 1941 года, автор разбил книгу на две части. Первая часть, которая и предлагается вниманию читателя, охватывает период 1933—1941 годов, т. е. от прихода нацизма к власти до первых лет второй мировой войны. Событиям 1941—1945 годов будет посвящена вторая часть книги.

Пыль веков еще не легла на хартии недавней истории. Долг каждого, кто к ней обращается, — дать читателю возможность максимально рельефно и зримо ощутить весь объем подвига, который был совершен советским народом в годы войны. Победа должна быть всегда с нами.

Бонн — Москва, 1976—1979 гг.

Глава первая
СЕЙФЫ И СВАСТИКА

Иерархия тайн

Однажды я попросил своего давнего знакомого — дюссельдорфского банкира (бывают и такие знакомые) — показать мне его сейфы. Он усмехнулся:

— Надеюсь, вы не собираетесь совершать нападение на мой банк?

«Сейф» оказался с целый этаж. Его отделяли от остального помещения толстенные двери, изготовленные из сверхтвердых, тугоплавких сортов стали (чтобы не поддавались автогенной резке!). Двери настолько тяжелы, что их не может открыть человек: нажатием кнопки приводится в движение специальный механизм. Для того чтобы нажать кнопку, надо знать специальный шифр, который меняется каждый день, а число посвященных в эту «тайну тайн» сугубо ограничено. Однако миновав главную дверь хранилища, вы еще не попадете к самим сейфам. Далее следует ряд решетчатых дверей, каждая из которых снабжена сигнальным устройством. Из коридора путь ведет к самому хранилищу, состоящему из десятков отдельных сейфов; в свою очередь, они открываются по специальным шифровым комбинациям.

— Сейфы, — объяснял мой знакомый, — бывают разные, и их внутреннее оборудование зависит от того, что в них хранится.

Меня, конечно, интересовало хранение документов. Об этой функции банков говорят и пишут меньше всего, и она меньше всего интересует налетчиков, хотя ценность документов может превышать стоимость солидного золотого слитка. Но слиток — дело верное, а документ — кто знает его ценность? Лишь человек, который сдает его в банк с распоряжением хранить 10, 20, а иногда и 100 лет.

Банковская тайна — одна из главных тайн западного мира, и на ней наживается немалый капитал. Недаром прославлены на весь мир швейцарские банки, которые не открывают своих тайн даже судебным следователям. Как-то в Базеле я беседовал с г-ном Продолайтом, директором одного из

крупнейших в стране Швейцарского кредитного банка. С завидной скромностью он говорил:

— Конечно, об абсолютной надежности швейцарских банков говорят много. Я не берусь ее подтвердить, но и опровергать не стану...

Я не искал опровержений. Уже вступив в многоколонный вестибюль банка, в котором по мраморному полу идешь, как по бесшумному ковру, проникаешься доверием к этому учреждению. В больших операционных залах царит тишина. Длинные ряды полированных дубовых дверей с золотыми ручками и поблескивающими на свету табличками вселяют в посетителя ощущение солидности. Таких зданий я немало навидался и в Базеле, и в Мюнхене, и во Франкфурте-на-Майне. Они, как правило, были построены в конце прошлого или начале нынешнего века и в моих глазах являлись куда более убедительными символами банковского дела, чем суперновейшие здания, сооруженные в том же Франкфурте-на-Майне.

Итак, о банковской тайне. Известен метод вкладов в швейцарские банки, который состоит в том, что имя клиента знает только тот, кто принимает вклад на хранение. Он сообщает вкладчику цифру и с этого момента сам человек превращается в номер. Когда ему нужно получить вклад, он сообщает контролеру только свой номер и без предъявления документов получает нужную сумму или вещь. Именно эту процедуру с большим успехом использовали эмиссары СС и нацистского руководства в самом конце войны, когда в преддверии неминуемого краха открывали для награбленного имущества номерные счета в банках Базеля, Цюриха или Женевы. Например, в 1944 году штандартенфюрер СС Курт Бехер «собрал» со своих жертв в Венгрии:

Венгерских пенго	на	1 711 962	швейцарских франков
Американских долларов	на	860 000	»
Английских фунтов стерлингов	на	8 650	»
Бриллиантов	на	702 000	»
Ценных бумаг	на	72 646	»
Швейцарских франков		100 000	

Итого — на сумму, превышающую 3 миллиона франков.

Каков дальнейший путь этих кровавых миллионов, осевших в швейцарских банках? Об этом никто не знает и едва ли узнает. В любом случае тайна остается тайной (хотя швейцарское правительство и заверяло после войны, что «заморозило» вклады на нацистских счетах). Но банки неохотно открывают принадлежность вкладов.

Не только швейцарские банки были хранителями кровавых миллионов. 7 мая 1946 года в Нюрнберге допрашивали президента германского Имперского банка, министра экономики Вальтера Функа. Шла речь о происхождении золотых запасов банка.

— Вы часто посещали сейфы Имперского банка? — спросили Функа.

— Да, те, где лежали золотые слитки, — отвечал бывший министр.

— А в правила банка не входило принятие драгоценностей, часов, портсигаров, золотых коронок и тому подобного? — полюбопытствовал обвинитель.

— Нет, — отвечал Функ. — Это полностью исключается...

— И вы никогда не видели в сейфах таких вещей, о которых я упоминал?

— Нет, никогда! — заверил министр.

Но цену этому заверению можно было узнать несколько минут спустя, когда был продемонстрирован фильм, заснятый в хранилищах Имперского банка. В сейфах — груды бриллиантов, изумрудов, золотых украшений, браслетов, горы зубных коронок...

Функ начал изворачиваться: мол, это личное имущество, отданное на сохранение в банк и не подлежавшее контролю со стороны дирекции.

— Интересный ответ, — заметил обвинитель. — Слыхали ли вы когда-либо, что люди сдают на хранение свои золотые коронки?

Функ промолчал. И совсем потерял дар речи, когда было оглашено показание вице-президента Имперского банка Эмиля Пуля. Последний заявил, что Функ не только знал, что Гиммлер сдает в банк награбленное имущество, но и сам неоднократно «посещал хранилища после приема этого страшного груза». Были зачитаны и другие документы: например, ведомость сдачи в банк за один день 26 августа 1942 года конфискованных ценностей на 1 184 345 марок 59 пфеннигов. Ни пфеннигом больше...

На грабеже народов Европы, на прибылях от эксплуатации рабочего класса своей страны росло богатство рейха, богатство банков и промышленных магнатов. И никто бы об этом не узнал, если бы не крах фашизма. Но даже крах не раскрыл всех тайн. Именно с таким явлением сталкиваются исследователи, которые сейчас пытаются реконструировать процедуру взаимоотношений нацизма с крупным капиталом тогдашней Германии. После разгрома гитлеровской Германии остались тысячи, десятки тысяч документов различной степени секретности. Однако среди них сравнительно мало документов, касающихся финансирования нацистской партии. Главный архив нацистского казначейства, руководимого

рейхслейтером Францем-Ксавером Шварцем, исчез бесследно. По общему мнению, он был сожжен весной 1945 года. Когда автор этой книги предпринял попытку разыскать следы архива пресловутого «Фонда немецкой промышленности имени Адольфа Гитлера», ему было сообщено, что он также исчез в Берлине весной 1945 года...

Разумеется, многое могут рассказать архивы крупных фирм. Историки Германской Демократической Республики внесли огромный вклад в раскрытие сущности нацизма, внимательно изучив архивы «Дейче банк», концернов «Цейсс», «Мансфельд» и других, документация которых осталась на нынешней территории ГДР. Но архивы многих фирм остались там, где их сегодняшние хозяева меньше всего заинтересованы в подобном анализе. Судебные процессы, проведенные после окончания заседаний Нюрнбергского международного трибунала властями США против «ИГ Фарбен» и некоторых других концернов, лишь приоткрыли завесу, скрывающую «тайную тайных» нацистского режима, а именно: тесную взаимосвязь делового мира с коричневой диктатурой. Американский исследователь этой проблемы Генри Э. Тернер довольно точно определил причины подобной секретности. В своей книге «Фашизм и капитализм в Германии» он писал: «Если верно широко распространенное мнение о том, что фашизм является продуктом капитализма, то подобную систему невозможно защитить». Из этой формулы легко сделать логический вывод: тот, кто хочет защитить капитализм, должен отрицать его связь с фашизмом.

Дискуссия о социальных корнях нацизма и причинах развязанной им второй мировой войны меньше всего может считаться «академической». По сегодняшний день общественность Запада стоит перед необходимостью (как часто ее отрицают мои западные коллеги!) проникнуть в механизм взаимоотношений между «базисом и надстройкой», между скрытым от глаз людей миром финансово-промышленного капитала и действующими на поверхности политическими партиями. Гитлера давно нет на свете, имена Муссолини, Хорти и Антонеску забываются, но живы их вдохновители.

В первые послевоенные годы было сделано немало, чтобы вскрыть этот механизм. Появились публикации документов, материалы процессов. Ученые-марксисты, опираясь на эти публикации, последовательно разоблачали роль промышленно-финансового капитала Германии и других стран в создании гитлеровского режима. Но уже в эти годы обозначилась другая линия. Первый толчок для движения по ней дал не кто иной, как «главный банкир» Гитлера Яльмар Шахт, оказавшийся на свободе и выступивший с откровенной реабилитацией своих коллег. Нет, не они давали Гитлеру деньги, а если и давали, то чуть ли не под дулами ружей. По словам

Шахта, вообще не было людей, столь чуждых нацистской диктатуре, как хозяева крупнейших фирм и банков тогдашней Германии...

Так началась одна из крупнейших идеологических операций антикоммунистов второй половины XX века, поставивших себе целью спасение репутации своих единомышленников и предшественников.

«Гитлеровские волны»

«Что я слышал об Адольфе Гитлере» — так называлась тема сочинения, которое было задано 3042 школьникам Федеративной Республики Германии из 120 старших классов. Инициатива проведения такого опроса принадлежала фленсбургскому учителю Дитеру Боссману: он на свой страх и риск списался с учителями истории вышеупомянутых 120 школ и предложил им провести подобный необычный эксперимент.

Что натолкнуло Боссмана на эту идею? Его обеспокоили многие факты западногерманской жизни, а именно: появление в прессе ФРГ потока сочинений о Гитлере, беспрепятственная продажа пластинок с речами главарей третьего рейха и, что было для Боссмана наиболее тревожным, успех подобных «произведений» у молодежи. Так, он прочитал результаты одного опроса молодежи в Баварии: 48% участников заявили, что они «ничего не имеют против диктатора, лишь бы он был способным человеком». Тогда Боссман и решил, что надо серьезно исследовать проблему отношения молодежи к нацизму. Он намеренно сформулировал вопросы так, чтобы авторы ответили, откуда у них те или иные сведения о нацизме, и помогли выяснить, где же находятся источники информации, на основе которой формируется мнение школьников. Кстати, эту сторону проблемы затронула в своей рецензии одна фленсбургская газета, которая после проведения эксперимента писала: «Цитаты из сочинений дают представление о такой исторической безграмотности, какой можно только стыдиться. Но было бы неправильным винить в ней школьников...»

Каковы же были результаты? Они опубликованы в трехсотстраничной книге, изданной Боссманом в конце 1977 года. Приведем лишь некоторые фразы из этой книги:

«Я слышал, что Гитлер был большим человеком, и он мне нравится».

Ученик профучилища Гюнтер, 17 лет[1].

---

[1] Чтобы побудить авторов сочинений к откровенности, Боссман просил подписываться именем, не указывая фамилии.

«Гитлер был умным человеком, но кое в чем он был не прав».

Ученик реального училища Рейнхард, 17 лет.

«Если бы сейчас управлял Гитлер, то не было бы преступности».

Ученик реального училища Макс, 17 лет.

«Война была выгодна для нашего ремесла, она дала нам много пациентов».

Ученик ортопедического училища Олаф, 17 лет.

«Единственное хорошее дело, которое сделал Гитлер, — это уничтожение всех коммунистов».

Ученик профессионального училища Йорг, 16 лет.

«Говорят, что Гитлер был подлецом, что он довел Германию до опустошения... Но разве он не добился многого? Разве он не был хорошим полководцем? Разве его тогда не хвалили?»

Ученик реального училища Вольфганг, 14 лет.

«Самым удивительным в феномене третьего рейха для меня является то, что все начиналось весьма невинно и никто якобы не знал, куда Гитлер заведет Германию. К сожалению, и сегодня наблюдается определенный «сдвиг вправо», а именно: население начинает мечтать о «сильном человеке»... Сегодняшнее положение в ФРГ таково, что мы совсем не далеки от времен третьего рейха».

Ученик реального училища Вальтер, 20 лет.

«Хочу сказать, что миф о Гитлере так и не развеян».

Ученик реального училища Курт, 17 лет.

Цитирование можно было бы продолжать. Но не хочется! Хотя изредка и встречаются разумные суждения (например, слова 20-летнего Вальтера или 17-летнего Курта), общая тональность, однако, совершенно определенна. Действительно, можно ли в той «исторической безграмотности», о которой говорила фленсбургская газета, винить только самих авторов сочинений?

Каждый, кто знаком с настроениями, царящими в Федеративной республике, знает, как глубоки корни подобных настроений, распространенных в довольно широких кругах ее населения, в том круге, который либо еще живет во власти нацистской инерции, либо в угаре господствующего в ФРГ антикоммунизма не видит другого выхода, кроме того, который подсказывает нацистское прошлое.

В самом деле: сказано ли в ФРГ достаточно весомое слово и доведено ли оно до сознания широких масс — слово, которое помогло бы понять преступный смысл нацизма как социально-политического явления? Помогают ли людям разобраться в истоках той кровавой диктатуры, которая была

создана в Германии в 30-х годах по воле монополистической буржуазии? Для отрицательного ответа есть все основания. Оговорюсь с самого начала: в этом отрицательном ответе нет никакого предубеждения, в котором нас часто упрекают некоторые западные политики и пропагандисты. Мы не собираемся отождествлять Германию 1933—1945 годов с сегодняшней ФРГ. С большим удовлетворением мы отмечаем все позитивные сдвиги в политической и общественной жизни Федеративной республики, которые выводят ее из «дьявольского круга», замыкавшегося на военных приготовлениях и войнах. Иначе не было бы исторического Московского договора 1970 года, благодаря которому отношения между нашими странами опираются на мирное сосуществование и совместные усилия во имя укрепления европейского мира.

Но именно эта база требует от всех, кто был свидетелем чудовищных злодеяний нацизма и трагических событий военного времени, не только бдительности, но и повышенной реакции на всякие попытки «причесать» прошлое и увести нынешнее поколение от понимания глубоких социальных корней нацизма. И только в сторону от подобного понимания уводят пресловутые «гитлеровские волны», которые то и дело прокатываются по ФРГ, да и по некоторым иным странам Западной Европы.

Первая из таких волн прокатилась в начале 50-х годов и совпала с разгаром «холодной войны»; в этом была своя логика. Если организаторы этой войны хотели мобилизовать все антикоммунистические силы на борьбу с социалистическим лагерем, то они могли с восторгом схватиться за руку помощи, которую им протягивали оставшиеся в живых генералы гитлеровского вермахта и пропагандисты третьего рейха.

Как по сигналу, на свет появились многочисленные сочинения деятелей третьего рейха, в которых всячески прикрашивалась нацистская эпоха, и в первую очередь ее главарь. Общественности ФРГ были преподнесены многочисленные пропагандистские варианты, призванные сбить с толку тех, кто пытался честно разобраться в недавнем прошлом. В одном из них Гитлер объявлялся неким «демоническим явлением», которому нет и не может быть рационального объяснения; в другом — он изображался психопатом и безумцем, мешавшим разумным генералам вести войну по классическим канонам германского генштаба, в третьем — производилась попытка возбудить к Гитлеру некое чувство жалости, как к человеку, пожертвовавшему своей жизнью во имя высших идеалов. И т. д. и т. п. ...

Сегодня мы видим бесспорный вред, причиненный сочинениями подобного толка: они явно хотели доказать алиби главарей третьего рейха и военного преступника номер

один. Бесспорно, однако, и другое: попытки реабилитировать нацизм вызвали резкий отпор со стороны антифашистских сил. Центром этих сил стали коммунисты во всех странах мира. Соединенными усилиями удалось привлечь внимание мировой общественности к опасной попытке реанимации нацистских настроений.

Так была сбита «первая волна». Сбита, но не ликвидирована. Она, если продолжить сравнение, превратилась в «мертвую зыбь» на весьма определенном, локализованном участке общественной жизни. Неонацистские авторы, несмотря на искреннее возмущение антифашистов и деланное возмущение власть имущих, продолжали копаться в биографии Гитлера и иже с ним, в подробностях дворцовых интриг коричневой клики. Время от времени «большая пропаганда» делала займы у «гитлероведов» — преимущественно тогда, когда это нужно было для очередного раунда антисоветской клеветы. Но до поры до времени для этой пропаганды Гитлер был фигурой неуместной, мешающей маскироваться в демократические одеяния.

Обстановка возникновения «второй гитлеровской волны» была иной. К началу 70-х годов ФРГ и Западную Европу отделяла от войны и нацизма значительная дистанция. Появилось новое поколение, не имевшее ни малейшего представления о Гитлере и гитлеризме. Что же касается старшего поколения ФРГ, считавшего себя к тому времени носителем «свободолюбиво-демократического порядка», то оно испытывало определенную потребность снова обратиться к Гитлеру. Смысл этой социально-психологической потребности мои западногерманские коллеги определяли примерно так: значительные слои верхушки ФРГ, которая стала одной из ведущих стран капиталистического мира, ощущали необходимость избавиться от некоего «комплекса неполноценности», возникшего после краха нацизма. И так как вычеркнуть Гитлера из прошлого невозможно, то надо было дать ему «новую трактовку».

И вот появилась на свет эта новая трактовка. Она была изложена на страницах огромного тома, принадлежавшего перу консервативного гамбургского публициста и историка Иоахима Феста. Я знал Феста: он давно занимался историей третьего рейха и выпустил в 60-х годах любопытную книгу «Лики третьего рейха» — портреты главарей нацистского государства. Его позиция по отношению к нацизму была по тем временам довольно критической, и это создало Фесту неплохую репутацию в прогрессивных кругах ФРГ. Поэтому и первоначальное отношение к 1000-страничной биографической книге, озаглавленной «Адольф Гитлер», было позитивным. Но когда критика глубже разобралась в смысле новой работы Феста, вокруг нее закипели страсти.

Перед удивленным читателем предстал не главный военный преступник, не циничный, жестокий политик, не беззастенчивый демагог. Нет. По идее Феста, Гитлер был логической и даже оправданной реакцией на... Ноябрьскую революцию 1918 года в Германии и Октябрьскую революцию 1917 года. Немецкий народ, мол, обуял страх, и Гитлер «выразил это беспокойство, распространившееся как в гражданских, так и в военных сферах, обобщил его и придал ему ударную силу». Гитлер «явился синтетическим продуктом всех страхов, пессимистических и защитных реакций... Он не был фюрером, он был их выразителем».

Таково одно из откровений Феста. Полемическая подоплека его труда была отнюдь не «исторической». В тот самый момент, когда апологеты НАТО в тысячный раз стращали Западную Европу «советской опасностью», когда объединенные силы империалистической реакции тщились сорвать Хельсинки и не дать народам 35 стран Европы, США и Канады сформулировать политические итоги второй мировой войны, — именно в этот момент г-н Фест объявлял Гитлера «продуктом страха» и внушал западногерманскому обывателю спасительную мысль о том, что во всех бедах виноваты революции в России и Германии...

Но на этом клевета на революцию не кончалась. Фест зачислял в революционеры... самого Гитлера. Прием этот был не нов: ведь свой приход к власти сами нацисты высокопарно именовали «национальной революцией» (что им милостиво прощали Крупп, Тиссен и прочие владыки империалистического мира). Фест пытался обновить старый прием: хотя «Гитлер презирал революцию, он в действительности представлял собой немецкое проявление революции». Какое простое (и желанное для реакционеров всех мастей) средство оболгать не только революцию вообще, но и глубокие революционные традиции германской истории! Ведь если Гитлер — «немецкое проявление революции», то где же место всем великим революционерам — от Томаса Мюнцера до Карла Либкнехта? Кроме того, псевдоисторическая гримировка Гитлера под революционера была весьма желанна в середине 70-х годов XX века, когда под маоистскую диктовку в революционные костюмы облеклись «ультралеваки», террористы, анархисты и провокаторы. Но самой главной целью Феста было изображение Гитлера как главной причины появления и деятельности нацизма. Фашизм, утверждал Фест, «представляет собой систему, объяснить которую может только одно: чудовищная воля и активность Гитлера».

Произведение Феста сразу стало «бестселлером» — не без вложения в это крупных финансовых средств. Если обычно такие толстые тома печатались тиражом в 10—20 тысяч экземпляров, то сочинение Феста получило 100-тысячные

тиражи. «Гитлер снова стал предметом гешефта», — констатировала газета «Вельт», главный орган воинствующей реакции. Одна за другой стали появляться «новые биографии» Гитлера, сборники его речей, писем и даже личных записок. Пример этот заразил другие страны: осенью 1972 года на американском книжном рынке появилось 19 книг о Гитлере. В Англии, Дании, Швеции и Италии были выпущены новые издания «Майн кампф».

«Гитлероведение» стало в 70-е годы столь модным и обширным, что летом 1978 года в баварском городке Ашаффенбурге состоялся слет авторов подобного рода биографий и трактатов. Среди них были историки и публицисты из ФРГ, Англии, Швеции и других стран. Не представлено было лишь подлинно научное, марксистское понимание истории. Молодым марксистам, юношам и девушкам из местной организации Германской коммунистической партии, было разрешено стоять со своими плакатами лишь у входа в зал. Разумеется, их напоминание о связи Гитлера с германским капиталом было поспешно отвергнуто. Участники дискуссии занялись иным — они погрузились в трясину мелких фактов из биографии фюрера (последнее критиковал даже один из английских гостей, профессор Стерн).

Почему подобная «персонализация» истории фашизма получила такое развитие в Западной Германии? Разбором этого важного вопроса занялся один из видных представителей марксистского направления в западногерманской историографии, молодой историк из Марбургского университета профессор Рейнхард Кюнль. В 1979 году вышла его книга «Теории фашизма», в которой подвергнуты уничтожающей критике сочинения, подобные книге Феста, и обращено внимание на специфические обстоятельства, объяснявшие столь быстрое и широкое распространение «фестовских» идей.

Первое из них Кюнль по праву видит в глубоких традициях прусско-юнкерского немецкого государства. Гитлер был далеко не первым идолом, которого в качестве предмета поклонения навязали немецкому народу. От прусского короля Фридриха и обоих Вильгельмов «второго рейха» до Гитлера тянется логическая линия воспитания «верноподданных».

Но к этой общей линии прибавлялись и дополнительные черты. После 1945 года западногерманская буржуазия пыталась скрыть свое соучастие в злодеяниях нацизма. Именно для этой цели как нельзя лучше годилась «персонализация» фашистской системы. Если во всем был виноват фюрер, а другие лишь выполняли его приказы, то зачем винить других? Далее: если в 1945 году фюрера не стало, то исчез навеки и нацизм. Как утверждал один из приверженцев этой интерпретации фашизма Эрнст Нольте, эпоха фашизма кончилась со смертью его «центральных фигур», и она никогда не пов-

торится. Следовательно, зачем бороться против несуществующей опасности?

Кюнль заключал: «Эти теории («персонализации». — **Л. Б.**) не дают ответа ни на один существенный вопрос. Как получилось, что фашистские движения возникли после 1918 года почти во всех капиталистических государствах? Почему определенные социальные слои оказались особенно благодатной почвой для фашизма? Почему фашизм служил определенным социальным интересам? Конкретно: почему руководители крупнейших промышленных и финансовых монополий при нацизме стали хозяевами положения, а руководители рабочего движения очутились в тюрьмах и концлагерях? Кстати, так произошло не только в Германии после 1933 года, но и в Италии после 1922-го, в Испании — после 1939-го, в Чили — после 1973 года». Вопросы вполне оправданные. Можно понять, почему правящим классам ФРГ и других западных стран совсем не хочется, чтобы ответы на них стали достоянием широких масс.

Одной из характерных особенностей нынешней «гитлеровской волны» как раз и является стремление обойти проблему социальной обусловленности фашизма. Выдвигаются десятки объяснений — психологических, биологических, политических, но меньше всего говорится о социальной системе, породившей фашизм. В той же книге Феста проблеме связи Гитлера с монополиями было посвящено буквально несколько абзацев. Для Феста эта связь является продуктом «политической мифологии». Все фактические данные марксистской историографии он отметает заранее как «тенденциозные». Лишь на 1086-й странице книги (где-то среди примечаний) Фест скрепя сердце признает: «Можно сказать следующее: хотя промышленники и не привели Гитлера к власти, но ему было бы трудно достичь этого вопреки их воле...»

Другой видный исследователь, идеолог западногерманского либерализма профессор Ральф Дарендорф был готов идти немного дальше. «Союз между крупными промышленниками и ведущими нацистами безусловно существовал», — констатировал он в книге «Общество и демократия в Германии». Однако Дарендорф сразу оговаривается: мол, сговора между нацистами и промышленниками не существовало, просто отдельные предприниматели хотели «перестраховаться» на случай прихода Гитлера к власти...

Некоторые «толкователи» фашизма идут дальше. Так, профессор Вильгельм Тройе загодя объявляет недостоверными все документы о финансировании Гитлера немецкими монополистами. А западногерманский социолог Герт Шефер задает риторический вопрос:

— Является ли фашизм капитализмом?

И выдвигает новую теорию: фашизм — самостоятельная формация, последовавшая за капитализмом и заменившая частную собственность некой «прямой эксплуатацией». Следовательно, предприниматели — такая же жертва Гитлера, как и рабочие...

Иногда нет необходимости искать союзников, они приходят сами. Марксистская историография, вскрывающая глубинную связь между нацизмом и промышленно-финансовым капиталом, не претендует на монополию в этой области. Наоборот: развитие исследовательской мысли ведет к тому, что стоящие далеко от марксизма, но изучающие объективно существующие факты ученые Запада делают те же выводы. Вот пример: осенью 1978 года на конгрессе историков ФРГ в Гамбурге невероятный шум вызвало выступление профессора д-ра Фрица Фишера — «Нестора» западногерманской историографии, сделавшего эпоху своим анализом экспансионистской программы кайзеровской Германии. В начале 60-х годов Фишер опубликовал труд «Рывок к мировому господству», в котором показал глубокие корни германской империалистической политики. Теперь Фишер занялся исследованием взаимоотношения экспансионистских программ — от кайзера Вильгельма до Гитлера — и пришел к выводу: Гитлер не был «случайностью», его программа являлась логическим продолжением курса господствующих кругов Германии.

Шум поднялся невероятный: как, Фишер идет на поводу у марксистов! Но убеленный сединами профессор не дал себя запугать. Он выпустил свой доклад отдельной книгой, озаглавив ее: «Сговор элит. К вопросу о преемственности господствующих структур в Германии с 1871 по 1945 год». Это, несколько сложное для неподготовленного читателя, заглавие открывало весьма логичный ход размышлений, доступных и понятных для каждого. Фишер констатировал: то, о чем говорил Адольф Гитлер и к чему он призывал, вовсе не было специфически нацистским изобретением. Например, лозунг «объединения всех немцев в Европе под единой крышей» провозгласил еще в 1925 году министр иностранных дел Штреземан — отнюдь не нацист. О создании «Великой германской империи» и ревизии восточных границ, о «завоевании новых земель, нового пространства» торжественно объявлял в 1932 году не какой-либо коричневый прощелыга, а барон фон Фрейтаг-Лорингхофен, депутат рейхстага от респектабельной «немецко-национальной народной партии»...

«Гитлер, — продолжал Фишер, — не смог бы прийти к власти и развязать войну, если бы не получил поддержки. Третий рейх и вторая мировая война не были бы возможны, если бы не состоялся сговор между вышедшим из мелкой буржуазии фюрером и традиционными аграрными и промышлен-

ными кликами, которые одновременно заправляли в вермахте и дипломатии...» И наконец, решающую роль в поддержке нацизма «сыграли промышленные и финансовые группы».

Самое наглядное подтверждение слов Фишера дает время становления нацизма в Германии.

О мюнхенских пивных и их посетителях

Кто-то заметил, что историю немецкого национал-социализма можно писать по справочнику мюнхенских пивных: нацистская партия была основана в пивной «Штернекерброй», собиралась в «Бюргерброй», основные митинги проводила в «Хофброй» и т. д. и т. п. Но не надо бросать тень на мюнхенские пивные. Они, конечно, ни при чем, хотя нацисты в них и собирались.

В Мюнхене (как, впрочем, и в других немецких городах в конце XIX — начале XX века) пивные играли определенную общественную роль. Сначала она была скромной: местные обыватели каждый вечер собирались за одним столом, играли в карты, пили пиво, обсуждали последние новости, обменивались сплетнями. Кроме того, почти в каждой пивной была отдельная «чистая комната», которую один-два раза в месяц арендовал певческий кружок или общество охотников. При любви немецкого обывателя к всевозможным «объединениям», их хватало почти на все пивные.

Когда же в городах, особенно таких крупных, как Берлин, Лейпциг или Мюнхен, все ощутимее становилась индустриализация, к услугам пивных стали обращаться и первые рабочие союзы — другого места для собраний у них не было. Без особой охоты хозяева пивных стали сдавать свои «чистые комнаты» первым профсоюзным, а затем социал-демократическим объединениям. За многими пивными вскоре укрепилась соответствующая политическая репутация, и молодой рабочий, ища вечером своих единомышленников, уже знал, куда ему пойти...

В разных частях тогдашней Германии эта традиция развивалась по-разному. Бавария — с ее превосходным пивом и полукрестьянским характером городского населения — была, безусловно, на первом месте. В пивных кипели политические страсти, рождались и распадались партии, гремели речи и раздавались аплодисменты. Некоторые мюнхенские пивные могли вместить несколько тысяч человек. Так, в самом центре старого Мюнхена, на Платцль («Площаденке») с давних пор стоял «Хофбройхауз» — «Придворный пивной дом».

Он так вписался в историю города, что в одной из народных песен так и говорилось: Мюнхену не погибнуть —

Пока наш «Хофбройхауз»
На площади стоит...

На первом этаже «Хофбройхауза» — огромные сводчатые залы с длинными дубовыми столами, каждый человек на 50—70, на втором — залы поменьше «для чистой публики», а еще выше — огромный зал с хорами, предназначенный для больших собраний. Пиво здесь издавна было отменное, его варили на находящемся рядом придворном пивоваренном заводе. И днем и вечером залы были полны. С непостижимой ловкостью официантки разносили без всяких подносов по 10—15 кружек за один раз (заметим, что здесь пили только из литровых глиняных кружек!).

Такие же «пивные дома» были в других районах Мюнхена — «Бюргербройхауз» на Дахауэрштрассе, «Лёвенброй» — недалеко от вокзала, «Маттезер» — около площади Штахус. Каждый из них вмещал по нескольку тысяч человек одновременно, и любая политическая партия тех времен (да и сейчас!) считала для себя самым выгодным снять для очередного митинга или собрания зал в таком «пивном доме».

Однако собрание, сыгравшее немалую роль в развитии политических событий нашего века, состоялось не в таком огромном доме, и даже не в большом зале. Вечером 12 сентября 1919 года в плохо освещенной задней комнате обшарпанной, старой пивной «Штернекерброй», что на улице Ам Таль, сидело всего-навсего 46 человек. Каждый из них оставил свой автограф в списке участников. Вошедший последним написал неровным почерком: «Адольф Гитлер, ефрейтор».

...Западные пропагандисты часто упрекают приверженцев марксистского мировоззрения, что они якобы не умеют обращаться с историческими личностями. Так, гамбургский журнал «Шпигель» писал: «Левые теоретики не знают, что им делать с личностью Гитлера». Откуда такая непререкаемость в обвинениях? Конечно, в первую очередь, из-за явного недовольства всеми, кто не хочет считать Гитлера «центральной фигурой» или «двигательным центром мира» (последняя формулировка принадлежит тому же И. Фесту). Во-вторых, потому, что марксисты в изучении и понимании истории считают главным не бесчисленное описание тех или иных биографических подробностей, а раскрытие роли социально-политических сил. Какой смысл тратить усилия на то, чтобы установить все ветви и ответвления родословного древа семьи таможенного инспектора из австрийского городка Браунау? Гораздо важнее на примере фюрера немецкого национал-социализма установить: из какой среды, каким путем, при каких условиях появляются люди, которые становятся

«центральными фигурами» международного империализма. Следует помнить, что в Германии 20-х годов нашего века такого человека искали с особым усердием.

...Небывалые, никогда невиданные потрясения переживала страна, которая до того слыла в Европе образцом спокойствия, порядка и строжайшей государственной дисциплины.

Германия — империя кайзеров Вильгельма I и II, объединившая «кровью и железом» разрозненные королевства и княжества под штандартом прусских королей.

Германия — незыблемая монархия, связанная теснейшими родственными узами со всеми европейскими дворами и поставлявшая принцесс наичистейшей голубой крови во все концы света.

Германия, согласно известному изречению, — «не государство, имевшее армию, а армия, имевшая государство».

Германия — мощная индустриальная страна, на сотнях заводах и фабриках которой работали миллионы немцев, трудолюбие и прилежность которых восхвалялись во всех хрестоматиях.

Германия — страна, в которой из поколения в поколение передавались незыблемые традиции послушания, семейной дисциплины; в которой для женщины высшим идеалом были знаменитые «три К» — Kinder, Küche, Kirche (дети, кухня, церковь).

Но недаром еще Генрих Гейне заметил, что самое распространенное представление о стране одновременно является самым ошибочным. На пороге 20-х годов Германия явила собой прекрасный тому пример.

Германская империя развалилась.

Германская армия понесла поражение и распалась.

Германский рабочий класс поднялся на баррикады Ноябрьской революции 1918 года.

Германское мещанство оказалось перед разбитым корытом своих многовековых традиций.

Да и германская крупная буржуазия еще толком не знала, как ей действовать дальше. Делать ставку только на офицерские полки было рискованно — неудача пресловутого «путча Каппа», пытавшегося в 1921 году установить белую диктатуру в Берлине, явилась выразительным тому подтверждением. Положиться на социал-демократических лидеров, настойчиво предлагавших свои услуги в качестве «наилучших монархистов без монархии»? Им не доверяли. Отдать все в руки англо-французских хозяев Версальской системы? Этого не допускали не только националистические традиции, но и понимание того, что английский и французский конкуренты закроют перед немецкой промышленностью мировые рынки. Воспользоваться бескорыстной поддержкой молодой Совет-

ской республики, не являвшейся участником кабального Версальского договора и предлагавшей взаимовыгодное экономическое сотрудничество? Такая перспектива в конторах рурских фирм вызывала интерес, но, с другой стороны, как можно было думать о сделках со страшными русскими большевиками, о которых ежедневно газеты сообщали такие ужасы?

Было от чего прийти в отчаяние! И хотя первые волны революционного напора уже улеглись, вопрос о том, как удержать власть, оставался исключительно актуальным. Об этом думали деятели только что провозглашенной буржуазной Германской республики. Думали об этом и руководители рейхсвера — вооруженных сил республики. Армия тогда делала большую политику. Делал, к примеру, большую политику штаб IV военного округа генерал-лейтенанта фон Лоссова в Мюнхене. Только недавно войска округа, состоявшие в основном из офицерских добровольческих полков, потопили в крови Баварскую Советскую Республику. Безжалостно были расстреляны солдаты Баварской Красной Армии, возглавлявшиеся моряком Рудольфом Эглыхофером. Были созданы специальные следственные комиссии, которые выискивали всех, кто поддерживал революцию. В одной из таких комиссий подвизался добровольцем никому тогда неизвестный ефрейтор 2-го запасного полка Адольф Гитлер. В июне 1919 года он был внесен в список тайных агентов штаба округа — точнее, специального отдела, которым командовал капитан Карл Майр.

Задача этого отдела была совсем не военной. Он должен был, во-первых, следить за всеми рецидивами «большевистской заразы» в войсках и проводить специальные «курсы для перевоспитания» военных кадров, во-вторых, наблюдать за мюнхенскими политическими партиями (их было около 50!), за деятельностью городского управления — и опять-таки вскрывать все «сомнительные тенденции». Карл Майр, бюро которого расположилось в здании Баварского военного министерства на Шёнефельдерштрассе, стал практически руководителем политической контрразведки.

19 июля 1919 года Майр впервые воспользовался услугами своего агента — Гитлера. Из военного лагеря Лехфельд под Мюнхеном поступило тревожное сообщение о том, что среди солдат обнаружены «большевистские настроения». Туда был послан для «разъяснительной работы» новый агент, который обратил на себя внимание начальства усердием и ораторскими данными. Майр стал чаще привлекать ефрейтора на свои «курсы», а затем послал его в пивную «Штернекерброй». Зачем? Он хотел узнать, в какой мере пригодна для его тогдашних целей малоизвестная «Немецкая рабочая партия», возглавлявшаяся еще менее известным слесарем Антоном Дрекслером. О крупных партиях Майр знал много,

но в не меньшей степени ему было известно, что в бурных событиях 1918—1919 годов они безнадежно себя скомпрометировали. Название «рабочая» отнюдь не отпугивало Майра. Скорее наоборот: через такую партию путь к массовому воздействию был легче, чем, скажем, через какую-либо монархистскую!

Именно таков был один из важнейших выводов, к которому сами события подталкивали германскую буржуазию, ее политических и военных представителей. Потерянную опору уже нельзя было обрести, применяя старые методы, понятия и лозунги. Сейчас уже нельзя было рассчитывать на давний лозунг монархистов: «Король умер, да здравствует король!» Теперь для возрождения «короля» надо было прикидываться его противником, по меньшей мере не быть его приверженцем...

Кое у кого может вызвать удивление, с каким ожесточением Адольф Гитлер на первых стадиях своей политической карьеры отрицал принадлежность к тому классу, которому он служил. Историк Вернер Мазер раскопал письмо Гитлера от 29 ноября 1921 года, в котором тот впервые излагал свою биографию. В этом документе Гитлер, в частности, утверждал: «...так как я осиротел в 17 лет и остался без всякого состояния, а весь мой капитал при поездке в Вену составлял на круг 80 крон, то я был сразу вынужден зарабатывать себе на хлеб, как обычный рабочий. Не достигнув еще 18 лет, я пошел чернорабочим на стройку и в течение двух лет прошел все стадии обычного поденщика».

В этих словах верно указан только возраст. В действительности Гитлеры были респектабельной семьей в австрийском городке Браунау: они владели домом и изрядным состоянием. После смерти отца (таможенного инспектора) у матери Гитлера остались пенсия и деньги, позволившие отдать сына в интернат в город Линц. Оттуда он несколько раз ездил в Вену, пытаясь поступить в Академию изобразительных искусств. Вскоре, в 1907 году, мать умерла, и Гитлер переехал в Вену. Предварительно он получил для себя «сиротскую пенсию», хотя располагал, кроме того, ежемесячной пенсией, завещанной ему его теткой, и 7000 крон из материнского наследства. Мазер установил, что Гитлер получал ежемесячно 58 крон, а в те времена месячный оклад венского юриста составлял 70 крон, молодого учителя — 66 крон, почтового служащего — 60 крон.

Выдумкой являются и слова о «поденщике» и «чернорабочем», ютившемся в ночлежках. И если Гитлер действительно жил несколько дней в одной венской ночлежке, то только потому, что скрывался от призыва на военную службу. С этой целью он несколько раз менял место жительства, а затем уехал в Мюнхен. В Мюнхене Гитлер тоже жил безбедно, по-

лучая пенсию и торгуя своими рисунками. Это идиллическое времяпрепровождение закончилось в августе 1914 года: в день объявления войны он вдруг решил записаться в добровольцы — австрийский гражданин на баварской службе! Последовали фронтовые годы, завершившиеся в октябре 1918 года отравлением газом, после чего его отправили в тыловой госпиталь. Оттуда Гитлер перебрался в Мюнхен, в запасной полк, затем — в отдел капитана Майра, а через Майра — в «Немецкую рабочую партию», ставшую вскоре зловеще известной под названием «Национал-социалистской немецкой рабочей партии» (НСДАП).

Но каким же образом эта партия из задних комнат мюнхенских пивных вышла на авансцену тогдашней Германии? Чьи заботливые руки поддерживали эту политическую группировку, снабдили ее средствами и провели по сложному фарватеру политической борьбы?

Поездка в Кёльн

3 января 1933 года в баварской резиденции Адольфа Гитлера паковали чемоданы. Фюрер нацистской партии собирался на север, в город Детмольд, где предстояло очередное предвыборное собрание. Однако на мюнхенском вокзале свита будущего рейхсканцлера была озадачена: Гитлер сел в поезд, идущий не на Брауншвейг — Детмольд, а на Кёльн. Ночь прошла в догадках. Наутро вся компания вышла из поезда — но опять-таки не в Кёльне, а в Бонне. Здесь непосвященных ожидал новый сюрприз: около вокзала стоял прикативший из Мюнхена «мерседес» Гитлера. За рулем сидел личный шофер фюрера Кемпка.

Из Бонна кортеж направился в Кёльн — по первой в Германии автостраде с односторонним движением, построенной еще в 1928 году кёльнским обербургомистром Конрадом Аденауэром. Не доезжая трех километров до Кёльна, Гитлер приказал сопровождающим его остановиться. Здесь уже стояла другая автомашина, в которую он пересел один.

Свита несколько часов мерзла под мокрым снегом и дождем, ожидая своего патрона. Лишь значительно позже приближенные лица узнали: машина, привезшая Гитлера, принадлежала кёльнскому банкиру барону Курту фон Шредеру. Именно у него на вилле Гитлер провел первую половину дня. Провел не один. Сюда же (не на своей машине, а на такси) прибыл друг Шредера Франц фон Папен, до недавнего времени рейхсканцлер Германии.

Встреча, состоявшаяся 4 января 1933 года, стала сейчас достоянием учебников истории: именно здесь была заключена сделка между Гитлером, Папеном и Шредером, позволив-

шая нацистам через несколько недель беспрепятственно прийти к власти. То обстоятельство, что 4 января Гитлер был вынужден действовать по всем правилам плохого детективного романа, лишь подчеркивало всю значимость кёльнской встречи, которую ее участники хотели скрыть во что бы то ни стало — как от современников, так и от потомков.

Факт остается фактом: устами банкира фон Шредера деловой мир тогдашней Германии дал Гитлеру «добро» на приход к власти. При этом роль Шредера, понятно, отнюдь не ограничилась предоставлением своей автомашины и виллы. Его подпись в числе других стояла под петицией, которую еще 19 ноября 1932 года вручили президенту Гинденбургу крупнейшие немецкие предприниматели и банкиры. В петиции содержалось требование передачи власти Гитлеру, а подписали ее подлинные хозяева страны. Как подсчитано, они представляли собой акционерный капитал, равный более 1,5 миллиарда марок из общего капитала всех акционерных немецких обществ в 2,2 миллиарда!

Сейчас кое-кто пытается утверждать, что Курт фон Шредер не играл в те времена значительной роли. Эту версию опроверг сам барон, который в 1945 году показал на следствии, что перед встречей 4 января он заранее провел беседы с «рядом представителей промышленности». «Общее стремление деятелей промышленности, — такое впечатление из этих бесед вынес Шредер, — состояло в том, что в Германии должен прийти к власти сильный руководитель, который сформирует правительство, способное долго оставаться у власти».

Кто же такой Курт фон Шредер? Как и у многих деятелей будущего коричневого режима, у него в прошлом была не только деловая, но и военная карьера. Во время первой мировой войны Шредер был начальником штаба полка, а затем — капитаном в «большом генеральном штабе». Когда война закончилась, он удачно женился на дочери владельца известного кёльнского банка «Штайн». Уже в это время Курт фон Шредер проявил интерес к политическим авантюрам. Так, в 1918 году он принял участие в попытке отделить Рейнскую провинцию от Германии (его подпись стоит под соответствующим воззванием рядом с подписью обербургомистра Конрада Аденауэра и банкира Луи Хагена). Но ставка на сепаратистов занимала барона Шредера недолго: уже в 20-е годы он связался с нацистами.

Произошло это на вполне деловой почве: банк «Штайн» участвовал в финансовых операциях, связанных с двумя фирмами — «Штесс» и «Один-верке», совладельцем которых являлся будущий экономический советник Гитлера Вильгельм Кепплер (о нем мы еще расскажем). Список постов Шредера был немал: президент Кёльнской торгово-промышленной

палаты, член наблюдательных советов фирм «Фельтен и Гийом», «Митропа», «Рейнише цельволле», «Адлерверке», БРАБАГ, «Динамит — Нобель», «Миттельдейче штальверке», «Микст и Генест». В 1933 году Шредер официально вступил в НСДАП, в 1936 — в ряды СС, получив вскоре генеральский чин.

Но не следует забывать и другое: он принадлежал к широко разветвленной семье банкиров Шредеров, которые владели банками по всей Западной Европе и в США. Лишь после войны советским исследователем С. Н. Ростовским была разоблачена роль банка Шредеров как международного центра реакции и пособничества фашизму [1].

Займемся немецкой ветвью Шредеров. Они имели свою базу в Кёльне — банк «Штайн». Это был один из важнейших банков в Рейнской области, финансировавший Стальной трест — крупнейшую металлургическую монополию того времени. Без Стального треста не могли решаться судьбы войны и мира, ибо без него, Круппа, и немногих других невозможно было осуществить программу вооружения Германии. Другая линия шла от Шредера к химической монополии «ИГ Фарбениндустри»: сам барон Курт фон Шредер был зятем одного из основателей «ИГ Фарбен» Рихарда Шницлера.

Обнаруженная после войны и опубликованная историками ГДР переписка Шредера и Кепплера подтвердила, что встреча 1933 года готовилась долго и целью ее была непосредственная подготовка прихода нацизма к власти. Уже одного этого факта достаточно было бы для характеристики роли крупного капитала в нацистском перевороте. Но этот факт — не единичный, а лишь один в целой системе.

Вопрос о роли немецкой промышленности в судьбе нацизма включает в себя в первую очередь проблему финансирования нацистской партии фирмами — крупными, средними, мелкими. С самого начала следует оговорить, что это была далеко не единственная форма взаимодействия промышленности с нацизмом. Но из нацистской песни нельзя выкинуть и этих слов. Точнее — звона монет.

Тот, кто знаком с деятельностью буржуазно-парламентской демократии, знает, что она невозможна без финансового обеспечения. Выборы требуют колоссальных средств; партии редко существуют только на членские взносы, а партии, рвущиеся к власти, не могут победить без «доброхотных даяний» со стороны промышленников и банкиров.

Когда после войны одного из некоронованных королей германской промышленности Фридриха Флика (совладельца Стального треста) стали допрашивать о том, сколько он дал денег нацистам, многоопытный Флик допустил большую не-

---

[1] См. журнал «Новое время» №№ 8, 9, 1947.

осторожность. Стремясь доказать, что он, мол, по сравнению с финансированием других партий давал нацистам мало денег, Флик «покаялся» в таких ассигнованиях, отпущенных в 1932 году:[1]

Гинденбургу	95 000	марок
Брюнингу и другим партиям центра	150 000	»
Генералу Шлейхеру	120 000	»
Гугенбергу (немецко-национальная партия)	30 000	»
Папену	100 000	»
Социал-демократам и другим «левым» группам	100 000	»
Гитлеру	50 000	»

Если учесть, что цифра 50 000 марок для Гитлера была указана Фликом приблизительно, а в действительности она была выше (фликовский директор Штейнбринк назвал сумму в 80 000 марок), то возникает весьма определенная картина псевдодемократии, которая жила на средства Флика и ему подобных. В свою очередь, концерн «ИГ Фарбен» мобилизовал на выборы Гинденбурга 1 миллион марок, а выплаты концерна различным партиям (партии центра, немецкой народной партии, немецкой демократической партии) в этот период превысили 600 000 марок.

Заметим: эта картина не является исключительной. Помнится, летом 1976 года я сидел в кабинете одного из ведущих деятелей рурской промышленности. Разговор шел о самых разнообразных проблемах современности, в том числе и об отношениях между крупными фирмами и политическими партиями.

— Вы, очевидно, полагаете, — говорил мой собеседник, — что можете разграничить: эта, мол, фирма финансирует христианских демократов, та — свободных демократов, а третья — социал-демократов. На самом деле положение не так просто. Могу вам открыть секрет: в моем кабинете побывали представители всех парламентских партий, и все они получили свое...

Действительно, крупные концерны действуют осмотрительно. Они обеспечивают себе связи и влияние, не ориентируясь на победу какой-либо одной партии. Они мыслят «надпартийно» и хотят извлечь пользу из любой ситуации. Конечно, бывает и по-другому: так, в предвыборной кампании 1976 года баварский фабрикант средней руки Дитрих Банер вложил все свое состояние в финансирование одной (архиреакционной), так называемой «четвертой партии» — и проиграл. Зато крупные деятели никогда не проигрывают.

[1] В 1932 году в Германии проходили выборы в рейхстаг (в июле и ноябре) и выборы президента (в марте).

В любом случае остается бесспорным: в том мире, где все решают деньги, нацистская партия ни за что не смогла бы выжить, если бы не располагала значительными финансовыми средствами. И если промышленно-финансовые магнаты хвастали тем, что давали деньги «широкому кругу партий», то из этого круга никак нельзя вычеркнуть НСДАП.

С чего начиналось

Еще на заре своей деятельности нацистская партия получала значительную финансовую поддержку со стороны ряда фирм. В списке даятелей находились стальной магнат Тиссен (100 тысяч золотых марок в 1923 году), Эрнст фон Борзиг (владелец паровозостроительной фирмы), глава известной фирмы роялей Бехштейн, издатель Брукман и многие другие. Почему же они это делали?

Времена меняются, имена появляются и исчезают. Кому и что говорит сейчас — даже на Рейне — имя Гуго Стиннеса? А ведь лет 60 назад не было человека на Западе, который бы не знал этого угольного короля, владельца колоссального угольно-металлургического концерна. Перед ним дрожали министры, заискивали фабриканты; иностранные послы прислушивались к его мнению.

...Гуго Стиннес в тот день был достаточно откровенен, как, впрочем, мог себе позволить человек, не сомневающийся в своем праве говорить то, что думает. Тем более, что перед ним сидел человек, родственный ему во многих отношениях. М-р Хьютон, посол США в Германии, представлял страну, которая готовилась предоставить Германии колоссальные займы. Что же записал в свой дневник в один из сентябрьских дней 1923 года американский посол?

— Немецкий рабочий, — сказал Хьютону Стиннес, — должен работать больше и напряженнее. Однако я убежден, что он не захочет сделать это добровольно. Следовательно, его надо заставить. Именно поэтому надо найти диктатора и дать ему необходимую власть. Этот человек должен говорить понятным народу языком — и такой человек уже есть. В Баварии началось большое движение. Его поддерживают все правые партии и многие умеренные деятели, так как это движение в первую очередь направлено против коммунизма...

— Поддержат ли промышленники это движение? — спросил посол.

— Да, они это сделают, — ответил Гуго Стиннес и добавил: — Скоро безработица увеличится до 3—4 миллионов человек, и это заставит коммунистов перейти к активным действиям. В таком случае президент Германии назначит дикта-

тора, который покончит с парламентским режимом. С коммунистами безжалостно расправятся, и в Германии воцарится порядок. Тогда США смогут без опаски вкладывать капиталы в немецкую промышленность...[1]

Если учесть, что разговор между Стиннесом и Хьютоном состоялся в сентябре 1923 года, т. е. за 10 лет до прихода Гитлера к власти, то «рурскому королю» нельзя отказать в прозорливости. Он ошибся лишь в сроках: первый путч Гитлера, состоявшийся спустя 6 дней после беседы, не увенчался успехом. Гитлеру пришлось ждать еще 10 лет: президентом Германии, который призвал диктатора к власти, оказался не тогдашний глава государства Эберт, а Гинденбург. Тем не менее, «схема Стиннеса» оказалась долговременной. Ведь ее начертил человек, в руках которого и ему подобных находилась подлинная власть в стране.

Эти люди могли пренебречь и некоторыми условностями. Так, партия Гитлера называла себя «социалистской». Но Стиннес и иже с ним понимали демагогический смысл подобных деклараций. Несколько лет назад я имел случай беседовать в Мюнхене с престарелым Отто Штрассером — человеком, который начинал свою политическую карьеру вместе с Гитлером. Штрассер рассказывал о том, что в конце 20-х годов нацистская партия — а в то время она подчеркивала свою якобы «социалистическую» программу — рассылала своих видных деятелей по крупным фирмам для сбора денег. Один из рурских магнатов, приняв нацистского посланца из Мюнхена, спросил его:

— Скажите, а ваши штурмовые отряды защитят меня от толпы забастовщиков?

И получив утвердительный ответ, выписал чек на значительную сумму. Таких, по свидетельству Штрассера, было немало. Он же сообщил об одной беседе с Гитлером, в которой шла речь об антикапиталистических лозунгах, выдвигавшихся на первых порах нацистскими демагогами. Когда Штрассер спросил о подлинной цели этих лозунгов, тот ответил:

— Неужели вы полагаете, что я хочу уничтожения германской тяжелой промышленности?

Такого «злодеяния» не ожидали от Гитлера даже те капитаны немецкого промышленного мира, которые сначала скептически относились к нацистской партии и ее перспективам. Скепсис был понятен: в те годы основная ставка делалась на иных лошадок. Если взглянуть на состав пресловутого «Рурского ларька» — неофициального, но могущественного объединения двенадцати крупнейших предприятий Рура, то

[1] Этот в высшей степени показательный документ обнаружил известный американский исследователь Дж. Халльгартен.

среди членов этой организации симпатии делились по-разному. Фриц Тиссен открыто выступал за поддержку нацистов, Пауль Рейш (глава концерна «Гутехоффнунгхютте») считал их «отнюдь не желательными». Крупп, Феглер, Зильверберг принадлежали к «немецкой народной партии», Шпрингорум — к «немецко-национальной партии». Но когда речь зашла о знаменитой петиции в пользу Гитлера на имя Гинденбурга, то Феглер, Рейш и Шпрингорум сообщили в канцелярию президента, что, хотя они и не хотят выступать публично, но поддерживают петицию.

В споре о подлинном отношении немецких промышленников к гитлеризму значительное место занимают события, связанные с именем Эмиля Кирдорфа. Глава Рейнско-Вестфальского угольного синдиката, Кирдорф связал свою судьбу с нацизмом сравнительно рано. Его политические настроения были определенными: при кайзере он был активным членом «Пангерманского союза» и рьяно выступал с аннексионистскими требованиями. В веймарской Германии угольный магнат сначала делал ставку на генерала Людендорфа, затем на лидера немецких националистов Гугенберга. Однако в 1926 году случай свел его с Гитлером. С тех пор он стал активным пропагандистом идей нацизма — вплоть до нашумевшего решения, согласно которому все фирмы Рейнско-Вестфальского угольного синдиката стали отчислять в кассу НСДАП по 5 пфеннигов с каждой тонны добытого угля...

После войны было предпринято немало попыток смыть каинову печать с Кирдорфа и его коллег — рурских углепромышленников. Об одной из подобных попыток напомнил мне Курт Бахман — видный деятель Германской коммунистической партии, заслуженный ветеран антифашистского движения. В первые послевоенные годы Бахман был журналистом и хорошо помнит «боннскую сцену» 50-х годов. Именно в эти годы реабилитацией немецких монополий занялся человек по имени Август Хейнрихсбауэр, пользовавшийся совершенно определенной репутацией лоббиста крупных фирм. Кстати, именно ему Конрад Аденауэр поручил так обработать депутатов, чтобы они выбрали столицей ФРГ Бонн. Эта афера стала впоследствии предметом парламентского разбирательства. В третьем рейхе Хейнрихсбауэр занимался сходными делами, поэтому казалось чрезвычайно заманчивым сделать его автором книги о политических связях делового мира. Книга эта — «Тяжелая промышленность и политика» — вышла в 1947 году в Эссене и стала ныне библиографической редкостью. Она имеет гриф: «Доверительно, только для личной информации! Перепечатка воспрещается, так как книга не предназначена для дальнейшего распространения» [1].

[1] Эту книгу я разыскал в архиве бундестага ФРГ.

Действительно, книга не получила дальнейшего распространения по весьма любопытным причинам. А именно: пытаясь опровергнуть данные о «5-пфенниговом сборе», Хейнрихсбауэр выболтал больше, чем это хотелось бы инициаторам всей операции. Во-первых, автор подтвердил, что у рурских промышленников действительно существовал специальный фонд, в который фирмы отчисляли по 5 пфеннигов с тонны (по словам автора, не с тонны угля, а с тонны стали). Во-вторых, он признал, что с 1930 до 1933 года хозяева угольной промышленности выплатили НСДАП от 500 до 600 тысяч марок. В-третьих, Хейнрихсбауэр рассказал, что во время одной из встреч с Гитлером в 1927 году Кирдорф передал ему 100 тысяч марок. В-четвертых, он признал, что весной 1932 года гитлеровская партия получила от хозяев угольной промышленности 100 тысяч марок. Эти деньги были переданы Вальтеру Функу, который и раньше получал от предпринимателей по нескольку тысяч марок на издание своего «экономического бюллетеня». В-пятых, по его данным, сразу после прихода Гитлера к власти так называемое «Центральное бюро промышленности» внесло свою долю в предвыборный фонд немецкой индустрии, составивший 3 миллиона марок и пошедший на поддержку коалиции, возглавлявшейся нацистами. Наконец, излагая соображения руководителей рурской индустрии, автор прямо признавал, что они считали нацизм «меньшим злом» и что «если уж и нужно было править диктаторски, то пусть новая форма правления будет национал-социалистской». По простоте душевной Хейнрихсбауэр восклицал: «Понятно, что рейнско-вестфальская промышленность, от которой прямо или косвенно зависели столько людей и, следовательно, столько избирателей, не могла пройти мимо такой ситуации или игнорировать ее».

Из книги становился ясным и широкий размах «посреднической деятельности», которая была развернута для обеспечения связей между нацистами и монополиями. Существовал ряд специальных органов, через которые поддерживался контакт и перекачивались средства. Среди них особое место занимали «экономический бюллетень» Вальтера Функа и «кружок друзей» Вильгельма Кепплера.

Рассказем об одной из этих организаций.

Кепплер и его друзья

Это было в декабре 1931 года. Адольф Гитлер пригласил к себе своего экономического советника Вильгельма Кепплера и дал ему специальное задание: организовать кружок видных деятелей немецкой промышленности, которые должны

будут консультировать нацистскую партию по всем важным экономическим вопросам. Гитлер упомянул лишь двух человек, которых хотел бы видеть в составе этого кружка, — банкира Яльмара Шахта и промышленника Альберта Феглера. Все остальное должен был решить сам Кепплер.

Почему Гитлер выбрал именно Вильгельма Кепплера? Эта фигура из нацистского паноптикума поможет нам понять некоторые механизмы связей нацизма и монополий. Кепплер в свое время считался респектабельным деятелем немецкой промышленности: он обладал солидным техническим образованием и еще до первой мировой войны начал свою деловую карьеру на химических заводах фирмы «Штесс и К°». Первую мировую войну он провел в рядах кайзеровской армии, а затем вернулся в деловой мир, став совладельцем заводов «Один-верке», производивших желатин для фотопленки. Правда, в руках Кепплера было только 50 процентов акций предприятия. Другая половина находилась во владении всемирно известной американской фотофирмы «Истмен-кодак». Кепплер работал душа в душу с американскими совладельцами; в частности, именно по их предложению он в 1923 году призвал всех рабочих своего завода выйти из состава профсоюза.

Вскоре Кепплер вступил в ряды нацистской партии и стал ее активным деятелем, часто встречался с Гитлером и пользовался у него неплохой репутацией. Осенью 1931 года фюрер предложил ему стать своим экономическим советником. Кепплер принял предложение, продал свои акции и переселился в Мюнхен, в «Коричневый дом». Задание Гитлера Кепплер выполнил довольно быстро и организовал тот самый «кружок», который впоследствии сыграл зловещую роль в судьбах Германии.

«Кружок Кепплера» на первых порах был невелик — насчитывал немногим более 20 человек. Но один из хозяев промышленного мира Германии Фридрих Флик уже тогда сказал, что кружок является «зеркальным отражением всей немецкой экономики».

Что же показывало «зеркало» Вильгельма Кепплера? В первую очередь, в число участников входили банкиры. Мы не удивимся, если прочтем в списках имя барона Курта фон Шредера, который давно был знаком с Кепплером. Далее в «кружок Кепплера» вошел один из руководящих деятелей крупнейшего немецкого частного банка «Дрезднер банк» д-р Эмиль Майер. Фридрих Рейнхард представлял «Коммерцбанк» — второй по размерам в стране. Наконец, группу банкиров завершал рекомендованный Гитлером Яльмар Шахт, будущий директор Имперского банка.

Не менее весомой была группа промышленников. Ее возглавил Альберт Феглер — создатель и генеральный директор

Стального треста «Ферайнигте штальверке». В те годы это был крупнейший стальной концерн мира. Феглер являлся членом бесчисленного множества наблюдательных советов различных промышленных фирм, руководил Федерацией немецких металлургов и не чурался политической деятельности — еще в 1918 году на его деньги была создана пресловутая «Антибольшевистская лига». Не меньшим весом, чем Феглер, обладал Рудольф Бингель — глава крупнейшего электроконцерна «Сименс — Шуккерт». Химическую промышленность представлял генеральный директор компании «Винтерсхалль» Август Ростерг, человек с далеко идущими политическими претензиями. Он еще в 20-е годы поддерживал пресловутый план Рехберга — Гофмана, предусматривавший создание единой «европейской антисоветской армии». Эмиль Хельферих представлял транспортную компанию «Ллойд», а также немецко-американскую фирму «Эссо». Кепплер не забыл и о помещиках: их интересы защищал граф Готтфрид Бисмарк-Шёнхаузен, потомок «железного канцлера». В качестве управляющего делами Кепплер избрал своего родича Фрица Кранефуса — будущего генерала СС.

Летом 1932 года «кружок» начал свою работу: он был принят Гитлером в роскошном берлинском отеле «Кайзерхоф», служившем фюреру резиденцией в те дни, когда он приезжал из Мюнхена в столицу. В своей речи Гитлер был совершенно откровенен: он заявил, что стремится к ликвидации парламентской системы и созданию диктатуры. Шахт ответил от имени своих коллег благодарственной речью. Со своей стороны, промышленники высказали пожелания: расправиться с большевизмом, ликвидировать безработицу и обеспечить «взлет» экономики. В дальнейшем было решено рекомендовать для немецкой экономики «принцип фюрерства», т. е. неограниченного единоличного хозяйничанья предпринимателя на своем предприятии.

«Кружок Кепплера» занимался самыми различными вопросами. Во-первых, он регулярно обсуждал проблемы организации немецкой экономики под будущей эгидой Гитлера. Как вспоминал впоследствии Хельферих, в 1932 году «кружок работал очень активно». Его члены принимали непосредственное участие в ускорении прихода Гитлера к власти. «Кружок» был прямым организатором встречи Папена и Гитлера в Кёльне. Наконец, он принимал участие в сборе средств. Как впоследствии показывал в Нюрнберге имперский министр экономики Функ, в 1931—1932 годах нацистская партия получила от деятелей рурской промышленности примерно миллион марок.

Не только деньги

Можно согласиться с западногерманским исследователем профессором Генрихом Винклером, который пишет: «Финансирование НСДАП представляет собой лишь один аспект взаимоотношений промышленности и национал-социализма. Правое крыло немецкой индустрии внесло в дело разрушения первой немецкой республики... вклад, который весит не меньше, чем непосредственная помощь, оказанная нацистской партии некоторыми промышленниками».

Действительно, если какая-либо социальная группа могла оказывать решающее влияние на судьбы веймарской Германии, то это был финансово-промышленный мир страны. В его руках были реальные ключи к власти, и эти ключи были переданы нацистам.

...До определенного времени считалось, что Адольф Гитлер написал одну книгу — «Майн кампф». Это сочинение, появившееся в 1925 году, после того как Гитлер отбыл тюремное заключение в Ландсберге, по праву считается «библией нацизма». Но после войны было сделано любопытное открытие: оказывается, Гитлер написал еще две книги. Одна из них, посвященная проблемам внешней политики, осталась лежать в сейфе «Коричневого дома». Видимо, она была сочтена более слабой и по ряду обстоятельств не появилась на свет. Другую книгу обнаружил американский историк Генри Тэрнер. Она была «сотворена» в 1927 году по особому заказу. Тот же Эмиль Кирдорф обратился к Гитлеру с просьбой изложить свою программу для делового мира. Гитлер сразу понял важность этой задачи и принялся за работу. Так родилась на свет брошюра «Путь к возрождению». Ее издал давний поклонник Гитлера промышленник Брукман, — но не для широкой продажи, а для доверительного распространения в узком кругу деловых людей. Тэрнер нашел брошюру в архиве одного из рурских концернов.

Находка эта проливает дополнительный свет на взаимоотношения крупных промышленников с фюрером. До сих пор считалось, что их непосредственное знакомство состоялось лишь 27 января 1932 года, когда Тиссен пригласил Гитлера выступить в Дюссельдорфе перед рурскими дельцами. На этом основании многие пытались утверждать, что деловой мир не имел достаточно возможностей «заранее узнать» программу НСДАП. На самом деле таких возможностей было много. Так, уже в 1926 году Гитлер произнес речи перед промышленниками — в Эссене и Кенигсвинтере. Следовательно, его брошюра, написанная в 1927 году, лишь развивала определенную линию.

Третье сочинение Гитлера гораздо короче, чем «Майн кампф». Оно и понятно: автор знал, что его аудитория привыкла к деловым речам. Брошюра содержит довольно концентрированное и откровенное изложение целей гитлеризма. Ее автор отбрасывал в сторону «антикапиталистическую критику», которая была в те годы модной среди нацистских пропагандистов, и излагал широкую программу экономического развития Германии на базе укрепления существующей системы. Что касается других проблем, Гитлер обещал своим читателям прочный контакт НСДАП с немецкими вооруженными силами, что находилось в прямой связи с его теорией «жизненного пространства» (он называл ее «естественным империализмом») и расовой теорией. Гитлер издевался над идеями «примирения народов и вечного мира». Он не скрывал, что национал-социалистское движение не является парламентской партией и «стремится к установлению диктатуры». «Я верю в победу», — этими словами кончил Гитлер свое сочинение. Таким образом, когда в 1932 году фюрера пригласили в замок Тиссена, где с ним беседовали влиятельные члены «Рурского ларька», нацистская программа была прекрасно известна. Гитлер, Гесс и Рем не раз имели случай подробно совещаться с такими влиятельными лицами, как Тиссен, Пенсген и Феглер. Результаты этих встреч не замедлили сказаться.

Несколько лет назад на западногерманском книжном рынке появились мемуары экс-рейхсканцлера Генриха Брюнинга. Брюнинг был одной из важнейших фигур веймарского периода и возглавлял немецкое правительство с 1930 по 1932 год. Уже давно стало известным, что он написал мемуары, однако упорно отказывался печатать их при жизни. Догадывались, что в них содержится немало взрывчатого материала. Издатель мемуаров г-н Эуген Курц рассказывал мне, что была сделана попытка выкрасть рукопись из сейфа. Когда же он ее опубликовал, то был затеян процесс (безуспешный) с целью поставить под сомнение ее подлинность.

Действительно, мемуары Брюнинга содержали немало фактов, рисующих Веймарскую республику и ее деловой мир в весьма неблагоприятном свете. Из них явствует, что «респектабельные» буржуазные партии прекрасно понимали сущность Гитлера, но, тем не менее, тайно сотрудничали с ним. Так, придя к власти в марте 1930 года, Брюнинг уже в октябре того же года тайком принял Гитлера и обсуждал с ним вопросы совместной тактики. В частности, он прямо предлагал Гитлеру «взаимную договоренность о формах оппозиции, что было бы естественной предпосылкой для позднейшего сотрудничества».

Вторая секретная встреча Брюнинга с Гитлером состоялась 10 октября 1931 года, за день до знаменитой демонстра-

ции «Гарцбургского фронта» — единого блока всех правых партий (включая нацистскую), рейхсвера и промышленности. Сегодня Иоахим Фест объявляет «Гарцбургский фронт» мифом, а в те дни Брюнинг снова и снова обсуждал с Гитлером разделение ролей. Участие Гитлера в «оппозиции» Брюнинг считал необходимым для того, чтобы фюрер помог создать «противовес коммунизму». Из уст Геринга Брюнинг знал, что «Гитлер и его друзья в принципе не возражают» против брюнинговского курса.

Однако с определенного момента Брюнингу стало ясно, что те самые промышленники, которые некогда привели его к власти, сделали другую ставку. Он пишет, что «вся тяжелая промышленность не видела иного средства для своего собственного спасения, чем дальнейшее снижение зарплаты и насильственный поворот к инфляции. Этого можно было достичь, финансово поддержав НСДАП». Поворот и был совершен — сперва в Пруссии фон Папеном (20 июля 1932 года), а затем Гитлером и Папеном в общегерманском масштабе (30 января 1933 года). Мемуары Брюнинга содержат немало горьких слов в адрес политиков, связанных с магнатами Рура и наносивших смертельные удары по веймарской системе, ведя ее к гитлеровской диктатуре.

Брюнинг вспоминает о своих беседах с Фликом, Феглером, Шпрингорумом, Вольфом и другими магнатами Рура, дававшими ему понять, что «пришла пора перемен» и Брюнинг должен уступить место «правым партиям». В письме, опубликованном Брюнингом уже после войны, экс-канцлер откровенно признавался: «Финансирование нацистской партии со стороны таких людей, от которых этого можно было ожидать меньше всего, — это самостоятельная глава. Я никогда об этом открыто не говорил». В том же письме содержалась весьма интересная фраза, проливающая дополнительный свет на проблему отношений Гитлера с монополиями. Так, Брюнинг писал: «Одним из главных факторов в восхождении Гитлера... было то обстоятельство, что он начиная с 1923 года получал крупные суммы из-за границы».

Это совпадает с оценкой американского посольства в Берлине, которое 23 сентября 1930 года доносило в государственный департамент: «Нет сомнения в том, что Гитлер получает значительную финансовую поддержку от крупных промышленников... В последние дни складывается впечатление, что влиятельные финансовые круги оказывали и оказывают на канцлера (Брюнинга. — **Л. Б.**) давление, чтобы предпринять эксперимент и допустить нацистов к власти... Как раз сегодня получены сведения из обычно хорошо информированных источников, что представленные здесь (т. е. в Берлине. — **Л. Б.**) различные американские финансовые круги проявляют большую активность именно в этом направлении».

Здесь мы видим еще одну деталь в широкой картине международного сговора монополий. Уже в 20-е годы стало известно, что среди лиц, поддерживавших гитлеровское движение, были не только немецкие предприниматели. Тогда называлось имя английского нефтяного супермагната сэра Генри Детердинга. Симпатии Детердинга ко всем антикоммунистическим организациям были общеизвестными. Как сообщал в своей книге американский публицист и историк Л. Лохнер, общая сумма субсидий Гитлеру, выплаченных Детердингом, достигла 10 миллионов марок. Тот же Лохнер вспоминает, что во время его работы корреспондентом Ассошиэйтед пресс в Берлине там часто называли имя английского газетного короля лорда Ротермира как одного из «кредиторов» нацистской пропаганды.

Август Хейнрихсбауэр сообщал не менее интересные факты. Он писал, что рурские предприниматели, планируя свои антикоммунистические операции в 30-е годы (т. е. готовя приход нацистов к власти), поддерживали тесные связи с так называемой «Экономической лигой» в Англии (антикоммунистический альянс предпринимателей), а также с аналогичными организациями в других странах, например во Франции и Бельгии. В этом смысле любопытно и такое признание Брюнинга: когда в 1930 году начал созревать план «привода» Гитлера к власти, то ряд крупных предпринимателей (Брюнинг не называет имен) не только оказывали давление на Гинденбурга, но даже посетили тогдашнего посла США в Германии Фредерика М. Сэкетта, стараясь «повлиять на него и настроить его против моего (Брюнинга. — **Л. Б.**) правительства в пользу нацистской партии».

Конечно, не весь деловой мир США и Англии был прогитлеровским. Трезво мыслящие дельцы в этих странах понимали, чем грозит приход к власти этой нацистской клики. Но в то же время хорошо известны имена англосаксонских поклонников фюрера — начиная с Чарльза Линдберга в США и кончая пресловутой «клайвденской кликой» в Англии. Когда же Гитлер оказался у власти, нашлись такие американские дельцы, которые поспешили делать бизнес вместе с нацистами.

Бизнес полковника Бенна

Кто не слыхал в наше время названия американской монополии «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» — сокращенно ИТТ? Нет такой сферы капиталистического мира, в которую не проникли бы щупальца этого концерна.

ЦРУ не раз действовало руками дельцов из ИТТ. В свержении демократического правительства президента Альенде в Чили ИТТ сыграл большую роль. Власть концерна настолько сильна, что американская газета «Вашингтон пост» однажды задала риторический вопрос: «Какая система делает возможным,чтобы деятели мощной фирмы бродили по коридорам власти так, как будто это были коридоры своей фирмы?» Для нас ответ ясен: только капиталистическая система создает подобную ситуацию, ибо ИТТ — плоть от плоти ее.

Концерн ИТТ начал свой путь в 1920 году и стал одним из первых в ряду тех фирм, которые в наши дни получили кличку «мультинациональных». Уже в 20-е годы ИТТ начал создавать свои предприятия и филиалы за пределами США. Тогда у колыбели ИТТ стоял человек, которого один публицист назвал «принцем телефонов и дипломатом индустрии». Его имя — Состенес Бенн. По отцу — датчанин, по матери — француз, Бенн учился на Корсике, затем во Франции, однако стал американцем. Свою карьеру он начал как торговец сахаром, но быстро переключился на телефоны. Закончив первую мировую войну в чине полковника войск связи США, Бенн основал маленькую фирму с гордым названием «Международная телефонная и телеграфная корпорация». И она стала действительно международной!

В конце 20-х годов ИТТ уже располагал филиалами во многих странах Европы. А в Германии? Здесь дела Бенна сперва шли не очень споро. В 1930 году он создал вместе с немецким концерном «Сименс» две фирмы — «Стандарт электрик» и «Лоренц». В это время ИТТ вел конкурентную борьбу не на жизнь, а на смерть со шведским концерном «Эриксон», принадлежавшим крупнейшему шведскому магнату Ивару Крейгеру. Борьба закончилась трагически: Крейгер покончил жизнь самоубийством, Бенн помирился с его преемниками и поделил с ними сферы влияния.

4 августа 1933 года нацистская Германия, тогда еще боявшаяся международной изоляции, смогла записать в книгу своих внешнеполитических успехов сообщение о том, что на прием к Гитлеру прибыла первая делегация крупных дельцов из США. Это была делегация ИТТ в составе полковника Бенна и уполномоченного ИТТ в Германии м-ра Генри Манна. Протокол этой беседы не публиковался и до сих пор не обнаружен. Однако последствия встречи не замедлили сказаться. По рекомендации знакомого нам экономического советника Гитлера Вильгельма Кепплера, Бенн ввел в руководство своих немецких филиалов людей, угодных новому режиму. Кто же были эти люди? Все тот же вездесущий барон Курт фон Шредер и д-р Герхард Вестрик, известный адвокат. Рекомендация Кепплера быстро принесла ИТТ политические

и деловые дивиденды. Шредер привел в порядок фирму «Стандарт электрик» и получил для нее и для «Лоренца» очень выгодные военные заказы. Заслуга Шредера была немедля оценена: Бенн вручил ему круглую сумму в 250 тысяч имперских марок.

Герхард Вестрик был не менее полезен для ИТТ. В результате переговоров Вестрика и Бенна с Герингом фирма «Лоренц» приобрела 28 процентов акционерного капитала авиационной фирмы «Фокке-Вульф». В свою очередь, «Фокке-Вульф» приступила к производству военных самолетов для будущей войны. И это было сделано с благословения Состенеса Бенна!

Когда в Нюрнберге во время следствия зашла об этом речь, барон фон Шредер заявил:

— С 1933 года до начала войны немецкие дочерние фирмы ИТТ смогли передавать в распоряжение американских фирм полковника Бенна большую часть своих прибылей. Судя по всему, он не имел ничего против того, чтобы немецкие предприятия, в которых он участвовал, вкладывали все свои прибыли в военное производство.

Следователь спросил:

— Знали ли вы или слыхали о том, чтобы полковник Бенн или его заместители протестовали против этого перед руководством тех фирм, которые участвовали в вооружении Германии?

Шредер ответил:

— Нет.

Вплоть до 1939 года прибыли немецких филиалов ИТТ регулярно переводились в США. Теснейшее сотрудничество ИТТ с нацизмом продолжалось и после начала второй мировой войны — об этом прекрасно знали в госдепартаменте США. В официальном докладе американского межминистерского комитета по вопросам связи (1943 год) прямо указывалось на нечистые дела ИТТ и на его прибыли от дочерних фирм в странах фашистской оси.

Не только Бенн побывал у Гитлера: среди его посетителей были и нефтяные дельцы, и представители американских автомобильных концернов. Для них коричневый режим был лишь потенциальным источником прибылей. Нацисты могли готовить свои авантюры, зная, что на их стороне — поддержка влиятельных экономических групп западного мира[1].

---

[1] О действиях американских коллег С. Бенна мы еще расскажем в последующих главах.

«В ЛИЧНОМ РАСПОРЯЖЕНИИ ФЮРЕРА»

До сих пор мы ограничивались периодом до 1933 года, ибо в отношении этих лет предпринимаются особые усилия реабилитировать немецкие (и иные!) монополии. Но картина была бы неполной, если бы мы оборвали ее днем прихода Гитлера к власти. С этого дня связь немецкой промышленности и банков с нацизмом обрела государственную форму. Финансирование нацистской партии промышленными фирмами стало законом. По инициативе Круппа был создан специальный «Фонд немецкой экономики имени Адольфа Гитлера», в который все промышленники отчисляли определенный процент от своих доходов. Управляющим этим фондом стал не кто иной, как Мартин Борман.

Организация этого фонда имела любопытную предысторию. Сначала гитлеровцы располагали так называемой «кассой взаимопомощи НСДАП». Официальное назначение ее состояло в денежном вспомоществовании семьям штурмовиков и нацистов, которые погибли или пострадали во время политических схваток. Таких было немного: с 1928 по 1932 год было зарегистрировано 303 смертельных случая, всего же было выдано кассой пособий 20 234 раза. Значение кассы выходило, конечно, за пределы «благотворительности». Она имела гораздо больше функций, да и возможностей. Денежные сборы в кассу были очень удобной формой для некоторых фирм, которые еще нуждались в маскировке финансирования партии Гитлера. Как свидетельствуют некоторые источники, касса стала «резервным банком» НСДАП.

Все нити, которые вели от промышленных фирм к Гитлеру и его партии, проходили через так называемый штаб «заместителя фюрера» — Рудольфа Гесса. Официально в функции штаба Гесса входило руководство нацистской партией, разработка общеимперского и местного законодательства, подготовка указов фюрера, контроль над назначением высших чинов партии. Однако штаб занимался и финансовыми вопросами. Именно это имел в виду Функ, когда на следствии в Нюрнберге говорил о том, что рурские промышленники собирали соответствующие средства лично для Гитлера и передавали их через Рудольфа Гесса. Точнее — через Мартина Бормана, который с 1930 года был начальником «кассы взаимопомощи» НСДАП.

29 мая 1933 года президент Имперского объединения немецкой индустрии Густав Крупп направил Шахту письмо, в котором сообщал, что представители всех отраслей промышленности создают специальный централизованный фонд пожертвований. «Дабы сменить разрозненные сборы отдельных

организаций и ведомств НСДАП, организуется централизованный сбор от всех отраслей экономики», — гласил учредительный документ. Предложение было доложено Гитлеру, тот дал согласие. К этому красноречивому документу было приложено личное послание Круппа Шахту, в котором некоронованный король Рура призывал некоронованного короля германских финансов лично принять участие в фонде, который «должен представить собой благодарность фюреру от нации».

Некоторое время спустя — 14 июня 1933 года — соглашение было оформлено по всем правилам. Крупп от имени Имперского объединения немецкой индустрии и Карл Кеттген от имени Объединения немецких работодателей разработали циркуляр о создании «Фонда немецкой экономики имени Адольфа Гитлера» (ФАГ). Согласно циркуляру, каждый немецкий промышленник должен был четыре раза в год отчислять в пользу нацистской партии определенную сумму — как минимум 5 процентов от суммы выплаченной заработной платы за 1932 год. Кстати, это решение достаточно красноречиво опровергает распространенную в западногерманской историографии версию о «насильственном сборе» средств в пользу НСДАП.

Положение ФАГ было исключительным. Различные нацистские инстанции не прочь были собирать деньги по собственному разумению, превращая эту процедуру в «ленные поборы». Мартин Борман навел здесь порядок, выпустив от имени Гесса такую директиву:

«Настоящим категорически запрещаю всем членам и инстанциям партии, всем ее организациям собирать денежные пожертвования у тех предприятий, которые могут документально подтвердить свое участие в ФАГ. Я отдал распоряжение всем этим фирмам докладывать мне о тех организациях, которые, несмотря на запрет сбора денег у участников ФАГ, продолжают подобные действия.

Инструкции о практическом применении этой директивы издаст начальник моего штаба.

Рудольф Гесс.

Мюнхен, 1 июня 1936 года»[1].

«Начальник моего штаба» — сиречь М. Борман — издал в тот же день соответствующую инструкцию, которая делала исключение только для так называемого «фонда зимней помощи». Все же остальные сборы должны были уступить место ФАГ. Фирма, внесшая деньги в ФАГ, получала удостоверение и так называемую «красную марку» (в иные годы

---

[1] Архив ФАГ исчез, однако значительное количество материалов находится в мюнхенском Институте современной истории, где мне удалось их найти.

марка была синего или другого цвета). Когда же руководство ФАГ пожаловалось в ноябре 1937 года Гессу на нарушение этого запрета, тот отдал директиву за № 163/37, в которой подтвердил, что «запрет иных сборов в пользу сборов для ФАГ отдан по личному указанию фюрера». В директиве указывалось: «Средствами ФАГ лично распоряжается сам фюрер для финансирования важных мероприятий».

Борман, как верный пес, следил за тем, чтобы гаулейтеры вовремя собирали дань в ФАГ. Так, 2 августа 1938 года гаулейтер Бюркель получил от Бормана нагоняй: «Я, как управляющий ФАГ, не могу отказаться ни от одного взноса в пользу ФАГ». И дальше: «ФАГ не является обычным фондом, а действительно находится в личном распоряжении фюрера».

Деньги и кровь

Сколько же марок текло в коричневые кассы? Вот выдержки из ведомости выплат концерна «ИГ Фарбен» в кассу нацистской партии, подтвержденной под присягой одним из его руководящих деятелей Г. Бёсслером в Нюрнберге:

1933 год:	«Фонду Адольфа Гитлера» (ФАГ)	694 612
	Организациям нацистской партии	81 921
	«Зимняя помощь»[1]	1 008 909
	Прочие выплаты	1 798 628
1934 год:	ФАГу	434 718
	Организациям нацистской партии	398 519
	«Зимняя помощь»	2 248 432
	Прочие выплаты	938 538
1939 год:	ФАГу	1 091 611
	Организациям нацистской партии	440 245
	«Зимняя помощь»	1 649 683
	Прочие выплаты	4 194 000
	Зарубежные выплаты[2]	164 318
1942 год:	ФАГу	1 414 315
	Организациям нацистской партии	249 037
	«Зимняя помощь»	2 332 236
	Прочие выплаты	9 245 253
	Зарубежные выплаты	195 360

[1] Традиционные поборы, взимавшиеся НСДАП в зимние месяцы.

[2] Суммы в валюте, шедшие на финансирование нацистских организаций за пределами Германии.

Считается, что за годы нацистского режима монополия «ИГ Фарбен» внесла в кассы НСДАП не менее миллиарда марок. А таких монополий было много, и — что не менее важно! — каждый из руководителей финансовых и промышленных фирм прекрасно знал, на что идут эти деньги. Особенно хорошо осведомлены об этом были члены специального «кружка друзей рейхсфюрера СС» — организации, деятельность которой в послевоенные годы очень тщательно изучена историками ГДР. Исследователи-марксисты (среди них К. Дробиш, Э. Чихон и другие) показали на примере этой организации, насколько глубоко зашло взаимопроникновение интересов германских монополий и наипреступнейшей клики СС, творившей злодеяния во всей Европе. В последнее время появились новые данные об этом «кружке».

«Кружок друзей рейхсфюрера СС» явился логическим и фактическим продолжением известного нам «кружка Кепплера». Фриц Кранефус — некогда правая рука Кепплера — вскоре после прихода Гитлера к власти вступил в ряды СС и сделал там быструю карьеру. Любители анекдотов утверждают, что идея создания «кружка друзей рейхсфюрера СС» обязана своим рождением... нехватке номеров в гостинице «Гранд-отель» в Нюрнберге. Сюда на очередной «партийный слет» в 1933 году были приглашены члены «кружка Кепплера». Якобы лишь для того, чтобы сохранить номера для капитанов немецкой промышленности, кто-то повесил на дверях табличку «Забронировано для кружка друзей рейхсфюрера СС». Но недаром старинная итальянская поговорка гласит: «Это слишком хорошо выдумано, чтобы быть правдой». В действительности, далеко не случайно, что глава СС Генрих Гиммлер взял на себя функции опекуна «кружка Кепплера».

Западногерманский исследователь Рейнхард Фогельзанг заметил, что «кружок друзей рейхсфюрера» представляет собой «ярчайший пример сотрудничества самых могущественных групп в национал-социалистском государстве». Он прав: в нацистской верхушке не было группы мощнее СС; в экономике не было фирм сильнее монополий типа Стального треста, «ИГ Фарбен», Флика, «Дейче банк», «Дрезднер банк». Под опекой Гиммлера кружок его «друзей» превратился в своеобразный закрытый клуб виднейших промышленников и финансистов тогдашней Германии. Всего с момента его создания до краха третьего рейха было зарегистрировано 38 встреч «друзей Гиммлера» (последняя состоялась 10 января 1945 года). Число их участников было небольшим — максимально 44 человека, а иногда и меньше. К промышленникам иногда присоединялись высшие чины СС, как, например, руководитель Главного хозяйственного управления СС, ведавший концлагерями.

У «кружка» были не только консультативные функции. Через него шло финансирование верхушки нацистского аппарата и СС. Так, в «Дрезднер банк» был создан особый счет «R», на который поступали взносы членов кружка для нужд СС. По годам это выглядит так:

1939 год	— 1 128 000	марок
1940 год	— 1 691 100	»
1941 год	— 155 000	»
1942 год	— 780 360	»
1943 год	— 600 000	»
1944 год	— 1 230 000	»

Соответствующим образом с этого счета производились выплаты:

1939 год	— 1 401 421	марка
1940 год	— 1 397 150	марок
1941 год	— 385 000	»
1942 год	— 1 135 360	»
1943 год	— 400 000	»
1944 год	— 1 202 450	»
1945 год	— 225 000	»

Как мы можем заметить, специальный счет «R» не отражал всех выплат и поступлений. Если сравнить две колонки цифр, то получится, что промышленники перевели на счет Гиммлера 5 584 460 марок; со счета же была выплачена 6 146 381 марка. Очевидно, существовали какие-то другие счета и шли какие-то другие поступления. Тот же Фогельзанг считает, что с 1939 по 1944 год ежегодные сборы были приблизительно на уровне 1 миллиона марок.

Сохранились благодарственные письма Гиммлера в адрес своих великодушных покровителей. Например, в 1938 году он благодарил участников «кружка» за то, что они «дали ему возможность выполнить некоторые задачи, для которых не хватало средств». Сразу после того, как чешские патриоты казнили ближайшего сообщника Гиммлера Гейдриха, Гиммлер написал своим друзьям, что «собранный ими миллион марок помог залечить многие раны...»

Фогельзанг завершал свое исследование извинительной оговоркой, что в его цель не входит «установление степени уголовной наказуемости членов кружка». Ну что же, это его дело. Степень вины достаточно ясна: на каждой рейхсмарке, выплаченной Гиммлеру, — невидимые, но страшные пятна крови жертв эсэсовского террора.

Теснейший союз между нацистским режимом и германскими монополиями — исторический, неопровержимый факт. В послевоенный период он глубоко исследован учеными СССР, ГДР и других социалистических стран; о нем вырази-

тельно говорят документы Нюрнберга и архивные материалы, опубликованные в последующие годы. Анализировать их подробно значило бы раскрыть всю механику экономической жизни нацистской Германии, и выполнение этой задачи выходит за рамки книги. Остановлюсь лишь на нескольких проблемах, которые остаются предметом острого идеологического спора до сегодняшнего дня.

Одна из них — якобы имевшее место в эпоху нацизма «столкновение экономики и политики». Ряд западных авторов рассуждает так: на определенной стадии промышленники и банкиры поддержали Гитлера, так как связывали с ним надежды на экономический взлет, однако со временем «хвост стал вертеть собакой» и безвинные капитаны Рура стали такими же жертвами Гитлера, как и все остальные. «Парадным» примером для подобной аргументации является Фриц Тиссен. Он был безусловным хозяином Рура 20—30-х годов, возглавлял Стальной трест, купил для Гитлера «Коричневый дом» в Мюнхене; ввел его в круг рурских промышленников. И вдруг в 1939 году Тиссен внезапно покинул Германию! Не только покинул, но с помощью американского писателя Эмери Ривса опубликовал в 1942 году разоблачительную книгу, одно название которой говорило за себя: «Я оплачивал Гитлера».

Действительно, эта книга доставляет немало неприятностей апологетам современного капитализма. Дошло до того, что американский историк Тэрнер задался целью доказать, что Тиссен вовсе не писал такой книги, а стал жертвой Ривса, выдумавшего все разоблачительные факты. Однако Тэрнер не смог опровергнуть главного: того, что Тиссен предоставил в распоряжение Ривса свои заметки и даже успел прокорректировать большую часть рукописи.

Но что доказывает «оппозиция» Тиссена? Не очень много, если учесть, что он не столько поссорился с Гитлером, сколько был оттеснен от руля Стального треста своим соперником Фридрихом Фликом, оказавшимся для Гитлера более полезным и умелым союзником. Так же мало доказывает и «оппозиция» ряда немецких предпринимателей, которые одновременно с платежами в «Фонд Адольфа Гитлера» финансировали деятелей так называемой «генеральской фронды», готовивших заговор 20 июля 1944 года. Конечно, сейчас о штутгартском фабриканте Роберте Боше, содержавшем на свои деньги оппозиционера Герделера (претендента на пост рейхсканцлера) и о симпатизировавшем заговорщикам крупповском директоре Хофакере в ФРГ пишут гораздо больше, чем о том же Круппе, возглавлявшем при Гитлере мощные предпринимательские союзы, или о Флике, платившем Гитлеру миллионы рейхсмарок. Но архивные документы красноречивы. В документах крупных концернов слова «новый по-

рядок» попадаются не реже, чем в речах Гитлера и Геббельса.

«Новый порядок» на мировых рынках был так же остро необходим «ИГ Фарбен», Стальному тресту и иже с ними, как Гитлеру и Гиммлеру был необходим «новый порядок» в Европе. Скорее наоборот: «новый порядок» являлся закономерным следствием стремления крупной германской промышленности к неограниченному владычеству на рынках Европы, Азии, Африки и, разумеется, Америки. И Адольф Гитлер прекрасно понимал свою зависимость от подобных устремлений. Недаром еще в 1927 году он обещал Кирдорфу «путь к подъему». Во время войны пришло время расплаты по векселям!

Недавно появилось аутентичное тому свидетельство. В 1975 году — после долгих колебаний! — бывший военный адъютант Гитлера Герхард Энгель решил опубликовать записки, которые он вел во время войны. Среди них есть одна, относящаяся к периоду катастрофы вермахта зимой 1941/42 года под Москвой. Уже тогда фюрера начали одолевать сомнения по поводу военных событий. Когда же фронт остановился в 80 километрах от Москвы, Энгель записал:

«**12 ноября.** Можно только рыдать!.. Теперь обстановка такова, что надо брать и Москву и Юг... К тому же фюрер недостаточно откровенно говорит, чего он хочет...

16 ноября. Безрадостная обстановка. Докладывают о положении с подвозом и железнодорожным транспортом... Фюрер все больше сомневается в том, что правильно выбрал направление главных ударов...

22 ноября. В узком кругу фюрер говорит о том, что его занимает в течение долгих месяцев... Сложившаяся обстановка заставляет его принимать решения, но в них он, к сожалению, не свободен. Он зависит от партии, «старых бойцов», государства и, наконец, от вермахта. В результате оказывается, что цели похода не достигнуты. С другой стороны, немецкие успехи не остаются без последствий для престижа в мировой политике. Все войны зависят не от человеческих, а от экономических причин. Без торговцев еще не выигрывалась ни одна война. Торговцы определяют производство пушек, танков, боеприпасов. Он (Гитлер. — **Л. Б.**) должен создать такой немецкий военный потенциал, который заставит противника выдохнуться. Именно так приходится вести войну на Востоке. Лишить противника преимуществ — вот условие победы».

Эти записи стоят многого: ведь в них Гитлер признает то, что до сего дня с пеной у рта отрицают все буржуазные историки и социологи! Оказывается, не сам Гитлер и не только Гитлер определял смысл и цели войны, которую начал нацизм. Здесь и нацистская партия, и нацистское госу-

дарство, и генералы, и, наконец, «торговцы». Гитлер прямо говорит, что и его война «зависит от экономических причин». Вопреки распространенному взгляду на «абсолютный характер» тоталитарной гитлеровской диктатуры, рурские магнаты вели дела так, как им хотелось. Так, тот же барон Курт фон Шредер назвал немецкие банки того времени «вторым правительством Германии». Кому, как не ему, было знать об этом?

Немало подобных откровений рассыпано по дневникам, стенограммам и меморандумам нацистского периода — их надо только искать. Когда же пресловутые «объективисты» из буржуазного лагеря принимаются за поиски, то, по какому-то чудодейственному мановению, они находят лишь высказывания, в которых промышленные магнаты жалуются на Гитлера...

Об этой весьма умелой деформации исторической действительности я думал, сидя в темной, отделанной мрачными дубовыми панелями гостиной дома над рекой Неккар. Это родовое владение семьи архитекторов Шпееров и по сей день принадлежит одному из них — Альберту Шпееру, ставшему одним из главных военных преступников. Сейчас, отбыв 20 лет заключения в тюрьме Шпандау, он охотно делится с посетителями своими суждениями о минувших днях. Шпеер говорил мне:

— Когда Гитлер неожиданно поручил мне руководство имперским министерством вооружений и боеприпасов, я долго думал: какими принципами необходимо руководствоваться в деле управления военной экономикой страны? И решил: умелый архитектор сохраняет за собой общее планирование, но отдает все объекты отдельным подрядчикам. Ошибка моих предшественников состояла в том, что они пытались руководить деятельностью промышленных фирм. В результате военная промышленность росла недостаточно быстро. Я поступил иначе. Я создал для отдельных отраслей так называемые «главные комитеты», каждый из которых возглавлялся крупнейшим промышленником. Фирмы делали то, что сами считали нужным, и эффект был велик...

Если даже сделать скидку на саморекламу, то все равно созданная Гитлером и Шпеером структура военной экономики соответствовала структуре германских монополий. По существу, эти монополии получали мандат на неограниченное хозяйничанье в своих сферах. Тем самым Шпеер довел до практического осуществления формулу одного нацистского идеолога, который писал, что предприниматель в сфере экономики должен быть «сверхчеловеком». Кстати, и сам Гитлер как-то определил капиталистическое предприятие как доказательство возможности «оптимальной организации». Пред-

приятия Круппа он считал образцом для фашистского государства, а тому же Шпееру говорил:

— Пользуйтесь возможно чаще непосредственным примером промышленников!

Подобные высказывания можно было бы продолжить. Статс-секретарь имперского министерства экономики Рудольф Бринкман призывал своих подчиненных видеть национал-социалистский идеал предпринимателя в том, чтобы, «невзирая на опасности, бороться с неукротимой энергией за свободу экономического маневра». А ведь это — прямой совет капиталистам 60-х или 70-х годов!

Так расширяются рамки проблемы «сейфы и свастика». Свастики нет, сейфы остались. Их владельцы — хозяева западного мира, и никто не может поручиться за то, что у новых претендентов на повторение авантюр Гитлера не найдется влиятельных покровителей. Нет спора, годы нацизма научили многих, и каждое проявление опасных тенденций вызывает широкое возмущение в мире. Имеющий очи да узрит, имеющий уши да услышит. Но стенки сейфов толсты.

Глава вторая

ПОЖАР, КОТОРЫЙ ЕЩЕ НЕ ПОГАШЕН

От Штибера до...

В литературоведении есть такой термин: «бродячие сюжеты». Под ним подразумеваются сюжеты, повторяющиеся в культурном достоянии различных народов; ученые насчитывают их десятки. Зато в политическом обиходе мировой реакции есть весьма ограниченное число «сюжетов», которые бродят из эпохи в эпоху. Об одном из них язвительно писали еще Карл Маркс и Фридрих Энгельс во время нашумевшего в середине прошлого века «Кёльнского процесса» против Союза коммунистов. Тогда усилиями прусского полицейского шпика Вильгельма Штибера была организована провокация, призванная при помощи сфабрикованных фальшивых документов скомпрометировать только что родившееся коммунистическое движение.

Имя Штибера давно забыто, но его тень бродит по канцеляриям антикоммунистических политиков. После Октябрьской революции методы Штибера немедленно были взяты на вооружение реакцией. Например, английскими «твердолобыми», сфабриковавшими пресловутое «письмо Коминтерна». И после второй мировой войны международная реакция не раз прибегала к помощи фальсифицированных документов и заранее подготовленных провокаций, дабы оправдать в глазах мирового общественного мнения свои неблаговидные действия. В конце 40-х годов это был нашумевший «протокол М», долженствовавший иллюстрировать мнимую «красную угрозу» Западной Европе.

Порой задумываешься: неужели хваленые специалисты из антикоммунистических лабораторий так скудоумны, что не могут придумать ничего нового? Невольно приходишь к выводу, что здесь выявляется некая объективная закономерность: действия, направленные против интересов мира и прогресса, по самому своему существу требуют маскировки. Но есть и другая закономерность: рано или поздно эта маскировка разоблачается. Антикоммунистические короли оказываются голыми.

Рано или поздно. Увы, часто это случается поздно. Можно быть уверенным, что через некоторое время окажутся разоблаченными те фальшивки, которыми сегодня пичкают рядового гражданина западных стран, для того чтобы убедить его в существовании «советской угрозы». Но пока настанет этот момент, пропагандистская машина работает на полный ход и ошалевший от ее продукции «средний американец» (или «средний англичанин») начинает и впрямь верить, что через час-другой ему придется стать жертвой «красной агрессии»...

Тот, кто анализирует минувшее, находится в лучшем положении. У него в распоряжении есть не только историческая дистанция, но и некогда секретные документы, свидетельства очевидцев. Именно такую возможность дает нам одна из крупнейших провокаций XX века — поджог рейхстага в ночь с 27 на 28 февраля 1933 года.

Пожар рейхстага до сих пор остается важным эпизодом европейской истории, и вокруг него и поныне скрещиваются невидимые мечи. Без преувеличения можно сказать, что пожар этот стал одной из самых «устойчивых» загадок нацистского рейха, которая продолжает оставаться объектом споров до сегодняшнего дня. Кто поджег рейхстаг, как это было сделано? Вот вопросы, занимающие не только экспертов-пожарников, а многих политиков и историков.

Знаменитый судебный процесс, проведенный имперским судом в Лейпциге в 1933 году, не дал ответа на вопросы, а только запутал их. Он осудил лишь одного человека — голландского гражданина Маринуса ван дер Люббе, обнаруженного полицией во время пожара в здании рейхстага. Разоблачения знаменитой антифашистской «Коричневой книги», обвинившей в организации поджога Геринга, штурмовиков и все руководство нацистской партии, в 30-е годы не могли быть подтверждены «на месте преступления». Ван дер Люббе поспешно казнили, и на деле, казалось, был поставлен крест.

В Нюрнбергском международном трибунале вопрос о поджоге рейхстага специально не разбирался. Однако в ходе допросов свидетелей были зафиксированы дополнительные признания нацистских главарей об их причастности к поджогу. В конце же 50-х годов спор о виновниках поджога разгорелся с новой силой. Ситуация была такова: нацистская версия о «поджигателях-коммунистах» уже давно была опровергнута. Казался бесспорным и тот факт, что ван дер Люббе не был в состоянии один поджечь колоссальное здание. И так как среди коммунистов, естественно, сообщников у него не было и не могло быть, то элементарная логика подсказывала, что виноваты нацисты. Именно это обстоятельство доставляло немало огорчений апологетам третьего рейха.

Когда есть тезис, который надо доказать или опровергнуть «сильным мира сего», то всегда найдется человек, который возьмется это сделать. Такой человек действительно нашелся. Это был Фриц Тобиас — чиновник «Ведомства по охране конституции» (сиречь охранки) в западногерманской земле Нижняя Саксония. Тобиас — не историк, но по усердию в тенденциозном подборе «фактов» и «фактиков» не уступал самым рьяным представителям немецкой профессорской «метóды». Тезис Тобиаса был прост, как колумбово яйцо: ван дер Люббе поджег рейхстаг сам, без всякой помощи извне! Вывод, который Тобиас подсказывал читателю, должен был выглядеть так: нацисты были непричастны к сему черному делу.

Работа Тобиаса появилась сначала в популярном и падком на сенсации гамбургском журнале «Шпигель», а затем — отдельной книгой. Она вызвала большие споры среди историков. В частности, этим вопросом занялся специально созданный в те годы Международный комитет по научному исследованию причин и следствий второй мировой войны во главе со швейцарским историком Вальтером Хофером. Комитет, образованный в 1968 году, включает историков из ФРГ, Швейцарии, Франции и Люксембурга. Его почетными председателями стали президент палаты депутатов Люксембурга Пьер Грегуар и французский писатель и политический деятель Андре Мальро. Комитет категорически и доказательно опроверг работу и выводы Тобиаса.

Генеральным секретарем Комитета стал д-р Эдуард Чалич — журналист и историк, югослав по национальности, бывший узник нацистских концлагерей. Имя Чалича было мне известно: несколько лет назад он опубликовал найденные им в архивах записи одного сравнительно малоизвестного деятеля 30-х годов Рихарда Брейтинга. Брейтинг не был нацистом, он представлял весьма респектабельную «немецко-национальную партию», на словах являвшуюся противницей Гитлера. В действительности, Гитлер поддерживал с ней тайные контакты. Чалич разыскал протоколы бесед Брейтинга с Гитлером, в которых последний излагал свои планы. Эта публикация была встречена в штыки буржуазными историками, и с тех пор Чалича зачислили в «левые»...

Конечно, Чалич далеко не «левый». Еще меньше это можно отнести к председателю Комитета Хоферу, с многими тезисами которого марксисты ведут активный идеологический спор. Но в проблеме поджога рейхстага речь шла не об идеологии: Хофер и его коллеги просто уличили Тобиаса в фальсификации фактов. Когда д-р Чалич прислал мне только что вышедший в свет первый том исследований Комитета, он пошутил в сопроводительном письме:

— Берегитесь Тобиаса!

Чалич как в воду глядел. Стоило мне на страницах журнала «Новое время» опубликовать статью о поджоге рейхстага, в которой были воспроизведены данные Комитета, как мне в Бонн, где я тогда работал корреспондентом журнала, доставили из Федерального ведомства печати и информации ФРГ толстый пакет. Он содержал длинное, в 32 страницы, письмо Тобиаса и мою статью, тщательно размеченную его рукой. Этих помет было 42! По 42 «пунктам» г-н Тобиас требовал сатисфакции. Что делать? Решил посоветоваться с Хофером и получил от него такой ответ:

«Как вы знаете, я руковожу международной исследовательской группой, которая по поручению Международного комитета по научному исследованию причин и следствий второй мировой войны занимается выяснением обстоятельств пожара рейхстага 1933 года. Группа летом прошлого года выпустила первый том соответствующей документации. Вы писали в «Новом времени» об этой публикации, мы приняли это к сведению с интересом и удовлетворением.

Вы любезно познакомили меня с 32-страничным письмом, которое по поводу Вашей статьи написал г-н Тобиас. Я должен Вам сообщить, что это письмо не содержит ничего, кроме фальсификации, заведомой лжи и гнусных нападок. Едва ли стоит заниматься ими в отдельности. Впрочем, это письмо нас не удивило, так как оно является одним из звеньев в цепи попыток г-на Тобиаса скомпрометировать результаты нашей работы, показания наших свидетелей. Письмо г-на Тобиаса со всей ясностью доказывает, что его главной целью является не изыскание научной истины, а глупая антикоммунистическая полемика и попытка реабилитации бывших чинов гестапо и СС, о прошлом которых мы сообщили документальные данные, а Вы написали об этом вполне деловым образом» [1].

Я решил последовать совету Хофера и не стал отвечать [2]. Но версия предприимчивого Тобиаса еще бродит по страницам западной печати. Иными словами: были все основания серьезно заняться этой загадкой третьего рейха.

В ту роковую ночь

У всех важных событий есть свидетели, но всегда ищут первого. У того события, историю которого мы исследуем, было — как ни странно! — два первых свидетеля. Официального

[1] Письмо В. Хофера автору от 6.II.1973.

[2] В том, что Хофер был прав, я убедился довольно скоро: через некоторое время я получил еще одно письмо Тобиаса, на этот раз 36 страниц убористого шрифта. Тобиас поносил меня последними словами и обвинял в «следовании коммунистической линии».

первого свидетеля звали Вернер Талер. Вечером 27 февраля 1933 года он шел мимо здания рейхстага, пересек Зимзонштрассе, находящуюся с южной стороны огромного здания, и повернул к его юго-западному углу. Когда он приблизился к западному подъезду (а это было в 21 час 07 или 08 минут), то услышал звон разбиваемого стекла. Звук показался ему подозрительным и Талер побежал к подъезду. Здесь он увидел, что какой-то человек пытается влезть в окно первого этажа. Талер побежал тогда к юго-западному углу, увидел там полицейского и закричал: «Эй, там кто-то лезет в окно!»

Однако полицейский не реагировал. Поэтому Талер вернулся к подъезду. Здесь уже стояли обервахмистр Буверт и еще один человек. Талер взглянул на часы: было 21.10. Так гласит обвинительное заключение по делу о поджоге рейхстага, представленное имперскому суду в Лейпциге через несколько месяцев после пожара. Но, как многое в этом процессе, сообщение о первом свидетеле было фальшивым.

Настоящего первого свидетеля звали Ганс Гинрих Флётер. Сейчас он преподает в высшей народной школе западногерманского городка Шпринге. А в 1933 году он еще учился на втором курсе Берлинского университета. Флётер вспоминает о роковой ночи так:

«...Поздним вечером 27 февраля — около 21 часа — я шел от Бранденбургских ворот по Зимзонштрассе, погруженный в раздумья. Когда я поравнялся со зданием рейхстага, то вдруг услышал резкий, сильный звук со стороны главного подъезда. Я оглянулся и увидел, что на балконе около первого от подъезда окна стоит человек, разбивший стекло. Этот человек, держа в руках факел, лез в окно. Полы его пальто развевались. Я застыл в ужасе, а затем быстро побежал звать полицию. Ночь была светлой, ясной. Я огляделся — никого кругом не было. На углу рейхстага я нашел полицейского и стал кричать ему, что слева от входа, около ресторана какой-то человек с факелом разбил окно и лезет в него. Я даже подтолкнул полицейского в спину и побежал вместе с ним к месту происшествия. После этого я отправился домой. Я был уверен, что полицейский задержал и арестовал этого человека. Мне и в голову не приходило, что рейхстаг может загореться. Тем больше я был озадачен, когда дома, еще во время ужина моя хозяйка закричала: «Рейхстаг горит!»

40 лет спустя Флётер не удивляется, почему его не стали беспокоить, хотя 28 февраля 1933 года он пошел в берлинский полицей-президиум и дал письменные показания. Вместо Флётера в обвинительном акте фигурировал Талер. Он появился вместе с Флётером и во время судебной «реконструкции» поджога в здании рейхстага. Тогда Флётер ре-

шил познакомиться с Талером и пригласил его на кружку пива. Талер охотно рассказал о себе: он член НСДАП и только недавно получил работу наборщика в типографии нацистского органа «Фёлькишер беобахтер». Более того, он проболтался Флётеру, что о том, какие там давать показания, он получил инструкцию «сверху». Вот в чем был секрет: нацисты хотели иметь надежных свидетелей!

Флётер рассказывал и о некоторых подробностях последовавшей судебной «реконструкции» поджога. Ван дер Люббе даже не предложили продемонстрировать, как он взбирался на балюстраду. Но самое интересное: Флётер и сейчас не знает, был ли увиденный им человек с факелом ван дер Люббе. Сегодня он склоняется к отрицательному ответу, полагая, что в окно лез другой участник поджога, который должен был создать впечатление, что поджигатели проникли в рейхстаг отнюдь не изнутри. Но не будем забегать вперед.

...Едва ли архитектор Пауль Валло предполагал, что его детищу уготована такая судьба. Уроженец Рейнской провинции и признанный мастер «вильгельмской эпохи», он разработал в 1882 году проект здания, над входом которого красовалась надпись: «Немецкому народу». Надпись была призвана напоминать каждому проходящему, что парламент дарован народу лишь по монаршей воле его императорского величества Вильгельма I, божьей милостью императора Германского, короля Прусского. Здание соответствовало всем требованиям эпохи: огромный куб со сторонами общей длиной около 400 метров — мрачный, с четырьмя башнями по углам, с гигантским куполом высотой в 75 метров в центре. Здание было заложено при Вильгельме I и закончено в 1894 году при Вильгельме II.

Рейхстаг мало украшал центр Берлина, но волей-неволей стал его главной достопримечательностью. От него тянулись аллеи Тиргартена, в том числе знаменитая «Аллея победы» с памятниками германским князьям, королям и императорам. Перед рейхстагом впоследствии возник помпезный памятник германской агрессии — гигантская колонна победы, с вершины которой золотой ангел возвещал о победе над Францией. Сначала колонна стояла у самого рейхстага, затем ее передвинули в центр Тиргартена.

Центральным помещением рейхстага, разумеется, был его огромный зал заседаний, обшитый темными дубовыми панелями, с высокой дубовой трибуной. Красотой зал не отличался. Герман Геринг, когда его допрашивали в Нюрнберге, даже отпустил такую сомнительную шутку:

— Если бы я поджег рейхстаг, то сделал бы это совсем по другой причине.

— Почему? — поинтересовался американский следователь.

— Потому что зал заседаний был отвратительным...

Об архитектуре можно спорить, но ошибки архитекторов имеют одну особенность: они остаются надолго. В «отвратительном» зале разворачивались страницы истории Германии: с дубовой трибуны выступали имперские канцлеры, с нее после отмены «исключительных законов» говорили вожди немецкой социал-демократии Август Бебель и Вильгельм Либкнехт. В этом же мрачном зале совершилось грехопадение социал-демократов, проголосовавших 4 августа 1914 года за войну. Но в этом же зале против милитаризма протестовал со своего депутатского места выдающийся революционер Карл Либкнехт. После первой мировой войны на правительственных скамьях рейхстага завертелась парламентская карусель — Шейдеман, Штреземан, Куно, Вирт, Мюллер, Брюнинг, Папен, Шлейхер и, наконец, Гитлер. Но в этом же зале со своих депутатских кресел и с трибуны вели самоотверженную борьбу немецкие коммунисты — депутаты Эрнст Тельман, Фриц Геккерт, Клара Цеткин, Вильгельм Флорин, Вильгельм Пик и многие другие. Так, Клара Цеткин, старейшая из депутатов рейхстага, в котором большинство уже принадлежало нацистам, мужественно бросила в зал слова о неизбежной гибели гитлеризма.

Что же произошло в ночь с 27 на 28 февраля 1933 года? Пожар пожару — рознь. В данном случае речь идет о событии, повлекшем за собой цепь важнейших последствий, следовательно, его надо поставить в соответствующий политический ряд. Впрочем, об этом позаботились сами главари третьего рейха. Ибо не прошло и нескольких минут, как у рейхстага оказались Гитлер, Геббельс и Геринг.

...В тот роковой вечер Берлин жил своей обычной жизнью. Господин имперский канцлер Адольф Гитлер изволил навестить своего имперского руководителя пропаганды Иозефа Геббельса в его квартире на Рейхсканцлер-плац; министр внутренних дел Герман Геринг почему-то остался в своем кабинете в министерстве, что совсем недалеко от рейхстага. Тогдашний любимчик Гитлера, Эрнст Ханфштенгль, исполнявший несколько обязанностей — пресс-атташе, тайного агента и домашнего пианиста, — вспоминает: он в этот вечер чувствовал себя неважно и сидел дома, в квартире, которую ему предоставили по соседству с рейхстагом. Его, однако, удивило, с какой настойчивостью Гитлер и Геббельс звонили ему по телефону и требовали, чтобы он покинул свою квартиру, приехал к ним и сел за рояль. Ханфштенгль отказался. В этот момент вбежала экономка с криком: «Господин доктор, рейхстаг горит!» Ханфштенгль бросился к телефону, позвонил Геббельсу и Гитлеру, чтобы сообщить об этой сенсационной новости...

Сейчас Ханфштенгль считает, что его телефонные собеседники хорошо разыграли удивление, а вызов на домашний

концерт должен был стать алиби. Тем не менее они немедленно помчались к рейхстагу. Прибыл туда и Геринг. Через 40 минут почти вся верхушка рейха оказалась на пожаре. И, что еще удивительнее, — они уже знали причину поджога!

Был у места происшествия и юрист Роберт Кемпнер, за несколько дней до этого уволенный из геринговского министерства внутренних дел. Вот его воспоминания:

«Чисто случайно я оказался у рейхстага: ужинал со знакомыми журналистами из концерна Улльштайн, когда вдруг одному из них сообщили о пожаре. Мы сразу поехали туда. Журналисты прошли по своим удостоверениям. Я показал свое, правда, уже недействительное удостоверение сотрудника министерства внутренних дел. Кругом было полно нацистов и особенно много штурмовиков. Я стоял перед пылающим зданием — примерно в 40—50 метрах от него. Фасад еще не был тронут огнем... Из здания по главной лестнице вышли Гитлер, Геринг, Грауэрт[1] (последний в форме СС). Я узнал многих из числа моих коллег по министерству. Как раз в тот момент, когда мы беседовали, Геринг подозвал к себе начальника отдела печати и, не дожидаясь следствия, приказал дать такое сообщение: «Коммунисты подожгли рейхстаг». Последний сразу рассказал об этой версии журналистам. Я удивился такой быстроте, а мой знакомый журналист только покачал головой».

Впоследствии в Нюрнберге Геринг пытался все это отрицать; когда же был уличен, то стал сваливать все на Гитлера: фюрер, мол, велел ему так сказать. Но это была очередная ложь. Из уст Геринга свидетели в ту ночь слышали такие слова:

— Это был не один человек. Их было десять-двадцать. Это была коммуна!

Гитлер был того же мнения:

— Теперь им не будет пощады. Сотрем всех, кто у нас на пути! Немецкий народ не потерпит этого. Коммунистических функционеров надо расстреливать на месте, а депутатов-коммунистов — повесить в ту же ночь!

Геббельс продиктовал текст плаката: «Рейхстаг в огне, коммунисты — поджигатели!» В этом же духе были выдержаны все официальные сообщения на следующее утро.

Кому это было выгодно?

Сорок пять лет — время немалое, особенно в нашу бурную эпоху. Однако для изучения событий, отделенных от сегодняшнего дня таким сроком, не всегда надо погружаться в

[1] Статс-секретарь министерства внутренних дел.

пыльные архивы. Разумеется, я не против архивов, они еще сослужат нам добрую службу. Но тридцатые годы XX века живы в памяти здравствующих современников.

Сегодняшний Берлин — столица Германской Демократической Республики — отделен от Берлина 30-х годов не только временем. Здесь восторжествовала та великая правда истории, которая вела на антифашистскую борьбу трудящиеся массы и их авангард — коммунистов. Тех самых коммунистов, которых Гитлер некогда собирался «стереть со своего пути». Но получилось иначе!

Как было отказать себе в удовольствии встретиться с теми ветеранами антигитлеровской борьбы, которые сейчас живут и работают в Берлине? Телефонных звонков было достаточно, чтобы найти нескольких важных и активных участников событий 30-х годов. В редакции журнала «Хорицонт» я встретил Ганса Шрекера и Макса Кахане, в Академии искусств ГДР — Александра Абуша. Наконец, в своем кабинете меня принял член Политбюро, секретарь Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии Альберт Норден — человек, антифашистской борьбой которого я восхищался уже много лет.

Разговор со всеми шел о поджоге рейхстага.

Начну с воспоминаний Ганса Шрекера. Он рассказывал:

— Примерно часа в три ночи в моей квартире раздался телефонный звонок. Звонил Эрнст Шнеллер, депутат рейхстага и заведующий отделом пропаганды ЦК КПГ.

— Ганс, рейхстаг горит, — сказал он.

— Да ты спятил с ума! — вырвалось у меня.

— Нет, это так. Пойди и прочитай экстренные выпуски газет. Рейхстаг горит, коммунистов обвиняют в поджоге...

— Тогда я, сотрудник отдела пропаганды ЦК КПГ, еще находился на легальном положении, — вспоминает Шрекер. — Я сразу понял трагическое значение того, о чем сказал мне Шнеллер. Мы уже давно ожидали нацистской провокации, и я сказал Эрнсту, что надо немедленно перебираться на нелегальную квартиру. Он меня не послушал, надеялся, что его спасет депутатская неприкосновенность. Увы, его в ту же ночь схватила полиция. Я же сразу ушел из дома и стал искать нелегальную явку...

Журналист Макс Кахане в эту ночь уже был на нелегальном положении:

— Партия жила тогда в ожидании ударов — ведь нацисты пришли уже к власти. Вместе с венгерским эмигрантом Андре Фридманом (кстати, впоследствии он под псевдонимом Роберт Каппа стал всемирно известным фотомастером) мы жили на Брайтенбахплац. Вернувшись домой поздно вечером, мы застали в своей комнате много людей. Это были наши друзья, узнавшие о пожаре. Для нас, «нелегалов», эта прово-

кация была тревожным сигналом. Мы сразу сменили квартиру...

Альберт Норден:

— В то время я был политическим редактором центрального органа КПГ «Роте фане». В момент, когда стало известно о пожаре рейхстага, ни у кого из нас не было сомнения в том, где надо искать поджигателей. Коммунистическая партия Германии в то время уже была достаточно иммунизирована от мелкобуржуазного анархизма. Этой болезнью мы переболели давно, и знаменитые работы Владимира Ильича Ленина оказали нам исключительную помощь в преодолении «детской болезни левизны». В 30-е годы партия уже рассталась с леваками. Мы решительно выступали против индивидуального террора, борясь за единый фронт трудящихся, за единство коммунистов, социал-демократов, членов профсоюзов. Главная политическая задача в те дни и недели состояла в борьбе за массы. О терроре никто и не думал. Как раз наоборот: политический террор был направлен против нас. То и дело штурмовые банды нападали на коммунистические собрания, убивали наших товарищей.

— Как реагировала партия на поджог?

— КПГ категорически отмела нацистские выдумки о том, что партия якобы готовила государственный переворот и что поджог рейхстага должен был стать «увертюрой» к этому выдуманному нацистами акту. Тезис нацистов был поистине смехотворным. Ведь если кто-либо нуждался в рейхстаге, то это были коммунисты, для которых он представлял почти единственную трибуну разоблачения нацистов и борьбы за массы. В то же время мы понимали, что нацистская провокация влечет за собой тяжелые последствия. Уже были готовы концлагеря для «приема» всех врагов тогдашнего режима.

— Товарищ Норден, — спросил я моего седовласого собеседника, — а как вы расцениваете нынешний тезис некоторых западногерманских историков о том, что нацистам «не был нужен поджог», ибо они были заинтересованы в стабилизации только что установленного режима?

Я имел в виду выступление западногерманского историка Ганса Момзена, который пришел на подмогу Тобиасу и в одной из своих публикаций объявил, что в феврале 1933 года нацисты нуждались в «стабильной обстановке».

Альберт Норден улыбнулся:

— Можно только удивляться, с каким научным и политическим бесстыдством действуют сегодня те, кто выдвигает подобные тезисы. Нацисты заинтересованы были не в стабилизации, а в провокациях. Стоит лишь вспомнить о той политической ситуации, которая сложилась после января 1933 года...

Действительно, время перед поджогом рейхстага было для всей страны, особенно для Коммунистической партии Германии, тревожным и напряженным. Каждый из коммунистов знал слова незабвенного вождя рабочих масс Эрнста Тельмана: «Гитлер — это война». Приход Гитлера к власти был роковой вехой в истории страны. Но коммунисты не собирались сдаваться. Сразу после захвата власти нацистами они призвали всех демократов к генеральной забастовке, однако этот призыв был отвергнут правыми лидерами социал-демократии. Тем не менее, поначалу положение новых властителей было непрочным. То и дело вспыхивали забастовки протеста, демонстрации, митинги, в том числе в Берлине, Брауншвейге, Хемнице, Дрездене, Дуисбурге, Дюссельдорфе, Франкфурте-на-Майне, Галле, Гамбурге, Кёльне, Лейпциге, Мангейме, Мюнхене, Штутгарте. Трудности переживали нацисты и в отношениях с другими буржуазными партиями, которые они должны были до поры до времени терпеть.

...Об обстановке, царившей в феврале 1933 года, вспоминает еще один свидетель — Роберт Кемпнер, имя которого мы выше упоминали; он в то время служил в министерстве внутренних дел в качестве юридического консультанта в отделе полиции. Кемпнер был членом правления «Республиканского союза судей». 31 января 1933 года он, как и многие его коллеги, пришел на работу и узнал, что отныне у него новый начальник — Герман Геринг. В первом кабинете Гитлера Геринг получил важный пост имперского министра без портфеля, одновременно — министра внутренних дел Пруссии. Такое положение существовало с 1932 года, когда предшественник Гитлера фон Папен без всякого труда изгнал социал-демократа Северинга из прусского министерства, тем самым став хозяином положения в Берлине и в основной части тогдашней Германии — Пруссии. Ведь недаром мудрый Бисмарк говорил: «Тот, кто владеет Пруссией, владеет Германией». Теперь Пруссия попала в руки Геринга, одновременно занимавшего пост президента рейхстага.

Роберт Кемпнер вспоминает:

«События тех дней навсегда запечатлелись в моей памяти. Хотя тогда я был человеком молодым и беззаботным, но все же с тяжелым сердцем ехал во вторник 31 января из берлинского пригорода Лихтерфельде на службу в центр города. Улицы были украшены флагами со свастикой. По сообщениям радио и утренних газет о вчерашнем триумфальном марше штурмовиков можно было заключить, что судьба Германии предрешена.

В газетах сообщалось, что министром временно назначен Герман Геринг, первый паладин фюрера.

Личность Геринга была нам известна. Он был замешан во многих грязных делах. Теперь этот человек должен был стать

хозяином самого мощного государственного механизма. Наше министерство управляло двумя третями государства, располагая 76-тысячной полицией.

Число чиновников в министерстве было тогда сравнительно небольшим. Значительная часть их относилась к так называемым «аполитичным», симпатизировавшим преимущественно немецко-национальной партии, Папену и партии центра. Было здесь и несколько социал-демократов. Но были и такие, которые уже в начале 1933 года перебежали к нацистам.

Когда я вошел в свой кабинет, большие окна которого выходили на Унтер-ден-Линден, почти все двери были открыты. Коллеги мои о чем-то шептались, на лицах была написана тревога: никто не знал, что с ним будет...

В первые февральские дни чиновники внимательно следили за тем, кого вызывают к министру и какие новые люди появляются в министерстве. Сразу стал выделяться оберрегирунгсрат (старший правительственный советник) Рудольф Дильс из политического отдела[1]. Его то и дело вызывал министр. На мои вопросы он без зазрения совести ответил:

— Предстоят ужасные события, и ваши друзья в этом убедятся!

Эти слова были произнесены недели за 3—4 до арестов в ночь пожара рейхстага. Еще до этого события Дильс откровенно рассказывал, что уже составлены списки видных противников Гитлера, подлежащих аресту. Кое-кого из них я смог предупредить.

В начале февраля Геринг вызвал к себе руководящих чиновников и заявил, что с «теми, кто выполняет свой долг», ничего не случится. Но когда я вернулся в кабинет, то, как и многие, нашел приглашение к начальнику отдела кадров... Мы были уволены. В тот же день был создан новый отдел политической полиции во главе с Рудольфом Дильсом. Он стал первым начальником гестапо».

Двенадцать лет спустя Роберт Кемпнер — на этот раз американский гражданин и член американского обвинения в Нюрнберге — снова встретился с Дильсом. Он подробно допрашивал своего бывшего начальника, и тот, как всегда многословно, рассказывал ему о тех обширных подготовительных мерах к арестам и террору, которые принимались под руководством Геринга. На помощь Дильсу были призваны давние нацисты Далюге, Грауэрт, Кернер и другие, ставшие «комиссарами специального назначения». Дильс рассказал Кемпнеру и о том, что еще задолго до пожара Геринг послал

---

[1] Дильс после войны опубликовал мемуары, в которых изображал себя противником нацизма и уверял, будто прусское министерство внутренних дел при Геринге состояло из «честных демократов». Именно таких людей выгнал Геринг, заменив их Дильсом и ему подобными.

своего ближайшего помощника, будущего статс-секретаря Пауля Кернера в берлинский полицей-президиум, чтобы выяснить, какие последствия может иметь подготовляемый по указанию Гитлера указ о чрезвычайных полномочиях и даст ли он возможность для неограниченных арестов.

Действительно, в начале 1933 года Гитлер должен был еще держаться в рамках действующих в стране законов. В этих условиях он сначала обеспечил себе позиции в прусской полиции (она поддерживала порядок в Берлине). Именно поэтому ее руководитель, ненадежный, с точки зрения Геринга, Эрих Клаузнер, был снят (впоследствии убит) и заменен Дильсом. В течение февраля были уволены 22 высших полицейских чиновника. На их места пришли такие, как эсэсовцы Далюге и Грауэрт.

17 февраля Геринг издал приказ, разрешавший полиции использовать оружие «при наведении порядка». 22 февраля была создана так называемая вспомогательная полиция, в которую были завербованы 40 000 человек — преимущественно из рядов СА (штурмовых отрядов) и СС. 23 февраля полиция ворвалась в «дом Карла Либкнехта», где располагался ЦК КПГ, и произвела погром, стремясь найти документы о «подготовке государственного переворота» коммунистами. Конечно, их искали и «нашли» — это были сфабрикованные полицией призывы к «отравлению колодцев, штурму полицейских участков, поджогам» и т. д. В министерстве Геринга уже готовился текст законопроекта о «чрезвычайном положении». А 26 февраля нацистский гаулейтер Саксонии Мучман заявил на митинге:

— Без Варфоломеевской ночи не обойтись! Национал-социалисты будут настороже и никакой сентиментальности места не будет...

Об этом неохотно вспоминают буржуазные историки, пытающиеся отрицать прямую заинтересованность нацизма в провокациях типа поджога рейхстага. Со всей определенностью Альберт Норден говорил:

— На вопрос, «кому это было выгодно», — а этот вопрос учил нас ставить Ленин — в применении к февральским событиям 1933 года можно ответить точно: это было выгодно лишь Гитлеру. Последующие события подтвердили наш анализ...

Днем 27 февраля штурмовые отряды в Берлине и других городах получили приказ быть в боевой готовности, а также подготовить помещения для размещения арестованных. Только в ночь на 28 февраля было арестовано более 5000 коммунистов, социал-демократов и других противников нового режима. Дальше события развивались по восходящей: 28 февраля Гитлер созвал срочное заседание правительства. Кабинет министров принял решение о «временной отмене

всех гражданских свобод» и дал правительству чрезвычайные полномочия. Одновременно задним числом были узаконены ночные аресты. Вся пресса КПГ была запрещена. 3 марта Геринг как министр-президент Пруссии заявил: «Мои меры не подлежат никаким юридическим сомнениям... Моя задача — уничтожать и истреблять!» Аресты продолжались: общее число арестованных достигло 10 000 человек. Среди них был Эрнст Тельман.

Кто подсказал Гитлеру и Герингу идею избрать рейхстаг объектом провокации? Такая провокация как бы напрашивалась сама собой. Нацисты часто демонстрировали свое отвращение ко всему, что связано с парламентом. Принцип «фюрерства» не допускал никаких демократических свобод.

Но подобную «общую идею» нужно было конкретизировать. Кто это сделал? 25 апреля 1946 года перед Нюрнбергским международным трибуналом предстал свидетель Ганс Бернд Гизевиус, бывший сотрудник прусского министерства внутренних дел. Ему задали вопрос: к каким результатам пришла полиция, расследуя дело о поджоге рейхстага?

Гизевиус сказал:

— Я буду кратким. Мы установили, что Гитлер в общих чертах высказал пожелание о том, что хорошо было бы провести какое-нибудь крупное пропагандистское мероприятие. Геббельс взял на себя разработку такого акта. Он был первым, у кого возникла мысль о поджоге рейхстага...

Биограф Геббельса Курт Рисс подтверждает: «Не Геринг, а Геббельс был автором этого плана. Чиновники берлинской полиции узнали правду спустя несколько месяцев».

О том, что пожары рассматривались как одна из возможностей для «крупного пропагандистского мероприятия», говорит содержание фальшивок, подготовленных к налету на ЦК КПГ. В них шла речь и о поджогах. Есть тому и другое, весьма своеобразное свидетельство. В те годы в Германии широко было известно имя ясновидца Эрика Гануссена. Под этим именем успешно подвизался ловкий делец Герман Штайншнейдер, снискавший не только славу, но и сколотивший колоссальное состояние. Он завел теснейшие связи с берлинскими нацистами, особенно с одним из их начальников графом Гельдорфом. 26 февраля Гануссен пригласил к себе избранное общество — он построил новый роскошный дворец, где дал очередной сеанс «ясновидения» (перед этим, по свидетельству очевидцев, граф сунул Гануссену какую-то записочку). Гануссен стал вещать:

— Я вижу большой зал. На стенах висят портреты знаменитых людей, вершивших судьбами Германии. Это канцлеры? Да! Но что я вижу? Я... я вижу пламя! Ужасное пламя... Пожар... он разгорелся... Преступники совершили поджог... Они

хотят ввергнуть Германию в бездну... Они хотят помешать победе Гитлера. Германию спасет только железный кулак!

Через день «пророчество» сбылось. Правда, Гануссен заплатил за это жизнью: в штабе СА решили, что он зашел слишком далеко в своей откровенности. Не прошло и месяца, как «пророка» нашли мертвым.

Таким образом, мы видим, что нацистскому режиму был необходим «убедительный повод» для пуска в ход давно подготовленной машины репрессий и террора. Ситуация типичная: в таких провокациях Гитлер нуждался и перед нападением на Польшу, и во многих других случаях. Иными словами, поджог рейхстага был премьерой политической стратегии, основанной на провокациях и лжи, на обмане общественного мнения.

С точки зрения пожарных

Как мы знаем, первое разбирательство дела о поджоге состоялось в Лейпциге. Не менее хорошо известно, что этот позорный процесс не принес ни славы нацизму, ни разгадки тайны пожара. Цель заседаний имперского суда была определенной: он должен был подтвердить официальную версию пожара, а именно версию о «вине коммунистов».

Получилось иначе: процесс стал обличительной трибуной для выдающегося коммуниста, отважного антифашиста Георгия Димитрова, которого попытались впутать в это дело. Димитров сумел доказать, что ни он, ни его соотечественники Попов и Танев не имеют никакого отношения к поджогу. Суд был вынужден это признать. Признал он и невиновность председателя фракции КПГ в рейхстаге Торглера. Осужден был один лишь Маринус ван дер Люббе — странный, полуслепой, полубольной человек.

Однако Димитров не ограничился доказательством своей собственной невиновности. Он вел дело к тому, чтобы процесс превратился в суд над самими нацистами, и недаром бросил в лицо всемогущему тогда Герингу грозные слова:

— Вы ведь боитесь моих вопросов, господин министр-президент!

Сегодня можно слышать эти слова с магнитофонной пленки, которую демонстрируют в лейпцигском Музее имени Георгия Димитрова. Этот музей возник в том самом мрачном (и очень похожем на берлинский рейхстаг) здании имперского суда, где некогда Димитрову угрожала нацистская кара. Теперь тысячи посетителей со всех концов мира приходят сюда и знакомятся с документами о великом подвиге Димитрова, об антифашистском сопротивлении гитлеризму.

Но осенью-зимой 1933 года (процесс шел с 21 сентября по 23 декабря 1933 года в Лейпциге; с 10 октября по 18 ноября суд выезжал в Берлин) Димитрову надо было бороться не на жизнь, а на смерть. Нужно было распутать длинную и хитроумную цепь лжесвидетельств и псевдодокументов, которую плело обвинение. Надо было найти ключ к загадке пожара рейхстага.

Димитров сопоставил все имевшиеся у него материалы (а их было гораздо меньше, чем у нас сегодня) и попытался представить себе — на чем же замыкаются все нацистские доказательства? И ответил: на попытке изобразить дело так, что ван дер Люббе действовал не один. Тогда он принял смелое и остроумное решение — не противоречить председателю суда, когда тот намекал на «сообщников», а вести его дальше по этому пути. Тот в своей чиновничьей ограниченности думал, что находит улики против коммунистов, а в действительности готовил улики против нацистов...

Этими специфическими обстоятельствами и объясняется необходимость обратиться к чисто пожарной стороне дела — как она предстала в Лейпциге.

Факты таковы. Флётер заметил подозрительного человека в 21.05. Примерно это же время зафиксировано в показаниях Талера. Пожарные были подняты по тревоге в 21.14, прибыли на место пожара в 21.17. Что же они обнаружили?

...Нынешний директор пожарной службы, а тогда рядовой пожарник Фриц Польхов служил в 6-й команде берлинской пожарной охраны (Линиенштрассе, 72). В 21 час 14 минут 30 секунд команда выехала. Машины вскоре подъехали к западному фасаду здания, и пожарные увидели в окнах расположенного здесь ресторана пламя. Польхов свидетельствует:

«Командир дал приказ: «Поднять лестницы с четырех сторон к второму окну справа от входа!» Обербрандмейстер Пуле сам разбил топором окно. Никакого предварительного повреждения окна я не заметил. Пуле влез первым, я за ним. С момента прибытия к подъезду прошло не более трех минут. Часы показывали 21.20. Огонь в помещении ресторана уже затухал, было довольно темно. Я могу припомнить, что было несколько очагов огня на столах и на полу. Горели занавески. Мы тушили их из ведер и шлангов, на что ушло две-три минуты. Никаких признаков пожара внутри здания в этот момент еще не было» [1].

Таково свидетельство Польхова. Оно важно своей «засечкой времени»: в 21 час 20 минут в зале заседаний огня еще не было замечено, а огонь в ресторане шел на убыль. В то же время обвинительное заключение констатирует, что ван

[1] Это и нижеследующие свидетельства собрал Международный комитет.

дер Люббе был схвачен в 21.27 в соседнем «Бисмарковском зале». Лишь немногим раньше (в 21.21 — 21.22) два полицейских, очутившихся в зале заседаний, заметили горящие портьеры сзади трибуны президиума и ложи стенографов. Однако в 21 час 27 минут зал уже был полон огня, а через три минуты температура достигла такой высоты, что лопнул стеклянный потолок. Он обвалился, и зал вспыхнул, как спичечная коробка. Этот очаг пожара оказался центральным.

В свою очередь, обербрандмейстер Курт Гернт (из 7-й пожарной команды, подъехавшей с северной стороны), войдя в зал, увидел «целую цепь огоньков — такую, какую закладывают в ночь на Ивана Купала. Они были расположены на равном расстоянии друг от друга». А через несколько минут в зал уже нельзя было войти. Густой дым окутал все помещение.

На первый взгляд, очередная загадка: ван дер Люббе мог пробыть в зале лишь несколько минут и, по собственному признанию, принес сюда лишь четыре пакета дешевых угольных стерженьков, большую часть которых использовал в ресторане. А ведь зал заседаний был огромным: 53 метра высоты, общий объем 11 тысяч кубометров.

Обратимся, однако, к пожарной стороне проблемы. Она, на первый взгляд, далека от политики. Но только на первый взгляд! Иначе трудно понять, почему в ходе расследования начальник берлинской пожарной службы Гемпп был практически отстранен от него, а вскоре уволен в отставку. Будем двигаться последовательно по всем ступеням «пожарной лестницы».

28 февраля берлинский полицей-президент адмирал фон Лёвецов вызвал к себе тайного советника профессора Отцена, который в то время возглавлял имперское ведомство по испытанию материалов, и попросил выделить экспертов для следствия. Отцен выделил берлинского профессора Кристена — он жив до сих пор и по памяти восстановил ход экспертизы. Почему по памяти? Потому что ни оригинал, ни копия экспертизы Кристена в государственных архивах третьего рейха не сохранились. Странно, но факт.

Вот рассказ Теодора Кристена. 1 или 2 марта он прибыл к рейхстагу со своими помощниками — профессором Шульце и техником Шульцем. Они стали исследовать место пожара и обнаружили минимум 20—25 заранее заложенных очагов огня. Стулья в ресторане были обработаны каким-то веществом. То же самое Кристен увидел в зале заседаний, где были обнаружены следы фосфора и пороха. Помнит он, что эти следы были зафиксированы в приложении к акту.

— Примитивными угольными стерженьками, которыми располагал ван дер Люббе, — утверждал тогда и утверждает сейчас Теодор Кристен, — поджечь здание рейхстага в такой

короткий срок невозможно. Сообщники ван дер Люббе были специально подготовлены...

Это мнение разделял и Гемпп. Профессор Шульце умер. Техник Шульц жив. Он сказал: да, я видел более 20 очагов и считал, что ван дер Люббе не в состоянии был один их заложить. Поджигатели пользовались фосфором, керосином, бензином и порохом...

Спрашивается: почему же заключения Кристена и Шульце игнорировались на процессе в Лейпциге? Ведь они могли подкрепить версию о «коммунистических сообщниках» ван дер Люббе? Сегодня трудно ответить на этот вопрос. Может быть, потому что цифра 20—25 очагов была слишком велика для того, чтобы обвинить в их закладке лишь трех мнимых сообщников — Димитрова, Попова, Танева. Может быть, и потому, что в экспертизе слишком точно указывался вид и род дополнительных средств, способствовавших усилению пожара и обнаруженных уже после него.

Так или иначе, лейпцигское следствие назначило еще две экспертизы. Одну из них произвел химик д-р Шатц, другую — теплотехник профессор Иоссе. Шатц также предполагал наличие других средств, кроме тех жалких 4 пакетов с угольными стерженьками, которые ван дер Люббе купил за 30 пфеннигов. На это сразу обратил внимание Димитров. Во время перекрестного допроса на заседании суда 23 октября 1933 года завязался такой диалог:

«**Димитров.** Если я правильно понял, это интересное высказывание...

Председатель. Было бы лучше, если бы вы говорили короче...

Димитров. Тогда я прихожу к выводу, что применение подобных зажигательных материалов и применение таких методов при поджоге возможно только в том случае, если здесь действовали не дилетанты, а люди, обладающие определенными знаниями в этом деле. Я хочу спросить эксперта: какие для этого нужны знания?

Шатц. Подобными знаниями обладают те, кто работает в химической промышленности. Это могли быть или студенты, проходившие практику в лаборатории, или фармацевты, имеющие дело с этими средствами.

Димитров. Могли ли быть эти методы и эти зажигательные средства пущены в ход людьми, которые не были знакомы со зданием рейхстага и пленарным залом? Возможно ли это?

Шатц. Я не знаю, какими знаниями обладают обвиняемые. Я знаю лишь то, что ван дер Люббе был рабочим. Других я не знаю.

Димитров. Вы меня не поняли. Я спрашиваю: если человек не знаком с помещением рейхстага и не бывал в зале

заседаний, то может ли он сразу так сориентироваться, чтобы применить подобный метод поджога?

Шатц. Я уже сказал, что было необходимо знание местности...»

Этот разговор очень любопытен — Димитров здесь нащупал слабое место тех экспертов, которые при первом рассмотрении дела как бы подтверждали нацистский тезис. Все же сведения Шатца (и, очевидно, Кристена) вели к тому, что поджог осуществили лица, во-первых, обладающие специальной подготовкой и материалами, во-вторых, хорошо знающие рейхстаг. Но ни Димитров, ни другие обвиняемые не подходили под эту категорию.

Теперь обратимся к экспертизе д-ра Иоссе. Она датирована 15 мая 1933 года и очень пространна. Сначала она фиксирует хронологию поджога: закладка очага пожара в ресторане — 21.07, в туалете — 21.13, у входа в зал заседаний — 21.15, у трибуны — 21.17—18, воспламенение у стола стенографов — 21.22, интенсивный огонь у трибуны — 21.23, разгар пожара — 21.24. Далее Иоссе отвечал на следующие вопросы:

— Могло ли вентиляционное устройство способствовать быстрому распространению пожара в кулуарах и в ресторане?

— Нет.

— Могло ли вентиляционное устройство способствовать тому же в зале заседаний?

— Нет, оно не было включено.

— Были ли в зале заседаний использованы те же средства для поджога, что и в ресторане?

— Вероятнее всего, нет. Угольными стерженьками поджечь зал нельзя было.

— Как произошел пожар в зале заседаний?

— Материалы для поджога были внесены в зал со стороны помещения стенографов; его двери были открыты; здесь можно было все заранее приготовить.

«У меня сложилось впечатление, — писал в своем заключении Иоссе, — что вся «пожарная операция» была хорошо продумана и подготовлена».

Запомним слова Иоссе об особой роли помещения стенографов и двинемся дальше. Иоссе заключает: ван дер Люббе мог поджечь лишь несколько участков в зале. Однако, исходя из технических возможностей, абсолютно исключается, что он один провел всю подготовку к поджогу. К этому же выводу пришел преемник Гемппа директор пожарной службы Вагнер (экспертиза от 22 мая 1933 года). Обе экспертизы были доложены в июне Гитлеру со специальным

примечанием о наличии «хорошо продуманного и подготовленного плана».

Старинная поговорка гласит: «Когда двое говорят одно и то же, это не одно и то же». Изменив изречение, можно сказать: «Когда двое ставят один и тот же вопрос, это не один и тот же вопрос». В 1933 году нацисты, стремясь оклеветать коммунистов, задавали вопрос: мог ли **один** ван дер Люббе поджечь рейхстаг? Сегодня мы вынуждены повторить этот вопрос, однако на иной основе и по иным мотивам.

Подобная необходимость возникла в результате демагогического маневра, предпринятого апологетами нацизма и связанного с упоминавшимся выше именем Фрица Тобиаса. Я уже говорил, что этот маневр выглядел просто, как колумбово яйцо: Тобиас вознамерился смыть печать позора с нацистов и доказать возможность поджога рейхстага одним человеком. Этому он посвятил сотни страниц своей книги, десятки выступлений в газетах и журналах и, надо сказать, достиг некоторых результатов. Главный из них состоял в том, что ученые и пропагандисты определенного толка посчитали, что заполучили материал, позволявший реабилитировать нацистов. Тобиас подметил противоречия и неточности в документах лейпцигского процесса (что нетрудно было сделать), подобрал некоторые свидетельства, сделанные задним числом. Этого было достаточно, чтобы со страниц ряда газет и научных трактатов раздался победный клич: нацисты были ни при чем, ван дер Люббе сделал все сам!

Ворошить старые документы и начинать все доказательства сначала — дело не особенно приятное, и, может быть, раздадутся голоса: один или не один был ван дер Люббе, какая разница? Дело ясное: нацисты подожгли рейхстаг, а все прочие подробности интересны лишь специалистам. Может быть, эти люди и правы. Но они не учитывают одну важную особенность «безумного, безумного мира», который в просторечии именуется капитализмом. В этом мире часто не верят простым и логичным аргументам, им не хотят верить. Стремясь якобы к объективности, западные идеологи и пропагандисты воздействуют на обывателя, внушают ему мысль о том, что если какое-то заключение исходит от прогрессивных деятелей, то верить им не стоит. Такова логика современного антикоммунизма.

Международный комитет профессора Хофера тоже не избежал этой болезни и решил начать «все сначала». Сначала комитет перепроверил пожарные экспертизы. Считая, что в 1933 году эксперты были специально назначены фашистским правительством, а последнее преследовало совершенно определенную цель, они обратились к современным специалистам-термодинамикам и просили их исследовать проблему заново. Учитывая, что за 40 лет термодинамика продвину-

лась вперед, можно было применить современную электронно-вычислительную технику для ответа на вопрос: мог ли один ван дер Люббе «сжечь» рейхстаг?

Такую экспертизу провел в 1970 году Институт термодинамики Технического университета в Западном Берлине под руководством крупного специалиста профессора Штефана. Ученые сначала ознакомились с прежними экспертизами, затем стали изучать проблемы сами и дали свое заключение: «Не подлежит сомнению, что прежние эксперты Иоссе, Вагнер и Шатц придерживались различных мнений в ряде спорных моментов пожара 27.2.1933 г. Несмотря на это, они соглашались в том, что один поджигатель, не имея вспомогательных средств, не был в состоянии за такое короткое время добиться столь мощного пожара, если зал не был бы предварительно подготовлен к поджогу. Таким же был вывод профессора Кристена и его коллег.

Наше исследование привело к тому же выводу, хотя оно шло иными путями. Мы не опирались на опыт прежних экспертов, а базировались на новых вычислительных методах.

Выводы можно сформулировать так: стеклянные части потолка выдерживали лишь небольшую перегрузку давления, значит, нужна была лишь небольшая перегрузка, чтобы обвалились купол и стеклянный потолок. Вполне вероятно, что именно дополнительное давление появилось при возникновении пожара. Однако после обвала стеклянного потолка та температура, о которой говорили свидетели, могла возникнуть только в том случае, если все сооружение было предварительно доведено до температуры воспламенения.

Исходя из самых осторожных предположений, можно сказать, что в этих условиях должны были полностью сгореть не только портьеры, но также 200 килограммов дерева. Как показали наши и другие опыты, полностью исключается, что такое количество деревянных предметов (стулья, столы и т. п.) могло воспламениться в течение 10 минут без применения каких-либо иных зажигательных средств, кроме угольных стерженьков и обрывков материи...

Потолок мог обвалиться только в результате применения легковоспламеняющихся веществ. Этот вывод основывается на расчете времени, необходимого для доведения до температуры, при которой загорается дерево...

...На основании результатов, к которым нас привело исследование, следует считать невозможным превращение всего зала за несколько минут в море огня без того, что были применены дополнительные зажигательные средства»[1].

Читатель простит мне эту длинную и неудобочитаемую

[1] Полный текст опубликован в первом томе материалов Международного комитета, вышедшем в Западном Берлине в 1972 году.

цитату, но она очень красноречива. Комментируя свои выводы, профессор Штефан разъяснял: если исходить из объективных условий, то одному человеку надо было бы располагать минимум 30 минутами и различными вспомогательными средствами, чтобы поджечь зал заседаний. В частности, нужно было иметь либо 80 килограммов солярки, либо 90 килограммов фосфора, либо 80 литров бензина, 130 литров спирта и к тому же минимум 2100 килограммов бумаги. У ван дер Люббе не было ни столько времени (согласно полицейским протоколам, он пробыл в зале несколько минут), ни таких материалов. Следовательно...

Но недаром говорится: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Прямой и недвусмысленный вывод профессора Штефана оказался не по вкусу господам тобиасам. Сначала они попытались скомпрометировать научную основу анализа — это не удалось. Тогда у них появился новый вопрос: а может быть, у ван дер Люббе было в распоряжении больше времени? Именно такой казуистикой занялся на страницах одного солидного исторического журнала ФРГ А. Берндт[1].

Но и эта контратака была малоэффективна. В своем возражении Вальтер Хофер констатировал: нет никаких оснований сомневаться в той хронологии, которую зафиксировали две пожарные команды в ночь на 28 февраля. Далее, даже если верить Берндту, то ван дер Люббе должен был быть профессиональным спринтером, чтобы успеть так быстро очутиться в зале, а ведь он не знал дороги туда. Добавлю от себя: Штефан определил время, необходимое для поджога, в 30 минут, оговаривая, что при этом должны были применяться специальные средства. Однако доказано, что в руках ван дер Люббе их не было! Со своими угольными стерженьками полуслепой человек мог всю ночь бегать по рейхстагу и ничего не добиться. За него всю работу сделали другие, более умелые руки.

Куда вели следы?

Имя Маринуса ван дер Люббе уже не раз упоминалось, и, может быть, он не заслуживал бы столь пристального внимания, если бы речь шла о случайном провокаторе или маньяке. На размышление о символическом значении этой фигуры меня навел, как это ни странно, г-н Фриц Тобиас. В своем пространном письме ко мне он стал проводить многозначительные параллели между ван дер Люббе и нынешними

[1] Берндт — не историк, а специалист по гражданской обороне.

ультралевыми, совершающими террористические акты в странах Запада.

Действительно, в последние годы в ФРГ и других странах Западной Европы участились бессмысленные террористические акты, предпринимаемые анархистскими элементами. Эти акты преподносятся ими самими (и их покровителями) как «коммунистические действия». В свою очередь, власть предержащие немедленно используют эти авантюристические акции как предлог для полицейских репрессий против подлинных коммунистов. Еще чаще они используются для идейной компрометации прогрессивных сил. Не стал ли Маринус ван дер Люббе образчиком для подобных провокаций?

Об этом человеке в момент его задержания в горящем рейхстаге никто толком ничего не знал. Именно поэтому Геринг без зазрения совести смог объявить, будто у ван дер Люббе обнаружен членский билет голландской компартии. На суде в Лейпциге этот билет никто предъявить суду не смог, но тем не менее о ван дер Люббе все время говорили как о «завзятом коммунисте».

Легенду разбили, и первым сделал это известный советский журналист, в то время корреспондент «Правды» в Лондоне Борис Изаков. Весной 1933 года он получил срочное задание редакции выехать в Амстердам и собрать данные о ван дер Люббе. Сейчас Борис Изаков рассказывает:

— Тогда мне необыкновенно повезло. За один день с помощью голландских товарищей я смог не только навести справки о псевдокоммунисте ван дер Люббе, но и достать некоторые документы — его фотографии, письма и заверенный нотариусом протокол его выступления на собрании голландских фашистов...

В действительности, молодой каменщик Маринус ван дер Люббе не был членом голландской компартии. Он лишь участвовал в работе коммунистического союза молодежи, однако был исключен из него за нарушение дисциплины. После этого он стал блуждать по всевозможным троцкистским и иным левацким группам, имевшим филиалы и в Германии. Склонность ван дер Люббе к провокациям была известна: так, он уверял всех, будто бы ездил в Москву, но на самом деле никогда там не был. В январе 1933 года он находился в Голландии, где лечился в глазной клинике по поводу 75-процентной потери зрения. В самом конце января он бесследно для своих родных исчез, и родители узнали о его судьбе только после сообщения об аресте. Брат Маринуса до сих пор считает, что ван дер Люббе завлекли в «берлинскую ловушку».

Известно лишь одно: в ночь с 26 на 27 февраля ван дер Люббе находился в полицейской ночлежке в берлинском при-

городе Хеннигсдорф. Вместе с ним был некий Франц Ватчинский — человек, который на следующий день бесследно исчез. Ни полицейские следователи, ни суд не предприняли никаких попыток разыскать этого важного свидетеля[1].

Как готовили ван дер Люббе к его роли? По этому поводу мне довелось услышать рассказ человека, видевшего его за день до поджога.

Осенью 1972 года меня познакомили в Бонне с пожилым мужчиной, за плечами которого было «богатое» прошлое. В 30-е годы он служил в штабе СА в Берлине, был близок со многими деятелями СА, в том числе и с руководителем берлинских штурмовиков Карлом Эрнстом. Г-н Юргес — так звали моего собеседника — утверждал, что в ночь на 27 февраля состоялась встреча Эрнста с... ван дер Люббе. Сам Юргес присутствовал на ней в качестве переводчика, так как ван дер Люббе плохо говорил по-немецки. На этой встрече был еще один представитель СА; состоялась она в штабе Эрнста на Хегеманштрассе.

— Сложилось ли у вас впечатление, что Эрнст впервые видел ван дер Люббе? — спросил я Юргеса.

— Нет, как раз наоборот. Из разговора можно было понять, что ван дер Люббе уже встречался с Эрнстом или с его подчиненными.

— Шла ли там речь о поджоге?

— Нет, прямого упоминания о рейхстаге я не припомню.

— Быть может, вы забыли?

— Нет, я бы запомнил такое. Они лишь говорили о каком-то обусловленном мероприятии. Лишь на следующий день я понял, в чем дело, и рассказал об этом моему другу, депутату рейхстага Оберфорену. Вскоре он погиб при таинственных обстоятельствах...

По мнению голландского юриста де Ионга, присутствовавшего в Лейпциге в качестве наблюдателя, ван дер Люббе действительно заманили «в ловушку» агенты берлинской полиции и стали обрабатывать при помощи сильнодействующих лекарств. О том, что такая обработка имела место во время самого процесса, не было двух мнений. Ныне здравствующая Лили Максимовна Кайт — в те годы корреспондент «Известий» в Германии — рассказывала о том, как беспомощно лепетал ван дер Люббе в зале суда, часто он не был в состоянии закончить начатую фразу[2].

---

[1] Предполагают, что это был штурмовик Ралль, впоследствии ставший непосредственным участником поджога.

[2] Первоначально нацисты не хотели допускать советских журналистов и даже арестовали Л. Кайт и корреспондента ТАСС Г. Беспалова, когда они приехали в Лейпциг. Однако после того как Советское правительство приняло энергичные ответные меры, журналисты были освобождены и допущены на процесс.

Маринус ван дер Люббе был приговорен в Лейпциге к смертной казни. Прошение о помиловании было отвергнуто. Никаких документов о ван дер Люббе в полицейских архивах не сохранилось, поэтому мы вынуждены пользоваться лишь косвенными свидетельствами о его подлинной роли. Каковы же эти свидетельства? Первая их группа касается следов, которые он сам оставил на месте преступления. Уже в роковую ночь на месте преступления были обнаружены улики, которые ни в коем случае нельзя отнести лишь к «поджигателю-одиночке». Международный комитет, обобщив все данные, называет из них: следы зажигательной жидкости, факел, найденный в коридоре, многочисленные очаги огня в зале заседаний.

Следы, однако, важное, но не исчерпывающее обстоятельство. О том, что полуслепой ван дер Люббе действовал совсем не так, как это описывалось следствием в Лейпциге, стало ясно уже во время процесса. Георгий Димитров привел суд в явное замешательство, когда стал перечислять все действия, которые якобы успел произвести поджигатель за какие-то 10 минут. Этим вопросом подробно занялся созданный в 1933 году прогрессивной общественностью «контрпроцесс» в Лондоне, который внимательно проанализировал все версии, выдвигаемые нацистами. Было установлено, что, согласно этим версиям, ван дер Люббе должен был совершить за 11—14 минут 167 различных операций, причем на двух этажах и более чем в 20 помещениях!

Кстати, в Лейпциге так и не было доказано, что именно ван дер Люббе был тем человеком, которого Талер и Флётер видели около окна. Скорее наоборот! Польхов, о котором мы упоминали, категорически утверждал и до сих пор утверждает, что пожарным пришлось самим разбивать окно. В то же время на ван дер Люббе не было никаких следов порезов. Полиция так и не исследовала разбитые окна. Далее, Флётер видел у человека около окна факел, но у ван дер Люббе факела не было. Наконец, полиция задержала еще одного человека, который убегал от здания рейхстага. Иными словами: поджигатели должны были попасть в рейхстаг другим путем. Каким же?

Когда Иоссе проводил свою экспертизу, то обратил внимание на ложи стенографов в зале, по обе стороны трибуны. Для них же предназначалась комната за трибуной, имевшая отдельный вход из цокольного этажа. Из комнаты можно было выйти, минуя зал. Недалеко от того места, куда выходила лестница из комнаты стенографов, в цокольном этаже была небольшая железная дверь. Открыв ее, можно было спуститься по узкой лестнице вниз, в подземный ход. Он проходил под улицей и кончался в котельной, которая отапливала рейхстаг и находившееся непосредственно над котельной

здание дворца президента рейхстага. Это означало, что из дворца президента можно было по подземному ходу попасть в рейхстаг, минуя все посты и караулы.

Об этом знали многие депутаты, вахтеры, служащие рейхстага. Но лучше всех о нем знал, разумеется, тогдашний хозяин дворца. Имя его было Герман Геринг.

Подземный ход

Говорят, что на воре шапка горит. Этой пословицей едва ли хотел руководствоваться г-н президент рейхстага Герман Геринг. Но получилось именно так. Когда он появился на пожарище, то не замедлил послать начальника своего личного штаба штурмовика Вебера к злополучной железной двери. Зачем? Чтобы тот впоследствии смог под присягой показать: дверь, ведущая в подземный ход, в ночь пожара была закрыта.

Но этот вариант, который должен был сразу «снять» вопрос о возможном использовании хода, почему-то показался Герингу недостаточным. Уже 1 марта 1933 года, буквально на следующий день, он заявил прессе, что именно через подземный ход могли «бежать поджигатели» (сиречь коммунисты). Оба варианта фигурировали в Лейпциге, однако прокуратура так и не решила, какой из них избрать. В обвинительном акте содержалась весьма обтекаемая формулировка: использование хода было «невозможно без разрешения» [1].

А с разрешения? Здесь мы и подходим к кардинальной проблеме всей загадки пожара, вокруг которой до сих пор не утихают споры. Исследование этой проблемы прошло через несколько стадий.

Стадия первая началась в тот момент, когда антифашистская общественность на страницах вышедшей летом 1933 года знаменитой «Коричневой книги» впервые обратила всеобщее внимание на роль подземного хода как пути, использованного нацистскими поджигателями.

Стадия вторая развернулась в Лейпциге; здесь суд постарался замять вопрос о подземном ходе, а Димитров разбил в пух и в прах версии Геринга.

Стадия третья связана с послевоенными попытками реакционной публицистики и историографии обелить нацистов.

---

[1] Неожиданный «финт» Геринга до сих пор заставляет историков ломать голову. Очевидно, он был настолько уверен в убедительности любых своих утверждений, что пренебрег всеми другими соображениями.

Когда Тобиас опубликовал свою книгу, в которой отрицал роль подземного хода, стали известны новые данные, новые свидетельства. К ним мы и обратимся.

Значительную часть новых фактов составили показания бывших берлинских пожарных, принимавших непосредственное участие в тушении пожара и по вполне понятным причинам державших в годы фашизма язык за зубами. В 60-е годы они стали подробно описывать события роковой ночи и констатировали следующее: когда им пришлось спуститься с первого этажа в цокольный, то здесь группа незнакомых людей преградила путь.

Вот что рассказывал Польхов, одним из первых очутившийся в горящем здании: «В одном помещении горел свет. Я и сейчас помню, какой царил там беспорядок. Кругом валялись перевернутые стулья, из открытых шкафов были вывалены скатерти. Из этого помещения узкая лестница вела в нижний этаж. По ней в темноте я стал спускаться на ощупь. Когда я сошел на 2—4 ступеньки, внизу вдруг вспыхнула лампочка — до этого момента прошла примерно минута. Возможно, кто-то включил свет на нижнем пульте. Теперь я смог увидеть, что в конце лестницы находилась стеклянная дверь. Она была закрыта. За ней стояли несколько полицейских чиновников, на них были новенькие мундиры. Они навели на меня револьверы, осветили лицо карманными фонарями. Из-за разбитого стекла полицейские крикнули: «Немедленно назад!» В ответ на мои слова «Я пожарный», они закричали: «Назад, или мы откроем огонь!» Я был ошарашен, увидев полицейских в такое время (21час 23 минуты) на этой лестнице; тем более, что, когда мы прибыли к рейхстагу, полиции не было и следа. Я вынужден был вернуться и доложить об этом начальнику моего отделения брандмейстеру Лутошу: «Г-н Лутош, внизу на лестнице стоят полицейские, они меня не пускают туда». Лутош спросил: «Где эта лестница?» Я показал, где. Когда он вернулся, то сказал: «Они еще стоят и размахивают своими револьверами. Но они сказали, что внизу пожара нет» [1].

Польхов добавил, что когда на следующий день он официально давал показания в полиции, то рассказал и об этой встрече. Однако следователь оборвал допрос и сказал:

— Довольно, все остальное мы знаем...

Сами пожарные долго обсуждали таинственную встречу на лестнице, и один из пожарных экспертов Мойзер в те дни даже составил точный эскиз, публично высказав при этом предположение, что «поджигателей было много». Однако через несколько дней Мойзер снова созвал пожарных и ска-

---

[1] Письмо Ф. Польхова в секретариат Международного комитета.

зал, что изменил свое мнение и убедился в том, что ван дер Люббе сделал все сам...

Нетрудно понять, что Мойзер и Польхов были вынуждены замолчать. Лишь после войны, когда снова заговорили о поджоге рейхстага, Польхов написал цитируемое нами письмо. Дал о себе знать и пожарный Эрих Нест, который был в одном взводе с Польховом. Нест подтвердил: да, он шел позади Польхова, и, когда они стали спускаться по узкой лестнице, внизу оказались двое полицейских, угрожавших револьверами[1]. Это же подтвердил и третий оставшийся в живых пожарный из взвода Польхова — Эмиль Дупке[2].

Итак, имеются важные свидетельства того, что в нижних этажах рейхстага было «нечисто». Существенное дополнение к ним внесли два бывших истопника рейхстага — Генрих Груневальд и Эрхард Цирон. Вот что рассказал Груневальд в 1969 году историку Карлу Брахеру:

«26 и 27 февраля 1933 года я и мой коллега Иоганн Виттковски получили задание растопить котлы, чтобы согреть помещение для усиленного отряда охраны, который расположился в приемном зале дворца президента рейхстага. За 13 лет моей службы в рейхстаге это был единственный случай, когда этот зал отапливался. Охрана была якобы необходима на случай коммунистических волнений. Отряд показался подозрительным не только нам, истопникам, но и вахтеру Паулю Адерману. Он положил несколько спичек в определенном месте подземного хода — именно там, где он пересекается канализационной трубой, покрытой двумя металлическими плитами. Это было единственное место хода, выложенное металлическими плитами. Кроме того, Адерман натянул нитки на двери, отделявшей дворец президента от котельной. Таким образом он мог установить, что именно в те ночи, когда во дворце находился усиленный отряд, неизвестные лица использовали подземный ход. После пожара 27 февраля отряд бесследно исчез. Днем 28 февраля Адерман сказал мне и моим коллегам, что в ночь пожара кто-то использовал черный ход президентского дворца, ведущий в подвал. Это могли быть только люди из отряда».

Видимо, это сообщение больно задело г-на Тобиаса, и тот попытался доказать, что Груневальда в тот день вовсе не было в рейхстаге. Тогда уязвленный Груневальд нашел в архиве служебное расписание 1933 года, в котором говорилось, что именно он дежурил ночью 27 февраля.

Наконец, еще одно показание. Его автор — Эрхард Цирон, также бывший истопник рейхстага: «Груневальд прав, когда он говорит о том, что 26 и 27 февраля 1933 года в

---

[1] Письмо Э. Неста от 14.7.1960.

[2] Письмо Э. Дупке от 26.7.1971.

порядке исключения надо было включить установку для обогрева, так как в приемном зале дворца президента рейхстага расположилась группа не известных нам лиц. 27 февраля 1933 года я ушел из котельной в 8 часов вечера вместе с истопниками Крюгером и Виттковски... Меня, Груневальда и Виттковски не вызывали в суд. В Лейпциг пускали только «профильтрованных свидетелей». Во время следствия на месте происшествия нас также не допрашивали».

Для полноты картины добавим: когда вахтера Адермана допрашивали в Лейпциге, он сказал, что, по его предположениям, до пожара неизвестные шесть раз проходили по подземному ходу. Они могли легко избегнуть шума, сняв обувь...

Но и это не убедило Тобиаса, Моммзена и иже с ними. Моммзен выдвинул новое утверждение: помещение вахтера было расположено так, что Адерман и другие должны были обязательно видеть каждого, кто использует подземный ход. Однако и здесь сторонники «единоличного поджога» потерпели неудачу. Представитель Международного следственного комитета, профессор криминалистики Гейдельбергского университета Гейнц Леференц констатировал: из президентского дворца можно было незамеченным пройти в рейхстаг, причем проход не контролировался вахтером. Применяя соответствующие меры, можно было бесшумно и незаметно двигаться по подземному ходу. Общий вывод Леференца: использование подземного хода поджигателями не подлежит никакому сомнению, равно как и присутствие «усиленного отряда» охраны во дворце.

Путешествие в прошлое

Сравнительно недавно в научном обиходе появилось понятие «современная история». В нем, на первый взгляд, заключается противоречие: как может быть история «современной»? История есть история, ее предмет — прошлое. Однако теперь даже самые строгие ревнители традиций не возражают против нового термина, и для этого есть веские причины.

В наше быстро текущее время, в эпоху колоссальных скоростей и грандиозных сдвигов, бывает очень трудно установить точную грань между прошлым и настоящим и еще труднее считать прошлым то, что совершилось совсем недавно. Классическое деление истории на «новую» (с Великой французской революции) и «новейшую» уже не может охватить всю полноту событий. Если, скажем, события 1918 года — это «новейшая» история, то как назвать события 1941-го: «наиновейшая»? Видимо, для преодоления подобных трудностей и

введен термин «современная история». Она рассматривает события, которые хотя и ушли в прошлое, но как бы продолжают оставаться современными. Теперь уже во многих странах есть специальные институты современной истории, которые сосредоточиваются на изучении войны 1939—1945 годов и последующего периода.

Понятие «современная история» близко мне не только по чисто научным причинам. Когда сам переживаешь определенные события, а потом находишь их описание на страницах монографий или даже учебников истории, то невольно предаешься размышлениям о судьбе своего поколения. Любой участник Великой Отечественной войны испытывает это чувство, листая страницы мемуаров и военно-исторических трактатов. Или приедешь в какой-то город, где бывал в годы войны, и он становится для тебя путеводителем по современной истории...

Именно такое чувство всегда испытываешь в таких городах, как Берлин или Дрезден. Особенно в Берлине! И хотя город перестраивается и растет, а на местах былых руин уже давно стоят новые кварталы, нет-нет да и наткнешься на здание, которое тебя сразу возвращает в прошлое.

Не раз за послевоенные годы приходилось мне проходить и проезжать в непосредственной близости от здания рейхстага. В 50-е годы оно высилось серой и, прямо скажем, безобразной махиной в английском секторе города, упираясь в небо скелетом огромного купола, сгоревшего в 1933 году. Очень медленно здание начали приводить в порядок и, как бы издеваясь над памятью о Великой Победе, начали с того, что закрасили или заштукатурили все надписи, оставленные советскими воинами на его стенах в исторические дни штурма рейхстага. Конечно, внешние приличия были сохранены: западноберлинские власти утверждали, что они просто-напросто хотят отремонтировать здание. Этому вторили и представители английских оккупационных властей.

Сейчас рейхстаг стоит, блистая свежеоштукатуренными стенами и колоннами. Его реконструировали: центральный купол снесли, сняты и четыре башенки по углам. Здание от этого не выиграло. Не выиграло оно и от того, что западноберлинские власти часто используют его в провокационных целях, дабы доказать мнимую принадлежность Западного Берлина ФРГ. В отремонтированных залах подчас заседают комиссии боннского бундестага. Но от старого зала заседаний осталась лишь коробка — весь интерьер изменился до неузнаваемости.

Когда я занялся историей поджога рейхстага, то задумался: а не совершить ли выезд, как говорится, «на место преступления»? Текущие дела отрывали меня от этого наме-

рения. Но как-то я прочитал в газете сообщение, что один из членов Международного следственного комитета собрался посетить тот самый подземный ход, по которому вечером 27 февраля 1933 года двинулся в свой зловещий путь отряд поджигателей-штурмовиков. Это сообщение заставило меня отложить все дела и отправиться в Берлин.

Откуда же можно было попасть в подземный ход? Мы знаем, что один путь вел туда из комнаты стенографов. Позвонив в Западный Берлин, я спросил у сведущих людей: сохранилась ли эта комната? Мне ответили отрицательно. Тогда я вспомнил: ведь ход заканчивался у бывшего дворца президента рейхстага, а дворец...

В сегодняшнем Берлине мало кто обращает внимание на старомодное здание, находящееся во дворе, прилегающем к Клара-Цеткин-штрассе и Отто-Гротеволь-штрассе (раньше эти улицы назывались Доротеенштрассе и Шарлоттенштрассе). Здание вообще трудно досягаемо, потому что находится в непосредственной близости к государственной границе, отделяющей территорию Германской Демократической Республики от Западного Берлина. В самый двор попасть сейчас не так просто. У въезда виден шлагбаум с предупреждением, что здесь начинается пограничный район. Само же здание, о котором идет речь, мало чем примечательно. Пожалуй, единственной его особенностью является наружная лестница, ведущая со двора прямо на второй этаж.

Послевоенная история провела границу между двумя мирами, не заботясь о некоторых исторических обстоятельствах. Здание рейхстага оказалось в английской зоне оккупации Берлина. С восточной его стороны проходит улица, носящая имя первого президента веймарской Германии Фридриха Эберта. Разграничительная линия идет как раз по этой улице. Единый комплекс — рейхстаг и дворец его президента — оказался разорванным. Впрочем, об этом никто не жалел — ведь рейхстаг давно потерял свое назначение, а дворец и подавно. Он очутился на территории столицы ГДР. Сейчас в нем находится фабрика по производству грампластинок.

В 30-х годах это здание выглядело по-иному. Выйдя из рейхстага и перейдя улицу, можно было сразу попасть к высоким воротам, ведущим во внутренний двор президентского дворца. Здесь находился парадный вход в приемный зал. Второй этаж был предназначен для приемов и совещаний, на третьем находились покои президента, а также несколько квартир для почетных гостей. Все здание было ограждено высоким забором, охранявшимся полицией, причем въезд был не с Фридрих-Эберт-штрассе, а с набережной Рейхстагуфер, где находились постоянные посты. Десятки раз видел я это здание на фотографиях, читал описания, разбирал схему

его планировки. Но один раз увидеть важнее, чем десять раз прочитать.

Когда я приехал в Берлин, то сразу связался с руководством Министерства внутренних дел ГДР. Разрешение было получено, и в условленный час я ждал любезных хозяев «пограничного объекта» на перекрестке набережной Рейхстагуфер и Отто-Гротеволь-штрассе.

Минуя шлагбаум, вхожу в бывшую резиденцию с «черного хода». Сначала по левую руку небольшое здание — это подсобное помещение. Через несколько шагов сам дворец. Высокие ворота ведут во внутренний двор.

Я сразу направился к маленькой двери, ведущей в котельную. Два поворота по узкой лестнице, и попадаешь в сравнительно высокое помещение. В нем — большой котел, действующий по сей день. Отсюда — два хода: один — в мастерскую, другой — в еще одно подземное помещение. Железная дверь открывает путь в тот самый знаменитый ход, по которому в 1933 году шли штурмовики...

К сожалению, мне не удалось повторить весь их ночной маршрут. Подземный ход, ведущий из дворца президента в рейхстаг, наглухо заложен кирпичной стеной с двумя решетками. Здесь — государственная граница.

Ход — довольно широкий. По нему можно было двигаться, неся в руках все необходимое для поджога. После осмотра его заглянул в само здание. Для этого надо было подняться обратно во внутренний двор. Выйдя из маленькой дверцы котельной, я очутился недалеко от парадного входа. Мы знаем, что специальный отряд штурмовиков был размещен в так называемом «приемном зале», т. е. непосредственно около этого входа. Интересная особенность, о которой я уже упомянул: из сада вела широкая каменная лестница прямо на второй этаж, и исследователи из Международного комитета считают, что отряд штурмовиков прямо из сада мог подняться по ней в здание. Отсюда они могли незаметно пройти в котельную, а затем в подземный ход.

Поблагодарив моих немецких друзей за любезное разрешение совершить путешествие в 1933 год, я отправился дальше, но уже в сегодняшний день. Мне предстояли беседы с авторами знаменитой «Коричневой книги», на страницах которой впервые была разоблачена тайна поджога рейхстага и показана роль подземного хода, в котором я только что побывал.

«Коричневая книга» — явление уникальное в мировой публицистике. Едва ли когда-нибудь в истории политического журнализма была осуществлена в такой короткий срок публикация, раскрывшая столь секретный замысел с такой точностью, которой могли бы позавидовать криминалисты выс-

шей квалификации. И сегодня историки, располагающие куда бо́льшей документальной базой, не могут предложить читателю другое, более убедительное толкование событий. Вот почему имеет смысл отойти от канвы повествования и вспомнить об этой удивительной книге.

Ее историю мне рассказал Александр Абуш — ветеран коммунистического движения. В послевоенные годы он занимал пост заместителя Председателя Совета Министров ГДР. Сейчас он — член Академии искусств ГДР, почетный президент Культурбунда ГДР.

— Тогда я был главным редактором газеты КПГ в Рурской области «Рур-эхо», выходившей в Эссене. До 10 мая 1933 года я оставался в Руре на нелегальном положении. В конце мая я был вызван в Берлин, где узнал о новом задании, которое поручила мне партия. Было решено (в этом решении я участия не принимал) в максимально короткий срок подготовить и опубликовать книгу, разоблачавшую нацистов и их провокацию. Работа должна была идти в Париже, куда я и отправился сложным путем — через Чехословакию, Австрию и Швейцарию.

Вскоре в маленьких комнатах на рю Сент-Оноре закипела работа: здесь находилось издательство «Каррефур», которым тогда руководил Вилли Мюнценберг. Нам надо было во что бы то ни стало выпустить книгу в свет до сентября, т. е. к тому времени, когда в Лейпциге должен был открыться процесс. Сюда, в редакцию, отовсюду стекался материал: показания свидетелей, рассказы очевидцев-эмигрантов. Огромную помощь нам оказало руководство КПГ. Так, Вильгельм Пик, возглавивший после ареста Эрнста Тельмана партию, передал нам схему рейхстага и подземного хода, которой он располагал как депутат. Он же обратил наше внимание на роль главы СА в Берлине Эрнста. Но материалы поступили не только от коммунистов. Социал-демократы, беспартийные, деятели буржуазных партий, ставшие жертвой нацизма, рассказывали нам о фактах, которые знали.

Надо было торопиться, и мы поручили написание отдельных глав нашим сотрудникам. Моя задача заключалась в политической редакции; другим редактором был Отто Кац (известный под журналистским псевдонимом Андре Симон). Рудольф Фейстман написал главу о приходе нацизма к власти, Альберт Норден раскрыл международные связи фашизма. Большую помощь оказали нам видные писатели, принимавшие участие в литературной обработке материалов. Кроме того, они дали нам свои оригинальные материалы. Так, в числе авторов были такие выдающиеся мастера пера, как Мартин Андерсен-Нексе, Ромен Роллан, Эгон Эрвин Киш, Линкольн Стеффенс, Эрнст Толлер, Майкл Голд, Андрэ Жид, Анри Барбюс.

— Дополнительная трудность, — рассказывал Абуш, — состояла в том, что типография находилась не в Париже, а в Страсбурге. Гранки приходилось возить туда и обратно, и это выпало на мою долю: у меня был австрийский паспорт, и я мог сравнительно свободно передвигаться по Франции. Короче говоря, 1 августа 1933 года было готово немецкое издание, через пару недель книга вышла на французском и английском языках...

Наш разговор состоялся в большом кабинете Академии художеств ГДР. Книжные полки были уставлены трудами автора, написанными за долгие годы его писательской и общественной деятельности. То, о чем он вспоминал, казалось ушедшим в далекое-далекое прошлое. В те тревожные дни и месяцы немецким коммунистам приходилось нелегально, с риском для жизни бороться за воплощение в жизнь своих идеалов. Теперь эти идеалы стали реальностью.

В старом имперском Берлине в 1933 году вел свою беспокойную жизнь Ганс Шрекер, с которым мы уже познакомились на страницах этой книги. Мы знаем, что 28 февраля он уцелел благодаря своей предусмотрительности.

— Я коренной берлинец, — рассказывает Шрекер. — Но судьба захотела, чтобы паспорт у меня в те годы был чехословацким. Сейчас уже не стоит разбирать, почему так случилось. Но это обстоятельство оказалось исключительно удобным. Имя у меня было Гануш, фамилия Страшниц, гражданство — чехословацкое, прописан был в Праге. Руководство партии решило, что с этим паспортом мне удобно выполнять роль курьера, что в те месяцы было исключительно важным. Необходимо было доставлять за рубеж сведения о положении в Германии, снабжать материалами товарищей, которые в Париже лихорадочно работали над «Коричневой книгой». С материалами, которые следовало доставить во Францию, я три раза пересекал немецкую границу. Я не ездил прямо во Францию, мой маршрут проходил через Базель и Цюрих. Материалы, которые мне давал член Политбюро ЦК КПГ Франц Далем, были написаны на тончайшей бумаге, которую можно было легко спрятать.

Впрочем, скоро я попал под подозрение. Очевидно, гестапо сообщило обо мне швейцарским властям, и во время одной из поездок пограничник спросил меня:

— Зачем вы едете в Швейцарию?

— Я турист.

— Сколько же у вас денег?

— 10 франков.

— И вы хотите с такими деньгами совершить туристическую поездку?

Мне не оставалось ничего другого, как сказать, что свои деньги я получу в Цюрихе. В глубине души я клял Франца,

который был очень экономен в расходовании партийных денег и действительно дал на дорогу только 10 франков. Что касается Цюриха, то я не кривил душой. Именно там я сдавал свои материалы, которые затем переправлялись в Париж.

— Однако, — продолжал Шрекер, — однажды мне пришлось поволноваться очень серьезно. Во время очередной поездки из Берлина в Базель я оказался в одном купе с незнакомой мне женщиной, которая вдруг спросила меня:

— Вам не кажется, что за вами следят?

Я ответил утвердительно. К этому времени (поезд приближался к швейцарской границе) мне уже показались подозрительными несколько человек в нашем вагоне.

— Послушайте, — сказала моя спутница, — если вы боитесь преследования или у вас есть что-нибудь, что вам нужно скрыть, я готова вам помочь...

Приближалась граница — надо было принимать решение. Так как у меня не вызывало никакого сомнения, что за мной следят и что на границе меня обыщут, я решил рискнуть и, когда поезд вошел в туннель, быстро передал своей спутнице конверт.

Дальше все разворачивалось, как я и ожидал: немецкая полиция задержала меня на границе и стала обыскивать. Ничего не нашли и отпустили. Однако мой поезд ушел и мне пришлось догонять его на такси. Уже на швейцарской стороне я смог поблагодарить мою спасительницу...

О «Коричневой книге», как о мастерском произведении боевой антифашистской публицистики, с явным удовольствием вспоминал во время беседы со мной Альберт Норден:

— В те дни я работал в Берлине, был политическим редактором центрального органа партии «Роте фане». После захвата власти Гитлером мне, как и другим антифашистам, пришлось уйти в подполье. В апреле 1933 года получил новое задание Центрального Комитета, о котором я узнал на одной из явок, где встретился с Рихардом Гиптнером: я должен был издавать в Копенгагене бюллетень «Антифашистский фронт», а ему предстояло переехать в Париж. Вскоре туда направился и я. Мы занимались подготовкой антифашистского конгресса. Я же, кроме того, был включен в авторский коллектив «Коричневой книги».

— Товарищ Норден, — спросил я, — сейчас некоторые западные авторы утверждают, что «Коричневая книга» была просто случайной удачей и в основном в ней были не факты, а догадки. Насколько это справедливо?

— Удача «Коричневой книги» в том и состояла, что в ней были собраны точные факты и все материалы опирались именно на них. В тех же случаях, когда мы не были твердо уверены в том или ином вопросе, мы, конечно, высказывали предположения и догадки. Но я не преувеличу, если скажу,

что в «Коричневой книге» не больше 5—10 процентов таких случаев. Все остальное базировалось на скрупулезной работе наших товарищей и друзей, которые помогали воссоздать точную картину поджога рейхстага. Добавлю, что догадки наши впоследствии тоже подтвердились.

Надо сказать, что нам помогали видные французские и английские публицисты, в частности знаменитая журналистка Женевьева Табуи. Много материалов мы получали из Англии от известного юриста Денниса Притта, от видного общественного деятеля Стаффорда Криппса.

Только благодаря объединению всех антифашистских сил нам удалось быстро и эффективно закончить обработку материалов. Да, сейчас можно лишь удивляться этому. Но, видимо, чрезвычайные обстоятельства тех месяцев и привели к созданию такого яркого явления публицистики, как «Коричневая книга». Это, безусловно, не моя личная заслуга, но о том, что я был одним из ее авторов, я вспоминаю с большим удовлетворением...

Записывая слова моего маститого собеседника, я думал: какое счастье, что именно такие люди, обладающие богатейшим опытом антифашистской борьбы, теперь стоят у кормила правления в первом в истории Германии государстве трудового народа! Альберт Норден — один из тех, кто принес в сегодняшний день традиции антифашистской борьбы и развивает их вместе с молодым поколением. Традиции Тельмана и Пика, живой опыт подпольщиков Эриха Хонеккера, Вилли Штофа, Альберта Нордена и других славных борцов за лучшее будущее своего народа стали в ГДР всеобщим достоянием. Теперь это будущее стало настоящим.

Сознавая это, проще вернуться в прошлое.

«Позитивные доказательства»

Криминалистика — наука серьезная. Судебные доказательства должны быть исчерпывающими, а в том случае, когда их абсолютная полнота невозможна, то максимально убедительными. При этом существует определенная классификация, делящая доказательства на «негативные» и «позитивные». Первые должны исключить всех, кто **не совершал** преступления, вторые — дать ответ на вопрос, кто же **был** преступником.

До сих пор мы занимались сбором «негативных доказательств» и пришли к выводам:

— Ван дер Люббе **не мог** один в столь краткое время подготовить пожар рейхстага.

— Ван дер Люббе **не был** один в этот вечер в рейхстаге.

— Ван дер Люббе **не знал** расположения помещений рейхстага, так как был в здании первый раз в жизни.

— Если у него были помощники, то они **не принадлежали** к тем антифашистским слоям, среди которых искали виновных главари третьего рейха.

Но кто же были его помощники? И вообще были ли они? Эти вопросы назойливо задаются на страницах сочинений Тобиаса, Моммзена и иных фальсификаторов. Они утверждают, что «отрицательных доказательств» недостаточно; 45 лет спустя пора бы назвать поджигателей. Зато ясен, по их мнению, единственный поджигатель — Маринус ван дер Люббе...

В сущности, мировая общественность много лет назад получила на страницах «Коричневой книги» «позитивные доказательства» — хотя не абсолютно исчерпывающие, но достаточные. Именно в «Коричневой книге» впервые зашла речь об отряде штурмовиков, размещенном во дворце Геринга, о подлинных организаторах поджога — Геббельсе, Геринге, о командирах штурмовых отрядов Эрнсте, Хайнесе[1], Гельдорфе. В частности, «Коричневая книга» опиралась на так называемый «меморандум Оберфорена». Оберфорен — депутат рейхстага от «немецко-национальной партии» — в марте 1933 года составил документ о поджоге рейхстага и распространил его среди своих единомышленников. Этот документ попал в руки иностранных журналистов. В конце апреля 1933 года выдержка из него появилась на страницах «Манчестер гардиан», а через 10 дней Оберфорена нашли мертвым в его квартире в городе Киле...

Выводы, к которым пришли авторы «Коричневой книги», нашли подтверждение еще до краха фашизма. Бывший сподвижник Гитлера Герман Раушнинг, опубликовавший в Швейцарии свои «Беседы с Гитлером», вспоминал:

«Вскоре после пожара рейхстага Гитлер захотел заслушать мой доклад... Меня сопровождал гаулейтер Форстер. Пока мы не были допущены в канцелярию, мы имели случай поговорить в кулуарах с лидерами партии. Гиммлер, Геринг, Фрик и несколько гаулейтеров из Западной Германии беседовали между собой. Геринг рассказывал о подробностях пожара рейхстага. Тогда в партии еще строго хранилась тайна пожара, и я сам полагал, что в поджоге виновны коммунисты или, по крайней мере, посланные Коминтерном люди. Лишь из этой беседы я узнал, что рейхстаг был подожжен национал-социалистским руководством.

---

[1] Как впоследствии отмечал историк ГДР Эрнстгерт Кальбе, единственная неточность книги состояла в упоминании Хайнеса. Хайнес не имел прямого отношения к поджогу.

Откровенность, с которой шла эта беседа в узком кругу, была потрясающей. Заговорщики смеялись, отпускали циничные шутки. Геринг описывал, как его молодцы прошли в рейхстаг по подземному ходу, как мало у них было времени и как их чуть не обнаружили. Он сожалел, что сгорела «не вся хата». В спешке они не смогли завершить свою «работу».

Эти строки Раушнинга основывались на его записях. Как он сам рассказывал мне, после каждой беседы с Гитлером и его сообщниками он сразу делал записи в своих блокнотах, которые вывез с собой из Германии в Швейцарию.

Ганс Бернд Гизевиус, о показаниях которого в Нюрнберге мы уже знаем, рассказывал на процессе о некоторых подробностях, ставших известными полиции еще в ходе расследования причин поджога, но не преданных тогда гласности:

— Геббельс переговорил об этом (о плане поджога. — Л. Б.) с руководителем берлинских отрядов СА Карлом Эрнстом и во всех подробностях обрисовал, как следует произвести поджог. Был выбран раствор, который известен каждому пиротехнику. Этим раствором должны были заранее облить все помещения, чтобы пламя в считанные минуты охватило их. Для проникновения внутрь рейхстага использовали ход, который вел от дворца президента рейхстага. Десять благонадежных членов СА были подготовлены для производства поджога...

Далее Гизевиус рассказал о судьбе некоторых из участников поджога. Один из них, бывший уголовный преступник, штурмовик Ралль был в 1933 году исключен из рядов СА и ему не выплатили обещанного вознаграждения. Тогда он решил сообщить все в имперский суд, но протокол его показаний попал в гестапо. Протокол был уничтожен, а затем был убит Ралль. Большинство других участников было ликвидировано во время расправы с руководством СА 30 июня 1934 года.

Международный комитет Хофера и Чалича уже в наши дни смог собрать новые важные свидетельства. Существенной находкой были документы братьев Ойгена и Ганса Кесселей. Первый был офицером кайзеровской армии, затем служил в добровольческих отрядах контрреволюции 1918 года; после 1933 года он вступил в СА. Ганс фон Кессель сотрудничал в консервативных газетах и поддерживал тесный контакт со знакомыми ему с 1918 года адъютантом начальника берлинских штурмовиков группенфюрера Эрнста и сотрудником полиции Хеллером, специализировавшимся на слежке за коммунистами. Ойген фон Кессель был расстрелян во время расправы с СА в июне 1934 года, его брат Ганс в это время уже находился в эмиграции в Стокгольме.

О чем же говорят записи братьев фон Кессель? Во-первых, о том, что в феврале 1933 года в кругах политической

полиции, СА, СС и специального комиссара в министерстве внутренних дел Далюге составлялись «черные списки», готовились агенты и провокаторы, подбирались лжесвидетели и шла «техническая подготовка» к поджогу. Объектом был избран рейхстаг; подготовку вели бригадефюрер СС Далюге и специальная команда СА. Далее, Кессели знали о том, что готовится убийство Оберфорена.

Исследуя документы Кесселей, профессор Хофер обратил внимание на связь Ганса фон Кесселя с деятелем немецко-национальной партии Рихардом Брейтингом. В свою очередь, архивом Брейтинга уже давно занимался секретарь Международного комитета д-р Чалич. Чалич нашел в этом архиве много записей, помеченных буквой «К». Так как эти записи в основном совпадали с записями Кесселей, Чалич предположил, что Брейтинг получал сведения из этого же источника.

Что же сообщали «документы К»? Во-первых, там было совершенно ясно обозначено, что во дворце Геринга была расквартирована специальная команда СА и об этом знал Оберфорен. Указано было там и на использование подземного хода. Далее, Брейтинг внес в «документы К» запись о выступлении Рудольфа Гесса на секретном совещании в мае 1933 года, в котором он обрушился на деятелей СА, разболтавших тайну поджога. Прочитав это, я вспомнил об одной записи начальника союзнической тюрьмы для главных военных преступников в Шпандау Бэрда. Бэрд как-то спросил Гесса, что тот знает о поджоге рейхстага.

— Я не знаю, ничего не знаю, — ответил Гесс, опустив глаза и сжав кулаки. — Но даже если бы я знал, то не стал бы об этом говорить...

Бэрд добавил, что Гесс явно врал.

В архиве Брейтинга нашлась и запись его беседы с главой немецкой народной партии Гугенбергом, состоявшейся 10 мая 1933 года. Гугенберг в то время был очень зол на Гитлера, который сначала включил его в состав правительства, но явно вел дело к единоличной диктатуре. Гугенберг прямо говорил о том, что поджог рейхстага был «делом рук Геббельса, Гиммлера, Гейдриха и Далюге». Он утверждал, что Оберфорен был «устранен» именно потому, что слишком много знал о событиях 27—28 февраля.

Эти данные, во-первых, подтверждают разоблачения «Коричневой книги» и, во-вторых, несколько расширяют наши знания еще об одной стороне подготовки поджога. Весьма любопытно, в частности, упоминание о причастности к нему СС — Гиммлера и его ближайшего сообщника Гейдриха, будущего палача чешского народа. О роли последнего говорит также недавно найденный меморандум журналиста Отто фон Хайдебрека, составленный в 50-х годах. Хайдебрек был

в 1933 году очень информированным человеком, так как его брат Петер являлся группенфюрером СА в Штеттине (он был «ликвидирован» в 1934 году). Основываясь на совершенно иных, чем у Кесселей, источниках, Хайдебрек рассказывает о том, что уже в начале 1933 года Гейдрих активно действовал в Берлине и что поджог был «совместной акцией» СС, берлинских отрядов СА и политической полиции. В частности, Хайдебрек указывает, что в день пожара Гейдрих был в Берлине.

Это обстоятельство до последнего времени оставалось в тени. И вот оно прояснилось на основании данных важного свидетеля тогдашних событий, долгие годы хранившего молчание! Его имя — Филипп Бахман.

Сейчас пенсионеру Бахману более 70 лет, а тогда он был молодым предпринимателем, владельцем оптовой фирмы по торговле химическими товарами. Среди его друзей был такой же оптовый торговец Гамбке. Гамбке поддерживал связь со штурмовиками и, в частности, с пиротехническим отделом штаба берлинских СА. Как стало известно Бахману, Гамбке получил от этого отдела заказ на 60 килограммов фосфора. Вскоре он свел Бахмана со своими заказчиками. Они вместе отправились в кабачок «Пшоррброй» близ Потсдамерплац (в самом центре Берлина). Здесь, как это принято в немецких кабачках, был стол для «постоянных посетителей». Почти каждый вечер, часов в 6—7, за ним собиралась группа штурмовиков. Трижды Бахман участвовал в кутежах этой группы, именовавшей себя «государственными разбойниками». Когда Бахман поинтересовался происхождением странной клички, то ему разъяснили: штурмовики охраняют объекты государственной важности, в частности дворец президента рейхстага.

Среди участников ночных встреч были не только штурмовики, но и чины СС. Одного из них — высокого человека с длинным лицом — звали Рейнхард. Бахману впоследствии было нетрудно догадаться, что это был Рейнхард Гейдрих, правая рука Гиммлера. Другого эсэсовца звали Гирдиш [1]. Как уже говорилось, Бахман три раза был в кабачке до 27 февраля. Вечером 27 февраля встреча не состоялась. Зато на следующий вечер был задан большой пир. Бахман заметил, что один из «государственных разбойников» носит руку на перевязи. На вопрос Бахмана, что с ним, тот ответил, что «обжег руку фосфором»...

Вскоре Бахман понял, чем занимались «государственные разбойники», однако решил держать язык за зубами, ибо

---

[1] Судя по всему, это был эсэсовец Курт Гильдиш, который в 1934 году выполнил задание Гиммлера — уничтожил Карла Эрнста и его документы.

не хотел рисковать жизнью. И только сейчас, узнав о работе Международного следственного комитета, решил нарушить «обет молчания». Он сообщил важные подробности: так, по его сведениям, отряд СА состоял из 10 человек; запасы фосфора (60 килограммов) были внесены в зал заседаний рейхстага в резиновых баллонах; вдоль всего зала был проложен специальный шнур (длиной до 100 метров). Пропитанный фосфором, он и сделал возможным столь быстрое распространение огня в зале.

Не менее интересным оказалось раскопанное Международным комитетом архивное дело начальника медицинской части 15-го Кепеникского штандарта (полка) СА Эрвина Виллена. Виллен предстал перед закрытым судом штурмовиков по обвинению в драке с эсэсовцем Леонардо Конти. Казалось, что можно извлечь из факта драки двух нацистов? Оказывается, можно. Когда Виллен защищался на суде, то стал ссылаться на свои заслуги и, в частности, на... участие в поджоге рейхстага. Об этом недавно сообщил участник процесса, тогдашний секретарь суда, бывший шарфюрер д-р Гельмут Штанге.

Но ссылка Виллена на участие в поджоге ему не помогла. Как сообщает его вдова, штурмовик угрожал своему начальнику Карлу Эрнсту, что он расскажет правду о пожаре. Этим Виллен предрешил свою судьбу: во время кровавых событий 30 июня 1934 года он был расстрелян. Имя Виллена, как участника поджога, упоминается и в бумагах Брейтинга. Он писал в 1934 году в письме на имя крейслейтера НСДАП в Лейпциге Дёнике, что Виллену вместе с начальником штабной охраны берлинских СА Эггертом было поручено руководить «специальным отрядом» СА, расквартированным во дворце Геринга.

Документы Кесселей и Хайдебрека содержали материалы, касающиеся предыстории поджога. В них, в частности, описывается, как высшие чиновники прусского министерства внутренних дел во главе с Герингом и Далюге готовили законы, которые были приняты после 28 февраля. Из документов явствует, что весьма заблаговременно велись приготовления к возможному судебному процессу над «поджигателями». Так, полиция давно наметила Димитрова и Попова в качестве своих жертв. Она приготовила «свидетельство» о встрече, якобы состоявшейся между неким «русским» и «двумя голландцами». Были заготовлены фальшивые планы поджога рейхстага, которые собирались подсунуть Димитрову. Наконец, во всех документах упоминается факт присутствия «специальной команды» СА во дворце Геринга, участие в операции лиц из окружения группенфюрера Эрнста.

Неудивительно, что нити снова и снова сходятся к Карлу Эрнсту. Он являлся одной из центральных фигур тогдашних

штурмовых отрядов. Сравнительно молодой — ему было 29 лет — энергичный, с задатками крупного авантюриста, Эрнст шел вверх буквально по трупам. Его отряды наводили страх на население Берлина. Он был на хорошем счету у начальника главного штаба СА Рема (кстати, оба были гомосексуалистами и не делали из этого секрета). Эрнсту поручались самые ответственные операции СА.

Сейчас стало известно, что в день открытия Лейпцигского процесса Эрнст на одной из встреч штурмовиков цинично заметил:

— У меня нет выхода. Если я скажу, что не участвовал в поджоге, меня назовут лжецом; если скажу, что участвовал, — назовут свиньей.

Во всяком случае, Эрнст знал многое и также был ликвидирован 30 июня 1934 года.

Операция «Сигнал»

Попытаемся обобщить все известные данные и реконструировать ход операции, которая была задумана и осуществлена нацистами.

Замысел родился в верхушке нацистского руководства. Более чем вероятно, что идея принадлежала Геббельсу. Геббельс и в последующие недели непосредственно занимался «пропагандистским обеспечением» всей операции. Так, именно он поручил одному из своих сотрудников д-ру Эберхардту Тауберту собрать все данные о «причастности коммунистов» к поджогу.

Тауберт — личность любопытнейшая. Он возглавлял отдел в ведомстве Геббельса, специально занимавшийся антикоммунистической пропагандой. Впоследствии из этого отдела вырос пресловутый «Антикоминтерн» — центр изготовления фальшивок и подготовки различного рода провокаций. Тауберт не остался без работы и после краха нацизма: в эпоху «холодной войны» его сделали советником в боннском министерстве «по общегерманским вопросам». Там он снова использовал свой антикоммунистический опыт.

Тогда, в 1933 году, Тауберт отправился в Лейпциг, где вместе со следователями имперского суда, готовившими будущий процесс, работал над «сценарием» нацистского судилища. Что же касается Геббельса, то он и в последующие годы не оставлял мысли о том, чтобы использовать пожар в своих зловещих целях: так, он как-то предложил создать в здании рейхстага «Музей коммунистической опасности».

Для осуществления задуманного плана поджога нужно было непосредственное участие Геринга: во-первых, Герингу

подчинялась полиция, во-вторых, он был хозяином как самого здания рейхстага, так и дворца его президента. Наконец, Геринг наблюдал за отрядами СА в Берлине (начальник главного штаба СА Эрнст Рем находился в Мюнхене).

Как установили исследователи из Международного комитета, операции было дано кодовое наименование «Сигнал».

Разработка плана осуществлялась берлинским штабом СА при участии руководства СС. К подбору «кадров» была привлечена и полиция. Она вела изучение полицейских досье с целью поиска «подходящих лиц». В одном из таких досье еще с 1931 года числился Маринус ван дер Люббе, который в 1933 году вдруг оказался в Берлине. Теперь выяснено, как это произошло: за ним был послан полицейский шпик Браузер, который знал ван дер Люббе еще с 1931 года.

Одновременно предпринимались и более широкие меры. Был организован налет на ЦК КПГ («дом Карла Либкнехта»), где якобы были найдены планы «беспорядков и поджогов». Два полицейских шпика, Арльт и Мертен, заблаговременно дали показания, что еще 17 февраля видели ван дер Люббе с неким «русским» (в Лейпциге прокурор пытался доказать, что это был Димитров, но тот быстро разбил этот смехотворный довод). Заготовили и другие «данные» — например, о встречах Димитрова с «агентом ГПУ» и т. д. Однако уже после войны бывший чиновник полиции Геллер, знавший обо всех этих подготовительных мерах, сообщил, что они не были пущены в ход в Лейпциге из-за боязни оскандалиться перед Димитровым в очередной раз.

Подготовка поджога. Специальная группа штурмовиков 26—27 февраля разместилась во дворце Геринга и, используя подземный ход, проникла в зал и подготовила его к поджогу. Численность группы составляла около 10 человек, большинство ее участников уже известны: штурмовики Виллен, Эггерт, Ралль, Штейнле, эсэсовцы Гильдиш, Войте, Гепке, Зандер, Тойфль. Их «работа» и дала основной пиротехнический эффект: в течение нескольких минут в огромном зале все заполыхало. Техническая сторона была обеспечена специальным пиротехническим отделом штаба СА, в который из главного штаба СС был откомандирован эсэсовец Герберт Пакебуш.

Международный комитет считает, что практически руководил всей операцией Курт Далюге — кадровый нацист и штурмовик, ставший эсэсовцем. В 1933 году Геринг назначил Далюге прусским «комиссаром для специальных поручений» и генералом полиции. Здесь комиссия расходится с «Коричневой книгой», в которой подчеркивалась важная роль Карла Эрнста. Однако между двумя точками зрения нет противоречия. И Далюге, и Эрнст принадлежали к коричневой верхушке. В их руках были все нити «Сигнала».

Наконец, непосредственными участниками операции стали Гитлер, Геринг и Геббельс. Они не решились доверить никому «надзор» над развитием событий. Прибыв к месту пожара, они не только вошли в число свидетелей, но — что самое главное — запятнали себя навсегда как соучастники одной из крупнейших антикоммунистических провокаций нашего века.

Зарево не гаснет

...Шумно и людно было в павильонах Франкфуртской книжной ярмарки — важного ежегодного события в культурной и духовной жизни не только ФРГ, но и всей Западной Европы. За шесть лет, проведенных в Западной Германии, я регулярно приезжал на ярмарку, чтобы побродить по ее залам, побеседовать с издателями и писателями. В своеобразной атмосфере симбиоза «коммерции и идеологии» можно было каждый раз наблюдать многие интересные тенденции культурной жизни страны.

Однажды, обходя стенды, я вдруг увидел огромный плакат: «Гануссен — надежные предсказания!» Гануссен? Тот самый? Ведь человек, неосторожно предсказавший пожар рейхстага, был убит? Когда я подошел к стенду и поговорил с его хозяевами, сомнения рассеялись. Подлинный Эрик Ян Гануссен мертв. Но существует в Западной Германии очередной «предсказатель», принявший имя Гануссена II (прямо как в царствующих династиях!). Почему именно Гануссена? Мои собеседники ответили: Гануссен I был «величайшим предсказателем нашей эпохи» — и вручили мне прекрасно изданный (почему-то в Лихтенштейне) проспект «чудесных предсказаний» Гануссена II. Из него стало ясно, что одновременно Гануссен II занимается и исцелением от самых различных болезней.

Возврат к культивировавшемуся нацистами пристрастию к магам и предсказателям — одна из характерных особенностей духовного быта современного западногерманского мещанства. Ежегодно в ФРГ выходят десятки астрологических журналов и сборников. Ясновидцы пользуются необычайным успехом. Они умело наживаются на той атмосфере неуверенности и боязни за будущее, в которой живут многие граждане Федеративной республики. Кстати, Гануссен II уже попался на махинациях со своими «зельями»: он сбыл какой-то из своих пациенток за 12 000 марок таблетки, которые продаются в любой аптеке за ничтожную сумму; другую он обещал вылечить одним лишь «наложением руки» и за это потребовал 5 400 марок...

Рецидивы многих политических и духовных тенденций рокового прошлого — явление, частое в ФРГ, и Гануссен II — лишь один из примеров. Другие появляются в более респектабельном облике — в судейских и профессорских мантиях, выступают в роли публицистов.

В самом факте существования легенды о «непричастности нацистов» к поджогу и о «единоличном акте маньяка ван дер Люббе» отразилась та зловещая для судеб послевоенной Европы ситуация, которая сложилась в Федеративной республике в первые послевоенные годы. Ведь выжили не только гитлеровские генералы, но и гитлеровские полицейские!

Первым из них, кто подал голос, оказался Рудольф Дильс — бывший начальник гестапо, рьяный помощник Геринга. Именно он в своих мемуарах утверждал: да, коммунисты не были причастны к поджогу, но не были причастны к нему и нацисты. К Дильсу присоединились бывший полицейский комиссар Цирпинс (он допрашивал ван дер Люббе) и сотрудник Цирпинса Шницлер. Все они устроились в полицейском аппарате западногерманского города Ганновера. Стал чиновником полиции в Дортмунде и бывший председатель «комиссии по расследованию пожара» Брашвиц, а также его тогдашний помощник Хайзиг. Так сложился, по меткому определению Международного комитета, «заговор полицейских комиссаров». Целью этого заговора была реабилитация организаторов и участников операции «Сигнал».

Заговорщики действовали широким фронтом. В том же Ганновере, где Цирпинс занял высокий пост начальника уголовной полиции Нижней Саксонии, чиновник «Ведомства по охране конституции» Тобиас выпустил свою книгу. Ему на помощь поспешили со своими «показаниями» бывший статс-секретарь Грауэрт, упоминавшийся выше Брашвиц, адъютант Геринга Якоби, бывшая сотрудница Тауберта нацистская журналистка Мелитта Видеман и многие другие. Они пользовались не только публицистическими средствами. Против свидетелей, которые опровергали тезисы Тобиаса, началась кампания преследований и клеветы.

Нетрудно понять, что в этих условиях даже буржуазным историкам — членам Международного комитета пришлось весьма трудно. Публикации их материалов препятствовали. При малейшем поводе их обвиняли в «пособничестве мировому коммунизму». Однако Комитет не капитулировал: в конце 1978 года появился второй том его работ. В начале 1979 года секретарь Комитета д-р Чалич посетил Болгарию и был принят товарищем Тодором Живковым; последний высоко отозвался о деятельности Комитета, которая помогает лучше понять великий антифашистский подвиг Георгия Димитрова. Неудивительно, что реакционная пресса ФРГ встретила итоги работы Комитета в штыки. Гамбургский еженедельник «Цайт»

в конце 1979 года опубликовал 8(!) полос специальных «исследований», на которых пытался скомпрометировать Хофера и Чалича. Главный аргумент: они, мол, пришли к тем же выводам, что и «Коричневая книга»...

Почему вокруг событий многолетней давности еще бушуют страсти? Об этом нетрудно догадаться, читая, к примеру, опубликованное в начале 1979 года сообщение специальной комиссии палаты представителей конгресса США об итогах расследования обстоятельств убийств президента Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. В обоих случаях официальная версия гласила: «дело одиночек», никакого заговора! Как эти официальные заверения схожи с тезисом Тобиаса, который хочет убедить людей в том, что при поджоге рейхстага не было нацистского заговора, а все совершилось руками «одиночки»...

Можно — даже не будучи Гануссеном III — предсказать, что поджог рейхстага еще долго будет занимать умы историков и публицистов. Зловещий отблеск пожара еще отражается на страницах сегодняшних антикоммунистических памфлетов, и пока клеветники действуют, они будут стараться смыть каинову печать с тех, кто организовал колоссальную провокацию 27 февраля 1933 года. То обстоятельство, что загадка пожара была разгадана и виновники его разоблачены, не дает спокойно спать идейным преемникам коричневых поджигателей.

Ну что же, не будем заботиться об их сне!

Глава третья

МЮНХЕНСКОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО — ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

Теперь это не так сложно...

Да, действительно, теперь это не так сложно. Вы звоните по телефону или пишете письмо, в котором выражаете пожелание встретиться и побеседовать на темы, касающиеся недавнего прошлого. Ваш собеседник (или адресат) осведомляется о том, что вас интересует, и, как правило, просит заранее уточнить вопросы. Через некоторое время вы получаете ответ: он не обязательно положительный. Однако г-н штандартенфюрер никогда не скажет, что не желает беседовать с советским писателем. Нет, он просто не располагает необходимыми сведениями или уже все сказал в беседах с другими людьми, интересующимися именно этой проблемой.

Но бывает и так, что встреча происходит. Тогда перед вами предстает пожилой человек, чаще всего — пенсионер, спокойно завершающий жизненный путь на вилле под Дюссельдорфом или в тихом квартале Мюнхена. Итак, милостивый государь, что вас интересует?

Каждая из таких встреч — пытка. Не потому, что перед вами может оказаться профессиональный палач. Скорее потому, что очень трудно перенести психологический сдвиг между эпохой третьего рейха, к которой принадлежит ваш собеседник, и сегодняшним днем, где он — без рун СС на петлицах, без свастики на «Рыцарском кресте» — остался красноречивым свидетелем страшных 12 лет, вписанных железом и кровью в историю Европы. Он обо всем помнит, охотно рассказывает. Для него мир нацизма еще существует как нечто само собой разумеющееся, но — по странному капризу истории! — ушедшее в прошлое.

За минувшие годы я неоднократно попадал в подобную ситуацию. Первый раз это было в Мюнхене, когда посетил оберштурмбаннфюрера СС Курта Кристмана, о злодеяниях которого рассказано в повести Льва Гинзбурга «Бездна». Сюжет этой повести — преступления СС в Краснодаре, где Кристман возглавлял зондеркоманду 10-а. Я был свидетелем

того, как писатель собирал материал для повести; знал, как ему удалось напасть на след сообщников Кристмана. С тем большим волнением слушал я рассказ Гинзбурга, только что вернувшегося из Мюнхена. Было это так. Он остановился в гостинице «Штахус», что на Байерштрассе, — там обычно живут советские туристы. Стоило ему лишь выйти на улицу и перейти ее, как на медной дощечке соседнего дома он увидел слова: «Д-р Курт Кристман, торговля недвижимостью». Шок был так силен, что писатель долго не смог совладать с собой.

Этот рассказ я выслушал в Москве, а на следующий день улетел в Бонн. Оттуда заехал в Мюнхен. Вместе с редактором прогрессивного журнала «Кюрбискерн» Фридрихом Хитцером отправился в контору по торговле недвижимостью, что на Байерштрассе. Предварительно зашел к местному прокурору, который подтвердил, что означенный д-р Кристман и начальник зондеркоманды 10-а один и тот же человек, что по его делу уже более 10 лет ведется следствие, однако прокуратура еще не нашла «состава преступления», так как якобы еще не пришли документы из Советского Союза. Поэтому Кристман находится на свободе. Когда начнется процесс? Неизвестно.

Не буду насиловать память — благо, что сразу после визита к Кристману мы уселись с Хитцером в соседнем кафе и записали содержание беседы с палачом, носящим докторское звание. Вот текст записи, который мы тогда опубликовали в «Кюрбискерне» и передали автору «Бездны». (Гинзбург вскоре и сам побеседовал с Кристманом).

«Начало беседы в 9 часов 15 минут, 28 августа 1967 года.

Вопрос. Г-н доктор Кристман, у нас есть к вам вопросы.

Ответ. Пожалуйста.

Вопрос. Вы — бывший начальник зондеркоманды СС 10-а?

Ответ. Да, это я. Уже давно против меня ведется следствие. Я был арестован, но выпущен под залог и должен отмечаться в полиции. Был под арестом, пока переводились документы, присланные из России. Но в них все преувеличено и раздуто. Это видит каждый.

Вопрос. Однако несколько лет назад вы, д-р Кристман, в беседе с советским журналистом Григорьянцем отрицали, что являлись начальником команды?

Ответ. Да, потому что он не предъявил своих документов. Мы можем говорить откровенно. Мне нечего скрывать. Я был начальником, я служил в гестапо. Однако обвинения, выдвинутые против меня, преувеличены. Я всегда был корректен и гуманен. Шла война, и подчас на войне случаются плохие дела. Об этом можно сожалеть, и я также сожалею. Но что я должен был делать? Мои подчиненные и сегодня могут

подтвердить, что я был корректен. Нет, эти преувеличения неверны. И с евреями я дела не имел. Я им ничего не сделал.

Вопрос. Это значит, что вы уничтожали только русских?

Ответ. Нет, только партизан и агентов. Я занимался борьбой с партизанами и агентами. Вообще я был новичком в этом деле. По профессии я лыжник, спортсмен и родом из мирного Зальцбурга. Меня хотели послать как лыжника на Кавказ. Но мы не дошли до Кавказа, и я попал в зондеркоманду. Как я мог этому помешать? Против течения не поплывешь. Ну, здесь и случалось всякое. Я занимался делами лишь между прочим, бумаг я не любил. А все злодеяния совершились еще до меня. Конечно, я сожалею о случившемся. Но то, что написано в ваших материалах, большей частью раздуто.

Вопрос. Г-н Кристман, вы говорите о материалах из СССР. Однако здешние власти утверждают, что Советский Союз не предоставил материалов.

Ответ. Материал пришел по линии международной правовой помощи. Но я уже сказал, что в нем много преувеличений. Я сам юрист и всегда корректен. Я обращался с русскими хорошо.

Вопрос. Почему вы считаете советский материал преувеличенным?

Ответ. Я не могу вам это сейчас объяснить в подробностях, это долгая история.

Вопрос. Мы говорим не о подробностях. Вы считаете весь материал предвзятым?

Ответ. Все это выдумано русскими, которые служили у нас. Они хотели себя выгородить. Ведь у вас уже состоялся один показной процесс против меня[1]. Мы слушали об этом по радио и надрывали животики.

Вопрос. Вы называете этот процесс «показным»?

Ответ. Нет, извините, я оговорился. Просто процесс. Я мало понимаю в этом. В Яйске меня не было. Там уничтожали детей, но меня там не было.

Вопрос. Вы имеете в виду Ейск?

Ответ. Да, да Ейск! Переводчик так мне перевел. Ах, знаете, я очень люблю русский народ. Я лично был у Гиммлера и сказал ему, что мы неправильно обращаемся с русскими. Надо с ними обращаться получше, иначе мы проиграем войну.

Вопрос. Ого, вы даже бывали у Гиммлера?

Ответ. Ах нет, простите. Я так высоко не залетал. Я был только у Кальтенбруннера. Я ему это говорил.

[1] В Краснодаре состоялся процесс, где были раскрыты злодеяния Кристмана.

Вопрос. Вы сказали Кальтенбруннеру, что из-за плохого обращения с русскими можно проиграть войну. А вы никогда не задумывались о том, что эта война — преступление?

Ответ. Ах, вы знаете, я не хочу заниматься политикой. С 1945 года я совершенно аполитичен. Я ни во что не вмешиваюсь. Мы ошиблись, начав войну с русскими. Мне очень жаль, что мы на них напали. Зато я ненавижу американцев, они напали на нас. Против русских я ничего не имею.

Вопрос. Г-н Кристман, вам что-либо говорит имя Томка?[1]

Ответ. Нет, я не помню такого имени. Их было много. Нет, не помню. Но зачем вы меня спрашиваете? О ком вы говорите?

Здесь мы поднялись, сказав, что с нас достаточно.

Кристман. Нет, подождите; мы еще поговорим, не уходите...

Мы. Вы поговорите об этом в суде, а не здесь.

Кристман. Да, да. Но это будет не раньше чем через два года. Сейчас будут судить первую группу.

Вопрос. И вы среди них?

Кристман. Нет, я — юрист. Согласно немецкому праву обвиняемый не считается виновным, пока его преступление не доказано. Скажите, вы напишете обо мне?

Мы. Конечно, ведь мы журналисты.

Кристман. Но, ради бога, не в немецкой прессе! Ведь у меня большая клиентура. Сделайте одолжение, побудьте еще, присядьте, поговорим...

9 часов 40 минут. Мы выходим не попрощавшись».

С тех пор я не раз проходил мимо дома на Байерштрассе, мимо медной дощечки с именем Кристмана. Видел и сообщение прессы в 1974 году о том, что за отсутствием свидетелей и достаточных улик следствие против Кристмана прекращено. А потом исчезла и дощечка с дома. Видимо, г-н оберштурмбаннфюрер ушел на пенсию и пользуется всеми благами, доступными отставному эсэсовцу и удачливому дельцу в Федеративной республике...

Кристман тогда не захотел ничего рассказать — это можно даже понять. Но иные его коллеги — скажем, бригадефюрер СА Кёппен в том же Мюнхене или статс-секретарь Науман в Ремшайде — готовы были поделиться своими воспоминаниями. Однако для слушающего это настоящая пытка, ибо ремесло «интервьюера» требует на какое-то время подавления собственных чувств. Для того чтобы ваш собеседник рассказывал подробно и содержательно, надо порой промолчать. Промолчать, когда хочется кричать! Помнится, бригадефюрер Кёппен начинал характеристику всех высших чинов имперской

---

[1] Так звали одну из сожительниц Кристмана, изобличенную в Краснодаре.

канцелярии (он провел в ней немало времени) со стандартной формулы:

— Во-первых, это был весьма приличный человек...

И Геббельс, и гитлеровский родич Фегелейн, и генерал Кребс, и даже Гиммлер были для Кёппена «весьма приличными» людьми. Исключение составлял только Борман, которого бывший бригадефюрер поносил последними словами...

Рассказ Фрица Хессе

На этот раз мой собеседник не был эсэсовцем. Об этом можно было догадаться по такому косвенному признаку: обстановка его квартиры на мюнхенской улице Тюркенштрассе была весьма скромной. Видно было, что вся мебель стоит здесь десятилетия и, уж безусловно, не приобретена после войны. Нет, мой собеседник не был нуворишем и не сделал после войны блестящей карьеры, как это случилось с подавляющим большинством господ обер- и группенфюреров. Наоборот, он очень, очень скромно жил на свою пенсию, которая полагалась бывшему легационсрату (посольскому советнику) имперского министерства иностранных дел.

Д-р Фриц Хессе прожил бурную жизнь. Начал он ее в том же Мюнхене, где юным студентом стал одним из учеников профессора Карла Хаусхофера — отставного генерала, будущего «столпа» геополитики. На лекциях и дома у генерала Хессе часто встречался с другим учеником профессора, таким же молодым, как и Хессе, очень странным юношей по имени Рудольф Гесс. Гесс свел Хессе с Гитлером, а впоследствии (уже в Берлине) в доме банкира Гуттмана он познакомился с Иоахимом фон Риббентропом. Однако, кончив университет, Хессе не занялся политикой, а нашел применение своим способностям в журналистике. Вскоре он стал главным редактором телеграфного агентства Вольфа. Когда же в 1934 году это агентство стало официальным Германским информационным бюро (ДНБ), Хессе сохранил свой пост. Проработав несколько лет, он по рекомендации адмирала Канариса (!) получил должность заведующего бюро ДНБ в Лондоне. Это был весьма солидный пост, ибо по сложившемуся обычаю заведующий бюро ДНБ автоматически являлся членом «консультативного пресс-совета» при посольстве Германии, т. е. одним из пресс-атташе. Его позиция еще более укрепилась, когда вместо профессионального дипломата старой школы Леопольда фон Хеша на посту германского посла в Лондоне оказался не кто иной, как давний знакомый Хессе Иоахим фон Риббентроп!

Вскоре Хессе стал чем-то вроде «специального курьера» Риббентропа. Испытывая недоверие к чиновникам посольства, воспитанным в чопорных традициях кайзеровской дипломатии, новый посол нуждался в верных людях. Хессе очень пригодился Риббентропу во многих отношениях: во-первых, он прекрасно знал язык (в отличие от посла) и разбирался в английских делах; во-вторых, был приверженцем идеи англо-германского сотрудничества, которую с 20-х годов проповедовал генерал Хаусхофер. Тем самым он был особенно пригоден для выполнения главной задачи, которую Риббентроп получил от Гитлера. А задача была поставлена Гитлером:

— Риббентроп, привезите мне союз с Англией!

Так гласило задание Гитлера и оно соответствовало совершенно определенному этапу в англо-германских отношениях. Соответствовало оно и репутации Риббентропа в нацистских кругах.

Как попал Иоахим фон Риббентроп в Лондон? Сперва он не занимал официальных дипломатических постов, исполняя обязанности начальника так называемого «бюро Риббентропа» — внешнеполитического органа нацистской партии, созданного параллельно министерству иностранных дел. В этом качестве он уже имел определенные заслуги перед нацистским руководством: именно он заключил в 1935 году англо-германское морское соглашение, при помощи которого Германия освободилась от ограничений, наложенных на нее Версальским мирным договором. У Риббентропа была неплохая репутация и в деловых кругах: он вышел из этой среды и женился на дочери крупного дельца.

Фрау Риббентроп была свидетельницей «возвышения» своего супруга. В августе 1936 года во время очередного Вагнеровского фестиваля в Байрейте (Гитлер был поклонником музыки Рихарда Вагнера, и поэтому на фестиваль съезжалась вся нацистская элита) фюрер объявил Риббентропу, что хочет сделать его статс-секретарем в имперском министерстве иностранных дел, то есть заместителем министра. Этот пост был вакантен, однако вакантен был и пост посла в Лондоне. Поэтому Гитлер спросил Риббентропа:

— Кого бы послать в Лондон? И вообще есть ли шансы договориться с Англией?

Риббентроп был осторожен, сказав, что шансы «невелики», но имеются. Тем не менее — видимо, почувствовав возможность «отличиться», — он предложил себя в качестве посла. Через день Гитлер дал свое согласие. Как выяснилось впоследствии, бывший торговец шампанским не просчитался, ибо вскоре стал не статс-секретарем, а самим министром.

При определенных обстоятельствах личность посла может стать политическим симптомом. Когда в 1937 году Форин оффис убрал из Берлина Эрика Фиппса и заменил его Невилем

Гендерсоном, то всем было ясно: критически настроенный Фиппс не нужен, а нужен симпатизирующий Гитлеру человек. Так и назначение Риббентропа стало сигналом для всех лондонских антикоммунистов.

В отношениях гитлеровской Германии с Англией (а точнее — в отношении тогдашних лидеров Англии к гитлеровской диктатуре) был чрезвычайно важный компонент, именовавшийся антикоммунизмом. Борясь друг против друга, буржуазия обеих стран не забывала о своей совместной ненависти к первому в мире социалистическому государству. С момента прихода нацизма к власти в Берлин зачастили визитеры из Лондона, восхищавшиеся «умением» Гитлера расправиться с коммунистическим движением. Что же касается руководителей рейха, то они вслух говорили о том, что рассматривают себя как «бастион против большевизма в Европе».

В сложном клубке противоречий и общностей рождались и развивались англо-германские отношения. Мы не раз будем сталкиваться с «двумя сторонами» этой медали. Внутри самого нацистского руководства порой не было единодушия в том, как именно держать себя по отношению к Англии в тот или иной момент. Бывало так, что некоторые группы (например, военное руководство в лице Бека и Канариса в 1938—1939 годах) явно переоценивали шансы на возможность сговора с Англией; бывало и так, что к этому антикоммунистическому сговору стремились далекие от вермахта политики типа Розенберга или Риббентропа. Но проходило немного времени, как и те, и другие, и третьи находили общую линию поведения, служащую генеральной цели — мировому господству третьего рейха.

...В тот период, когда рейхслейтер Иоахим фон Риббентроп стал послом в Лондоне, на передний план выдвигалась задача глубокого дипломатического зондажа: возможно ли привлечение Англии на сторону германской экспансии в Европе, и в первую очередь — в Восточной Европе?

Вспоминая о тех днях, Хессе с сокрушением говорил о том, как бездарно и грубо стал действовать новый посол.

— Представьте себе, — рассказывал мой собеседник, — еще не вручив верительных грамот, Риббентроп дал интервью английской прессе и заявил, что он прибыл для того, чтобы убедить Англию в грозящей опасности со стороны большевизма и необходимости создать англо-германский союз против Советской России...

К числу «эскапад» нацистского посла принадлежал нашумевший номер во время первого представления посла королю Георгу VI. Риббентроп, войдя в зал, поднял руку в нацистском приветствии, чем привел в смущение придворных

и самого монарха. На следующий день лондонские газеты писали, что немецкий посол явно спутал Букингемский дворец с нацистской сходкой...

Правда, Риббентроп недолго пробыл в Англии. В 1937 году он стал министром. Его сменил опытный дипломат Герберт фон Дирксен (с ним Хессе также нашел общий язык). Тем не менее, Риббентроп стал считать себя большим знатоком английских дел. Так, когда Гитлер решил захватить Австрию, он послал своего министра иностранных дел в Лондон, чтобы тот успокоил английских политиков. Как вспоминал Хессе, телеграмма о вступлении немецких войск в Австрию пришла как раз во время торжественного обеда, который давал премьер-министр Невиль Чемберлен в честь высокого гостя. Риббентроп не нашел ничего лучшего, как заявить, что аншлюс, в принципе, дело необходимое, но добавил при этом, что поступившее сообщение — ложное и немецкие дивизии в Австрию вовсе не вступили...

— Скандал впоследствии был немалый, — говорил Хессе, — но, представьте себе, англичане примирились с тем, что Австрия потеряла свою самостоятельность.

Когда же министр стал собираться в обратный путь, то между ним и его доверенным лицом произошел такой примечательный разговор. Риббентроп решил, что Англию «надо списать» со счетов немецкой политики и рассчитывать на сотрудничество с ней нельзя. Хессе возразил, сказав:

— Господин министр, надо еще раз попытаться!

На это Риббентроп резонно ответил:

— Ну что же, тогда оставайтесь здесь...

Выполняя это задание, Хессе весь драматический 1938 год провел в Лондоне. В частности, когда стало ясно, что за Австрией на очереди Чехословакия, он специально занялся этим вопросом. Партнерами Хессе были видные лондонские деятели: во-первых, пресс-шеф правительства Дж. Стюарт, затем профессор Конуэлл-Эванс (Хессе знал, что в действительности этот ученый муж был сотрудником немецкого отдела Интеллидженс сервис). Большие связи у Хессе были в кругах респектабельного Англо-германского общества, главой которого был лорд Маунт-Темпл, а членами — лорды Лондондерри, Ротермир, Дерби и другие. Наконец, Стюарт свел Хессе с сэром Горасом Вильсоном — человеком, мнение которого весило не меньше, чем мнение самого Чемберлена.

Вильсон еще не раз будет упоминаться на страницах этой книги. Как говорил мне Хессе, он установил контакт с ним по прямой рекомендации Риббентропа.

— Вильсон был прирожденный посредник и в этом качестве являлся неоценимой фигурой для англо-германского сотрудничества. Тихий, незаметный человек, сама скромность — таким он представал перед своими собеседниками. Но за его

скромностью скрывалась сила. Он чувствовал себя подлинным управляющим делами Англии и всегда начинал с местоимения «мы». Он часто говорил: «Мы считаем...», «Мы не допустим...»

В оценке Вильсона Хессе не был одинок. Так, немецкое посольство доносило в Берлин из Лондона, что Вильсон — «ключевая фигура» и что он ведет себя по классическому принципу фельдмаршала Мольтке: «быть в действительности бо́льшим, чем кажешься». Воспитанник знаменитой Лондонской экономической школы, Вильсон долгие годы служил в министерстве труда, ведя сложные переговоры с профсоюзами (отсюда его качества «посредника»). С 1931 года он стал главным «индустриальным советником» премьер-министра и главой гражданской службы. Ни одно решение Чемберлен не принимал без Вильсона.

— Мы знали, — говорил Хессе, — что в качестве главы гражданской службы Вильсон практически руководил секретной службой...

Все эти связи и предстояло активизировать с того момента, когда, как стало известно Хессе, фельдмаршал Кейтель доложил фюреру вариант плана «Грюн» — плана захвата Чехословакии. Любопытно, что узнал Хессе об этом... от англичан. Оказывается, английская разведка очень быстро получила сведения о том, что готовится вторжение в Судетскую область.

Календарь предательства

Бывают разные календари: лунные и звездные, юлианские и грегорианские. Но если вспоминать события, предшествовавшие второй мировой войне, то можно составить совершенно своеобразный календарь: календарь предательства интересов мира. Ибо буквально каждый месяц (если не каждый день) властители тогдашней Западной Европы совершали малое или большое предательство своих собственных народов. Они обещали им мир, благоденствие, безопасность, делая это каждый на свой манер: английские политики — с высокомерием, присущим мощи Британской империи; французские — с разработанной десятилетиями риторикой; немецкие — с фанфаронством, свойственным нацизму; итальянские — с театральными эффектами. Но это была умелая маскировка. Практически с первого дня мира, зафиксированного в империалистическом Версальском договоре, Европа начала путь к новой войне.

К концу 30-х годов это уже нельзя было скрывать. Тайное предательство становилось явным. На милость агрессору бы-

ли выданы Абиссиния, затем Испания. Вторая мировая война становилась неминуемой, и народный комиссар иностранных дел СССР Максим Максимович Литвинов выразил это в горькой фразе, адресованной западным политикам: они считают, что лучшее средство избавиться от соблазна — это уступить ему...

1938 год начинался в Европе плохими предзнаменованиями. В Испании продолжалась немецко-итальянская интервенция. В Англии ушел в отставку министр иностранных дел Иден, сторонник идеи коллективной безопасности. 4 февраля стало известно о реорганизации высших политических и военных органов нацистской Германии: Гитлер объявил себя главой вооруженных сил. Назревал новый конфликт, на этот раз вокруг Австрии. О ликвидации ее независимости гитлеровские лидеры говорили во весь голос. 12 марта германские войска вступили в Австрию: аншлюс стал фактом. Западные державы с этим примирились.

Для того чтобы читатель мог оценить всю сложность ситуации, я опять-таки прибегну к документальному источнику — на этот раз советскому. Этот источник — доклады советских послов, документы советской дипломатии.

Итак, как оценивали ситуацию в начале 1938 года советские дипломаты? 14 марта 1938 года нарком иностранных дел М. М. Литвинов направил в ЦК ВКП(б) письмо, в котором констатировал:

«Захват Австрии представляется величайшим событием после мировой войны, чреватым величайшими опасностями и не в последнюю очередь для нашего Союза».

По решению партии и правительства Советский Союз выступил с решительным протестом. 17 марта советским послам в Лондоне, Париже, Праге и Вашингтоне, соответственно — И. М. Майскому, Я. З. Сурицу, С. С. Александровскому и А. А. Трояновскому были направлены телеграммы наркома с заявлением Народного комиссариата иностранных дел. Советское правительство заявляло, что оно «готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни». «Завтра может быть уже поздно, — предупреждала наша страна, — но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира». При этом в заявлении прямо говорилось, что следующей жертвой агрессии может стать Чехословакия: «В первую очередь возникает угроза Чехословакии, а затем опасность, в силу заразительности агрессии, грозит разрастись в новые международные конфликты...»

Что же сообщили советские послы о реакции западных держав?

И. М. Майский докладывал из Лондона:

«Не подлежит сомнению, что Чемберлен относится к нашей инициативе крайне отрицательно, и если он окажется в состоянии продолжать свою нынешнюю линию, то британское правительство сделает все возможное для того, чтобы похоронить советское предложение».

Для этого предположения у И. М. Майского были достаточные основания. Он в эти дни посетил нового американского посла в Лондоне Джозефа Кеннеди[1], человека весьма влиятельного и осведомленного. По его впечатлению, Чемберлен не собирался давать никаких обязательств Чехословакии. Линию Чемберлена он определил кратко: «политика сделки с Германией и Италией за счет уступок со стороны Англии».

— Я не знаю, — добавил Кеннеди, — есть ли на свете что-либо такое, за что премьер готов был бы драться.

Французы внешне соблюдали приличия и заявили, что относятся к советским предложениям с «громадными симпатиями». Но министр иностранных дел Поль-Бонкур, сообщал Я. З. Суриц, сказал, что конкретную позицию он сможет занять, «лишь переговорив с коллегами, а главное, выяснив отношение других демократических стран».

В переводе с дипломатического языка на обычный это означало отказ. Отрицательная позиция Франции и Англии немедленно сказалась на поведении чехословацких дипломатов. Когда 21 марта советский посол в Праге С. С. Александровский встретился с министром иностранных дел Чехословакии К. Крофтой, то последний заявил, что хотя Чехословакия и благодарна СССР за помощь и рассчитывает на нее, но война не является «острой проблемой» и «прямое нападение уже исключено». Корни этого неожиданного благодушия были ясны. 24 марта И. М. Майский сообщил в Москву:

«Сегодня я получил из Форин оффиса ноту в ответ на интервью Литвинова, врученное мной Кадогану[2] 17 марта. Нота, как и следовало ожидать, высказывается против созыва конференции группы миролюбивых держав для борьбы с агрессией».

Правда, не все в Англии были такого мнения. В тот же день И. М. Майский сообщил о разговоре с Черчиллем:

«...Он полностью согласен и приветствует последнее выступление Литвинова в Москве. В разговоре Черчилль, между прочим, сказал: «20 лет назад я боролся со всей доступной мне энергией против коммунизма, потому что в то время я

---

[1] Отец будущего президента США Дж. Ф. Кеннеди.

[2] Постоянный заместитель министра иностранных дел Англии.

считал коммунизм с его идеей мировой революции величайшей опасностью для Британской империи. Сейчас коммунизм такой опасности для империи не представляет. Наоборот, в наши дни величайшей опасностью для Британской империи является германский нацизм с его идеей мировой гегемонии Берлина. Поэтому в настоящее время я со всей доступной мне энергией борюсь против Гитлера... На этот период времени нам с вами по пути. Вот почему я за тесное сотрудничество между Англией, Францией и СССР».

Однако не Черчилль определял тогда курс Англии. У власти стояли «умиротворители», политика которых была на руку Гитлеру. А из Берлина поступали все более тревожные донесения. 27 марта временный поверенный в делах Г. А. Астахов докладывал:

«Из моих дневников можно увидеть, что после присоединения Австрии основной проблемой для здешних инонаблюдателей является вопрос об очередном объекте германской агрессии. Мнения разделяются: одни считают очередным объектом Чехословакию, другие — коридор [1]...»

Проанализировав различные данные, Астахов приходил к такому выводу:

«Опасность для Чехословакии представляется весьма актуальной. Немцы методично и уверенно разыгрывают там свой план действия пока исключительно через Генлейна [2] и не вводя в игру себя непосредственно... Чехословацкий посланник, понятно, пытается бодриться, но я не могу забыть, что и местный австриец бодрился до последней минуты. Положение остается исключительно серьезным, события развиваются в очень быстром темпе, хотя, повторяю, немцы делают всю ставку на «безболезненный» захват Чехии силами внутреннего взрыва и не особенно лицемерят, когда говорят о своем нежелании войны. Изменение международной обстановки в неблагоприятном для Берлина смысле может поэтому заставить его повременить с проведением этого плана».

В чем же состоял план Гитлера?

Замысел Гитлера

Часто считают исходным пунктом планирования нападения на Чехословакию совещание у Гитлера 5 ноября 1937 года, на котором он прямо заявил о своей цели — ликвидации Чехословакии как самостоятельного государства.

---

[1] Имелся в виду т. н. «Польский коридор», дававший Польше выход к морю.

[2] Главарь судето-немецких фашистов.

Однако замысел возник гораздо раньше. Еще в библии нацизма — книге Гитлера «Майн кампф», написанной в 1925 году, содержались рассуждения о нежизнеспособности Чехословацкой республики. Когда же Гитлер пришел к власти, то в первой же речи перед генералитетом 3 февраля 1933 года провозгласил программу пересмотра европейских границ.

Чехословакия уже тогда была одним из объектов будущей агрессии. В своих воспоминаниях Герман Раушнинг зафиксировал, что еще в 1932 году Гитлер заявил:

— Чешско-моравский бассейн будет колонизирован немецкими крестьянами. Чехов мы переселим в Сибирь...

Во время другой беседы с Раушнингом, состоявшейся в 1934 году, Гитлер говорил о том, что он собирается включить в состав будущей Германии Австрию и Чехословакию. Эти идеи вынашивались и в военной среде. Так, в мае 1933 года будущий генерал авиации Кнаус писал в докладной записке Герингу:

«Германия — континентальная держава. Исход ведущихся ею войн всегда решается на центральном европейском театре. Ее будущие противники — Франция и Польша в первую очередь, и во вторую — Чехословакия и Бельгия».

В докладе начальника генштаба от 3 июня 1938 года на имя главнокомандующего сухопутными силами отмечалось:

«Вопрос военного разгрома Чехии постоянно изучался и разрабатывался генштабом со времени секретной директивы имперского военного министра от 4.IV.1935 г. за номером WA 1186/35 g.K L1 и даже ранее этой директивы. Генштаб сухопутных сил видел военную необходимость данной операции не менее ясно, чем другие компетентные органы. Многолетние исследования и предварительные разработки велись и могли вестись генштабом так основательно, как нигде. Они привели к выработке ряда организационных и стратегических принципов подготовки к военным действиям против Чехии» [1].

Когда же в 1936 году военное командование Германии разрабатывало свой первый «перспективный» план под кодовым названием «Шулюнг», то в нем указывалось на возможность действий против Чехословакии. Военное планирование против этой страны шло широким фронтом. Так, долголетний начальник генерального штаба генерал Франц Гальдер оставил такое свидетельство: впервые план действий против Чехословакии упоминался в 1936 году. Когда же в 1938 году Гальдер вступил на свой пост, то нашел уже готовым разработанный в 1937 году план операции против Чехословакии. Этот документ, по его словам, был подготовлен тогдашним первым оберквартирмейстером генерального штаба полковником Эрихом Манштейном, будущим фельдмаршалом.

[1] Этот доклад сохранился и находится сейчас в Федеральном архиве ФРГ в делах генерал-полковника Людвига Бека.

Может быть, Гальдер ошибся? Нет, память ему не изменила. 24 июня 1937 года имперский военный министр фон Бломберг издал «Директиву о единой подготовке к войне», в которой предписывал «быть готовым использовать создающиеся благоприятные политические возможности для войны». В директиве, в частности, говорилось:

«Война на Востоке может начаться неожиданной германской операцией против Чехословакии. Предварительно для этого должны быть созданы политические и международно-правовые предпосылки. Франция и Россия, вероятно, начнут военные действия против Германии. Немецкое политическое руководство будет всеми средствами добиваться нейтралитета Англии».

В директиве содержалось и кодовое наименование будущей операции — «Грюн» («Зеленая»). Таким образом, когда 5 ноября 1937 года в имперской канцелярии собрались высшие политические и военные руководители Германии, они располагали «черновыми набросками» всех операций, в том числе и планом нападения на Чехословакию. На совещании Гитлер развивал такую идею:

— Для облегчения нашего военно-политического положения первейшей целью, во всяком случае, должны быть такие военные действия, в ходе которых одновременно будут ликвидированы Чехия и Австрия... Когда же Чехия будет разгромлена, то будет установлена общая граница между Германией и Венгрией...

На это главнокомандующий сухопутными силами генерал-полковник фон Фрич заявил, что детальные планы операций против Чехословакии будут готовы в течение зимы 1937/38 года. Действительно, план «Грюн» был готов к 21 декабря 1937 года. Как вспоминал Гальдер, идея состояла в одновременных ударах из Силезии и Австрии (хотя Австрия тогда еще не была захвачена!). В совершенно секретном протоколе совещания Гитлера и Кейтеля от 22 апреля 1938 года по поводу операции «Грюн» рассматривались такие варианты:

«А. **Политические положения.**

1. Идея внезапного стратегического нападения без повода или возможности оправдать его — отвергается...

2. Акция, предпринятая после периода дипломатических переговоров, постепенно ведущих к кризису и войне.

3. Молниеносный удар, основанный на инциденте...

Б. **Военные выводы.**

Подготовка должна быть проведена на основе вариантов 2 и 3».

В дальнейшем план «Грюн» уточнялся и дорабатывался в мае, июне, июле и августе 1938 года. «Проведение в жизнь этого плана, — говорилось в документе, подписанном Кейтелем 30 мая, — должно быть осуществлено не позднее 1 ок-

тября 1938 года». 18 июня был издан дополнительный приказ о развертывании войск. Окончательная группировка войск состояла из пяти армий (2, 8, 10, 12-й и 14-й), сконцентрированных в районах Силезии, Саксонии, Баварии и Австрии.

Уже из этого видно, что в намерения нацистской Германии меньше всего входило обеспечение пресловутого «права на самоопределение немецкого меньшинства» в Чехословакии, как утверждали нацисты в 1938 году и о чем часто пишут ныне многие историки на Западе. Позорная комедия в Судетах была разыграна лишь для того, чтобы создать предлог для ликвидации Чехословакии как самостоятельного государства.

В совершенно секретных документах немецкого руководства откровенно характеризовалась роль, отводившаяся судетским нацистам. Их возглавлял Конрад Генлейн. Уже в 1934 году состоялась встреча Генлейна с Гессом, во время которой обсуждался этот вопрос. «Линия германской внешней политики, — говорилось в письме немецкого посла в Праге от 16 марта 1938 года, — является единственной политикой и руководством для тактики партии судетских немцев».

Однако у судетских нацистов, кроме подготовки провокаций, была еще одна, не менее важная функция: она состояла в разработке планов полного уничтожения чешского народа. Уже в мае — августе 1938 года канцелярия Генлейна в так называемом «документе О. А.» заявляла: «Чехи не могут быть признаны самостоятельной нацией».

Когда же Чехословакия была захвачена Гитлером, то уничтожение чешского народа стало на повестку дня. 12 июля 1939 года командующий немецкими войсками в протекторате генерал Фридерици подписал секретный документ под названием «Чешская проблема». В нем говорилось:

«Существует только одно решение: физически и духовно разрушить чешское сообщество и с этой целью изгнать его ведущую прослойку из богемско-моравского района. Учитывая, что физическое истребление в нормальных условиях невозможно, его нужно достичь другим образом, а именно: во-первых, при помощи выселения и эмиграции, во-вторых, путем растворения чехов в Великой Германии».

Чем дальше, тем более определенные черты приобретал этот чудовищный план ликвидации чешского народа. 31 августа 1940 года «имперский протектор Богемии и Моравии» фон Нейрат и его заместитель Карл Герман Франк представили Гитлеру предложения о «будущем богемско-моравского района». В нем говорилось:

«С государственно-политической точки зрения, цель может быть только одна: окончательное включение в Великую германскую империю и заселение этого района немцами».

5 октября 1940 года Нейрату было передано такое решение Гитлера:

«Фюрер рассмотрел следующие три возможности для будущего протектората.

Первое. Сохранение чешской автономии, при которой за немцами сохранялось бы равноправие. Эта возможность отпадает, так как она означает чешские бунты.

Второе. Выселение чехов и колонизация богемско-моравского района силами немецких поселенцев. Эта возможность тоже отпадает, так как на ее реализацию понадобилось бы 100 лет.

Третье. Германизация богемско-моравского района путем ассимиляции чехов. Последнее возможно по отношению к бóльшей части чешского народа. Однако ассимиляции не подлежат те чехи, против которых имеются расовые соображения и которые являются врагами рейха. Эту категорию людей следует истребить.

Фюрер принял решение в пользу третьей возможности».

Для ее реализации были разработаны подробные директивы, предусматривавшие германизацию чешского населения и массовое уничтожение «нежелательных элементов». С 1939 года в ходе германизации в концлагерях было уничтожено не менее 300 тысяч граждан Чехословакии. 500 000 гектаров чешской земли было передано немецким поселенцам. Наиболее важные промышленные предприятия попали в руки германских монополий, причем удельный вес немецкого капитала в чешской экономике с 1938 по 1945 год возрос более чем на 1000 процентов! В угоду нацистам подлежали ликвидации и чешский народ, и чехословацкая государственность.

Таков был страшный замысел.

На пути к реализации

Когда Гитлер принял решение о реализации плана «Грюн», в «уравнении будущей войны» еще были неизвестными некоторые величины, в первую очередь позиция Англии.

Правда, уже в мае 1938 года наш знакомый Фриц Хессе послал в Берлин весьма важную информацию, а именно: его английские контрагенты сообщили, что Чемберлен «готов признать аннексию Судет».

Что произошло до этого? Шел активный, можно сказать, напряженный дипломатический обмен мнениями между Лондоном, Парижем, Прагой и Москвой, в котором обсуждали вопрос о возможной помощи Чехословакии со стороны Ан-

глии и Франции, а также Советского Союза. Положение Советского Союза было особым: согласно существовавшим договорам, он мог оказать военную помощь Праге лишь в том случае, если это сделала бы Франция.

В конце апреля Чемберлен и Даладье встретились в Лондоне. Но эта встреча началась под несчастливой звездой. Военный министр Англии Хор-Белиша созвал пресс-конференцию, на которой заявил:

— Экспансия Германии в сторону Чехословакии, Венгрии и Балкан неизбежна. Однако Англия не готова к войне, поэтому войны не будет, пока Германия будет оперировать в Европе...

Эта мнимая безнадежность господствовала и во время бесед в Лондоне. Хотя официально в адрес Чехословакии были сделаны ободряющие заявления, результаты переговоров были удручающими. Английский посол в Праге м-р Ньютон посетил Крофту и сказал ему:

— Стратегическое положение Чехословакии безнадежно. Она не сможет продержаться до тех пор, пока Англия и Франция соберутся ей помочь. Страна будет оккупирована раньше, чем получит помощь или чем разгорится европейская война... Англия же в данное время вести такую войну не может...

Вывод? В интересах Европы и ее мирного развития Чехословакия должна уступить. С целью «уломать» Бенеша в Прагу направилась специальная миссия во главе с сэром Уолтером Рэнсименом — другом Чемберлена.

О том, что Англия не собирается защищать Чехословакию, откровенно говорил и такой влиятельный человек, характеристику которого мы слышали из уст Хессе, — сэр Горас Вильсон. Он не скрывал намерений Чемберлена. Так, 11 мая он посетил советского посла, и после беседы И. М. Майский записал в своем дипломатическом дневнике:

«У меня был вчера на завтраке сэр Горас Вильсон, который занимает сейчас пост главного секретаря Чемберлена и фактически является творцом внешней политики, проводимой в настоящее время премьером... Сейчас Чемберлен поставил перед собою задачу «замирения Европы» через соглашения с Италией и Германией. Он стремится к ее осуществлению, причем начал с Италии, а не с Германии потому, что считал, что на этом конце «оси» больше шансов добиться быстрых положительных результатов. Теперь на очереди Германия. Британское посредничество в чехословацком вопросе является пробой. По исходу его будет видно, можно ли рассчитывать на вероятность общего соглашения с Берлином в ближайшем будущем. Чемберлен вполне считается с возможностью германской экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе и даже с возможностью поглощения Гер-

манией (в той или иной форме) ряда небольших центрально-европейских и балканских государств. Однако он полагает, что это меньшее зло, чем война с Германией в непосредственном будущем».

Сказано достаточно ясно. Особенно если учесть, что говорил это Вильсон.

В те дни И. М. Майский, разумеется, не мог знать, что еще в марте внешнеполитический комитет британского правительства принял решение, которое сэр Александр Кадоган цинично сформулировал в своем дневнике так:

«Чехословакия не стоит шпор даже одного британского гренадера».

А 21 мая тот же Кадоган писал:

«Решено, что мы не должны воевать».

Сам же Чемберлен написал в одном частном письме:

«Лично мне наплевать, будут ли Судеты в составе рейха или вне его».

Таким образом, английские политики, фарисейски уверяя советских дипломатов в том, что они, мол, еще ждут «исхода посредничества», попросту лгали. В действительности сговор был предрешен.

В этой обстановке наступил так называемый «майский кризис». Встревоженное сообщениями о готовящихся немецких действиях, правительство Бенеша 21 мая 1938 года решило объявить частичную мобилизацию. Эта мера получила полную поддержку народа, а также общественного мнения Западной Европы. Наконец-то было сказано твердое слово! В поддержку Чехословакии Англия и Франция вынуждены были предпринять демарш в Берлине.

Правда, уже через неделю англо-французские «умиротворители», недовольные Прагой, пустили в ход слухи, будто это была ложная тревога. Сегодня, более 40 лет спустя, ясна фальшь этой очередной античехословацкой выдумки. Из немецких документов видно, что Гитлер был вне себя. Более того, он пришел в замешательство. В нашем распоряжении сейчас имеется важное свидетельство Эрнста фон Вайцзеккера — заведующего политическим отделом, а затем статс-секретаря имперского министерства иностранных дел. 22 мая 1938 года он записал в дневнике:

«Чешский вопрос в последние дни обострился. Судетские немцы считают, что уже без пяти минут двенадцать. Пример Австрии действует заразительно... Мы блефуем... Гитлер молчит. Инструкции Генлейну противоречивы... В течение нескольких минут настроение Риббентропа меняется от плана немедленного вторжения к чисто политическому методу разложения чехов».

Далее Вайцзеккер предлагал: «Если мы перейдем к другим средствам давления на Бенеша и иже с ним, то они рано

или поздно возымеют действие. Если не механическим, то химическим методом!»

Итак, план «немедленного вторжения» существовал. Однако стоило правительству Чехословакии проявить твердость, как нацисты заколебались. План «Грюн» подвергся переработке. 28 мая Гитлер в речи перед руководителями вермахта заговорил о необходимости «решения чешского вопроса» и назвал новый срок — не позднее 1 октября.

Встреча в Червоном Градеке

На пути предательства, по которому шло правительство Чемберлена, было одно событие, которое может считаться поистине образцом фарисейства и лицемерия. Имеется в виду так называемая миссия Рэнсимена, посетившая Чехословакию в августе 1938 года. Как иронически писал впоследствии секретарь министра Галифакса Оливер Харви, целью миссии было убедить Чехословакию, что «если она хочет избежать смерти, ей надо покончить самоубийством». Миссия, возглавляемая видным единомышленником Чемберлена сэром Уолтером Рэнсименом, должна была «дать советы» о решении спорных проблем, а в действительности — свести за один стол Бенеша и главаря судето-немецких нацистов Генлейна. С этой целью сэр Уолтер в первую очередь занялся контактами с Генлейном.

...Однажды, путешествуя по живописным северо-западным районам Чехословакии, я попал в район Хомутово. Один из спутников спросил меня:

— А не хотите ли заглянуть в Червоный Градек? Это своего рода историческая достопримечательность. Здесь во время кризисных месяцев 1938 года состоялась встреча, имевшая роковое влияние на ход событий. Здесь лорд Уолтер Рэнсимен...

Разумеется, я вспомнил: речь шла о встрече Рэнсимена с Генлейном, ставшей одним из слагаемых мюнхенского сговора. Она состоялась в замке Ротенхауз. Ротенхауз — германизированное название Червоного Градека. Владельцем замка был принц Гогенлоэ.

Читатель может понять, что я решил свернуть к этому месту, и вскоре мы оказались у ворот замка. Зеленая аллея вела к большому мрачному зданию.

Мои спутники сразу провели меня в «историческую комнату», обшитую темными дубовыми панелями. Стены были украшены охотничьими трофеями — огромными ветвистыми рогами оленей и лосей, некогда подстреленных во время

княжеской охоты. Впрочем, и сиятельному лорду здесь предлагали поохотиться. Но тогда ему было не до охоты.

— Здесь в свое время лежала переплетенная в кожу гостевая книга, — сказал один из моих друзей, — в которую Рэнсимен соизволил внести свое имя рядом с именем предателя Генлейна.

Книги сейчас не было на месте, но я живо мог представить картину: беседа кончается, хозяин поднимается с кресла и просит сэра Уолтера (ведь к лордам принято обращаться только по имени!) оказать честь дому и увековечить свое имя для потомков. Он охотно соглашается, подходит к столику и (даже, может быть, вставив монокль) ставит свое имя. После него расписывается Генлейн, и все общество направляется к столу, оставив потомкам память о своем пребывании в замке.

Безусловно, участники встречи в Червоном Градеке думали совсем об иных потомках, а не об экскурсантах из социалистической Чехословакии. Они и думать не могли, что их предательство не только окажется разоблаченным, но будет перечеркнуто свободолюбивыми народами Европы, скинувшими ярмо фашизма. Советская Армия освободила Чехословакию, навеки изгнала оттуда оккупантов и открыла путь к преодолению последствий мюнхенского предательства...

Но вернемся к Червоному Градеку. Осмотрев дом, я попросил познакомить меня с его нынешним хозяином — управляющим молодежной туристской базой, расположившейся на живописной территории бывшей княжеской резиденции.

— Скажите, не живет ли здесь кто-либо из бывшей прислуги Гогенлоэ? — спросил я, хотя и не рассчитывал на успех.

Управляющий задумался.

— Да, еще недавно был жив дворецкий. Но он умер...

Через пару минут в комнату вошла пожилая женщина, которая оказалась... служанкой самого принца Гогенлоэ. Она охотно рассказала об этой семье, в 30-е годы стоявшей в центре «светской жизни» не только тогдашней Чехословакии, но и всей буржуазной Европы. Моя собеседница — пожилая женщина, немка по происхождению, знала «последних» Гогенлоэ очень хорошо: в 30-е годы здесь хозяином был старый принц Эрнст-Вильгельм-Фридрих и его наследник Готтфрид-Герман, затем владения принял принц Макс-Эгон.

— О, принц Макс был большим путешественником! То и дело он бывал в Берлине, Лондоне, Мадриде, Нью-Йорке и даже в Австралии.

Принцу Максу в его путешествиях не мешали даже европейские войны. Как рассказала моя словоохотливая собеседница, он был подданным великого герцогства Лихтенштейн. С этим паспортом беспрепятственно разъезжал по свету. В годы второй мировой войны Гогенлоэ жил преимуществен-

но в Германии, но свободно появлялся в Швейцарии, Испании, Англии.

Нянька в Червоном Градеке рассказала мне, что существуют различные ветви этого дома: Лангенбурги, Шиллингфюрсты, Вальденбурги, Эрингены и Эрбахи. Лангенбургская ветвь имеет свой центр в Западной Германии, в Вюртемберге.

Вюртемберг? Что же, отправимся туда.

...Когда шоссе миновало небольшой городок Кирхберг, то я увидел на очередном указателе слово «Гогенлоэланд» («Земля Гогенлоэ»). Да, здесь начинались владения князей Гогенлоэ — одного из древнейших дворянских родов Франконии. Первый из баронов Гогенлоэ отмечен в хронике 1170 года, в 1232 году бароны приобрели замок Лангенбург, ставший их основной резиденцией. Император Фридрих подарил Гогенлоэ графство Цигенхайн. Граф Георг I Цигенхайнский стал основателем дома Гогенлоэ, который существует до сих пор.

В последнем я убедился, посетив высящийся над долиной реки Ягст замок Лангенбург. Он прекрасно сохранился, в нем и сейчас живет супружеская пара князей Гогенлоэ. В замке создан музей, где можно узнать все подробности родословной — в них легко можно запутаться. Дом Лангенбургов имеет две линии: каждая делится на «ветви», «ответвления» и «семейства». Когда же разберешься, то видишь, куда могут вести все эти «линии» и «ответвления». Так, «вторая ветвь первого ответвления» Гогенлоэ была в родстве с домом Романовых и с царствующим домом Кобургов — королей греческих, с царствующим домом королей английских. В родословной «первого ответвления второй ветви» — принцы Баденские, прусский министр граф Гогенлоэ, семья промышленника Петера фон Сименса, московские купцы Шишины, графы Фабер-Кастель, Приттвиц-Гафрон, Шаумбург. А вот и интересующая нас семья: ее основатель, принц Фридрих-Эрнст обосновался в Ротенхаузе (Червоном Градеке). Макс-Эгон Мария Эрвин Пауль, родившийся 19 октября 1897 года в том же Ротенхаузе, был одним из шести детей князя Готтфрида. Не будучи старшим, он именовался не князем, а принцем.

Стоит ли продолжать генеалогические изыскания? Мне кажется, что стоит. Они дают нам любопытнейший ключ к пониманию того, как действуют некоторые закулисные механизмы. Например, примечателен «коктейль» из графов и купцов в родословном древе Гогенлоэ. Так было и в жизни принца Макса. Он женился на испанской дворянке донье Марии де ла Пиедад Итурбе и Шольц, маркизе де лас Навас. Откуда в этой пышной череде испанских имен мещанское

немецкое имя Шольц? Поинтересовавшись этим, я узнал, что дедом доньи Марии был немецкий купец Шольц, специализировавшийся на экспорте знаменитых малагских вин. Разбогатев, Шольц женился на испанской дворянке; их дочь носила пышный титул маркизы де лас Навас де ла Тринидад фон Шольц унд Херменсдорф. Она вышла замуж за мексиканского дипломата и крупнейшего землевладельца герцога Итурбе.

Подобное сочетание аристократических имен и купеческой мошны делали их носителей идеальными «закулисными» посредниками. Так, князь Эрнст Гогенлоэ осенью 1918 года «дебютировал» в роли посредника между кайзеровской Германией и США, передав начальнику большого генштаба Людендорфу пожелание американского президента сохранить в Германии монархию.

...Итак, принц Макс-Эгон (в семье его звали «Мапль») начал свою карьеру в 30-е годы. Еще до приезда миссии Рэнсимена он активно участвовал в движении Генлейна. Принц Макс присутствовал, например, на частной встрече Генлейна с премьер-министром Чехословакии Годжей в сентябре 1937 года. Он же поддерживал теснейший контакт с уполномоченным британской разведки полковником М. И. Кристи, который под видом сотрудника Форин оффиса сопровождал Рэнсимена. Более того, принц отвозил послания Генлейна заместителю министра иностранных дел сэру Роберту Ванситтарту и французскому дипломату Массильи. Когда же дело дошло до миссии Рэнсимена, то специальный уполномоченный Гиммлера обергруппенфюрер Карл Франк послал Конраду Генлейну срочную телеграмму: «Необходимо, чтобы Конрад в четверг 18 августа в 12 часов прибыл на обед в замок Ротенхауз около Геркау к Гогенлоэ, где он встретит лорда Рэнсимена...»

С этих пор связь принца с СС становится весьма тесной. В частности, отчет принца о беседе 18 августа был представлен прямо в главный штаб СС и только оттуда переслан Риббентропу и Гитлеру. Вслед за этим принц Макс еще раз сводил Генлейна с сотрудником Рэнсимена Эштон-Гуэткином в отеле «Карлтон» в Марианских Лазнях. Все эти встречи служили одному: политическому давлению на английских эмиссаров, дабы они смирились с гитлеровскими требованиями. Когда же Гитлер увидел, что лорд капитулирует слишком быстро, то изменил тактику. Теперь ему нужно было поскорее заставить миссию уехать. В эти дни немецкое посольство доносило из Праги в Берлин: «Если это желательно, то принц Гогенлоэ располагает возможностями форсировать скорейшее решение миссии Рэнсимена об отъезде».

О принце Максе мы еще узнаем многое. Пока идет август 1938 года.

План «Z»

Когда советские дипломаты сообщали в Москву о тревожных тенденциях во внешнеполитическом курсе Англии и Франции и высказывали предположения, что такой курс приведет к неминуемому предательству Чехословакии, они еще не знали, что эти шаги были звеньями продуманного плана. Об этом плане мир узнал лишь в 1968 году, когда истек 30-летний срок давности, после которого в Англии открываются архивы. Тогда в архиве премьер-министра сэра Невиля Чемберлена был обнаружен документ, датированный 30 августа 1938 года и составленный Вильсоном[1]. Вот его содержание:

«Существует план, который надлежит назвать план «Z». Он известен и должен быть известен только премьер-министру, министру финансов, министру иностранных дел, сэру Невилю Гендерсону[2] и мне.

Вышеупомянутый план должен вступить в силу только при определенных обстоятельствах... Успех плана, если он будет выполняться, зависит от полной его неожиданности, и поэтому исключительно важно, чтобы о нем ничего не говорилось».

Суть плана сводилась к следующему: в тот момент, когда возникнет «острая ситуация», Чемберлен лично отправится на переговоры к Гитлеру. На этих переговорах должны быть урегулированы все вопросы, касающиеся Чехословакии, и устранены все возможные поводы для конфликта с Германией, после чего будет достигнуто широкое соглашение между Англией и Германией.

План разрабатывался во всех подробностях; в частности, учитывалась возможность того, что Гитлер не согласится принять Чемберлена. Поэтому составители плана решили, что проинформировать Гитлера следует только тогда, когда Чемберлен будет уже на пути в Германию. В соответствии с общим замыслом Гендерсон получил такую инструкцию:

«Гендерсон после того, как ему скажут, что план «Z» вступит в действие, должен узнать, где именно находится Гитлер в данный момент, не сообщая, однако, почему это интересует его. Если время позволит, Гендерсон получит второе уведомление с указанием времени прибытия».

Не менее подробно рассматривались и поводы для возможного визита. Так как ожидалось, что в начале сентября Гитлер выступит с очередной речью на партийном съезде, Вильсон разработал несколько вариантов реакции на эту речь. Если она будет «умеренной», то даст Чемберлену повод зая-

---

[1] После войны Вильсон вспоминал, что план родился даже раньше — возможно, 25 августа.

[2] Посол Англии в Германии.

вить о возможности переговоров; если же окажется резкой, то будет заявлено, что в подобной ситуации самый лучший выход — личные переговоры...

Своими сокровенными замыслами Чемберлен, конечно, не делился ни с французскими, ни с чехословацкими коллегами (не говоря уже о советских). Зато своей сестре он написал 11 сентября: «Существуют соображения, которых наши критики не знают. Это — план, о своеобразии которого ты можешь догадываться. Время для него еще не созрело. Но если он удастся... то сможет дать повод к полному изменению международной ситуации».

Чемберлен осторожно готовил свой кабинет к плану «Z». В частности, 30 августа на заседании правительства министр иностранных дел Галифакс, знавший о плане «Z», заявил, что не имеет смысла предупреждать Гитлера о решимости Англии вступить в войну.

— Оправданно ли сейчас, — говорил Галифакс, — идти на безусловную войну ради предупреждения возможной войны в будущем?..

С мнением Галифакса, разумеется, согласился Чемберлен. Он заявил, что «угрозы со стороны Англии» не дали желательных результатов. Такую же капитулянтскую позицию занял тогдашний министр координации обороны Инскип, который заявил:

— В настоящий момент мы еще не достигли максимального уровня готовности и не достигнем его в течение года или еще большего времени...

На этом основании Чемберлен формулировал решение так:

«Кабинет единодушен в отношении того, что мы не должны высказывать в адрес г-на Гитлера угрозу, что если он вступит в Чехословакию, то мы объявим ему войну».

Все это приближало реализацию плана «Z». Сэр Александр Кадоган, посвященный в план, 10 сентября меланхолически занес в свой дневник:

«Г. Дж. В. (Вильсон. — **Л. Б.**) пришел после ужина, и мы обсуждали проект для премьер-министра на случай вступления в силу плана «Z». Ужасная жизнь!»

События надвигались. Гитлер 12 сентября произнес в Нюрнберге исключительно агрессивную речь. В ночь на 13 сентября генлейновцы организовали новую серию кровавых столкновений в Чехословакии и практически начали восстание. О характере этих действий можно судить по дневнику сотрудника Управления разведки и контрразведки германского верховного главнокомандования Гросскурта. Там содержатся такие откровенные записи:

«**27 августа 1938 года.** Фюрер решил начать войну. Он приказал спровоцировать инциденты в Чехословакии.

2 сентября 1938 года. Фюрер приказал, чтобы в воскресенье были проведены инциденты в Чехословакии».

Тогда-то Чемберлен решил, что настало время действовать. Как сообщал английский историк Ян Колвин, 13 сентября на совещании лиц, знавших о плане «Z», впервые обсуждалась идея конференции четырех держав. Было высказано мнение, что она «не будет ни в коей мере привлекательной для Германии, если не будет предусматривать исключение России» из числа участников конференции. Таким образом, уже с момента введения в действие плана «Z» Чемберлен и его единомышленники задумали действовать без Советского Союза, т. е. собирались выполнить одно из главных требований Гитлера.

14 сентября на заседании кабинета министров в полном составе Чемберлен объявил о своем плане. Он сообщил ошеломленным членам правительства о своем решении лететь в Германию для достижения «взаимопонимания с Гитлером».

15 сентября Чемберлен в сопровождении сэра Гораса Вильсона сел в самолет (первый раз в жизни!). Гитлер милостиво согласился принять его в своей баварской резиденции «Бергхоф» близ Берхтесгадена. Своей сестре Чемберлен в эти дни писал: «Важны были две вещи: первое — что план надо было испробовать в тот момент, когда ситуация казалась самой мрачной. Второе — чтобы он был совершенно неожиданным. В ночь на вторник я решил, что настал момент... Гитлер был весьма доволен и даже запросил, не приедет ли госпожа Чемберлен...»

Однако в Берхтесгадене предстояли дела далеко не семейные.

«Чехословакия будет продана»

Гитлер действительно был очень доволен, ибо хорошо знал о том, как далеко зашли капитулянтские настроения в Лондоне и Париже. Так, 14 сентября служба телефонных перехватов доложила ему о таком разговоре чехословацкого посла в Лондоне Масарика с министерством иностранных дел в Праге:

Прага. Если он (Гитлер. — **Л. Б.**) начнет войну, то начнут ли ее другие?

Масарик. Надеюсь, но, увы, не скоро. Здесь пытаются удрать в кусты. За это выступают многие.

Прага. Но это невозможно!

Масарик. У этих идиотов 15 крейсеров и они боятся за их судьбу... И во Франции достаточно таких мошенников.

Вечером того же дня Масарик вызвал к телефону Бенеша.

Масарик. Вы слыхали, что натворил Чемберлен?

Бенеш. Нет.

Масарик. Он завтра в 8 часов 30 минут летит в Берхтесгаден.

Бенеш (после долгой паузы). Не может быть!

Масарик. Точно. Чемберлена сопровождает Стрэнг и эта свинья Вильсон.

Таким образом, германская сторона вступала в переговоры с Чемберленом, прекрасно зная, что премьер-министр «созрел» для предательства интересов Чехословакии.

Чемберлен утром 15 сентября вылетел в Мюнхен, оттуда поездом отправился до Берхтесгадена и в 16 часов 50 минут прибыл в резиденцию фюрера, где состоялись три беседы. 16 сентября премьер-министр вернулся в Лондон. Мир уже догадывался, о чем шла речь. Так, советский поверенный в делах в Берлине Г. А. Астахов сообщил 15 сентября в Москву:

«У меня был поверенный в делах Чехословакии Шуберт, не скрывающий своего волнения. «Мир будет сохранен, но Чехословакия будет продана», — так, стараясь быть саркастическим, охарактеризовал он положение».

Разумеется, об итогах встречи Чемберлена с Гитлером Советское правительство проинформировано не было. Лишь 19 сентября президент Бенеш пригласил к себе С. С. Александровского и сообщил ему, что получил совместное англо-французское предложение о решении судето-немецкого вопроса путем прямой уступки Германии тех округов, в которых немцы составляют больше 50 процентов населения. Итак, Чехословакии ультимативно предлагался даже не плебисцит, а прямая уступка собственной территории! Что же произошло? Об этом сам Гитлер красочно рассказывал Эрнсту фон Вайцзеккеру, который записал в своем дневнике:

«Фюрер в беседе с Риббентропом и мной живо описал свои беседы с Чемберленом... Сначала фюрер грубо заявил о своей готовности решить чешский вопрос, рискуя европейским миром, и о том, что после этого он удовольствуется положением в Европе. Тогда Чемберлен дал заверение, что будет способствовать передаче Судетской области Германии... Фюрер описал нам подробности, в том числе методы шантажа и различные уловки, при помощи которых он загнал партнера по переговорам в угол».

А вот другое свидетельство — из дневника разведчика Гросскурта: «Кейтель рассказывал о результатах бесед фюрера с Чемберленом. Сначала фюрер заявил, что он представляет народ, который оказал ему 99-процентное доверие. Он — представитель тысячелетнего рейха. Затем он пригрозил расторжением англо-германского морского соглашения. После этого Чемберлен сдрейфил».

Впрочем, фюреру не надо было особенно запугивать Чемберлена. Из протокола переговоров видно, что Чемберлен начал с рассуждений о своих усилиях, направленных на «достижение англо-германского сближения». Гитлер сразу же выдвинул свои условия: «возвращение в рейх» судетских немцев, ликвидация советско-чехословацкого договора. Чемберлен поспешил навстречу Гитлеру, сказав:

— Допустим, положение будет изменено таким образом: Чехословакия не будет более обязана прийти на помощь России в случае, если последняя подвергнется нападению, и, с другой стороны, Чехословакии будет запрещено предоставлять возможность русским вооруженным силам находиться на ее аэродромах или где-либо еще. Устранит ли это ваши трудности?

Гитлер отвечал:

— Если Судетская область будет включена в рейх, а затем отделятся польское, венгерское и словацкое меньшинства, то от Чехословакии останется такая малая часть, что я не буду себе ломать голову...

После этого Чемберлен и дал свое принципиальное согласие на отделение Судетской области. 16 сентября было созвано заседание узкого состава английского правительства, на котором присутствовали Вильсон и Рэнсимен. В принципе все было согласовано. 17 сентября кабинет в полном составе одобрил «принцип самоопределения» — так ханжески называлось отделение Судетской области. 18 сентября в Лондон из Парижа прилетели Даладье и Бонне. Так родился чудовищный по своему цинизму документ: англо-французский ультиматум... руководителям дружественной Чехословакии! Даже видавший виды сэр Александр Кадоган заметил в своем дневнике: «Мы грубо сообщили им о необходимости капитуляции...»

Можно понять чувства чехословацких министров, когда они узнали об этом. Получить ультиматум от своих «защитников» — такого еще не бывало в международной практике! Вполне естественно, что президент Бенеш — при всех своих предрассудках и антикоммунистических чувствах — был самой жизнью вынужден задать вопрос: может ли он рассчитывать на советскую помощь? С. С. Александровский телеграфировал 19 сентября:

«Бенеш просит правительство СССР дать как можно быстрее ответ на следующие вопросы:

1. Окажет ли СССР согласно договору немедленную действительную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь.

2. В случае нападения Бенеш немедленно обратится телеграммой в Совет Лиги наций... В связи с этим Бенеш просит помощи в Лиге наций и просит от Советского правительства

такого же срочного ответа о том, поможет ли СССР в качестве члена Лиги наций...»

Теперь и мы обратимся к этим вопросам, которые до сих пор заставляют нервничать недругов Советского Союза, пытающихся набросить тень на его политику.

«Дайте утвердительный ответ»

Советское правительство прилагало немалые усилия для того, чтобы оказать помощь Чехословакии, попавшей в трудное положение. Однако своеобразие обстановки 1938 года состояло в том, что Советский Союз, имея договор о взаимопомощи с Чехословакией, не мог выполнить свои обязательства без определенных условий. Первым из них была зависимость от действий Франции: в советско-чехословацком договоре был пункт, в котором говорилось, что Советский Союз сможет оказать помощь (в том числе военную) только в том случае, если первой эту помощь окажет Франция. Второе условие заключалось в том, что было необходимо согласие Польши и Румынии на пропуск советских войск; известно, что Советский Союз не имел тогда общей границы с Чехословакией. Наконец, для помощи со стороны Советского государства на основании Устава Лиги наций необходима была соответствующая просьба Чехословакии.

Уже в марте 1938 года — сразу после аншлюса Австрии — Советское правительство подтвердило свою готовность выполнить обязательства по отношению к Чехословакии. Когда на одном из приемов иностранные журналисты задали вопрос М. М. Литвинову, как сможет Красная Армия попасть в Чехословакию, народный комиссар ответил:

— Было бы желание, тогда и путь найдется...

Таким образом, одной из важных проблем обеспечения безопасности Чехословакии являлась договоренность между Советским Союзом и другими странами о пропуске советских войск. Соответствующие запросы неоднократно направлялись в Париж и Лондон. 12 мая в Женеве во время встречи с министром иностранных дел Франции Бонне М. М. Литвинов предложил начать переговоры между советским и французским генеральными штабами по техническим вопросам, включая вопрос о пропуске советских войск через Румынию и Польшу.

Однако ответа на это предложение не поступило, хотя Бонне и обещал доложить о нем французскому правительству. Понимая сложность ситуации, Советское правительство считало возможным готовиться к помощи Чехословакии даже

при условии, что Румыния и Польша не пропустят советские войска, а Франция не окажет Чехословакии военной помощи. В середине мая Генеральный секретарь Коммунистической партии Чехословакии Клемент Готвальд посетил президента Чехословакии Бенеша и сообщил ему о следующем: в беседе с Готвальдом И. В. Сталин ясно и определенно заявил о готовности Советского Союза оказать военную помощь Чехословакии даже в том случае, если, вопреки пакту, Франция этого не сделает, а панская Польша и боярская Румыния откажутся пропустить советские войска. При этом Сталин заметил, что данное обязательство будет иметь силу только при одном условии: если сама Чехословакия станет защищаться и попросит помощь у Советского Союза. О готовности СССР говорил и Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин.

В то же время Советское правительство не теряло времени и принимало практические меры. В марте Чехословакию посетила советская военная делегация; в мае переговоры были продолжены в Москве, а в июне — в Праге. После долгих затяжек генштаб чехословацкой армии направил в Москву командующего авиацией генерала Файфра.

Советские военные историки, изучив архивы тех лет, восстановили картину практических мер Советского правительства и военного командования, которые были направлены на то, чтобы в необходимый момент выступить на помощь Чехословакии.

Так, 26 июня 1938 года Главный Военный Совет Красной Армии принял постановление преобразовать Киевский и Белорусский военные округа (находившиеся ближе всех к территории Чехословакии) в Особые военные округа. В соответствии с приказом народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова в Киевском особом военном округе началось срочное формирование четырех крупных армейских групп, а в Белорусском округе — двух армейских групп. Срок завершения этих мер был определен: 1 сентября 1938 года. Армейские группы включали в свой состав по нескольку стрелковых дивизий, танковые бригады, артиллерийские, авиационные части и другие войска обеспечения. Одновременно формировались кавалерийские группы.

Центральный комитет партии поставил перед вооруженными силами задачу быть в полной боевой готовности. 21 сентября Народный комиссариат обороны направил в Киевский особый военный округ директиву, в которой предлагалось выдвинуть к государственной границе следующие группировки войск:

— Житомирскую армейскую группу в составе 8-го и 15-го стрелковых корпусов и 2-го кавалерийского корпуса — в район Новоград-Волынский — Шепетовка.

— Винницкую армейскую группу в составе 17-го стрелкового, 25-го танкового, 4-го кавалерийского корпусов и двух отдельных танковых бригад — в район юго-западнее Проскурова.

Для укомплектования стрелковых дивизий до штатов военного времени разрешалось призвать приписной состав из расчета по 8 тысяч человек на дивизию. Для прикрытия и поддержки войск каждой армейской группы привлекались и авиационные силы — по три истребительных полка, полку бомбардировщиков и по одному полку тяжелых бомбардировщиков. Всю подготовку приказывалось завершить к 23 сентября.

Как видим, Советское правительство с полным основанием могло дать 20 сентября такое указание своему послу в Праге:

«1. На вопрос Бенеша, окажет ли СССР согласно договору немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени правительства Советского Союза утвердительный ответ.

2. Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша...»

Этот ответ был в тот же день немедленно передан по телефону Бенешу — в тот самый решающий момент, когда правительство Чехословакии на своем заседании обсуждало ответ на англо-французский ультиматум от 19 сентября и первоначально склонялось к отрицательному решению. 21 сентября С. С. Александровский посетил Бенеша и устно вновь подтвердил позицию Советского правительства, о которой он говорил накануне. Президент выразил свою благодарность и заявил, что поставит вопрос в Лиге наций [1]. В тот же день, выступая на пленарном заседании Ассамблеи Лиги наций, М. М. Литвинов официально и торжественно подтвердил верность Советского Союза своим обязательствам по отношению к Чехословакии, предложив немедленную встречу военных ведомств СССР, Франции и Чехословакии, а также немедленное проведение совещания европейских великих держав и других заинтересованных государств для выработки коллективного демарша.

22 сентября командующий Киевским особым военным округом С. К. Тимошенко доложил о том, что советские войска начали выдвигаться в районы сосредоточения вблизи западной границы. Специальная оперативная группа управления во главе с командующим округом переместилась из Киева в Проскуров. Штаб авиационной армии, расположенный под Воронежем, получил приказ перебазировать свои боевые силы в

[1] Это обещание Э. Бенеш так и не выполнил.

район Белая Церковь, Умань. Такие же меры предпринимались в Белорусском особом и Калининском военных округах. Так, в Белорусском округе в боевую готовность были приведены Витебская и Бобруйская армейские группы. Войска начали выдвигаться в районы сосредоточения утром 24 сентября.

В последние годы появился ряд важных документальных публикаций, подготовленных дипломатами и военными историками СССР и ЧССР, в которых опубликованы тексты приказов и распоряжений командования Красной Армии, отданных в те дни. Так, в совместной публикации военных историков СССР и ЧССР, вышедшей в 1975 году, отмечается, что 23 сентября 1938 года в боевую готовность приводился новый контингент советских войск. На Лепельское направление выдвигались стрелковая и кавалерийская дивизии и танковая бригада. В Минском укрепрайоне развертывались дивизии 16-го стрелкового корпуса, три кавалерийские дивизии и две танковые бригады. В повышенную боевую готовность были приведены и другие войска Белорусского и Киевского особых военных округов.

Еще один штрих: если через несколько дней — 28 сентября — Англия и Франция не только по существу, но и формально предали Чехословакию, то именно в этот день, 28 сентября, начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников отдал такую директиву Ленинградскому, Белорусскому, Киевскому, Харьковскому, Калининскому, Московскому, Приволжскому, Уральскому, Северокавказскому, Закавказскому округам:

«Народный комиссар приказал: красноармейцев и младших командиров, выслуживших установленные сроки службы в рядах РККА, впредь до распоряжения из рядов армии не увольнять» [1].

В тот же день К. Е. Ворошилов доложил Политбюро ЦК ВКП(б) и Советскому правительству о готовности направить 30 сентября в Чехословакию 4 авиационные бригады в составе 548 боевых самолетов; из них бомбардировщиков — 123 Белорусского округа, 62 — Киевского, 61 — Харьковского; истребителей — 151 Белорусского округа, 151 — Киевского. Об этих мероприятиях были информированы чехословацкое правительство и французский военный атташе в СССР.

Сейчас из документов Генштаба Красной Армии видно, что в боевую готовность были приведены: танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, одна мотострелковая и 12 авиационных бригад, 7 укрепленных районов; в системе противовоздушной обороны — 2 корпуса, ди-

---

[1] См. сборник «Документы по истории мюнхенского сговора 1937—1939». М., Издательство политической литературы, 1979, стр. 314.

визия, 2 бригады, 16 полков, 4 зенитные артиллерийские бригады и 15 зенитных артиллерийских полков. Силы немалые! Именно поэтому 25 сентября Народный комиссариат обороны предложил военно-воздушному атташе СССР во Франции Н. Н. Васильченко информировать французское командование о следующем:

«1. 30 стрелковых дивизий придвинуты в районы, прилегающие непосредственно к западной границе. То же самое сделано в отношении кавалерийских дивизий.

2. Части соответственно пополнены резервистами.

3. Что касается наших технических войск — авиации и танковых частей, то они у нас в полной готовности.

Результаты срочно сообщите».

Н. Н. Васильченко ответил:

«26 сентября в 11 часов утра я посетил военное министерство Франции. Гамелен сегодня рано утром вылетел в Лондон. Учитывая важность Вашего сообщения, я немедленно передал его начальнику кабинета Гамелена ген. Жанелю и просил передать эти сведения в Лондон Гамелену».

Но предательство уже совершилось. В 5 утра 21 сентября в Пражском Граде снова собрался кабинет, а днем Крофта вручил послам Франции и Англии новый ответ: Чехословакия капитулирует.

Трагические дни

Дальше события развивались необычайно быстро. О том, что происходило в Праге, С. С. Александровский писал 22 сентября. Этот приводимый ниже документ по праву может войти во все исторические хроники:

«В Праге происходят потрясающие сцены. Полпредство окружено полицейским кордоном. Несмотря на это, толпы демонстрантов при явном сочувствии полиции приходят к полпредству, высылают делегации, требующие разговора с полпредом. Толпы поют национальный гимн и буквально плачут. Поют «Интернационал». В речах первая надежда на помощь СССР, призывы защищаться, созвать парламент, сбросить правительство. Имена не только Годжи, но и Бенеша встречаются свистом и криком. Офицеров качают, заставляют произносить патриотические речи. Гитлер и Чемберлен одинаково возбуждают ненависть. Часты лозунги: «Даладье и Бонне — не французский народ, который не предаст». Эти демонстрации явно не имеют руководства. Делегации принимаю. Сегодня в четвертом часу ночи только что была делегация рабочих и служащих, выделенная митингом, состоявшимся перед полпредством. Делегатам заявляю, что СССР

дорожит Чехословацкой республикой и интересами ее трудящихся, а потому готов помочь защитой от нападения. Путь к оказанию помощи усложнен отказом Франции, но СССР ищет путей и найдет их, если Чехословакия подвергнется нападению и будет вынуждена защищаться. Бо́льшую часть это удовлетворяет. Приезжают делегации из провинции. Там еще резче стоит вопрос о войне. Главный лозунг — не отзывать армию с границ, объявить всеобщую мобилизацию, не допускать германские войска в Судеты».

Но именно эта решимость пугала капитулянтов. Получив желаемый ответ из Праги, Чемберлен 22 сентября поспешил на очередную встречу с Гитлером. На этот раз она состоялась в Бад-Годесберге. Разумеется, присутствовал неизменный сэр Горас Вильсон. Он же рассказал нашему знакомому Фрицу Хессе о том, что произошло:

— Гитлер обращался с Чемберленом как с камердинером...

Действительно, Чемберлену пришлось пережить в Бад-Годесберге еще одно унижение. Он рассчитывал, что, дав от имени Англии, Франции и Чехословакии согласие на передачу Судетской области Германии, удовлетворит все претензии Гитлера. Но это была очередная иллюзия «умиротворителей». Они никак не могли — или не хотели — понять, что любая уступка толкает Гитлера на дальнейшие агрессивные шаги. Как мы уже знаем, Гитлер был прекрасно проинформирован о всех перипетиях дискуссий в Лондоне.

Изо дня в день Гитлеру на стол клали перехваты телефонных переговоров между Лондоном и Прагой, из которых он мог видеть: Чемберлен не заступится за Чехословакию. Вот лишь некоторые выдержки из сообщений Масарика Бенешу, переданных по телефону:

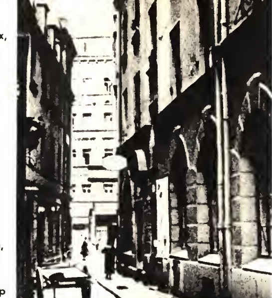
16 сентября. Лорд (Лондондерри. — **Л. Б.**) показал мне письмо, которое он получил от толстого фельдмаршала (Геринга. — **Л. Б.**). Тот писал: «Отдайте территории и разорвите союз с Россией. Тогда все будет спокойно».

19 сентября. Эти типы (Даладье и Чемберлен. — **Л. Б.**) еще заседают и никому ничего не говорят. И речь идет об уступке территорий. Знайте об этом!

20 сентября (перед вторым полетом Чемберлена в Германию). Старик снова пакует чемоданы и совсем озверел... Скоро все свершится.

Что именно? Оказывается, Масарик передал Бенешу английский совет: вести себя тихо, на все соглашаться. А кроме того, из телефонных перехватов стало ясно, что Чемберлен решил согласиться на требования Германии и собирается в Годесберге лишь «изобразить» упорство. О последнем Гитлер несколько лет спустя с издевкой рассказывал в кругу своей свиты:

В мюнхенских трущобах, в пивной «Штернекерброй» была основана нацистская партия.

Весной 1919 года контрреволюционные отряды зверски расправились с мюнхенскими рабочими, провозгласившими Баварскую Советскую Республику. Среди карателей был ефрейтор Гитлер.

Эмиль Кирдорф — угольный король Германии 20-х годов — был одним из первых банкиров и покровителей нацистской партии.

Стальной магнат Фриц Тиссен (на снимке вверху — с Гитлером) дал деньги на оборудование «Коричневого дома» в Мюнхене — штаб-квартиры гитлеровской партии.

В этой вилле, принадлежавшей банкиру фон Шредеру, 4 января 1933 года было решено привести Гитлера к власти.

Полковник Состенес Бенн — глава американской монополии ИТТ, активно поддерживавшей нацистский режим.

Так выглядел рейхстаг до пожара.

Зал заседаний. Рядом с трибуной — ложа стенографов, куда можно было проникнуть из подземного хода.

В ночь с 27 на 28 февраля 1933 года пожар рейхстага озарил центр Берлина.

Поджог рейхстага стал сигналом к расправе с коммунистами, социал-демократами, со всеми инакомыслящими. Полиция у «дома Карла Либкнехта», где помещался ЦК КПГ.

«Вы боитесь моих вопросов, господин министр-президент!» Эти слова Димитрова, обращенные к Герингу, вошли в историю.

Geheime Kommandosache

Chef des Generalstabes des Heeres Berlin, 3.6.38

56

An den

Herrn Oberbefehlshaber des Heeres

Zu dem mit O.K.W. 42/38 g.K.Chefs.L I.a.30.5.38 übersandten Teil 2, Abschnitt II der Weisung für die einheitliche Kriegsvorbereitung der Wehrmacht v.24.6.37, melde ich Folgendes:

I.

Die Frage der milit.Niederwerfung der Tschechei wird seit der Verfügung der Reichskriegsministers v.4.4.35 W.A. 1186/35 g.K. L Ia, und wurde schon vorher, vom Generalstab des Heeres fortlaufend geprüft und bearbeitet. Die milit.Notwendigkeit für jenes Vorhaben war im Generalstab des Heeres längst mindestens so klar erkannt wie von den anderen für diese Frage zuständigen Stellen. Die jahrelangen Untersuchungen und Vorarbeiten durch den Generalstab des Heeres, die wohl nirgends so gründlich betrieben worden sind und auch betrieben werden konnten wie bei diesem, haben zu einer Reihe bestimmter organisatorischer und strategischer Grundlagen für die Bearbeitung der Kriegsvorbereitungen gegen die Tschechei geführt. Sie können dem Obkdo.der Wehrmacht nicht unbekannt sein, da sie diesem bzw. der ihm vorausgegangenen Dienststelle in Denkschriften sowie in schriftl. und mündlichen Ausführungen des Ob.d.H. mitgeteilt worden sind.

Der obige neue Teil II der Weisung für die einheitliche Kriegführung der Wehrmacht weist demgegenüber in für das Heer entscheidenden Fragen Auffassungen auf, die denen des Generalstabes des Heeres scharf entgegengesetzt sind und sowohl die Leistungsfähigkeit des Heeres als Kriegsinstrument überschätzen wie auch strategische Gedankengänge vertreten, die, abgesehen davon, dass sie Sache des Heeres sind, vom Generalstab des Heeres abgelehnt werden müssen.

Секретный доклад начальника генштаба от 3 июня 1938 года о подготовке нападения на Чехословакию (план «Грюн»).

Мюнхенское предательство и его действующие лица: министр иностранных дел Англии Галифакс.

Вход в родовое поместье принца Гогенлоэ Ротенхауз.

Чемберлен на приеме у Гитлера (слева — фельдмаршал Кейтель).

Во время мюнхенского совещания. Стоит второй слева — сэр Горас Вильсон. В центре с текстом в руках — Р. Шпитци, который вел протокол переговоров.

Подлииное письмо Вольтата, подтверждающее участие приица Гогеилоэ в оргаиизации тайиой встречи Гериига с Рэисименом.

Ministerpräsident Generalfeldmarschall Göring
Beauftragter für den Vierjahresplan
Ministerialdirektor zur besonderen Verwendung
Wohlthat

W. XXII/279. 5.8.39

Berlin W 8, den 5.August 1939.
Leipziger Str. 3
Fernruf: 12 00 41, 12 70 21

Königliche Hoheit!

Jhre Zeilen vom 29.7. haben mich während meines Urlaubs erreicht und ich erlaube mir, Jhnen mitzuteilen, daß der Herr Generalfeldmarschall bereit ist, zwischen dem 12. und 14.August Herrn Mr.R.jr. zu empfangen. Der genaue Termin kann am besten mit Fräulein Grundtmann, der persönlichen Referentin des Herrn Generalfeldmarschalls verabredet werden.

Bei dieser Gelegenheit danke ich Jhnen für die Übersendung Jhrer beiden Berichte, die ich mit großem Jnteresse in den nächsten Tagen (auf Urlaub in Mecklenburg) lesen werde.

Mit den besten Empfehlungen und
Heil Hitler!
Jhr sehr ergebener
Wohlthat.

An
Seine Königliche Hoheit
Prinz Max von Hohenlohe
in
Görkau/Sudentenland,
Schloß Rothenhaus.

Гитлер и его геиералы (справа — иачальиик геиштаба Гальдер).

Bem September 1939.
Von England ausgesehen:

3/

An Himmel
Amt Göring!

England will Deutschland nicht vernichten, will mit ihm zusammen arbeiten, beide koennten zusammen ihre politische und wirtschaftliche Macht entfalten. Infolge verschiedener politischer Ereignisse nimmt England jedoch an, dass Deutschland keinen Weg mit England, sondern entweder unter Beiseitelassung Englands oder gegen England gehen wolle. Dies beunruhigt das englische Volk in allen Fasern seines Lebens, es nimmt an, dass Deutschland zu einem Existenzkampf gegen England bezw. gegen die englische Weltmacht schreiten wolle. Durch die anhaltende Unruhe und die aufgezwungenen Kosten der Aufruestung, die im ganzen Volke unpopulaer ist, hat der kleine englische und franzoesische Sparer schon so viel verloren, die geruhsame Geschaeftsentwicklung ist in einer solchen Weise gestoert, dass man entschlossen ist, noch mehr auf sich zu nehmen, um die[n] Zustand zu beenden und dann endlich Ruhe zu haben. Auf dieser psychologischen Basis beruht im Grunde das ganze Problem in England und Frankreich, sowie letzten Endes in Amerika. Wie die Angelegenheit in Polen militaerisch ausgeht, ist fuer diese Frage gleichgueltig. Im Gegenteil die Eroberung Polens [illegible] nur als Beweis fuer die Eroberungsgelueste hingestellt und bestaerkt die Englaender in ihrem Entschluss, dass man gegen den ewigen Ruhestoerer kaempfen muss. Man erklaert, zuerst ist die Tschechei trotz aller Friedensbeteuerungen daran gekommen, dann Polen, es ist daher nur eine Frage der Tactic und Zeit, wann England oder Frankreich da-

Одни из документов архива принца Гогенлоэ: его доклад на имя высшего государственного руководства Германии о возможности заключения союза с Англией, направленного против СССР.

В этом здании на московской улице Спиридоновке (теперь улица Алексея Толстого) в августе 1939 года шли заседания военных миссий СССР, Англии и Франции, в ходе которых западные представители сорвали достижение договоренности о военном сотрудничестве трех держав.

Антивоенный плакат немецкого художника Дж. Хартфильда: «Неужели вы собираетесь пасть на поле боя, чтобы акции поднимались?» (1939 год).

Эвакуация английских войск из Дюнкерка.

Geheime Kommandosache

Der Oberbefehlshaber des Heeres
Gen St d H / Gen Qu
Nr.2 700/40 g.Kdos.

A. O. K. [illegible], den 9.9.1940.
Eing. 11 SEP 1940
Ausfertigungen
Ausfertigung

Befehl
über Organisation und Einsatz
der Militärverwaltung in England.

1.) Aufgabe der Militärverwaltung in England ist die Sicherstellung der Hilfskräfte des Landes für die Bedürfnisse der Truppe und der deutschen Kriegswirtschaft.

2.) Die vollziehende Gewalt wird nach den Weisungen des Oberbefehlshabers des Heeres durch die Oberbefehlshaber der Armeen ausgeübt. Die Heeresgruppe ist laufend zu unterrichten.

"Der Oberbefehlshaber der Heeresgruppe kann die Oberbefehlshaber der Armeen mit Weisungen über die Ausübung der vollziehenden Gewalt versehen, wenn einheitliche Massnahmen für das ganze Gebiet der Heeresgruppe erforderlich sind."

Durch-
tlich.
zusätz.

Je 1 Verwaltungsstab
1 Feldnachrichten-Kdtr.
4 Feldkommandanturen (V)
12 Ortskommandanturen I (V)
3 Frontstalags
1 Gruppe GFP
1 LS-Btl. (auf Fahrrädern).

Übersicht der unterstellten Einheiten: siehe Anlage 2 + 3

4.) Für die wirtschaftliche Ausnutzung des Landes wird der Wehrwirtschaftsstab ([illegible]) England eingesetzt und dem [illegible] / Gen Qu unmittelbar unterstellt. Die AOK's sind hierbei nicht beteiligt

[illegible]

Приказ ОКХ от 9 сентября 1940 года об организации немецкой оккупационной администрации в Англии.

В 1940 году улицы и площади Лондона приняли военный облик. На снимке: колонна Нельсона, которую нацисты планировали вывезти из английской столицы.

Хотя Англия находилась в состоянии войны с Германией, на этом самолете «Ме-110» Рудольф Гесс отправился для встреч с английскими государственными деятелями.

Обломки самолета Гесса.

Неонацизм имеет много обликов: это — культ нацистских эмблем и гитлеровских реликвий (на снимке — один из «собирателей» английский лорд Перт);

это — милитаристская и фашистская литература, заполняющая киоски в ФРГ, Австрии и других странах.

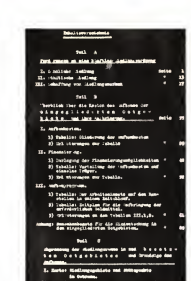
это — прямое возрождение нацистских организаций.

это — подготовка
военизированных
групп молодежи;

В ФРГ Гесс — кумир
неонацистов.
В Гамбурге состоялся
международный слет
неофашистских
групп. Сцену украшал
портрет Гесса.

Inhaltsverzeichnis

Teil A

I. Ländliche Siedlung Seite 1
II. Städtische Siedlung " 13
III. Beschaffung von Siedlungsraum " 27

Teil B

Überblick über die Kosten des Aufbaues der eingegliederten Ostgebiete und ihre Aufbringung. Seite

I. Aufbaukosten.
1) Tabelle: Gliederung der Aufbaukosten
2) Erläuterungen zur Tabelle "
II. Finanzierung.
1) Darlegung der Finanzierungsmöglichkeiten "
2) Tabelle: Verteilung der Aufbaukosten auf einzelne Träger.
3) Erläuterungen zur Tabelle. "
III. Aufbauprogramm.
1) Tabelle: Der Arbeitseinsatz auf den Baustellen in seinem Zeitablauf.
2) Tabelle: Zeitplan für die Aufbringung der erforderlichen Geldmittel.
3) Erläuterungen zu den Tabellen III,1,2. "
Anhang: ... für die ... in den eingegliederten Ostgebieten. "

Teil C

Abgrenzung der Siedlungsräume in den besetzten Ostgebieten und Grundzüge des Aufbaues.

I. Karte: Siedlungsgebiete und Stützpunkte im Ostraum.
II. Tabelle: Siedlerbedarf und Aufbaukosten in den Siedlungsgebieten und Stützpunkten im Ostraum
III. Erläuterungen zu I. und II. Seite

Оглавлене генерального плана «Ост».

Об этом нельзя забывать: генеральный план «Ост» нес смерть взрослым и детям, мужчинам и женщнам. Их уничтожали в концлагерях, в лагерях для военнопленных...
Фотографнн, которые некогда сделали самн палачн, осталнсь вечным обвнненнем нацнзму.

— 22 сентября Чемберлен во время переговоров ломал комедию и даже грозил отъездом, но все же согласился уступить Германии...

Так трагедия стала превращаться в трагикомедию. Чемберлен был в полном смятении. Гитлер сказал ему, что отделение Судет его уже не интересует. Должны быть удовлетворены претензии Венгрии и Польши. Новую границу необходимо установить немедленно. 1 октября германские войска должны войти в Чехословакию. Тут же Чемберлену была передана карта с новыми границами. 24 сентября Чемберлен уехал из Бад-Годесберга, оказавшись в сложной ситуации: он готов был уступить, но форма и тон германских требований были неприемлемы для общественного мнения Англии и Франции.

Чемберлен искал выхода. Задачу «спасать положение» поручили тому же Вильсону, который немедленно вылетел в Берлин.

...Фриц Хессе рассказывал об этом визите Вильсона в весьма красочных выражениях. Сэр Горас прилетел в Берлин накануне речи, которую должен был произнести Гитлер в «Спорт-паласте». От содержания и тона речи фюрера зависело, естественно, и поведение Вильсона[1]. В случае «примирительного тона» Гитлера, Вильсон не будет агрессивен. Если Гитлер произнесет «воинственную речь», Вильсон должен был вынуть из портфеля документ, предупреждающий его о том, что Англия поддержит Чехословакию и готова мобилизовать армию.

Однако Гитлер разрушил планы сэра Гораса. Он начал беседу в самом резком тоне и набросился на Вильсона с такими резкими упреками по поводу мнимого «английского поощрения» позиции Бенеша, что Вильсон побоялся вручить ему свое «серьезное предупреждение». После этого фюрер уехал в «Спорт-паласт», оставив высокого гостя в полной растерянности. На следующий же день, когда Вильсон стал читать раздраженному Гитлеру привезенный документ, тот не обратил на него никакого внимания. Расстались они после того, как напуганный Вильсон пообещал «образумить чехов».

В Лондоне собрался консилиум: Хессе, профессор Конуэлл-Эванс (представитель английской разведки), немецкий дипломат Кордт. Настроение было мрачное, ибо речь Гитлера дышала решимостью начать войну. Хессе вдруг сказал:

— Почему? Ведь мы недалеки от мирного решения.

Собравшиеся удивились. Хессе объяснил свой оптимизм: он только что получил экстренное сообщение из Берлина. Гитлер готов согласиться на поэтапное очищение Судет.

---

[1] Как мы помним, Вильсон был специалистом по заготовке «вариантов» на все случаи поведения Гитлера.

Конуэлл-Эванс воскликнул:

— Это колумбово яйцо! Надо немедленно сообщить об этом сэру Горасу!

В 2 часа ночи в квартире Хессе раздался телефонный звонок. Профессор Конуэлл-Эванс просил Хессе в 8 часов 30 минут прийти на условленное место («на угол») для обсуждения срочных вопросов. Когда Хессе прибежал «на угол», подъехало такси, в котором сидели Конуэлл-Эванс и сам сэр Горас. Серьезный разговор превратился в пикировку. Вильсон стал упрекать Хессе в том, что «все рушится» и он напрасно советовал Чемберлену встречаться с Гитлером. Тот не остался в долгу:

— Нет, виноваты англичане. Не надо было угрожать мобилизацией, а соглашаться на поэтапное очищение.

— А вдруг Гитлер начнет свой марш?

Хессе заверил, что если передаст в Берлин о согласии Чемберлена, то все будет в порядке. Однако, продолжал он, нужен еще один посредник.

Удивленный Вильсон спросил:

— Кто же?

Хессе ответил:

— Муссолини!

Вильсон сразу же согласился; он вызвал итальянского посла Гранди и инспирировал «посредничество» Муссолини. Так, если верить Хессе, родилась идея мюнхенского совещания. Я должен оговориться: существуют и другие версии, и вполне возможно, что немецкий дипломат-разведчик приписал себе незаслуженные лавры. Например, Геринг не раз хвастался тем, что не кто иной, как он, дал «спасительную идею» — предложил Муссолини стать «посредником». Итальянские источники, разумеется, приписывают инициативу дуче. Однако последние исследования говорят о том, что идея эта всетаки принадлежала англичанам...

Дальнейшая предыстория созыва мюнхенского совещания не лишена налета опереточного фарса. Утром 27 сентября в приемной Риббентропа раздался телефонный звонок. Итальянский посол Аттолико сообщил, что у него есть срочное послание, которое следует немедленно вручить министру. Адъютант сразу направился в имперскую канцелярию, где был Риббентроп. Войдя в зимний сад, он увидел его вместе с Гитлером и доложил о звонке посла. Гитлер, помолчав, сказал:

— Хорошо, пусть приходит в половине двенадцатого. В 11 у меня французский посол, потом он...

Адъютант не знал, что незадолго до этого на стол Гитлеру уже положили перехват телефонного разговора Муссолини с Аттолико, в котором дуче сказал об английской просьбе о «посредничестве». Таким образом, особой сенсации ви-

зит Аттолико для немецкого руководства не предвещал. Так и оказалось, однако Гитлер разыграл небольшой спектакль. Изображая «государственную мудрость», он не сразу дал ответ. Вслед за этим Аттолико получил принципиальное согласие, а через некоторое время прибыл английский посол Гендерсон с официальным предложением Чемберлена о «встрече четырех».

Трагикомедия продолжалась. Появившемуся снова Аттолико Гитлер продиктовал условия, которые Муссолини якобы «от своего имени» должен был выдвинуть на предстоящей конференции. О том, что они будут приняты Чемберленом, в имперской канцелярии не сомневались. Премьер-министр уже телеграфировал, что Германия может «получить мирным путем все, что хочет».

К середине дня все было решено: встреча состоится завтра в Мюнхене. Были поспешно посланы приглашения в Лондон и Париж. Но не в Прагу!

Мюнхен, 28 сентября

Мюнхенское совещание описано не раз. К сожалению, д-р Фриц Хессе ничего не мог добавить к уже известному: в это время он оставался в Лондоне. Зато другой мой собеседник в том же Мюнхене предъявил такое неопровержимое свидетельство, что я мог смело поверить в его присутствие на совещании. Действительно, на фото были изображены «главные действующие лица» — граф Чиано, Даладье, сидящие в креслах, за ними — сэр Горас Вильсон, какие-то дипломаты, военные и высокий молодой человек.

— Это я! — сказал мне ныне седовласый, но еще сохранивший признаки отличной выправки человек. Его имя Рейнхардт Шпитци. Во время Мюнхена Шпитци был адъютантом Риббентропа, и, в частности, именно он в имперской канцелярии 27 сентября доложил Риббентропу и Гитлеру о звонке посла Аттолико...

Вместе со всеми он в то время был в восторге от предстоящего совещания.

— Для меня война Германии с Англией и Францией, — говорил Шпитци, — представлялась катастрофой. Вместе с этими странами мы прекрасно могли поделить мир, разумеется, за счет России...

Эти откровенные слова можно, на мой взгляд, поставить в качестве эпиграфа к описанию всего мюнхенского совещания.

Вечером 27 сентября 1938 года специальный поезд фюрера покинул Берлин. К рассвету он прибыл на небольшую

станцию, где уже стоял поезд Муссолини. Дуче вместе с министром иностранных дел графом Чиано — оба в черной фашистской форме — пересели в салон-вагон Гитлера. Здесь фельдмаршал Кейтель доложил обоим диктаторам о военном положении; в частности, он обратил их особое внимание на мощь инженерных сооружений на чешско-немецкой границе. Муссолини был весьма озадачен, но Гитлер успокоил его.

— Западные державы не вмешаются!

В этом Гитлер был абсолютно уверен. Кейтель показал Гитлеру и Муссолини цветную карту «языковой границы», проходящей через Чехословакию. Это был единственный документ операции «Грюн», который никак нельзя назвать плодом долгой подготовки: офицеры генштаба просто взяли карту из энциклопедического словаря Брокгауза за 1912 год и скопировали ее. Видимо, в имперской канцелярии были твердо убеждены, что Чемберлен и Даладье согласятся на все, на любую «филькину грамоту»...

Самолет Чемберлена приземлился на мюнхенском аэродроме утром; Гитлер, Муссолини и Даладье уже ждали английского премьера в центре Мюнхена в «здании фюрера». Оно стоит до сих пор вблизи площади Кёнигсплац. Невдалеке, на Бриеннерштрассе, стоял «Коричневый дом» — штаб-квартира нацистской партии, резиденция Гесса и Бормана. 28 сентября 1938 года все эти здания были украшены колоссальными полотнищами со свастикой. На «здании фюрера» — флаги четырех держав.

Собственно говоря, на самом деле никакого совещания не было. Суть сговора — отторжение Судетской области — была ясна всем четырем. Поэтому, когда Муссолини положил на стол свой «документ» на итальянском языке (это был перевод того текста, который Гитлер за день до этого продиктовал через Аттолико), особой дискуссии не последовало. Фюрер настаивал на немедленной передаче Судет, Чемберлен слабо возражал. На Даладье внимания никто не обращал. Решили поручить составление итогового документа чиновникам, и пока они созванивались со своими столицами, Гитлер и Даладье обменивались анекдотами из времен первой мировой войны, а Чемберлен рассказывал рыбацкие истории. Министры, скучая, бродили по длинным коридорам...

В три часа дня Гитлеру эта возня надоела. Он удалился на обед, пригласив к себе Гиммлера и итальянскую делегацию. За столом он хвалил сговорчивого Даладье и издевался над Чемберленом: «Что он потерял в Богемии? А еще рыбак!»

— Пора покончить с временами правления Британии в Европе, — изрек фюрер.

Что же, он смело мог позволить себе сказать это, видя перед собой Чемберлена!

После обеда продолжилось «совещание» четырех, но фактически они просто беседовали на разные темы до девяти вечера. Затем Гитлер опять уединился с Муссолини. К утру текст был готов. Чехословакии был поставлен ультиматум: немедля отдать Германии Судетскую область. Когда же Шпитци вместе со свитой Гитлера отправился на вокзал провожать Муссолини, то слышал, как Геринг сказал итальянскому министру иностранных дел графу Чиано:

— Скажите дуче: завтра Германия начнет так вооружаться, что мир удивится!

На следующий день Чемберлен сказал, что хочет поговорить наедине с Гитлером. Тот решил принять его на квартире — в доме 16 по Принц-Регентен-штрассе. Однако английскому премьеру явно не везло: он застрял в лифте. Попав наконец к фюреру, он показал текст совместного заявления, которое должно было, по словам Чемберлена, «укрепить его позицию в Лондоне». Это было несколько строчек, в которых Англия и Германия заявляли, что «только что подписанное соглашение и англо-германское морское соглашение символизируют волю двух народов никогда не вести войну друг с другом». Именно эту бумажку Чемберлен показал на Кройдонском аэродроме под Лондоном, заявив:

— Я привез вам мир!

Гитлер был явно другого мнения. Шпитци слышал, как фюрер, рассказывая Риббентропу о беседе на Принц-Регентенштрассе, сказал:

— Ах, не принимайте этого всерьез. Этот клочок бумаги не будет иметь никакого значения...

Надо ли было капитулировать?

Советские и чехословацкие исследователи, изучая сейчас ситуацию, сложившуюся в момент капитуляции западных держав перед Гитлером, заинтересовались таким вопросом: действительно ли в сентябре 1938 года военное превосходство Германии в Европе было столь велико, что Англия и Франция не могли рисковать и идти на вооруженное столкновение? Именно этот аргумент приводился в то время, да и сейчас им не брезгуют некоторые западные историки и пропагандисты, стараясь оправдать мюнхенский сговор.

Для ответа на поставленный выше вопрос историки подсчитали наличные вооруженные силы обеих сторон. В сентябре 1938 года вермахт располагал 47 дивизиями (армия

вторжения составляла 39 дивизий), Чехословакия имела 45 дивизий, в том числе для отражения агрессии было развернуто 37 дивизий. Советский Союз предлагал для немедленного использования 30 дивизий. Кроме того, в боевую готовность советским командованием были приведены еще 17 стрелковых дивизий, 3 танковых корпуса, 22 танковые и 3 мотострелковые бригады. В боевую готовность был приведен и второй эшелон в составе 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпусов, 15 отдельных танковых бригад, 34 авиабаз. Таким образом, если учитывать только войска Чехословакии и СССР, соотношение сил было не в пользу агрессоров.

Однако в расчеты надо принять и французские силы, которые могли бы нанести удар с линии Мажино и отвлечь на себя значительную часть дивизий Гитлера. По данным начальника генштаба Франции Гамелена, французская армия на границе с Германией осенью 1938 года располагала 28 дивизиями против 8 немецких. Более того: в своих мемуарах Черчилль отмечает, что в 1938 году Франция могла выставить 100 дивизий.

Опубликованные недавно документы британского генерального штаба свидетельствуют, что английская разведка явно завышала силу вермахта. В немецкой армии вторжения было 39 пехотных дивизий, английские разведчики называли цифру 43. С другой стороны, в своей оценке возможностей СССР английский генштаб был более чем сдержан: он считал, что Красная Армия может выставить к началу операций 17 дивизий, в то время как советское командование официально сообщало о своей готовности немедленно ввести в бой 30 дивизий.

То, что в сентябре 1938 года Германия не была так сильна, чтобы развязать и выиграть общеевропейскую войну, понимали сами деятели вермахта. Сейчас известны подлинные документы немецкого генштаба, не оставляющие на этот счет никаких сомнений. Так, уже 5 мая 1938 года начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал-полковник Бек представил Гитлеру меморандум под таким заголовком: «О нынешнем военно-политическом положении Германии». Он отметил, что в том случае, если Англия будет на стороне противников Германии, то у немецких вооруженных сил не будет никаких шансов выиграть войну. В следующем меморандуме, представленном 16 июля, Бек предсказывал, что нападение на Чехословакию может «окончиться не только войной, но и общей катастрофой для Германии». Такого же мнения придерживались и многие другие военные руководители. Так, 17 июля адмирал Кузе представил докладную записку на имя военно-морского командования, в которой говорилось: «Не может подлежать сомнению, что в конфликте общеевропейского масштаба будут поставлены

под вопрос как судьба Германии, так и все прежнее дело фюрера».

4 августа 1939 года главнокомандующий сухопутными силами генерал-фельдмаршал Браухич созвал в Берлине совещание командующих группами и корпусами. Здесь был оглашен меморандум Бека, получивший одобрение. В частности, как заявил генерал фон Вейхс, у вермахта «для мировой войны оружия и пополнения совершенно недостаточно». Браухич передал этот меморандум Гитлеру.

Уже после войны многие руководители вермахта признавали, что если бы Англия и Франция выступили на защиту Чехословакии, позиции Германии оказались бы безнадежными. На Нюрнбергском процессе генерал-фельдмаршал Кейтель говорил:

— Я твердо убежден, что если бы Даладье и Чемберлен сказали в Мюнхене: «Мы выступим», то мы ни в коем случае не прибегли бы к военным действиям. У нас не было сил, чтобы форсировать чехословацкую линию укреплений, и у нас не было войск на западной границе...

Кейтель не был одинок: ближайший советник Гитлера генерал Йодль подтвердил на том же Нюрнбергском процессе:

— Не вызывало никакого сомнения, что против сотни французских дивизий нельзя было устоять на наших оборонительных сооружениях, которые были не чем иным, как огромными строительными площадками. С военной точки зрения, это было невозможно...

В дни, предшествовавшие Мюнхену, Гитлер как будто не хотел слушать подобных рассуждений, а после Мюнхена расправился с «пессимистами» (Бек был уволен в отставку). Но по существу Гитлер вместе со своими ближайшими советниками учитывал реальную обстановку: он предпочел мирный сговор военному решению. О подоплеке этого «выбора» дает представление следующая запись Вайцзеккера: «Игра казалась для нас выигранной, когда Чемберлен для сохранения мира решился на визит в Оберзальцберг... Можно было договориться о мирной передаче Судетской области при помощи английского посредничества. Однако у нас превалировало желание военного решения и уничтожения Чехословакии. Поэтому мы вели вторую беседу с Чемберленом таким образом, чтобы соглашение, несмотря на принципиальное согласие, сорвалось. Группе, которая хотела войны — Риббентроп и СС, удалось повлиять на фюрера и добиться приказа о вторжении. В те дни фюрер неоднократно высказывался за эту акцию, а в моем присутствии он в ночь с 27 на 28 сентября заявил, что уничтожит Чехию военным путем. Сказал он это только мне и Риббентропу, не рассчитывая

произвести эффект на других. Поэтому неверно предположение, будто фюрер раздувал колоссальный блеф».

Однако в тот момент, когда война казалась решенным делом, Гитлер увидел, что может получить все необходимое, не бросая в бой вермахт. Об этом сначала сигнализировали перехваты телефонных разговоров между Прагой и Лондоном (этим занимался упомянутый «исследовательский институт» Геринга); немалую роль сыграл и сэр Горас Вильсон, давший Гитлеру в Берлине обещание «образумить чехов». Наконец, 27 сентября Гитлер получил от Чемберлена телеграмму, в которой имелась такая фраза:

«Я уверен, что вы можете получить все существенное без войны и без промедления».

Не могло быть и двух мнений о том, что Гитлер предпочтет именно такой выход!

Уже после войны в ряде западных исследований появилась версия о том, что Гитлер был недоволен Мюнхеном, так как это соглашение позволило ему лишь частично, а не полностью уничтожить Чехословакию. Однако это далеко не так. Во-первых, из тех же записей Вайцзеккера явствует, что сама идея совещания была поддержана фюрером. Что же касается «недовольства» Гитлера, то оно прошло очень быстро. 15 марта 1939 года вермахт без всякого сопротивления вступил в Прагу. Был образован «имперский протекторат Богемия и Моравия», а Словакия превращена в марионеточное государство. Полгода спустя Гитлер сам объяснил своим генералам, почему он предпочел мюнхенское соглашение. Он начал с аншлюса:

— Этот шаг вызывал серьезные раздумья, но он значительно укрепил рейх. Следующим шагом были Богемия, Моравия и Польша. Однако все это сразу совершить нельзя было. Сначала следовало закончить строительство «Западного вала». С самого первого момента мне ясно было, что я не удовольствуюсь судето-немецкой территорией, это было лишь частью задачи. Я принял решение вступить в Богемию. Тогда был создан протекторат...

Итак, смысл Мюнхена состоял в том, что западные политики (в той же речи Гитлер назвал их «жалкими червяками») помогли Гитлеру в осуществлении его программы «постепенной» агрессии.

Уроки Мюнхена

Мюнхенское соглашение было классическим образцом фарисейства буржуазной дипломатии. В самом деле: его авторы уверяли, что стремятся обеспечить мир. На деле они лишь

способствовали развязыванию войны. Они заявляли, что действуют в интересах «национального самоопределения», — в действительности они положили начало подавлению свободы чешского и словацкого народов. Они торжественно клялись суверенитетом и взаимным уважением — через несколько месяцев суверенитет Чехословакии был растоптан. Наконец, минимум двое из подписавших это соглашение были уверены, что направляют будущую агрессию на Восток — и этот план не оправдался.

Именно последний пункт — ключ к пониманию всей абсурдности ситуации. Ведь иногда недоумеваешь и только разводишь руками, читая раболепные послания Чемберлена Гитлеру или знакомясь с документами французских «умиротворителей», готовивших гибель собственной стране. Куда девалась хваленая самоуверенность британских тори, куда пропала национальная гордость французских политиков?! От всего этого и следа не осталось. Причиной была слепая классовая ненависть к коммунизму, готовность продать душу нацистскому Мефистофелю во имя призрачной перспективы ликвидации первого в мире социалистического государства.

Но если обратиться к документам советской внешней политики, то можно снова и снова видеть, как реалистически и прозорливо оценивала советская дипломатия эту опаснейшую тенденцию в политике Англии, Франции, США и Чехословакии. Вот лишь несколько примеров. 12 октября 1938 года советский посол в Париже, характеризуя группу французских мюнхенцев, писал в Москву: «К этой группе принадлежат люди, которые не столько боялись проиграть войну, сколько опасались поражения Гитлера и фашизма. Войну с Германией они воспринимали в плане «идеологическом» — войну между фашизмом и демократией, отождествляемой ими с большевизмом. Возможное участие СССР в такой войне еще более в их глазах оттеняло «идеологический» характер такой войны и предопределяло их отношение к ней. Вовлечение в нее Франции им рисовалось как катастрофа при любом из эвентуальных исходов войны. В случае победы Германии расплачиваться в первую очередь придется Франции, как стране наиболее уязвимой со стороны Германии и наиболее слабой в антигерманской коалиции. Победа же этой коалиции с неизбежностью повлечет за собой конец фашизма, переворот в Германии и Италии и неслыханное повсеместное торжество большевизма, в частности в самой Франции. Нужно поэтому «любой ценой», любыми уступками, любыми жертвами предупредить сейчас такую войну — войну, в которой на стороне Франции против Германии может оказаться СССР».

Поверенный в делах СССР в США К. А. Уманский так оценивал сложившуюся ситуацию: «Посол в Лондоне Кеннеди

сумел, действуя по заданиям чемберленовской клики, внушить Рузвельту идею неизбежности германского выступления и неподготовленности Англии; скрытый фашистик Буллит[1] «продал» Рузвельту идею слабости Франции; англофильская клика в госдепартаменте во главе с Сэмнером Уэллесом и Дэнном обработала Рузвельта в том же направлении, и в результате получились сначала идентичные обращения к Гитлеру и Бенешу, а затем обращение к Гитлеру, провозглашавшее его великим человеком, если он не нападет на Чехословакию, а также «личное» послание к Муссолини...»

Но особенно губительно сказался на трагическом ходе событий антикоммунизм тогдашних правящих деятелей буржуазной Чехословакии. Президент Бенеш и не скрывал своих взглядов. Так, 17 мая 1938 года он заявил в беседе с английским послом Ньютоном:

— Отношения Чехословакии с Россией всегда были и всегда останутся второстепенным вопросом, зависящим от позиции Франции и Великобритании. Нынешние связи Чехословакии с Россией целиком вытекают из франко-русского договора, и если Западная Европа потеряет интерес к России, то и Чехословакия его тоже потеряет...

Это подчинение национальных интересов интересам классовым сыграло роковую роль в те драматические дни, когда чехословацкое правительство стало понимать, что СССР остается его единственным союзником. Тогда С. С. Александровский очень метко охарактеризовал эту ситуацию в одном из своих документов: «Я все время ощущал, что Бенешу в отношении советской помощи, так сказать, и хочется и колется прибегнуть к этому средству защиты интересов Чехословакии. В последних разговорах со мной он каждый раз судорожно хватался за возможность нашей помощи и вызывал меня для разговоров как раз тогда, когда получал очередной крепкий удар от Англии и Франции. Как только он несколько оправлялся или думал, что находил новый выход из положения путем нового дипломатического хода, он немедленно проявлял значительно меньшую заинтересованность в нашем отношении. Я не сомневаюсь в том, что этот сухой педант и прожженный дипломат с самого начала и до конца целиком надеялся и все еще надеется достигнуть максимума возможного для Чехословакии на путях опоры на Англию и Францию, а о помощи СССР думает как о крайне самоубийственном для чехословацкой буржуазии средстве защиты Чехословакии от нападения Гитлера... Я себе объясняю это поведение Бенеша тем же социальным страхом, каким заражены и руководствуются и другие «миротворцы» в Европе. Бенеш боится масс. Если он раньше часто и даже охотно

[1] Посол США во Франции.

говорил о том, что на худой конец он обратится к народу и народ его поддержит, то за последний период он стал бояться этого народа».

Это было написано 29 сентября. 1 октября эти оценки, к сожалению, подтвердились. В телеграмме советского посла в Москву сообщалось: «Гусарек[1] сообщил мне дополнительно, что на заседании совета министров было ясно и точно сформулировано также такое утверждение: в Мюнхене Гитлеру удалось убедить Чемберлена и Даладье, что в данной ситуации бо́льшею опасностью для мира в Европе является не он, а СССР, который объективно является большевистским форпостом и может сыграть роковую роль поджигателя новой войны. Следовательно, это убеждение явилось не формальным, но фактическим основанием для создания блока четырех против СССР».

Действительно, как явствует из протоколов заседаний у Бенеша в те роковые дни, именно эти антисоветские измышления подтолкнули решение капитулировать. Нацисты пользовались лживым аргументом, будто «Чехословакия является советским трамплином в Европе», а чехословацкие буржуазные политики его подхватили. «Я знаю, — писал Бенеш впоследствии, — что на мне также лежит вина в гибели Чехословацкой республики. Если бы я обратился в роковую минуту к народу, я не сомневаюсь, что не было бы ни Мюнхена, ни 15 марта 1939 года».

Была только одна партия в Чехословакии, которая не боялась обратиться к народу и может сегодня смело смотреть ему в глаза. Это — Коммунистическая партия Чехословакии, которая в те месяцы и дни боролась за сохранение самостоятельности страны, за создание мощного антифашистского блока против агрессии. Она вела активную борьбу за это, стараясь предотвратить назревающую чехословацкую трагедию. В решающий момент КПЧ, опираясь на прогрессивную общественность, решительно выступила против капитуляции.

Стоит вспомнить, например, о дне 22 сентября 1938 года, когда после многотысячного митинга перед зданием парламента к президенту Бенешу отправилась делегация во главе с Клементом Готвальдом и потребовала защиты республики от агрессора. «Плечом к плечу с Красной Армией против Гитлера!» — таков был лозунг чехословацких патриотов. В листовках, распространявшихся КПЧ, говорилось: «Чехословацкая реакция хочет сломить решимость граждан республики защищать неприкосновенность своих границ. Она стремится сломить нашу отвагу вымыслами о том, что нас покинул и нам изменил и Советский Союз. Это не что иное, как ложь, выду-

[1] Секретарь Бенеша.

манная для того, чтобы нас ослабить и разложить в решающую минуту. По совершенно достоверным сообщениям, Советский Союз полон решимости помочь Чехословакии в любом случае и в любую минуту, как только на нее нападут. На два вопроса чехословацкого правительства Советский Союз ответил дважды: «Да, да, разумеется, поможем. Поможем в соответствии с союзническим договором, когда придет на помощь Франция, и поможем, согласно пакту Лиги наций, даже если бы Франция вначале заколебалась. Поможем немедленно и в любой ситуации, если будете защищаться!» Граждане Чехословакии, вы не должны колебаться! Распространите повсюду среди скептиков это сообщение, скажите всем, всем, всем: Будьте тверды, защищайте свою страну. Советский Союз непоколебимо с нами».

29 сентября Клемент Готвальд от имени КПЧ снова потребовал от Бенеша решительных действий в защиту Чехословакии. На следующий день он повторил это требование, заявив Бенешу:

— Босые и безоружные абиссинцы защищались, а мы покоряемся. Посмотрите, как сопротивляется испанский народ! У нас прекрасная армия, народ наш — един. Еще теперь могла бы сказаться наша сила. Еще не поздно! С мюнхенскими требованиями нельзя соглашаться!

Но Бенеш, как мы знаем, не послушал этого голоса разума. Судьба Чехословакии была предрешена.

Анализируя события 1938 года, Густав Гусак писал: «Единственным союзником, который остался верным Чехословакии, был Советский Союз. Мюнхен стал для наших народов синонимом предательства западных держав, синонимом предательства отечественной крупной буржуазии, капитулянтства лидеров буржуазных и реформистских, социалистических партий. Опыт трагического 1938 года показал, что только рабочий класс и Коммунистическая партия Чехословакии могут успешно вести борьбу за национальное освобождение».

Сегодня, более 40 лет спустя, история убедительно решила спор между силами коммунизма и антикоммунизма. На примере мюнхенского сговора мир может видеть, на чьей стороне была правда: на стороне ли международного блока антикоммунистов, запугивавших Европу «красной опасностью», или на стороне коммунистов и прогрессивных сил всех стран, которые призывали к созданию единого фронта против агрессора. Европа страшной ценой оплатила мюнхенское решение этой альтернативы.

Глава четвертая

О ЧЕМ РАССКАЗАЛ И О ЧЕМ УМОЛЧАЛ ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК ВОЛЬТАТ

Встреча под Дюссельдорфом

Путь из Мюнхена в Дюссельдорф по нынешним временам недолог. Широкая автострада ведет с юга ФРГ к центральному транспортному узлу республики Франкфурту-на-Майне. Оттуда можно выбирать — либо вдоль Рейна, через Бонн и Кёльн, либо по так называемой «гиссенской линии» прямо на Рур. Собственно говоря, Дюссельдорф находится уже на окраине Рурской промышленной области — там, где давшая название этому гигантскому индустриальному центру речка Рур впадает в Рейн. Дюссельдорф часто называют «письменным столом» Рура, ибо в этом городе мало заводов — зато полно контор тех промышленных фирм, предприятия которых сосредоточены в Руре. Поэтому можно было понять, что мой очередной собеседник избрал местом жительства именно Дюссельдорф. Всю жизнь он провел на важных промышленных и государственных постах. После войны был членом правления крупнейшего химического концерна «Хенкель» (его управление находится в Дюссельдорфе), а до войны и во время нее...

Гельмут Христиан Вольтат — фигура примечательная, хотя никогда не привлекавшая к себе внимания. Его знали в деловом мире Германии, знали и в лондонском Сити, знали и на Уолл-стрит. Но это был очень узкий круг людей, посвященных в «тайную тайных» международных экономических отношений 20—30-х годов нашего века.

Теперь я должен объяснить читателю причины, приведшие меня в Дюссельдорф. Еще в 1948 году в Москве была выпущена на нескольких языках книга «Документы и материалы кануна второй мировой войны», подготовленная к печати Министерством иностранных дел СССР. Тогда эта двухтомная публикация произвела эффект разорвавшейся бомбы. В ней были собраны захваченные советскими войсками в Берлине и Силезии секретные документы нацистской дипломатии, свидетельствовавшие о коварной и двуличной тактике западных

демократий в канун второй мировой войны. Найденные в личном архиве бывшего немецкого посла в Лондоне Дирксена, эти документы говорили о том, что в 1937—1939 годах за кулисами официальной дипломатии готовился тайный антисоветский сговор нацистской Германии с западными державами, и в первую очередь с Англией.

Именно из этой публикации мир узнал имя Гельмута Вольтата. В архиве Дирксена было несколько документов, составленных как самим Вольтатом, так и Дирксеном. Они касались секретных переговоров Вольтата с эмиссарами Чемберлена и особенно с тем человеком, имя которого уже не раз упоминалось на страницах этой книги, — с сэром Горасом Вильсоном. Документы свидетельствовали, что речь шла не о случайных контактах, а о далеко идущем замысле. Это был замысел, к которому шла прямая дорога от Мюнхена — но не от географического Мюнхена, а от того политического Мюнхена, который стал символом антикоммунистического сговора, открывавшего путь к войне.

Еще в апреле 1939 года Гитлер подписал директиву о подготовке операции «Вейсс» — о нападении на Польшу. Собственно говоря, идея эта вынашивалась давно. О «движении на Восток» Гитлер говорил своим генералам еще 3 февраля 1933 года, повторил им же 5 ноября 1937 года, 28 мая 1938 года, а также в январе и феврале 1939 года. Начиная с апреля генеральный штаб вел активную разработку операции, имея определенный прицел: быть готовым начать войну 1 сентября 1939 года. Именно об этом Гитлер сказал начальнику генштаба генералу Францу Гальдеру.

Но насколько ясной была военная сторона приготовлений к наступлению, настолько запутанной и неопределенной оставалась сторона политическая. И хотя впоследствии в одной из речей перед генералами Гитлер заявил, что захватом Чехословакии «была заложена основа для захвата Польши», он признавался:

— В это время мне еще не было ясно: должен ли я ударить против Востока, а после этого против Запада, или наоборот...

В какой военно-политической комбинации Германия должна была начать войну? С какими союзниками? Против Англии или вместе с ней? В «предвоенном уравнении» было много неизвестных, включая будущее поведение таких стран, как Англия и Франция. Вот почему лето 1939 года стало временем исключительной активизации политических эмиссаров Берлина.

Таким эмиссаром и был Гельмут Вольтат, который ожидал меня в своей вилле в пригороде Дюссельдорфа — Мееербуше. Здесь он вел спокойную жизнь пенсионера. Впрочем, он без стеснения или хотя бы неловкости рассказал о себе.

— Тому, что я в конце 30-х годов стал одним из сотрудников рейхсмаршала Германа Геринга (а он был тогда «имперским уполномоченным по четырехлетнему плану»), я обязан некоторым обстоятельствам моей биографии. Во время первой мировой войны я служил во Фландрии и в 1917 году познакомился с капитаном Герингом, командовавшим авиаэскадрой «Рихтхофен». После войны наши пути разошлись. Геринг, как известно, занялся политикой, я стал деловым человеком. В этом качестве я часто бывал за границей, с 1929 по 1933 год жил в Нью-Йорке.

— После событий 1933 года обо мне вспомнили в Берлине, — продолжал Вольтат. — Сначала мне предложили пост министериаль-директора в министерстве экономики, который я и занял. Там же я стал главным референтом по делам «нового плана» при министре Шахте. Затем руководил имперским ведомством масел и жиров, а дальше — ведомством по валютным проблемам. Наконец, в 1936 году меня назначили на пост начальника штаба при генеральном уполномоченном по вопросам военной экономики. Им был все тот же Шахт; после эта функция перешла к Герингу. Когда Шахт ушел, я было уже собрался снова уехать в США, но Геринг позвонил мне и спросил: «Не хотели бы вы работать у меня?» Я согласился, и с этого времени началась моя активная деятельность на международной арене в качестве министериаль-директора для особых поручений...

К этому рассказу можно добавить некоторые существенные детали, весьма интересные для нас. Они характеризуют теснейшие связи, которые существовали, с одной стороны, между деловыми кругами Германии и других капиталистических стран, с другой — между нацистским аппаратом и промышленным миром. У Гельмута Вольтата были прочные позиции в немецком промышленном мире. Он являлся членом наблюдательного совета акционерной компании «Браунколебензин АГ» (БРАБАГ). Эта компания, основанная в 1934 году, должна была стать одной из опор военной экономики Германии. Своими гидрирующими установками для получения бензина из бурого угля фирма БРАБАГ обеспечивала выполнение планов военного ведомства, согласно которым более 50% потребности в горючем во время войны следовало покрыть синтетическим бензином.

Таким образом, заняв важный пост начальника штаба при генеральном уполномоченном по вопросам военной экономики, Вольтат был не только чиновником, но и предпринимателем. В этом качестве он завязал тесные связи в англосаксонском мире. С его слов мы знаем, что он жил и работал в США. Что касается Лондона, то он впервые побывал там еще в 1920 году как совладелец одной фирмы, торговавшей маслами и жирами.

В то время Вольтат неплохо проявил себя на международной арене. В 1934—1935 годах он принимал участие в разработке торгово-политических соглашений с Швейцарией и Румынией, показав, как писал берлинский экономический журнал «Дер дейче фольксвирт», «умение вести переговоры, экономическую дальнозоркость, необычайную энергию».

Вольтат проявлял энергию не только в международных переговорах. Как явствует из документов, он сыграл немалую роль в «аризации» чешского углепромышленного концерна Печека. Именно на имя Вольтата, работавшего у Геринга, генеральный уполномоченный концерна Флика направил 22 июня 1938 года секретный меморандум о «деле Печека». Вольтату было поручено провести операцию передачи находившихся в Германии филиалов концерна в руки немецких претендентов, в частности Флика. Дела осложнялись тем, что в капитале фирмы Печека участвовали американские и английские фирмы, а сам Печек бежал в Англию. Начался торг. В итоге Флик заключил контракт с американскими совладельцами Печека (фирма «Юнайтед континентал корпорейшн») и приобрел акции за полцены. Со своей стороны Вольтат помог Флику получить казенный заем, так как Флик, по словам Вольтата, осуществил «важное военно-экономическое и политическое дело возвращения имущества в имперские руки».

Но на этом операция не закончилась. Покупкой акций Флик захватил только одну часть предприятий и капитала Печека; осталась другая, «прибрать к рукам» которую ему снова помог Вольтат. Как свидетельствовал в одном из докладов группенфюрер СС, уполномоченный Флика Штейнбринк, «Вольтат стремится... к уменьшению влияния Печека и к удушению печековских фирм». Захват Чехословакии нацистами облегчил дело. Вольтат назначил «экспертов» для изъятия необходимых документов из архива руководства концерна Печека, находившегося в Праге. Был также назначен опекун над остатками владений Печека, которые в 1939 году окончательно перешли в руки Флика. Это было сделано при прямой помощи Вольтата (свидетельство того же Штейнбринка).

Большую роль Вольтат сыграл в деятельности «Центральноевропейского экономического объединения» — организации, созданной немецкими промышленниками и правительством для экономического поглощения стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Так, выступая 7 декабря 1936 года на заседании немецкой группы этого объединения, Вольтат говорил о «желательности участия немецкого капитала» в экономике Центральной и Юго-Восточной Европы, особенно Югославии, Румынии и Болгарии.

На этом «экономическо-политическом» фронте германской экспансии Вольтат проявил немалую энергию. Он сам

рассказывал западногерманскому историку Андреасу Хилльгруберу, что в 1938 году после захвата Австрии представил Герингу меморандум об объединении под немецким руководством государств, входивших в Австро-Венгерскую монархию. Летом 1939 года под руководством Вольтата были проведены переговоры с Румынией, носившие ярко выраженный антианглийский характер. «Вопрос о заключении договора с Румынией, — докладывал он в Берлин, — стал в результате английской политики решающим для позиций Германии в Юго-Восточной Европе... Германия начала открытую схватку с Англией и выиграла ее. Все страны Юго-Восточной Европы должны видеть, кто обладает прочными позициями на Дунае, базирующимися на экономических факторах». Герингу же Вольтат в феврале 1939 года писал, что, став гегемоном в Юго-Восточной Европе, Германия укрепит «свои позиции в конфликте с экономическими интересами Британской империи и Северной Америки». Эти строки, вышедшие из-под пера Вольтата, подчеркивают, каким верным приверженцем интересов рейха был этот человек...

Продолжу рассказ Вольтата:

— В кругах германских промышленников, — говорил он, — в то время много говорилось о том, что для достижения своих далеко идущих планов Германии необходимо соглашение с Англией. С другой стороны, в Лондоне было немало влиятельных деловых людей и политиков, которые считали необходимым освободиться от обязательств перед Польшей.

Именно с этой целью г-н тайный советник Вольтат появился в Лондоне, где тогда заседала Международная китобойная конференция.

— Каковы были ваши задачи, г-н Вольтат? — спросил я.

— Видите ли, летом 1939 года я составил меморандум, в котором изложил свое мнение по поводу состояния отношений между Германией и Англией. В то время мнения расходились довольно значительно. Риббентроп считал, что даже в случае нашего нападения на Польшу англичане не будут воевать, и поэтому германо-английскому сотрудничеству ничто не угрожает. Мой непосредственный начальник Геринг был иного мнения и считал необходимым более активные меры по сближению с Англией. Я согласился с ним. Мой меморандум о возможности достижения соглашения с Англией Геринг доложил фюреру...

— Кто еще разделял ваше мнение?

— Могу назвать американского посла в Лондоне Джозефа Кеннеди. Его позиция была для нас очень важной, ибо, по моему глубокому убеждению, и в то время Германии нельзя было действовать в одиночку, т. е. без американцев...

— Кто еще?

— Наш посол в Лондоне Дирксен, затем статс-секретарь министерства иностранных дел фон Вайцзеккер. Вспоминаю, что перед очередной поездкой в Лондон меня посетил адмирал Канарис, который сказал: «Вы скоро получите задание вести переговоры с англичанами».

— А почему задание было дано именно вам?

— У меня был определенный опыт. В марте я вел переговоры с Румынией, в начале года — с представителем президента Рузвельта, затем принимал участие в обработке данных немецкой антарктической экспедиции 1939 года, в переговорах с Испанией. Поэтому поездка в Лондон на китобойную конференцию была вполне закономерна. Впрочем, известную роль сыграли и мои знакомые — американские промышленники. Они поддержали идею делегирования меня в Лондон.

— Вы, очевидно, знали ваших английских партнеров уже давно?

— Конечно! С 1934 года я знал и ценил сэра Гораса Вильсона. Он возглавлял так называемую «гражданскую службу», был практически ближайшим советником премьер-министра Чемберлена. Не раз я посещал его на Даунинг-стрит, 10; у него был и другой кабинет, в помещении казначейства.

— Таким образом, у вас была двойная задача?

— Да, одна касалась переговоров о китобойном промысле, но параллельно я вел неофициальные переговоры.

— А в Берлине ими интересовались?

— Конечно! Сам Геринг тогда находился в своем имении «Каринхалль», однако в Берлине оставался его адъютант Боденшатц, которому я регулярно докладывал о переговорах...

Нужно отдать должное г-ну Вольтату: в его рассказе не было похвальбы, он только констатировал факты. И ту программу англо-германского сотрудничества, которая вырисовывалась в ходе переговоров, он не приписывал лично себе. Вольтат как бы походя заметил:

— Общая концепция возникла в ходе бесед с Вильсоном, он был очень категоричен и даже хотел повезти меня в Чекерс, в загородную резиденцию премьера. Но я отказался...

В предшествовавшей нашей встрече переписке Вольтат, будучи человеком осторожным, утверждал, что «инициатива проведения переговоров исходила не от имперского (немецкого. — **Л. Б.**) правительства», читай: от Вильсона, от английской стороны. А в секретном докладе на имя Геринга, составленном в августе 1939 года, Вольтат докладывал: инициатива принадлежала Вильсону [1].

[1] Доклад был опубликован после войны в сборнике документов английской внешней политики в Лондоне.

К этому важному пункту мы должны относиться очень серьезно. Не преувеличу, если скажу, что мы находимся у разгадки рокового вопроса: почему не удалось предотвратить развязывание мировой войны, начавшейся 1 сентября 1939 года?

Что означали встречи в Лондоне

Стандартная схема буржуазной историографии гласит: предотвратить войну не удалось, ибо Советский Союз не пошел в августе 1939 года на заключение соглашения с Англией и Францией, а вместо этого подписал пакт о ненападении, предложенный Германией. Это утверждение повторяется сотни, тысячи раз, по поводу и без повода, с аргументами и без аргументов, зло и беззлобно. Одним словом, выработался некий стереотип.

Советские историки не раз доказательно и логично опровергали его: еще в 1948 году в известной «Исторической справке», а потом и в других работах. Они указывали на то, что Англия в те роковые дни вела двойную игру — закулисные переговоры с Германией, в том числе и с Вольтатом. Эти соображения безапелляционно отвергались на Западе, а переговорам Вольтата — Вильсона вообще не уделялось внимания. Но шли годы, становились известными новые и новые документы, в результате чего мы сейчас можем реконструировать всю систему двойной игры, шедшей в Лондоне в июле — августе 1939 года. Эту реконструкцию я произвожу, опираясь на рассказы Вольтата и документы, составленные им, Вильсоном и другими участниками переговоров, которые были обнаружены в архивах после войны.

С чего началось? С позорного мюнхенского соглашения, и как продолжение — в последующие месяцы с английской стороны предпринимались серьезные шаги к тому, чтобы развить и расширить свои позиции. 26 ноября 1938 года наш давний знакомый Фриц Хессе написал из Лондона своему шефу, Иоахиму фон Риббентропу: «Доверенное лицо Чемберлена просило меня позондировать почву... Английская сторона настоятельно хочет сделать дальнейший шаг к тому, чтобы наглядно продолжить линию мюнхенского соглашения и открыть путь к совместному англо-германскому соглашению о признании основных сфер влияния».

Хессе пояснил: доверенное лицо Чемберлена — это сэр Горас. А разделение сфер влияния предлагалось такое:

Германия — Юго-Восточная и Восточная Европа.

Англия — Британская империя, мировые океаны.

Япония — Китай.

Италия — Средиземноморье.

Предложение долго рассматривалось в Берлине; в январе 1939 года Хессе был вызван туда. Риббентроп спросил его, пойдут ли англичане на соглашение с Германией против России. Проанализировав вместе политику Англии, они пришли к выводу, что Англия еще не созрела для этого. Вот как сам Фриц Хессе объяснял намерения нацистского руководства в начале 1939 года:

— Политика Гитлера в тот момент состояла в том, чтобы создать большую европейскую коалицию против Советской России. Он надеялся на то, что ему удастся привлечь к ней не только Италию и Японию, но также Англию и Францию. Правда, в глубине души он понимал, что эту коалицию, которую он в узком кругу называл «священным европейским союзом», можно будет создать только в том случае, если он оставит в покое Польшу...

Что ж, здесь есть определенная логика. Польша была слишком тесно связана с Францией и Англией, и вряд ли они могли поддержать Германию в ее агрессивных намерениях. Опыт Мюнхена сильно подорвал престиж Чемберлена и Даладье в глазах мировой общественности. Англия не могла допустить усиления мощи Германии на европейском континенте. Англичане готовы были отдать Германии Данциг, но не всю Польшу. Анализируя все это, в Берлине взвешивали и такую возможность: если нельзя создать «священный антисоветский союз» ценой агрессии против Польши, то не попытаться ли привлечь к этому союзу саму Польшу?

И действительно, в начале 1939 года было несколько попыток сговора с панской Польшей. Переговоры велись послом фон Мольтке в Варшаве, а затем самим Риббентропом. Министру иностранных дел Польши Юзефу Беку предложили: если Польша вступит в союз с Германией, то она может получить сперва Карпатскую Украину, а затем и Советскую Украину!

Эти попытки не были новы. Еще в 1933 году Гитлер в первых беседах с польскими дипломатами намекал на возможность «взаимопонимания». В 1934 году был подписан польско-германский договор. При его подписании Гитлер прямо сказал польскому послу Липскому:

— Польша является последней баррикадой цивилизации против опасности большевизма!

Недаром этот документ Коммунистическая партия Польши охарактеризовала как «значительный шаг вперед по пути сговора для совместного выступления против Советского Союза». Развивая сговор, в 1935 году в Польшу прибыл Геринг. Как записал в дневнике заместитель министра иностранных дел Польши граф Шембек, Геринг «зашел настолько далеко,

что почти предложил нам антирусский союз и совместный поход на Москву».

На секретном совещании представителей ведомств Гесса, Риббентропа и Геббельса в июне 1936 года уполномоченный Риббентропа заявил, что «Гитлер разыгрывает польскую карту в своей внешнеполитической игре». Более того. Когда в декабре 1938 года нацистская «пятая колонна» в Литве предложила план вооруженного восстания с целью присоединения Клайпеды (Мемеля) к Германии, Риббентроп от имени Гитлера отменил его. Почему? Дело в том, что тогда в имперской канцелярии активно обсуждался план создания антисоветского блока восточноевропейских стран — Литвы, Польши, Венгрии и Румынии. Риббентроп откровенно сказал по этому поводу 16 января 1939 года министру иностранных дел Венгрии графу Чаки:

— Надо действовать согласованно, как футбольная команда! Польша, Венгрия и Германия должны тесно сотрудничать...

С этой целью Гитлер был готов идти на некоторые уступки Польше. Начались активные дипломатические переговоры. По указанию Бека их вел Липский, причем в имперской канцелярии уже готовились к далеко идущему «общему соглашению» с Польшей, включающему передачу Данцига Германии. Гитлер предельно ясно обрисовал свои намерения в разговоре с Беком в январе 1939 года. Бек записал слова своего собеседника: «По мнению Гитлера, существует полная общность интересов Германии и Польши в отношении России. Здесь рейхсканцлер заметил, что каждая польская дивизия, действующая против России, сберегает немецкую дивизию. Далее он констатировал, что заинтересован в Украине только экономически и не имеет к ней интереса политического характера».

Достаточно ясно? Поэтому Риббентроп, приехав в январе 1939 года в Варшаву, решил нажать «на все кнопки». «Затем я еще раз говорил с г-ном Беком о политике Польши и Германии по отношению к Советскому Союзу, — писал он в докладе Гитлеру, — и в этой связи также по вопросу о Великой Украине; я снова предложил сотрудничество между Польшей и Германией. Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю». Эти притязания нацистский министр поддержал, цинично заявив:

— Ведь Черное море — это тоже море!

Однако сделка не состоялась. Даже для буржуазных польских руководителей было ясно, что она, не давая никаких преимуществ в настоящем, поведет в будущем к превращению Польши в сателлита Германии. После неудачи этого маневра Гитлер и Геринг решили действовать на «главном политическом плацдарме» того времени — в Лондоне.

Еще в дни мюнхенского соглашения в штабах монополий ратовали за то, чтобы на этом не останавливаться, а идти дальше — начать переговоры о разделе сфер влияния. Это были не только слова — за ними было реальное стремление к углублению сговора. Известный гамбургский историк Бернд-Юрген Вендт обнаружил документы, в которых говорится, что под патронажем директора могущественного Английского банка сэра Монтэгю Нормана зимой 1938/39 года налаживались контакты с немецкими дипломатами и промышленниками, причем обе стороны уже прикидывали, как мощный германо-английский экономический блок может быть направлен даже против США. Американский посол в Лондоне Кеннеди в те дни поставил в известность Вашингтон, что переговоры между Германией и Англией должны будут идти на двух уровнях: с правительствами — с одной стороны, с промышленниками — с другой, но, мол, английская сторона не хочет информировать Кеннеди о своих целях. Вскоре в Берлин направились два видных английских деятеля — министр торговли Стэнли и заведующий экономическим отделом Форин оффиса Эштон-Гуэткин. В свою очередь, в Лондон прибыл Яльмар Шахт...

Тем, кто подходит к предвоенной ситуации с позиций исторического материализма, нетрудно увидеть причины подобных закулисных интриг в объективных фактах политики международных монополий. Теперь — под давлением документов — к этой стороне дела обращаются и буржуазные историки. Так, в работе «Мирные планы мультинациональной крупной промышленности» западногерманский исследователь Бернд Мартин проанализировал настроения, которые господствовали тогда в кругах промышленников и банкиров гитлеровской Германии. Анализ этот показал, что в то время начала стремительно повышаться роль крупнейших германских фирм, монополизировавших ряд ведущих отраслей промышленности. Они поддерживали государственное регулирование, выливавшееся в первую очередь в систему внешнеторгового протекционизма. Мартин считает, что наиболее энергично действовали в этом направлении магнаты тяжелой, электротехнической и химической промышленности. Владельцы электротехнических и химических предприятий особо рассчитывали на то, что фашистское государство поможет им преодолеть техническое отставание и укрепить позиции на мировых рынках. Курс на подготовку к войне был им крайне выгоден. Основные химические концерны приветствовали решение Гитлера всемерно развивать петрохимию, вытекавшее из необходимости создания крупных резервов горючего. Этот курс был по душе и крупным авиастроительным фирмам, считавшим Геринга своим доверенным лицом. Как пишет Мартин, все представители «новых

отраслей» промышленности получили прямые и непосредственные выгоды от такого экономического курса. Например, 40—50% всех инвестиций по так называемому «четырехлетнему плану» пошли в петрохимию и производство минеральных масел.

В то же время, завоевывая мировой рынок, германские монополии не могли не задуматься о последствиях курса на развязывание войны. Война, конечно, закрыла бы на определенное время мировые рынки для немецких фирм. Но что будет после войны? Достаточен ли немецкий военно-экономический потенциал для победы в такой войне? Ведь в случае краха позиции немецких концернов будут подорваны на долгое время! Эти сомнения одолевали многих ведущих деятелей нефтяной, электротехнической и химической промышленности Германии, т. е. тех отраслей, которые в 30-е годы совершили наибольший рывок на мировых рынках.

Ответы давались различные. Известен, к примеру, меморандум одного из ветеранов немецкого делового мира Арнольда Рехберга от 18 ноября 1938 года. Исходя из «чисто экономических соображений», он настойчиво требовал избрать для немецкой экспансии восточное направление. «Объектом экспансии Германии, — писал Рехберг, — являются неисчислимые сырьевые богатства России. Чтобы экспансия в этом направлении смогла превратить Германию в империю с прочной и широкой аграрной и сырьевой базой, она должна включить в свой состав русские территории не меньше чем до Урала... Встает вопрос: не следует ли, исходя из наших военных интересов, вернуться к политике, рекомендованной генералом Гофманом и мной, т. е. к попытке создания фронта европейских великих держав против большевистской России?[1] ...Только когда окончательно выяснится, что не удастся попытка образовать европейский фронт против большевистской России... — тогда можно будет рискнуть осуществить военную экспансию на Восток даже при сопротивлении западных держав».

Что же, в предложениях Рехберга была своя логика. В 20-е годы он был ярым проповедником германо-французского антисоветского блока (знаменитый план генерала Гофмана). Теперь он напоминал об этой кардинальной задаче.

В штаб-квартирах крупнейших фирм шло активное обсуждение подобных возможностей. Если Рехберг предлагал образовать «фронт европейских великих держав» в самой общей форме, то другие видели более конкретную задачу: компромисс с Англией. Как констатировал в своем секрет-

[1] Речь идет о плане Рехберга — Гофмана, выдвинутом в 20-х годах.

ном меморандуме член правления «ИГ Фарбен» Карл Краух, одновременно являвшийся генеральным уполномоченным по специальным вопросам химического производства, у Германии в 1938 году «имелись возможности точно определить время и характер политических переворотов в Европе, избегая при этом конфликта с группой держав, руководимой Англией».

Итак, коалиция с Англией?

У мюнхенской политики была и другая база — влиятельные группы английских промышленников. Находясь в менее выгодном положении, чем немецкие монополии, многие английские фирмы охотно склонялись к идее блока с Германией. Идеи экономического сговора с Германией были широко распространены среди ряда ведущих деятелей английского промышленного мира, например, тех, кто считал Германию выгодным рынком для сырья из английских доминионов (хлопок, шерсть). Многие из них считали единственным выходом тесное переплетение германского и английского капитала, с помощью которого станет возможным нейтрализовать американскую конкуренцию. Эти соображения базировались и на антикоммунизме английской крупной буржуазии.

Настроения подобного толка не были большим секретом. Так, за несколько месяцев до начала войны влиятельный американский журнал «Джорнэл оф коммерс» писал: «Энергичная поддержка, которую оказывают британские дельцы и банкиры политике международного умиротворения, отражает здравый эгоизм этих групп. За войну богатым классам придется платить — хочется им этого или не хочется. Кроме того, часто забывают, что Германия является ведущим покупателем британских товаров».

Бернд-Юрген Вендт, приведя это высказывание, с иронией напоминал, что и накануне первой мировой войны английский министр иностранных дел сэр Эдуард Грей объяснял французскому послу Камбону:

— Англия не может дать никаких гарантий, ибо ее главным интересом является интерес коммерческий...

Коммерческий интерес! Даже когда в марте 1939 года вермахт захватил Прагу и Мемельскую область, английские «умиротворители» и не подумали отказаться от своих прогерманских действий.

Переговоры, состоявшиеся 15—16 марта 1939 года в Дюссельдорфе, не предавались в свое время широкой гласности. Действительно, это было ни к чему английской стороне — ведь ею на словах было выражено возмущение очередным актом германской агрессии...

Связи между влиятельными объединениями промышленников Германии и Англии начались давно, и они носили не

только экономический характер. В марте 1938 года министр заморской торговли Англии Хадсон заявил, что «сотрудничество промышленников могло бы оказать благотворное влияние на политическое умиротворение». В конце лета того же года начались очередные переговоры между «Имперской группой индустрии» и «Федерацией британской промышленности» с целью заключения соглашения (на манер германо-итальянского). Эту идею активно поддерживали как министерство торговли (Стэнли), так и министерство заморской торговли (Хадсон). Немецкие промышленники добивались снижения английских таможенных пошлин, а английские хотели бы получить доступ на рынки, захваченные Германией. Правда, на первых порах немецкие представители придерживались мнения, что их британские коллеги еще не готовы к созданию «мощного экономического блока Германия — Англия — Франция — Италия». Однако 18 января 1939 года англичане сообщили, что готовы к встрече, а Стэнли и Хадсон объявили о своих предстоящих визитах в Берлин. «Лучшая новость, которую давно не слышал деловой мир», — ликовал журнал «Бритиш трэйд джорнэл энд экспорт уорлд».

Переговоры в Дюссельдорфе объединений промышленников Англии и Германии завершились принятием декларации, состоявшей из 12 пунктов и провозгласившей необходимость развития торговли между обеими странами. Она содержала далеко идущие соглашения, практически — картельные сговоры в ряде отраслей. Реакция на декларацию была однозначной: так, в США устами государственного секретаря она была названа «частью так называемой политики умиротворения». В Вашингтоне были серьезно встревожены опасностью англо-германского экономического сговора. Как писал английский журнал «Экономист», соглашение представляло собой «двусторонний сговор за счет третьих лиц». Большое беспокойство вызвало оно и в Восточной Европе, ибо означало усиление как германского, так и английского наступления на восточноевропейские рынки. И это в то время, когда Англия заверяла эти страны, что стремится защитить их от возможной германской агрессии!

Английская сторона сделала предложение — отдать Германии рынки Юго-Восточной Европы и тем самым положить начало разделу сфер экономического влияния. С этой целью эксперт консервативной партии Друммонд-Уолф в мае 1939 года посетил Берлин. Однако предложение не могло привлечь ни Геринга, ни Вольтата, ни рурских промышленников, так как эти рынки уже были «экономически освоены» Германией. Для электротехнической и крупной химической промышленности балканские страны вообще рынком быть не могли. Геринг в то время откровенно намекал англичанам, что они должны пойти на бóльшие уступки в разделе сфер

влияния, либо Германия решится на «быструю, короткую войну».

Итак, с определенного момента планы и намерения Англии и Германии стали расходиться: если в 1939 году «умиротворители» с английской стороны были готовы и дальше идти на предельные уступки, то у нацистов рос не только аппетит, но и уверенность в возможности провести раздел и перекройку сфер влияния военным путем. Именно к этому периоду относятся многочисленные документы руководящих органов «Дейче банк», «ИГ Фарбен», Флика, а также другие проекты создания так называемой «экономики больших территорий». Один из проектов, принадлежавших перу ведущего нацистского теоретика Карла Шмитта, объявлял доктрину Монро прецедентом для создания в Европе территорий, «не подлежащих чужому вмешательству». К таким территориям, по его мнению, относились Центральная и Восточная Европа. Шмитт, между прочим, писал: «Мы сейчас мыслим глобально, в масштабах крупных территорий. Мы признаем неотвратимость грядущего территориального перепланирования, о котором уже говорили министериаль-директор Вольтат и рейхслейтер генерал Риттер фон Эпп». Упоминание Вольтата в этом контексте для нас исключительно интересно, так как оно показывает, в какой мере Вольтат находился в те годы в «идеологическом эпицентре» экономической и внешней политики гитлеровской Германии.

Есть основания полагать, что к лету — осени 1939 года среди немецких промышленников стали брать верх силы, толкавшие Гитлера к войне. Тот же Карл Краух, в 1938 году считавший возможным вести политику так, чтобы «избегать конфликта» с Англией, 28 апреля 1939 года заявил: «С марта этого года подобных предпосылок больше нет. Экономическая война, втайне уже давно начавшаяся Англией, Францией и США против антикоминтерновских держав, теперь ведется открыто. Она будет со временем принимать все более острые формы».

Начало миссии

В этой обстановке и начал свою неофициальную миссию Гельмут Вольтат. Как мы знаем, он сначала изложил свою программу в меморандуме на имя Геринга и получил его одобрение. С английской стороны тоже последовали соответствующие сигналы. Так, 8 июня 1939 года министр иностранных дел лорд Галифакс заявил, что готов «обсуждать любое немецкое предложение»; 29 июня он выступил со специальной речью в лондонском Чатам-хаузе, где перечислил проблемы,

по которым Англия готова вести переговоры, в том числе о колониях, о преодолении торговых барьеров, обеспечении «жизненного пространства». О том же заявил английский посол в Берлине Гендерсон своему собеседнику, статс-секретарю Вайцзеккеру.

6 июня Вольтат прибыл в Лондон — по официальной версии, для обсуждения ряда финансовых и экономических вопросов. Уже в день приезда он посетил сэра Гораса; на встрече присутствовали экономический эксперт консервативной партии Друммонд-Уолф и «серый кардинал» Чемберлена, его советник Джозеф Белл. В целях конспирации встреча состоялась не в резиденции Вильсона, а во дворце герцога Вестминстерского.

О содержании бесед мы имеем только косвенные свидетельства. Их участники не оставили официальных записей (запись Вольтата, по его словам, сгорела в Берлине). Во всяком случае, были затронуты принципиальные вопросы англо-германских отношений. Шла речь о том, как добиться их улучшения (об этом упоминает Вильсон в одной из более поздних записей). У нас есть и другое, очень важное свидетельство: тот же Вильсон при следующей встрече с Вольтатом (в июле) сразу спросил:

— Остаются ли в силе условия, выдвинутые в июне? Как реагировал Геринг на ваш доклад?

Итак, уже 6 июня были обсуждены весьма серьезные вопросы; 7 июня Вольтат беседовал по тому же поводу с заведующим экономическим отделом Форин оффиса Эштон-Гуэткином (известным «мюнхенцем»). Вольтат обрисовал ему свой (т. е. Геринга) план экономического сотрудничества двух стран, базирующийся на идее раздела сфер влияния (Восточная и Юго-Восточная Европа должна была остаться за Германией), и подчеркнул, что план этот может получить «широкую поддержку в Германии и уж наверняка со стороны министерства экономики и имперского банка, возможно — у фельдмаршала Геринга и армии, безусловно — у немецких промышленников и деловых людей». Как записал Эштон-Гуэткин, Вольтат без обиняков предложил, чтобы «официальные представители обеих стран, не привлекая к тому внимания, продолжали обсуждение этих идей». На это английский дипломат многозначительно ответил, что речь идет не только об экономике. Мол, гораздо важнее политические проблемы. Собеседники разошлись, условившись, что в «обстановке переговоров» можно заняться решением самых спорных вопросов и заключением «общего соглашения» [1].

---

[1] Эта запись, сделанная Эштон-Гуэткином, стала известна лишь недавно.

8 июня Вольтат вернулся в Берлин, составив подробный отчет на имя Геринга. Как полагает Вольтат, с его отчетом познакомили Гитлера. Тем временем Вольтат отправился с визитом в Мадрид, а 17 июля он снова очутился в Лондоне — на этот раз как делегат Международной китобойной конференции. Здесь он опять вел переговоры. 18 июля состоялась долгая беседа с сэром Горасом, затем с советником Чемберлена сэром Д. Беллом и министром торговли Хадсоном, а 21 июля — еще одна, более короткая беседа с Вильсоном.

Впоследствии Вольтат сам составил точную «опись» своих переговоров:

с Вильсоном:	18 июля с 15 час. 30 мин.	до 16 час. 30 мин.
»	21 » с 13 час.	до 13 час. 30 мин.
с Беллом:	20 июля с 18 час. 30 мин.	до 19 час. 30 мин.
с Хадсоном:	20 июля с 17 час. 30 мин.	до 18 ч. 30 мин.

21 июля он улетел в Берлин, где три дня готовил доклад Герингу. Как впоследствии сообщил Вольтату адъютант Геринга, тот был «под большим впечатлением» от его донесения.

Теперь мы знаем, как проходили первые беседы Вольтата в Лондоне. Они были достаточно серьезны и вполне заслуживают названия «секретных переговоров». Ведь сам сэр Горас Вильсон убедительно просил не доводить их содержание до сведения «лиц, не одобряющих данных идей». О чем же шла речь?

Именно об этом идут споры до сих пор. Что касается Вольтата, то он еще в июле 1939 года вместе с Дирксеном подробно изложил содержание «плана Вильсона». Английская сторона этот факт пытается отрицать. Вильсон (он умер в 1972 году) при встрече с английскими историками Джилбертом и Готтом заявлял, что никакого плана Вольтату не излагал и вообще больше слушал, чем говорил. Еще активнее он отрицал свою инициативу в проведении переговоров. В архивах Форин оффиса даже сохранилась такая любопытная переписка. Сотрудники историка Вудворда задали в 1950 году ряд вопросов Вильсону по поводу его встреч с Вольтатом. Тот ответил:

«В записке от м-с Дэвис сообщается, что сотрудники Вудворда интересуются подробностями беседы, которую, как полагают, я вел 21 июля 1939 года с Вольтатом. По прошествии столь значительного времени у меня не сохранились в памяти подробности. Я не помню об этой встрече и сомневаюсь, имела ли она место. В моем дневнике отмечено 7 бесед в этот день, а Вольтат не упоминается. Я видел его за три дня до этого (вы знаете мою запись) и объяснил ему все довольно ясно. После этого у него едва ли было желание снова меня видеть и крайне неправдоподобно, чтобы я вручил ему «меморандум», который он описывает... Я полагаю,

что не стоит уделять Вольтату много внимания. Он не был аккредитованным дипломатом. Я рассказал ему о британской политике лишь потому... что его начальником был Геринг».

Как, оказывается, просто не вспоминать о неблаговидных поступках! Вильсон, разумеется, не хотел «уделять много внимания» той компрометирующей его договоренности, которой он достиг с Вольтатом, потом с Дирксеном.

Те, кто принимает версию Вильсона, ссылаются на такое обстоятельство: в документах 1939 года, опубликованных в Лондоне в 1970 году (т. е. по истечении 30-летнего срока), не зафиксирован «план Вильсона». Нет на него прямых ссылок и в том изложении бесед, которое составили Вильсон и Хадсон. Одновременно пытаются скомпрометировать документы Вольтата — Дирксена, в которых прямо говорится о плане.

Подобные аргументы малоубедительны. Главное различие немецких и английских документов состоит не в том, что в них события излагаются по-разному[1]. Различия неизбежны. Дело в другом. Авторы английских публикаций могли «причесать» их по своему усмотрению. Дирксен и Вольтат не могли этого сделать, так как их документы были найдены в секретном хранилище помимо их воли. Советские власти опубликовали записи без малейших изменений, с помещением фотокопий. Поэтому мы смело можем положиться на изложение Вольтата — Дирксена. Эти люди действовали весьма ответственно, зная, на каком уровне будут рассматриваться предложения Вильсона.

В докладе Дирксена от 21 июля указаны существенные вопросы, о которых велись переговоры:

«Программа, которая обсуждалась г-ном Вольтатом и сэром Горасом Вильсоном, заключает:

а) политические пункты,

б) военные пункты,

в) экономические пункты.

К пункту «а»

1) **Пакт о ненападении.** Г-н Вольтат подразумевал под этим обычные, заключавшиеся Германией с другими державами пакты о ненападении, но Вильсон хотел, чтобы под пак-

---

[1] Если бы мы полагались только на английские архивы, то никогда не узнали бы правды. Например, запись Вильсона о его беседе с Вольтатом 18 июля 1939 года не дает никакого представления о существе дела. Вильсон не излагает своих соображений, замечая лишь, что он «придерживался речей премьер-министра и министра иностранных дел». Вопрос об «общем соглашении» он упоминает лишь вскользь, якобы как идею Вольтата. Когда историк из ФРГ Б. Мартин поинтересовался, есть ли другие записи бесед Вильсона, ему в Лондоне ответили, что многие документы еще остаются секретными и не подлежат публикации до 1990 года.

том о ненападении понимался отказ от принципа агрессии как таковой».

Эти три центральных пункта программы Вильсона (их точно так же описал и сам Вольтат в докладе от 25 июля) далее подробно расшифровывались. В частности, говорилось:

«...**Пакт о невмешательстве**, который должен включать разграничение расширенных пространств между великими державами, особенно же между Англией и Германией...

К пункту «б»

Ограничение вооружений

1) на море,

2) на суше,

3) в воздухе.

К пункту «в»

...1) **Колониальные вопросы.** В этой связи обсуждался главным образом вопрос о будущем развитии Африки. Вильсон имел в виду при этом известный проект образования обширной колониально-африканской зоны, для которой должны быть приняты некоторые единообразные постановления. Вопрос, в какой мере индивидуальная собственность на немецкие колонии, подлежащие возвращению нам, сохранилась бы за нами после образования интернациональной зоны, — остался открытым. То, что в этой области, по крайней мере теоретически, англичане готовы или были бы готовы пойти нам далеко навстречу, явствует из достоверно известного г-ну Вольтату факта, что в феврале английский кабинет принял решение вернуть Германии колонии. Сэр Горас Вильсон говорил также о германской колониальной деятельности на Тихом океане, однако в этом вопросе г-н Вольтат держался очень сдержанно.

2) **Сырье и приобретение сырья для Германии.**

3) **Промышленные рынки.**

4) **Урегулирование проблем международной задолженности.**

5) **Взаимное финансовое содействие.**

Под этим сэр Горас Вильсон понимал санирование[1] Германией Восточной и Юго-Восточной Европы...

Конечной целью, к которой стремится г-н Вильсон, является широчайшая англо-германская договоренность по всем важным вопросам, как это первоначально предусматривал фюрер. Тем самым, по его мнению, были бы подняты и разрешены вопросы столь большого значения, что близкие восточные проблемы[2], зашедшие в тупик, как Данциг и Польша, отошли бы на задний план и потеряли бы свое значе-

[1] «Санирование» — в немецкой терминологии тех лет означало приспособление экономики к нуждам гитлеровской Германии.

[2] В тексте — «ближневосточные проблемы». Об этом расхождении см. стр. 173.

ние. Сэр Горас Вильсон определенно сказал г-ну Вольтату, что заключение пакта о ненападении дало бы Англии возможность освободиться от обязательств в отношении Польши. Таким образом, польская проблема утратила бы значительную долю своей остроты».

В докладе Вольтата повторялось сверхциничное предложение: сделать «беспредметными гарантии Англии по отношению к Польше и Румынии».

Наконец, чтобы исключить все сомнения, 3 августа Дирксен сам посетил Вильсона[1]. Вот его отчет:

«Выяснилось, что сущность беседы Вольтата — Вильсона остается в полной силе. Сэр Горас Вильсон подтвердил мне, что он предложил г-ну Вольтату следующую программу переговоров:

1) Заключение договора о «ненападении», по которому обе стороны обязуются не применять одностороннего агрессивного действия как метода своей политики. Сокровенный план английского правительства по этому пункту сэр Горас Вильсон раскрыл мне тогда, когда я в ходе беседы задал ему вопрос, каким образом соглашение с Германией может согласоваться с политикой окружения, проводимой английским правительством. В ответ на это сэр Горас Вильсон сказал, что англо-германское соглашение, включающее отказ от нападения на третьи державы, начисто освободило бы британское правительство от принятых им на себя в настоящее время гарантийных обязательств в отношении Польши, Турции и т. д.; эти обязательства приняты были только на случай нападения и в своей формулировке имеют в виду именно эту возможность. Если бы эта опасность отпала, отпали бы также и эти обязательства.

2) Англо-германское заявление о том, что обе державы желают разрядить политическую атмосферу с целью созда-

---

[1] В лондонском архиве сохранилась краткая запись Вильсона, сделанная после этой беседы, из которой можно узнать немного. В ней интересно лишь следующее: во-первых, Вильсон неоднократно интересовался, какова реакция в Берлине на его беседы с Вольтатом. Дирксен подтвердил, что к содержанию бесед проявлен большой интерес, в том числе и Гитлером. Далее, Дирксен давал понять Вильсону, что в Берлине весьма отрицательно смотрят на военные переговоры в Москве и считают их «проявлением политики окружения», противоречащей идее Вольтата — Вильсона о заключении англо-германского пакта о ненападении. Вильсон со своей стороны записал лишь одно свое высказывание о «широком соглашении». Дирксен же должен был по просьбе Вильсона выяснить в Берлине три вопроса. Первый: какие инструкции дал фюрер для продолжения переговоров Вольтата, каковы будут меры Германии? Второй: что собирается сделать фюрер для того, чтобы ситуация не обострялась? Третий: если предполагается разрабатывать повестку дня и программу предстоящих англо-германских переговоров, то что будет предпринято с немецкой стороны, дабы создать надлежащую атмосферу и обеспечить позитивные перспективы переговоров?

ния возможности совместных действий по улучшению мирового экономического положения.

3) Переговоры о развитии внешней торговли.

4) Переговоры об экономических интересах Германии на Юго-Востоке.

5) Переговоры по вопросу о сырье. Сэр Горас Вильсон подчеркнул, что сюда должен войти также колониальный вопрос. Он сказал, что в настоящий момент нецелесообразно углубляться в этот очень щекотливый вопрос. Достаточно будет условиться, что колониальный вопрос должен быть предметом переговоров».

Последний пункт плана Вильсона сейчас можно конкретизировать. Дело в том, что в архиве Дирксена не содержалось изложения беседы Вольтата с министром торговли Хадсоном. Но в лондонском архиве за номером F 0.371.22990 — C 10371/16/18 хранится документ, составленный самим Хадсоном. Он более чем красноречив, ибо, оказывается, Хадсон сделал Вольтату далеко идущие предложения. Когда зашла речь о мировых рынках, Вольтат заметил, что у Германии трудностей не будет, так как ее рынок — это Юго-Восточная Европа.

— Что вы о нем думаете? — спросил Вольтат.

Хадсон отвечал:

— Мы рассматриваем этот рынок как естественно входящий в экономическую сферу влияния Германии и не имеем возражений против развития ее позиций на этом рынке; разумеется, если и нам будет обеспечено соответствующее участие.

Вольтат не возразил. Тогда Хадсон продолжал:

— Однако мне кажется, что есть куда большие колониальные владения европейских стран, которые могут явиться районом неограниченного приложения капиталовложений для Германии, Англии и США. Если будут созданы необходимые предпосылки для решения политических вопросов, то можно будет разработать определенные формы экономического и промышленного сотрудничества между нашими тремя странами...

Вольтат сразу понял важность этого предложения и задал совершенно конкретный вопрос своему собеседнику:

— У Германии большие долги. Полагаете ли вы, что три страны способны разработать план промышленного развития, а Англия и США окажут помощь капиталами?

Хадсон заверил, что он беседовал на эту тему в мае со «своими американскими друзьями» и в американской помощи можно не сомневаться. Что же касается Англии, то у него есть сомнения, хотя и небольшие.

Воодушевленный этим прямым предложением об экономической коалиции США, Англии, Германии, Вольтат рискнул поставить «щекотливый вопрос»:

— А что будет с колониями?

Хадсон не ушел в сторону. Оговорившись лишь, что высказывает свое личное мнение, он ответил следующее: Англия не пойдет на физическое возвращение бывших немецких колоний, но...

Формула хитроумного Хадсона гласила:

— Я не думаю, что проблема эта неразрешима...

Но и тут Хадсон не остановился. Он стал развивать идею созыва международной конференции по вопросам совместной эксплуатации ресурсов Африки и создания там кондоминиума европейских стран (включая Германию).

— Могу ли я передать об этом фельдмаршалу Герингу? — переспросил Вольтат, видимо, немало удивленный этим великодушным предложением.

Хадсон не возражал, лишь повторив оговорку о «личном характере» своей идеи.

Механизм саботажа

Теперь мы должны покинуть нашего знакомого из Мееребуша и обратиться к той стороне дела, которая поможет ощутить весь потайной смысл разговоров, происходивших в Лондоне летом 1939 года. Закулисные переговоры представляли собой «подтекст» напряженной дипломатической и политической борьбы, которая велась в месяцы, предшествовавшие развязыванию Германией второй мировой войны. Ведь когда Хадсон делал Вольтату свои сенсационные предложения, а Вольтат курсировал между Лондоном и Берлином, — в эти месяцы и недели поистине решались судьбы Европы.

Центральной задачей миролюбивых сил в то время было создание совместного фронта противодействия агрессии. Именно эту цель преследовал Советский Союз, выступив с рядом важных инициатив. Так, в марте 1939 года Советское правительство предложило немедленно созвать конференцию Англии, Франции, Турции, Польши, Румынии — государств, наиболее заинтересованных в предотвращении агрессии. В том же месяце СССР заявил о том, что придает огромное значение предотвращению установления господства агрессоров над Прибалтикой. Наконец, 17 апреля СССР предложил Англии и Франции заключить трехсторонний договор о взаимопомощи в случае агрессии.

Историки подробно разобрали ситуации, складывавшиеся после каждой из инициатив Советского Союза. Мы же оста-

новимся только на некоторых — благо, что в нашем распоряжении теперь находятся не только появившиеся в 50-х годах публикации английских документов, но также и подлинники ряда секретных протоколов кабинета и Форин оффиса.

Нет сомнения, что важнейшей инициативой было советское предложение от 17 апреля 1939 года, первые пункты которого гласили:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств».

Другие пункты оговаривали ряд важных проблем, включая обязательство после открытия военных действий не вступать в сепаратные переговоры с агрессором.

Что же последовало за этим? Ответа на это предложение долго не было. Как парадокс (однако закономерный!) выглядело, что уже 26 апреля германское посольство в Лондоне сообщало: на днях Англия вручит советскому послу отрицательный ответ, однако он будет «облечен в форму замечаний». Действительно, ответ (хотя и врученный лишь 8 мая) был, в сущности, отказом от советской идеи трехстороннего договора. Конечно, в памятной записке содержались заверения в том, что правительство Его Величества «всегда придавало особое значение участию в его усилиях Советского Правительства». Но... оказывается, во избежание «некоторых присущих этому делу затруднений», будет лучше, ежели СССР не будет настаивать на трехстороннем договоре, а сделает одностороннее заявление о том, что обязуется оказывать жертвам агрессии «содействие, если оно будет желательным...»

Какова же была действительная позиция Запада в те дни и недели? Располагая некогда секретными документами, мы можем проникнуть в «лабораторию саботажа», которую представляли собой тогдашние правительства Англии и Франции.

...Передо мной страницы из толстого досье, на котором стоят сигнатуры лондонского Ведомства официальных публикаций. Вот документ за апрель 1939 года, номер F 0.371.23064. Это протокол обсуждения советского предложения от 17 апреля.

Получив советский проект, постоянный заместитель министра иностранных дел сэр Александр Кадоган составил для

правительства меморандум, который начинался с любопытнейшего признания:

«1. Это русское предложение ставит нас в крайне затруднительное положение.

2. Чего можно ожидать от этого? Мы должны взвесить преимущества письменного обязательства России вступить в войну на нашей стороне и минусы открытого союза с Россией.

3. ...Ущерб от открытого союза с Россией явно выразится в позиции Польши, которая заявила нам, что решительно его отвергает.

4. ...Не говоря уже о реакции наших потенциальных противников — Германии, Италии и Японии, которые в своих странах завопят о «красной опасности», Португалия, Испания и Югославия уже предупредили нас, что союз с Советами лишит нас их симпатий».

Далее делался вывод, что советское предложение надо отвергнуть. Однако, повторяя свое предупреждение, автор меморандума писал: «Будет очень трудно отказаться от советского предложения. Мы утверждали, что Советы проповедуют «коллективную безопасность», но не вносят никаких практических предложений. Теперь они внесли их и будут нас критиковать за то, что мы их отвергаем».

19 апреля откровенный документ Кадогана обсуждался на заседании важнейшего правительственного органа — внешнеполитического комитета английского кабинета министров. Премьер-министр Чемберлен заявил, что вообще не придает значения возможной советской военной помощи. Он изложил точку зрения польского министра иностранных дел Юзефа Бека, утверждавшего, будто союз Польши с Россией «спровоцирует Германию на агрессивные действия». Как видим, провокационная роль дипломатов панской Польши давала себя знать.

В результате было решено: выдвинуть тезис, будто для военного союза время еще не пришло, но изложить сей тезис «туманно». В протоколе, кроме того, говорилось: «Весьма важно, чтобы как содержание советского предложения, так и реакция правительства Его Величества не стали достоянием гласности. Об этом следует сообщить французскому правительству. Кроме того, премьер-министр должен сделать соответствующее предостережение лидеру лейбористской оппозиции».

Эта линия, принципиально отвергающая саму идею сотрудничества, была определяющей и для дальнейшего обсуждения советского предложения. 24 апреля был заслушан секретный доклад начальников штабов трех родов войск о «военной ценности России», подписанный генералами Ньюэлом, Гортом и адмиралом Каннигхэмом. Доклад сводился к

тому, что «военная ценность» Советского Союза невелика. По мнению начальников штабов, Советский Союз был в состоянии в течение трех месяцев мобилизовать 30 кавалерийских и 100 пехотных дивизий, однако из-за «трудностей экономического и транспортного характера» смог бы держать на своем Западном фронте лишь 30 дивизий... Ошибочность этой оценки явна: так, в августе 1939 года во время военных переговоров Генштаб Красной Армии заявил, что СССР может немедленно выставить 16 кавалерийских и 120 пехотных дивизий. А в ходе второй мировой войны общее число дивизий на советско-германском фронте достигало 500!

Неудивительно, что при таких предвзятых оценках большинство членов кабинета не хотели и думать о принятии советского предложения о взаимной помощи. А 20 мая Кадоган вообще записал в дневнике: «Премьер-министр заявил, что он скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами».

Многие английские политики понимали, что без Советского Союза справиться с агрессией невозможно. Так, после того как Чемберлен 31 марта выступил с весьма слабым заявлением о гарантиях Польше, его посетил Дэвид Ллойд-Джордж, один из старейших и опытнейших политиков. Ллойд-Джордж спросил Чемберлена:

— Как вы представляете участие СССР в блоке миролюбивых держав?

Чемберлен ответил, что он в принципе согласен с советским участием, но позиция Польши и Румынии делает сие «затруднительным». Польша, заверил премьер-министр, сама создаст «восточный фронт».

На это ветеран английской дипломатии без обиняков ответил:

— Никакого восточного фронта без активной помощи Советского Союза быть не может. При отсутствии твердого соглашения с Советским Союзом я считаю ваше сегодняшнее заявление безответственной азартной игрой, которая может очень плохо кончиться!

Игра была, действительно, азартной и безответственной.

Только несколько примеров

Для того чтобы описать всю сложную систему закулисных контактов, поддерживавшихся между Берлином и Лондоном весной — летом 1939 года, нужны десятки — если не сотни! — страниц. Ведь та роковая сеть, которая плелась в дни Мюнхена и привела к сговору, не только не была разорвана, а обогатилась новыми и новыми звеньями. Расскажу лишь о не-

скольких, а именно о тех, которые до последнего времени оставались нераскрытыми.

Лишь в конце 70-х годов исследователи обратили внимание на поездку, совершенную в Лондон летом 1939 года майором генштаба графом Герхардом фон Шверином. Одна из версий гласила, что он провел там отпуск, другая — что выполнял специальную миссию. Вторая версия оказалась более близкой к истине, и историки, занимавшиеся исследованием деятельности абвера — ведомства адмирала Канариса, смогли о ней кое-что рассказать.

...Летом 1939 года Канарис вызвал к себе Ульриха Лисса, начальника «отдела иностранных армий Запада» в генштабе, и дал ему задание вступить в контакт с резидентом английской разведки в Берлине — заместителем военного атташе майором Кеннетом В. Стронгом. Лисс должен был информировать его, что в Лондон будет послан представитель Канариса для установления связи с «военными и разведчиками». Этим представителем и явился начальник англо-американской группы в отделе Лисса граф Герхард фон Шверин.

Шверин действительно поехал в июле 1939 года в Лондон. Он имел встречи — в том числе с начальником секретной службы Мензисом, начальником морской разведки адмиралом Годфри, бывшим военным атташе в Берлине Маршалл-Корнуэллом и постоянным заместителем министра иностранных дел Кадоганом. Как записал в своем дневнике Маршалл-Корнуэлл, Шверин предупреждал о решении Гитлера напасть на Польшу и просил Англию принять ряд «демонстративных мер», дабы отвратить Гитлера от выполнения этого решения.

Нельзя не отметить внешнюю необычность этого шага: разведчики страны, которая готова к агрессии, предупреждают разведчиков другой страны, которая имеет договоры о военном сотрудничестве с жертвой будущей агрессии. Однако необычность здесь чисто внешняя. Разведслужбы империалистических государств очень часто являлись каналами для проведения политико-дипломатических акций. Здесь же шла речь об акции, безусловно продиктованной антикоммунистическими и антисоветскими устремлениями разведслужб обеих стран — Германии и Англии. Канарис предупреждал Мензиса не потому, что хотел спасти Польшу, а потому, что понимал все последствия гитлеровского шага. В частности, он понимал, что идее единого антисоветского фронта будет нанесен непоправимый удар.

Для понимания механизма закулисной дипломатии мне небезынтересно было выслушать рассказ самого Герхарда фон Шверина, ныне отставного генерала, живущего под Мюнхеном.

— Как вам удалось организовать лондонские встречи?

— Я хорошо знал директора фирмы «Северогерманское

рыболовство» фон Ролофа. Эта фирма входила в огромный англо-голландский концерн «Унилевер». Через Ролофа я был давно связан как с главой этого концерна д'Арси Купером, так и с членом правления Полем Рикенсом. Рикенсу было легко организовать беседы в Лондоне.

— А в Берлине?

— В Берлине подготовкой моей миссии занимались заместитель Канариса полковник Остер и два военных атташе — англичанин Кеннет Стронг и американец Трумен Смит...

Характеризуя взгляды Стронга и Смита, Шверин отметил, что оба считали необходимым довести до сведения немецкого военного и политического руководства ошибочность мнения Риббентропа, утверждавшего, что Англия «не вступит в конфликт». Однако, продолжал Шверин, оба они были не прочь втянуть Гитлера в войну.

— Они предполагали, — вспоминал генерал, — что Германия и Советский Союз будут нести большие потери, а Англия окажется в позиции «смеющегося третьего»...

— И для этого имелись шансы?

— Я считаю, что до марта 1939 года у этой концепции были шансы. Конечно, главная цель англичан состояла в том, чтобы стравить Гитлера и Сталина. Для этого они были готовы на многое, например, в колониальном вопросе. Но они не могли пойти на потерю влияния в Европе. В свою очередь, Гитлер был давним поклонником Англии и империи. Он хотел иметь Англию партнером — но, разумеется, на определенных условиях...

У встречи Шверин — Мензис есть и другой вариант: согласно ему, инициатива была проявлена не Канарисом, а английским разведчиком майором Стронгом, который использовал одного из «агентов-двойников», чтобы побудить Канариса послать на переговоры Шверина. Что же, это предположение не лишено резона. Так, еще в июне 1939 года генерал Маршалл-Корнуэлл во время встречи с представителями Форин оффиса обсуждал вопрос, не стоит ли пригласить в Лондон «немецкого военного эксперта». Эта мысль развивалась и во время беседы со Шверином, а именно: идея приглашения генерал-полковника Мильха (заместителя Геринга) в Лондон для посещения королевских ВВС.

Как видим, вопрос об инициативе здесь предстает в такой же «двойственной» форме, как и во время переговоров Вольтата — Вильсона. Вторая аналогия сводится к тому, что существовавшие и намечавшиеся контакты снова и снова замыкались на личности Геринга. Тем самым мы подходим к ряду закулисных контактов и переговоров, которые осуществлялись под непосредственным наблюдением Геринга.

Одним из них была миссия видного шведского промышленника А. Веннер-Грена, который с давних пор поддерживал

дружеские отношения с Герингом. Веннер-Грен — хозяин шведской электротехнической фирмы «Электролукс», был также давно связан с Круппом. По просьбе Геринга Веннер-Грен в июне 1939 года посетил Лондон и передал Чемберлену предложение о «компромиссе в колониальном вопросе» и об общем англо-германском соглашении. Веннер-Грен действовал весьма решительно: 6 июня он был принят Чемберленом и вручил ему «мирную программу» Геринга, основанную на личной беседе. Геринг, в частности, сказал Веннер-Грену:

— Стоит серьезно рассмотреть возможность сближения между Англией и Германией...

В качестве условий сближения он поставил решение проблемы Данцига и колониального вопроса. Далее Геринг говорил Веннер-Грену о желательности раздела сфер влияния. Чемберлен выслушал это с интересом, хотя, как всегда, был очень сдержан. Требования, особенно касавшиеся колоний, показались ему ультимативными. Тем не менее, он не отверг идеи «совещания для решения спорных проблем» с участием Германии.

Веннер-Грен поспешил в Берлин сообщить об этом Герингу. Однако отнюдь не ему было поручено реализовать идею «совещания».

Далерус и другие

24 июня 1939 года на «туманный брег» Англии сошли два пассажира, совершившие недалекое путешествие из Стокгольма. Одним из них был новый шведский посол в Лондоне Бьерн Притц, другим — известный в Швеции промышленник Биргер Далерус. Впрочем, они были хорошо знакомы, так как дипломатической карьере Притца предшествовала карьера деловая. Он долгое время был одним из руководителей крупнейшего шведского (и международного) концерна по производству шарикоподшипников СКФ. Далерус владел одним из филиалов СКФ. Чрезвычайного и полномочного посла встречали в соответствии с дипломатическим протоколом. Далеруса ждали лишь знакомые. Тем не менее, его миссия в Англию была не менее важной. О ней мы и расскажем.

Имя Биргера Далеруса уже давно бродит по страницам мемуаров и исследований по истории дипломатии, хотя он дипломатом не был. Сначала он фигурировал в документах как таинственный «мистер Икс» или «мистер Д». Затем в опубликованных сразу после войны мемуарах он сам раскрыл свой псевдоним. Биргер Далерус действительно сыграл оп-

ределенную роль в событиях кануна второй мировой войны, выступая в роли курьера, сновавшего между Лондоном и Берлином в последние дни европейского мира. Неудивительно, что это привлекало внимание историков: ведь Далерус возил не какие-то второстепенные депеши, а послания Чемберлена и Гитлера; летал не на рейсовых, а на личных самолетах премьер-министра. Не менее существенной в общем контексте событий была его деятельность и в предыдущие месяцы.

Свою карьеру Далерус начал сразу в трех странах: Швеции, Англии, Германии. В Швеции он был сотрудником фирмы «Свенска кугельлагер фабрик АБ», в Англии организовал ее филиал «Скефко болл биринг компани», в Германии проходил практику на заводе близ Гамбурга. К началу 30-х годов он был респектабельным дельцом с большими связями в деловом мире, и не только в деловом. Случай свел его с Германом Герингом. И хотя речь шла о чисто личных делах (Далерус тогда собирался жениться на немке), он предусмотрительно заручился возможностями продолжить это знакомство. Далерус знал, что в Швеции живет пасынок Геринга (от первого брака) Томас фон Кантцов.

— Я хотел бы вас отблагодарить за помощь, оказанную мне в личных делах, — сказал Далерус Герингу, — хотя бы тем, чтобы быть полезным господину Кантцову...

Геринг не забыл об этом обещании и попросил Далеруса дать место Кантцову в его фирме. Разумеется, просьба была немедленно выполнена. Далерус был рад закрепить знакомство с могущественным фельдмаршалом, Кантцов же с интересом узнал, что Далерус свой человек не только среди шведских промышленников, но и английских банкиров и предпринимателей, близких к партии премьер-министра Невиля Чемберлена.

Дружба с Кантцовом принесла свои плоды. Он порекомендовал отчиму пригласить Далеруса в Германию. Во время откровенной беседы в геринговской резиденции «Каринхалль» выяснилось, что рейхсмаршал не прочь вступить в негласный контакт с английскими эмиссарами, а именно с видными представителями делового мира.

С этой миссией 24 июня 1939 года Далерус и прибыл в Англию. Он посетил несколько промышленных городов, общался со своими друзьями. 2 июля его пригласили на обед, который в зале «Конститьюшн клаб» дал в его честь Чарльз Спенсер — видный консерватор, директор фирм «Джон Браун энд компани» и «Ассошиэйтед электрикл индастрис». На обеде присутствовали друзья Спенсера, которые с большим вниманием отнеслись к шведскому гостю. Зашла речь и о международной ситуации. В спиче Спенсера были такие слова:

— Немцам пора бы задуматься, что путем войны они получат меньше, чем мирными переговорами. Неужели они хотят конца цивилизации?

В ходе застольной беседы идея встречи английских промышленников с видным представителем гитлеровского рейха приобрела конкретные формы. Уже 6 июля Далерус примчался к Герингу и сообщил, что англичане «созрели» для переговоров.

Далее события развивались как в детективном романе. Сначала Далерус предложил, чтобы встреча состоялась на яхте в открытом море (нетерпеливый Спенсер уже поджидал ответа в Копенгагене). Геринг ответил, что главное — это секретность и что все подробности Далерус должен обсудить с его адъютантом. Через день Спенсер перебрался в Берлин, где вместе со своими коллегами — Холденом и Роусоном расположился в отеле «Эспланада». 8 июля Далерус отправился в «Каринхалль», сообщив Герингу, что английские представители предлагают фельдмаршалу сесть на их яхту в открытом море, где-то на траверсе Копенгагена.

Геринг согласился. Срок встречи он назначил между 27 июля и 12 августа, а затем (видимо, под давлением Далеруса) сообщил точную дату — 2 августа. Вдохновленный этим успехом, Далерус вернулся в Берлин, проинформировал обо всем Спенсера и отправился в Стокгольм, где нанес визит премьер-министру Ханссону[1], а затем поспешил в Гамбург, на очередное свидание с Герингом.

Как полагается в детективе, участники предстоящего рандеву стали обдумывать, как лучше скрыться от глаз людских. Яхта отпала: слишком большая команда и не исключено разглашение тайны. Тогда Далерус предложил шведский замок Тролле-Льюнгби, принадлежащий его другу, графу Тролле-Вахтмейстеру. И это было небезопасно, учитывая прыткость шведских репортеров. Наконец сошлись на имении жены Далеруса «Зёнке Ниссен Ког» в Шлезвиг-Гольштейне, недалеко от датской границы. Геринг часто проводил свой отпуск невдалеке, на острове Зильт, и это место было признано наиболее удачным. Далерус все время намекал Герингу, что со встречей надо поторопиться, но тот отвечал, что сначала должен обо всем условиться с Гитлером. Наконец встреча была назначена, дата — 7 августа...

Но выйдем за рамки детектива, вернемся к политике. Она же в данном случае состояла в том, что чем энергичнее обе стороны уверяли друг друга в «частном характере» встречи, тем более официальный характер она приобретала. 2 июля Спенсер поставил в известность о встрече министра ино-

[1] Далерус просил Ханссона об официальном посредничестве, но тот предпочел воздержаться.

странных дел лорда Галифакса. Когда же по просьбе президента Англо-шведского общества барона Вернера сам Галифакс 19 июля принял Далеруса, то сказал ему, что одобряет идею встречи, не возражает, чтобы она состоялась в Голландии или Швеции, и просит его обо всем информировать. Единственное же условие Галифакса состояло в том (о, несравненное ханжество английских дипломатов!), чтобы в официальных документах имя его не упоминалось и чтобы информацию он получал не прямо, а через Вернера...

Политические вопросы решались как бы играючи. 7 июля Чарльз Спенсер доложил Галифаксу, что в ходе беседы с Далерусом Геринг сделал важное заявление о Данциге. Оказывается, Данциг «не имеет жизненно важного значения» для Германии. Геринг напомнил, что именно по его инициативе состоялась мюнхенская конференция, что именно он является противником военного решения разногласий с Англией. Упомянул он и о «мирных предложениях, которые привез ему Вольтат».

Встреча в «Зёнке Ниссен Ког»

6 августа 1939 года в Гамбург прибыли семь визитеров. Так как это были известные английские дельцы, коих приезжало в «вольный ганзейский город» десятки, на них мало кто обратил внимание, тем более, что приехали они разными маршрутами и остановились в разных гостиницах — «Атлантике» и «Четырех временах года». Во второй половине дня две машины со шведским флагом забрали гостей и выехали на шоссе, ведущее к датской границе. Через несколько часов путешественники достигли городка Бредштедт, а вскоре въехали в ворота небольшого имения. Здесь все было готово — отличный ужин со шведскими деликатесами, уютные комнаты. Прислуга была отпущена: два шофера одновременно исполняли обязанности дворецких.

Утро 7 августа выдалось солнечное. Хозяин имения застал гостей в отличном настроении. Но он недолго оставался с ними, так как стрелки часов приближались к условленному времени. Хозяин извинился, сел в автомобиль и отправился в Бредштедт. Когда он подъехал к станции, к ней уже приближался небольшой специальный состав. Для непосвященных прибытие состава было полной неожиданностью — ведь специальные составы редко останавливались на этом захолустном вокзале. Но в этот ранний час зевак было мало.

Поезд остановился. Встречавший вошел в салон-вагон, где

его ожидало небольшое, но блестящее общество: фельдмаршал Геринг, статс-секретарь Кернер, адъютант Геринга генерал Боденшатц. Около часа длилась предварительная беседа, после чего Геринг вышел из поезда и вместе со встречавшим (это был, как нетрудно догадаться, Биргер Далерус) отправился в «Зёнке Ниссен Ког».

В делах Форин оффиса сохранился список делегации, направившейся в Германию:

«М-р Холден — директор компании «Кревенс рейлуэй карридж».

М-р Брайан Маунтен — директор страховой компании «Дженерал Баннер оф игл Этер».

М-р Стенли У. Роусон — директор компании «Джон Браун энд К°» и других компаний.

Сэр Роберт Ренвик — управляющий и заместитель председателя фирмы «Каунти оф Лондон электрик супплай».

Чарльз Ф. Спенсер — директор компаний «Ассошиэйтед электрикл индастрис», «Джон Браун энд К°» и других промышленных фирм.

М-р Гарольд Вестон — председатель и управляющий компаниями «Эллайд бэйкериз» и «Вестон бисквит».

В этом же документе отмечалось, что Спенсер, Холден и Роусон одновременно являлись директорами данцигской судостроительной фирмы «Интернэшнл шипбилдинг корпорэйшн», т. е. лицами, прямо заинтересованными в данцигских делах. Спенсера сопровождал его компаньон Мэнсфорт.

Когда все уселись, Далерус произнес вступительные слова, о которых было заранее условлено:

— Наша встреча, господа, происходит по моему личному приглашению и ни одна из сторон не проявила инициативы.

До 18 часов 30 минут шла весьма интенсивная беседа (с небольшими перерывами на обед и чай). Ее начал Геринг. С английской стороны отвечал сначала м-р Роусон, затем сам Спенсер. Однако Геринг говорил больше всех; так, по крайней мере, явствует из записи, которую Спенсер представил Галифаксу 10 августа.

Запись, увы, неполная: хотя в ней 39 пунктов, при публикации документов английскими историками был опущен текст меморандума, который был вручен английской стороной. Однако это еще не означало, что он остался неизвестным. Меморандум был обнаружен в делах личного штаба Геринга, причем с пометками самого фельдмаршала. В нем — 19 пунктов. В частности, английская сторона указала на значение мюнхенского соглашения и высказала сожаление по поводу того, что Германия «отходит от этого пути». «Чемберлен, — отмечалось в 10-м пункте, — старался своей политикой умиротворения обеспечить мир... Целью его политики является

решение международных проблем путем свободной и откровенной дискуссии».

А дальше, в пункте 11, говорилось: «Некоторые люди в Англии предполагают, что имперское правительство сомневается в устойчивости взаимопонимания между германским правительством и правительством м-ра Чемберлена... Если в Германии такое беспокойство действительно существует, то это просто недоразумение».

Все это выглядело как прямое приглашение к продолжению и развитию Мюнхена. Недаром Геринг сделал на полях замечание:

«Англо-германские возможности в войне». И еще: «Россия? Что скажет Англия, если мы...»

Меморандум Спенсера дает примерное представление о существе беседы. Геринг сделал общее заявление о том, что необходимо устранить недоразумения, возникшие между Англией и Германией после 1938 года. Этой теме он посвятил немало времени, и понятно почему: каждый разговор с гитлеровскими эмиссарами английские дипломаты и политики начинали с сожаления по поводу того, что Германия нарушила дух и букву Мюнхена (имелся в виду захват Чехословакии в марте 1939 года). Один из участников переговоров м-р Роусон так и сказал Герингу:

— Захват Чехословакии без предварительной консультации с английским правительством был воспринят в Англии как полное нарушение духа Мюнхена.

Заметим: «без предварительной консультации»! А с консультацией? Геринг, разумеется, не пропустил мимо ушей этот важный нюанс в английской позиции. Тем более, Роусон сразу стал разъяснять своему знатному собеседнику намерения Англии по отношению к Советскому Союзу и к намеченным в Москве переговорам (как хорошо знал Геринг, советско-франко-английские переговоры должны были начаться 12 августа). Он стал... извиняться перед немцами:

— Наличие двухмиллионной армии в Германии делает, со стратегической точки зрения, необходимым, чтобы Англия приняла меры против возможной угрозы... Переговоры с Россией ведутся именно с этой позиции и не должны истолковываться как проявление какой-либо симпатии к русскому методу правления...

Роусон далее сказал (видимо, имея в виду Черчилля):

— Верно, что в Англии есть люди, которые выступают за политические связи с Россией. Однако они, хотя и производят достаточно шума, не пользуются большим влиянием...

Именно после такой «антисоветской увертюры» и был вручен Герингу меморандум (безусловно, согласованный с Чемберленом и Галифаксом). Это дало Герингу возможность

снова вернуться к «мюнхенской теме» и даже перейти в атаку. Он заявил:

— В Мюнхене все было хорошо. Однако, вернувшись домой, Чемберлен и Даладье не оказали Германии поддержки, которую она ожидала, а стали говорить, что Мюнхен был «вынужденным» решением...[1]

Геринг еще долго распространялся о своих личных заслугах в созыве мюнхенской конференции и наконец перешел к принципиальной стороне дела:

— В настоящее время существует постоянная угроза войны. Для меня ужасна мысль о том, что может начаться кровопролитие между двумя народами, столь близкими по расе. Еще в «Майн кампф» фюрер последовательно развивал идею взаимопонимания с Великобританией, как одного из основных принципов германской внешней политики. С его приходом к власти добрая воля по отношению к Великобритании была органической частью политики фюрера...

Исходя из этой главной посылки, Геринг перешел к «общим возможностям взаимопонимания между Великобританией и Германией». Он сказал: «...Если Великобритания будет в будущем преследовать лишь собственно британские цели, тогда имеется возможность взаимопонимания... Если две конкурирующие стороны хотят достичь согласия, то оно возможно лишь тогда, когда от него пользу получат обе стороны...»

Эти довольно туманные позиции Геринг стал объяснять так: главная сфера интересов Германии — Ближний Восток; Великая Германия нуждается в продовольствии. Поэтому необходимо разграничение сфер влияния. Что же касается колоний, то Германия в первую очередь заинтересована в тех районах, где произрастают масличные культуры. Ближний Восток Германия не собирается покорять, а лишь хочет обеспечить здесь свои экономические интересы...

Данный раздел меморандума Спенсера может вызвать некоторое недоумение. В чем дело? Почему Геринг заговорил о Ближнем Востоке? Не исключено, что автор меморандума не понял фельдмаршала и тот говорил о Восточной Европе[2]. Ведь в той же фразе об «экономических интересах» в этом районе Геринг потребовал установления здесь

---

[1] Любопытно, что на полях доклада Спенсера сохранилась рукописная пометка обиженного Чемберлена, читавшего отчет о переговорах с Герингом: «Я уверен, что в моих речах не было ничего, что оправдывало бы подобную интерпретацию...»

[2] Аналогичную неясность можно было заметить и в одном протоколе беседы Дирксена с Вильсоном, когда первый упоминал о «ближневосточных вопросах» и под ними подразумевал Польшу. См. стр. 158.

«дружественных режимов». И далее следовало заявление: «Еще существует возможность взаимопонимания с Великобританией, что включает эффективную гарантию Польше, которую он (Геринг) не рассматривает в качестве британского интереса. Такое взаимопонимание является конечной целью Гитлера». Остается лишь предположить, что эти формулировки предваряли прямое предложение Англии о «новом порядке» в Восточной Европе. Недаром Геринг вслед за этим заявил:

— Если Германия потерпит поражение в войне, то результатом будет распространение коммунизма и выгоды для Москвы...

Вот она, центральная антисоветская идея! Именно поэтому во время беседы в «Зёнке Ниссен Ког» появился план возвращения к переговорам на базе Мюнхена. А именно: созвать новое совещание Германии, Англии, Италии и Франции. Но без Польши! [1]

Итак, смысл встречи сводился со стороны немцев к открытой попытке возвращения к Мюнхену, причем на условиях прямого диктата Чемберлену. Когда Далерус 8 августа еще раз посетил Геринга (тот оставался в своем салон-вагоне), чтобы уточнить весь план, последний сказал:

— Мое личное мнение состоит в том, что идея встречи участников мюнхенского соглашения — хорошая идея...

Снова Вольтат

В какой же обстановке происходили эти закулисные маневры? **В Берлине** завершались военные приготовления к операции «Вейсс». То и дело устраивались провокации, которые должны были пробудить сочувствие мирового общественного мнения к мнимым «страданиям немецкого меньшинства» в Польше.

Кстати, было бы глубоким заблуждением предполагать, что генерал-фельдмаршал, министр авиации и главнокомандующий люфтваффе в эти решающие для судеб европейского мира месяцы занимался только переговорами с различного рода посредниками. Нет, Геринг с неменьшей активностью участвовал в подготовке войны. Тот же Томас фон Кантцов, гостивший летом и осенью 1939 года в «Каринхалле», наблюдал, как к Герингу то и дело приезжали высшие военные чины для обсуждения срочных вопросов. Он совещался

[1] Из записи неясно, было ли это предложение сделано английской стороной или Герингом.

не только с военными. Как свидетельствует его биограф Л. Мосли, на одном из совещаний с руководящими деятелями промышленности фельдмаршал требовал от них быстрейшего перехода с мирной на военную продукцию.

В Москве заканчивалась подготовка к военным переговорам с Англией и Францией. 2 августа Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило состав делегации. Советское правительство 5 августа поручило ей «подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе».

В Лондоне английской делегации на этих переговорах было поручено сосредоточить усилия не на заключении конвенции, а на выяснении военного потенциала СССР. Шел и активный обмен депешами с Варшавой и Парижем, чтобы «успокоить Польшу» и оттянуть конфликт. Одновременно проводится анализ встреч Вильсона и Спенсера. Последний представил дополнительный доклад, в котором были изложены некоторые «особые идеи Геринга». Так, рейхсмаршал, например, категорически возражал против участия Советского Союза в предполагаемой конференции европейских держав. Геринг угрожал: «Союз России с Англией закроет путь к этой конференции, и тогда Германия немедленно заключит военный блок с Японией, что поставит под угрозу дальневосточные позиции Британской империи...»

В Стокгольме Далерус развивал лихорадочную деятельность: он то и дело звонил в Берлин, выясняя реакцию Гитлера на идеи встречи в «Зёнке Ниссен Ког». Через три дня после прибытия в Стокгольм он получил от Геринга подтверждение: немецкая сторона согласна начать подготовку к новому «мюнхенскому совещанию». В свою очередь, Далерус посетил премьер-министра Ханссона, сообщив ему о возможном совещании (король Швеции Густав-Адольф должен был стать его официальным инициатором).

Критический читатель может возразить: позвольте, может быть, все это всего лишь плод честолюбивых планов Далеруса? Может быть, Геринг вовсе и не собирался зайти так далеко в задуманном англо-германском сговоре, а результаты миссии Вольтата были просто забыты?

Некоторые архивные документы говорят об обратном. Так, 14 августа м-р Эштон-Гуэткин, давно специализировавшийся на поддержании англо-германских закулисных контактов, доложил Галифаксу: только что из Берлина вернулся сын лорда Рэнсимена, м-р Лесли Рэнсимен. Ему устроили встречу с Герингом, причем посредником выступил... Вольтат!

И действительно, много лет спустя после публикации докладной записки Эштон-Гуэткина мне совершенно случайно попал в руки такой документ:

«Министр-президент генерал-фельдмаршал Геринг. Уполномоченный по четырехлетнему плану
Министериаль-директор для особых поручений
Вольтат
XXII/279

Берлин
5.8.1939
Лейпцигерштрассе, 3

...Я разрешаю себе сообщить Вам, что господин генерал-фельдмаршал готов принять мистера Р.-младшего между 12 и 14 августа. Точный срок вы можете обусловить с личной секретаршей г-на генерал-фельдмаршала фрейлейн Грундтман...

С наилучшими пожеланиями. Хайль Гитлер!
Преданный Вам Вольтат».

Сейчас неважно, кому было адресовано письмо. Важно другое: Вольтат продолжал «опекать» все контакты с представителями Лондона. Нетрудно понять, что сын лорда Рэнсимена был в Берлине желанным гостем — ведь его отец сыграл огромную роль в осуществлении мюнхенского сговора. Именно поэтому Лесли Рэнсимен получил приглашение приехать в Берлин, где ему «неожиданно» устроили встречу с Герингом. Разговор, который состоялся 12 августа между Герингом и Лесли Рэнсименом-младшим, во многом напоминает беседу в «Зёнке Ниссен Ког», ибо Геринг снова и снова апеллировал к антикоммунистическим настроениям британских тори. «Германия и Англия, — говорил он, — не только способны стать двумя великими державами в Европе, но реально ими являются. А сейчас мы гоняемся за Россией! Германия развивает торговлю и укрепляет экономические связи с ней, а Англия ищет политического и военного соглашения. Все это на руку лишь большевикам. Если бы началась англо-германская война, то реальным победителем был бы Сталин...» [1]

«В этот момент, — вспоминал Рэнсимен, — фельдмаршал откинулся в кресле и воскликнул:

— О, если бы мой английский язык был настолько хорош, то я пересек бы Ла-Манш и объяснил им все эти вещи!»

Какие? Геринг пояснил:

— Я не вижу для Англии особых преимуществ, если в Германии будет разрушен нынешний режим. Альтернативой ему может быть только большевизм, которого никто из нас не желает. Мы бы навлекли на себя действия, единственным результатом которых было бы распространение большевизма по всей Центральной и Северной Европе...

Кроме этих вполне определенных антикоммунистических деклараций, фельдмаршал сделал ряд конкретных предложений, а именно: договориться о данцигском вопросе, что

[1] Запись Рэнсимена.

«должно стать прелюдией к общему соглашению в Европе». На какой базе? Рэнсимен добавил в своей записи: «На базе предложений, сделанных м-ром Хадсоном Вольтату, которые произвели большое впечатление, по крайней мере, на окружение фельдмаршала...»

Принц Макс вступает в игру

Кому же Вольтат направил письмо, подтверждающее желание Геринга встретиться с Рэнсименом? Об этом мне довелось узнать случайно. Однако тот, кто привык заниматься поисками документов, знает, что случай играет немалую роль в этом деле. Письмо Вольтата мне показал уже знакомый нам по главе о Мюнхене Рейнхард Шпитци, бывший адъютант Риббентропа.

Правда, в 1938 году он уже покинул министра, так как не поладил с его супругой, игравшей большую роль не только в семейных, но и в политических делах. Молодой адъютант решил устроиться получше, а именно в деловом мире. Он получил несколько заманчивых предложений — концерны были не прочь заполучить себе такого «лоббиста»: член НСДАП с 1931 года, личный друг многих заправил рейха, знаток Англии, блестяще владеющий английским и французским языками, и, наконец, штурмфюрер СС! Последнее и сыграло решающую роль. По рекомендации бригадефюрера СС Веезенмайера Шпитци попал в бюро личного друга Веезенмайера м-ра Генри Манна — представителя концерна ИТТ и других американских фирм в Берлине.

Запомним эту любопытную деталь: эсэсовец — сотрудник ИТТ, американский делец — друг эсэсовского бригадефюрера! Пойдем дальше по запутанным тропинкам тайной дипломатии лета 1939 года. Именно в распоряжении Шпитци оказался документ Вольтата, адресованный не кому иному, как его сиятельству, принцу Максу-Эгону Гогенлоэ.

...В 1938 году «тайнодипломатическая» карьера принца Макса отнюдь не закончилась. Его знакомство с сэром Уолтером Рэнсименом и двумя его спутниками из Форин оффиса — отставным полковником Кристи и Фрэнком Эштон-Гуэткином высоко оценили в Берлине, и для этого были веские основания. Кристи хорошо знали, но не как «отставного полковника» из Форин оффиса, а как полковника действительной службы и начальника немецкого отдела Интеллидженс сервис. Эштон-Гуэткин возглавлял экономический отряд Форин оффиса и в этом качестве был решающей фигурой в игре «мюнхенцев» — с той и другой стороны.

Эштон-Гуэткин сыграл роль и в тайном контакте Геринга с Рэнсименом в 1939 году. Именно ему Лесли Рэнсимен поведал всю историю о том, как его пригласил приехать на уик-энд в Германию принц Макс и как принц предложил ему «заглянуть» к Герингу. Свой отчет Рэнсимен представил Эштон-Гуэткину, а тот, в свою очередь, доложил о предложениях Геринга Галифаксу и Чемберлену.

Однако принц Макс в эти бурные дни играл не только пассивную роль посредника между Герингом и Рэнсименом. О его деятельности мне помог узнать тот же Рейнхард Шпитци, располагающий архивом Гогенлоэ. О том, как они стали друзьями, — речь впереди, а сейчас нам важен 1939 год.

Вот первый документ. Это меморандум, составленный принцем Гогенлоэ на имя весьма влиятельного в рейхе человека — личного представителя министра иностранных дел при ставке, посланника Хевеля. Хевель, давний сподвижник Гитлера, имел прямой доступ к фюреру. Именно Хевелю принц Макс доложил о своих впечатлениях от поездки в Лондон 3—4 мая 1939 года.

Меморандум начинался с перечисления лиц, с которыми принц беседовал: неназванный член правительства, дипломаты сэр Роберт Ванситтарт[1] и Франк Эштон-Гуэткин, лорд Астор, герцог Кент, т. е. сливки лондонского общества. Как сообщал принц, он убеждал своих собеседников в необходимости «мирно удовлетворить естественные и жизненно важные требования Германии», касающиеся Польши; он предлагал также «воздействовать на Польшу» и задуматься о «возможности заключения пакта». В свою очередь, его английские собеседники говорили о «базисе для Европы, состоящем в длительном мире между двумя равноценными и мощными державами». Так, Ванситтарт заявил:

— В общем и целом на земном шаре есть много пунктов, где Англия и Германия могут сотрудничать в экономическом отношении, например на Дальнем Востоке; есть общие интересы и в Испании!

Вслед за этим сэр Роберт, вспомнив о Мюнхене, сказал:

— Можно было бы двинуться дальше!

Предложение более чем прозрачное! Когда же принц, доложив о нем Хевелю и Гитлеру, снова очутился в Лондоне 10—14 июня, то сформулировал свои впечатления в очередном меморандуме. Вступительный абзац гласил: «Нервозность в Англии не спала. Существует большое желание избежать войны из-за Данцига или польского вопроса. По возможности хотят избежать потери престижа. По поводу союза с Россией мнения расходятся, в успехе сомневаются. Сомне-

[1] Главный дипломатический советник министра иностранных дел Галифакса.

ваются, выгоден ли такой союз для Англии. Непривлекательно даже экономическое соглашение... Предполагается, что после выяснения русского вопроса Чемберлен сделает заявление, опровергающее тезис «окружения» и предвещающее далеко идущее взаимопонимание с Германией».

Есть все основания полагать, что английские собеседники принца излагали подлинные намерения Чемберлена. Ведь 6—8 июня состоялись первые беседы Вольтата с Вильсоном в доме того же герцога Вестминстерского, с которым встречался и принц. Под «выяснением русского вопроса» подразумевался отказ от союза с СССР. В свою очередь, эмиссары Гитлера не раз требовали от Чемберлена открыто отказаться от «политики окружения», т. е. от коллективной безопасности. Ведь не случайно с английской стороны был задан вопрос:

— Можно ли в определенный момент устроить абсолютно секретную беседу с ответственными деятелями в Германии? С этой целью человек, владеющий немецким языком, прибыл бы в Германию.

Предлагалась и программа переговоров (цитирую Гогенлоэ):

«а) Взаимоотношения политики «агрессивности и окружения».

б) Немецкое жизненное пространство.

в) Широкий экономический компромисс и сотрудничество.

г) Возврат колоний».

В ответ принц поставил такие условия для переговоров: «Признание за Германией положения великой державы, то есть невмешательство других стран в исторический район Германии. Никаких ограничений для развертывания ее естественных возможностей в мировой торговле. Никаких ограничений в ее правовых притязаниях на то, что было потеряно вследствие Версаля. Никаких мер по ущемлению или устранению того, что сегодня означает величие и мощь германского народа. Примирение с изменившимся соотношением сил в Европе и вне ее».

Внимательно взглянем на те предложения, которые были сделаны принцу Гогенлоэ 10—14 июня 1939 года английскими официальными лицами. В сокращенном изложении Гогенлоэ они выглядели точно так же, как предложения сэра Гораса Вильсона, высказанные им в июне и июле при встрече с Вольтатом: здесь и раздел сфер влияния, и уступки в колониальном вопросе, и метод тайных переговоров с руководящими деятелями гитлеровского рейха. Так мы получаем еще одно подтверждение двойной игры Чемберлена на пороге войны.

В июле Гогенлоэ снова в Лондоне. Очередной доклад поступает на этот раз на имя Геринга. В нем принц дословно

повторил то, что уже докладывал Хевелю: о готовности определенных лиц в Англии к «генеральному соглашению». После этого принц добавлял:

«Все же (в Англии. — **Л. Б.**) выражают надежду, что в конце концов Германия и Польша найдут мирное решение, после чего наступит существенная разрядка общего положения и создастся возможность для Германии и Англии в течение осени начать разработку конструктивного плана широкого масштаба, особенно в экономической и торгово-политической области...»

Опять полная «парафраза» идей Вильсона!

Казалось, что сговор вот-вот будет достигнут. И уже не Вольтат, а его хозяин Герман Геринг вступил в игру, изъявив желание... самому полететь в Лондон. Невероятно? Но это был реальный план, который был разработан весьма подробно. Так, английский посол в Берлине сэр Невиль Гендерсон докладывал в Лондон 21 августа 1939 года: «Приняты все приготовления для того, чтобы Геринг под покровом тайны прибыл в среду 23-го. Замысел состоит в том, чтобы он совершил посадку на каком-либо пустынном аэродроме, был встречен и на автомашине отправился в Чекерс. В это время прислуга будет отпущена, а телефоны отсоединены. Все идет к тому, что произойдет драматическое событие, и мы ждем лишь подтверждения с немецкой стороны».

Телеграмма снова наводит на сравнение с детективом, но сэр Невиль был далек от этого жанра. В те дни шла напряженная работа «умиротворителей» всех рангов с обеих сторон, дабы свести Англию и Германию в один антисоветский блок. И речь шла не только о Геринге. Несколько дней — с 10 по 15 августа 1939 года — прошли в Берлине под знаком энергичных усилий заполучить Англию на свою сторону. Так, 11 августа Гитлер принял бывшего комиссара Лиги наций в Данциге, швейцарского дипломата Карла Буркхардта. Буркхардт уже не раз выполнял закулисные миссии, и на этот раз в Лондоне с нетерпением ожидали результатов встречи. К нему после визита сразу поспешили представители Форин оффиса. Они составили секретный отчет, состоявший из двух частей: в первой содержались общие высказывания Гитлера о том, что «ему нужно пространство на Востоке» и что он ничего не хочет иметь от Запада, кроме «свободы рук на Востоке». Вторая же часть предназначалась только для Чемберлена и не была сообщена в Париж. Тут были зафиксированы такие слова фюрера: «Я хочу жить в мире с Англией и заключить с ней пакт, чтобы гарантировать неприкосновенность всех английских владений и сотрудничать с ней». Более того: Гитлер высказал пожелание встретиться с глазу на глаз, без переводчика, с одним из видных английских деятелей, говоривших по-немецки.

Лишь после войны выяснилось, что в докладе Буркхардта была еще одна, третья часть. В ней заключалось знаменитое признание Гитлера, адресованное Чемберлену: «Все, что я делаю, направлено против России. Если Запад так глуп и слеп, что не может этого понять, я буду вынужден договориться с русскими. Затем я ударю по Западу и после его поражения объединенными силами обращусь против Советского Союза. Мне нужна Украина» [1].

Иными словами: Гитлер «открытым текстом» сообщал в Лондон всю подноготную своих действий, включая прямой намек на то, что он собирается предложить Советскому Союзу пакт о ненападении.

Конец миссии

...Сидя в удобном кресле, Гельмут Вольтат довольно скупо отвечал на мои вопросы. Нет, об этом он не помнит. Ах, это действительно было так, но всех обстоятельств встречи он уже не сохранил в памяти. Ведь прошло столько времени! В конце войны его послали в Токио с очередной военно-экономической миссией, там он оставался до начала 50-х годов, после чего стал одним из членов дирекции концерна «Хенкель». Мемуары? Нет, это не его дело...

Я не собирался уличать г-на отставного тайного советника. И без него я узнал многое, о чем он умолчал в долгой беседе на дюссельдорфской вилле. Весь комплекс закулисных интриг, в которых Вольтат играл немалую роль, уже вырисовывался и без его помощи.

Но мы должны довести до конца рассказ о его миссии.

21 июля тайный советник Вольтат вернулся в Берлин после окончания доверительных переговоров в Лондоне. Но тут начались непредвиденные события. Их причина была совершенно ясна: в Лондоне, кроме завзятых «мюнхенцев» типа Вильсона и Чемберлена, были трезво мыслящие люди, понимавшие всю опасность сговора с Гитлером. Именно они и предали гласности закулисные переговоры Вольтата.

Как им удалось узнать о них? По одной версии, о переговорах узнало французское посольство и, обозленное односторонними действиями английских «умиротворителей», передало эти сведения в прессу. Эта версия вполне реальна, поскольку уже 22 июля французский посол Корбен сделал

---

[1] Эти слова Буркхардт предал гласности в своих мемуарах, изданных в 1960 году.

представление главе Форин оффиса Галифаксу по поводу миссии Вольтата. Была и другая версия — о ней мне говорил Хессе. Он в те дни узнал, что Хадсон хотел поговорить о своих «успехах» с Чемберленом, но, будучи навеселе, спутал номер и позвонил не премьеру, а главному редактору «Дейли экспресс». Тот, являясь противником Чемберлена, воспользовался этими сведениями и не посчитал нужным молчать о них. Вольтат, в свою очередь, полагал, что источником был тот же Хадсон, который слишком громко (и опять-таки в подпитии) распространялся в обществе о своих беседах с Вольтатом, и это услышал какой-то журналист...

Так или иначе, 22 и 23 июля вся лондонская печать шумела о Вольтате. Газеты, хотя и не располагали точными сведениями о содержании переговоров, требовали: «Не допустить второго Мюнхена!» В палате общин и в печати Хадсон, Чемберлен, Галифакс и другие клялись, что слухи неверны, что сообщения вымышлены, что Хадсон ничего не обещал Вольтату. Друзья Чемберлена сваливали всю вину на «коварных немцев», нацистская пресса кричала о «коварном Альбионе». Однако никому из них не удалось доказать свое алиби.

В этих условиях было очень трудно спасти план Вильсона. Я спросил Хессе:

— Знали ли вы, что у Вольтата были специальные полномочия?

— Знал и по мере возможности помогал. Так, во время встреч с сэром Горасом я давал ему понять, насколько сложно положение Вольтата в его «неофициальной миссии». От Дирксена я знал, что переговоры шли успешно и была достигнута договоренность по ряду вопросов, в частности о колониях и кредитах. Но здесь произошли досадные события — зашумела английская пресса, скандал был огромный...

Именно после этого скандала Джордж Стюарт, через которого поддерживался контакт с Вильсоном, позвонил Хессе и сообщил, что сэр Горас хочет его видеть. Как дисциплинированный дипломат Хессе решил посоветоваться с послом. Дирксен заметил:

— У нас, собственно говоря, нет к нему дел...

Тем не менее, встреча состоялась. На этот раз не в кабинете сэра Гораса, а в его квартире в Вест-Кенсингтоне. Разговор начался с сообщения сэра Гораса о том, что Чемберлен крайне раздражен неудачей и тем, что все просочилось в печать, чему «виной один из членов кабинета» [1]. В этих условиях Чемберлен не может пойти на продолжение контактов, ибо это будет истолковано как проявление слабости со стороны Англии. Тем не менее, сэр Горас сказал, что

---

[1] Видимо, имелся в виду Р. Хадсон.

Вильсона интересует: считает ли Хессе еще возможным достижение договоренности между Германией и Англией?

Хессе осторожно ответил:

— Я не могу сам этого сказать. Но если вы спросите, нужно ли продолжать переговоры, начатые Вольтатом, то я скажу «да».

Хессе категорически утверждает, что после этого Вильсон повторил ему модифицированный вариант своего плана. Он включал шесть пунктов:

— пакт о ненападении сроком на 25 лет;

— заявление о «постепенном» возвращении колоний. Вильсон повторил предложение об англо-германо-французском колониальном кондоминиуме (правда, Хадсон говорил лишь «англо-германский», а Вильсон добавил «французский», понимая опасность действий против Парижа);

— принятие Германии в Оттавское таможенное соглашение Британского содружества;

— соглашение о разграничении сфер влияния в форме заявления, что Англия «готова признать специфическую зону интересов Германии на континенте, поскольку это не будет приводить к ущемлению английских интересов»;

— «открытие лондонского финансового рынка» для Германии, т. е. предоставление английского займа Германии в размере до 1,5 млн марок;

— наконец, Гитлер «должен дать обязательство не предпринимать в Европе акций, которые бы привели к войне, за исключением тех, на которые он получит согласие Англии».

Как говорил мне Хессе, он не поверил своим ушам. Такого развернутого предложения от Лондона еще не поступало. Хессе доложил об этом Дирксену и немедленно попросил Риббентропа вызвать его для личного доклада. Через 48 часов прибыл специальный самолет, который доставил Хессе в резиденцию министра — австрийский замок Фушль.

Но... Геринг не прилетел в Лондон, Вольтат прекратил свои интриги, Гогенлоэ не дождался сигналов из Лондона, а Хессе получил указание от своих начальников полететь в Лондон и передать сэру Горасу Вильсону отрицательный ответ на английские предложения. Это он и выполнил 20 августа.

Что же случилось? Этот вопрос я поставил Фрицу Хессе во время нашей второй встречи, состоявшейся в 1979 году в одном из мюнхенских домов для престарелых. Здесь он коротал часы за продолжением мемуаров и в отчаянной полемике с некоторыми западногерманскими историками, которым весьма неудобны разоблачения отставного дипломата.

— Почему не удалось достигнуть соглашения? — повторил Хессе мой вопрос и отложил в сторону гранки своей будущей книги. — Видите ли, надо было знать обоих контрагентов в этом предприятии. Чемберлен и Вильсон были готовы

на многое, однако Гитлер решил, что может получить гораздо больше. Он не хотел делить с Англией трофеев в той войне, которую собирался быстро выиграть. Посудите сами: Вильсон предложил ему разделить сферы влияния, но признание Великобританией германских интересов в Восточной Европе казалось фюреру лишь жалкой подачкой...

На тот же вопрос другой участник закулисных контактов тех месяцев генерал фон Шверин ответил:

— Сговориться было трудно, ибо каждый хотел соглашения на своих условиях. Гитлеру нужна была полная свобода рук в Европе...

А Вольтат?

— По моему ощущению, Гитлер не понял тех возможностей, которые перед ним открывались. Он хотел войны...

Но это — всего лишь субъективные суждения людей, которые были втянуты в круг политических интриг тех давних лет. Были и более глубокие причины неудачи этих интриг, которые затрагивали не только личные свойства политических деятелей, но и коренные интересы государств, вступавших в мировой конфликт. Об этом мы еще будем иметь случай порассуждать, однако сейчас скажем: конечно, ничего другого так не хотелось Гитлеру (да и Чемберлену), как совместными силами покончить с коммунизмом и воцариться в мире, превращенном в некий симбиоз Британской империи и третьего рейха. Но тут-то и начинался (точнее — продолжался) извечный конфликт двух империалистических хищников. С острым столкновением промышленных групп на мировых рынках ничего не могли поделать самые искусные специалисты по закулисным интригам типа Вольтата и Вильсона, Гогенлоэ и Хессе.

...Гельмут Вольтат поднялся из глубокого кресла, любезно со мной попрощался и не менее любезно проводил до ворот. Когда я отъехал от виллы, он даже помахал мне рукой — как некий вежливый призрак прошлого, которое еще до сих пор дает о себе знать.

Глава пятая

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ВТОРЖЕНИЕ

Находка в Потсдаме

В первые мирные месяцы 1945 года штаб 1-го Белорусского фронта осваивал новые задачи. Ему оставались чисто войсковые заботы: уже была создана Советская военная администрация в Германии (СВАГ), которой поручалось решение сложных оккупационных проблем, в том числе согласование всех политических вопросов с американскими, английскими и французскими союзниками. Военные вопросы оставались за штабом фронта, который вскоре получил наименование штаба Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ). Как известно, и Группу и СВАГ возглавил Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Принято говорить: «Как сейчас помню». И действительно, я «как сейчас помню» первые недели и месяцы мира, проведенные в берлинском пригороде Венденшлосс. Мы, офицеры штаба маршала Жукова, были от всего сердца благодарны квартирмейстерам за то, что они нашли такое чудесное место: лес, тишина, удобные виллы, свежесть близлежащих озер, удобный путь к центру города. После лишений войны можно было создать наконец нормальные условия для работы. Отделы штаба расположились в домах, некогда принадлежавших берлинским богачам. В них сохранилась прекрасная обстановка, которую мы старались по мере возможности приспособить к потребностям штабной работы. Признаюсь, я не запомнил лишь одного: названия улицы, на которой жил и работал. Зато много лет спустя мне было достаточно доехать до Венденшлосса, а дальше, не спрашивая адреса, я дошел до той самой улицы и того самого дома...

И вот еще одно «как сейчас помню». В один из июньских дней в наш штаб поступило донесение из армии, расположенной в городе Потсдаме. Оно гласило, что при осмотре находящегося на окраине города здания Имперского военного архива обнаружены следы свежего замурования. Солдаты разобрали стену и нашли тайное хранилище, в котором стояли обитые по углам железом деревянные ящики — очевидно,

с документами. Нетрудно догадаться, что был отдан приказ немедленно доставить находку в штаб группы.

Что же оказалось в ящиках? Тесно уложенные папки с документами и картами. Не без волнения мы извлекли их и стали перелистывать — вдруг это документы, относящиеся к послевоенным планам нацизма и вермахта? Нет, дата была другая: 1940 год. А на первой из развернутых карт была изображена не Германия, а побережье Ла-Манша. На картах и документах стояли штампы «Совершенно секретно», «Документы командования», а в заголовках приказов повторялось слово «Зеелёве» («Морской лев»). Именно так был закодирован план вторжения вермахта в Англию. Сомнений не оставалось: в наши руки попали документы, относящиеся к этой неосуществленной операции. Так и было доложено начальнику штаба группы генерал-полковнику Михаилу Сергеевичу Малинину, который решил: заниматься разбором ящиков — не наше дело, это должны сделать военные и военно-морские историки. Поэтому, не распечатывая все ящики, их следует отправить в Москву. Сказано — сделано, хотя мне (тогда еще не специализировавшемуся на истории войны), откровенно говоря, очень хотелось полистать дела «Зеелёве».

В настоящее время мы располагаем довольно обширными сведениями об этой неосуществленной операции гитлеровского вермахта. Вокруг нее часто скрещиваются «дискуссионные клинки» историков и политиков, ибо вопрос о причинах отказа Германии от вторжения в Англию меньше всего может считаться узковоенным. Это — политика, причем политика большая.

Что они думали об Англии

Какое место занимала Англия в планах и концепциях германского империализма? Ответ на этот «вечный вопрос» пытался найти и Адольф Гитлер — политический самоучка, который, однако, усвоил взгляды, господствовавшие в определенных кругах тогдашней Германии.

Марбургский историк Иозеф Хенке подразделяет гитлеровские концепции, касающиеся Англии, на несколько периодов:

Двадцатые годы — время написания «Майн кампф». В этот период Гитлер — ничтоже сумняшеся! — позволил себе критику кайзеровской политики военного конфликта с всемогущей Британской империей. Германия, объявлял он, должна осуществить свою континентальную программу «дранг нах Остен» в союзе с Англией. Во имя антибольшевистского похода Гитлер был великодушно готов даже от-

казаться от колониальных претензий. Зато он ожидал большие выгоды от совместных действий с Англией на континенте, например против Франции. Хотя в имперском масштабе Англия и не потерпит «мировой державы Германии», но пока это не страшно...

В то время Гитлер подчеркивал «расовую близость» двух народов и восхищался умением Англии владычествовать над другими странами, ее армией. Поэтому он был уверен, что даже в том случае, если Германии придется бороться за мировое господство, она сможет вести эту борьбу против США, но вместе с Англией.

Тридцатые годы. После прихода к власти Гитлер попытался воплотить в жизнь свою концепцию союза с Англией. Свидетельство тому — англо-германское военно-морское соглашение 1935 года, назначение в 1936 году послом в Лондоне Риббентропа, от которого требовалось «привезти союз с Англией». У Гитлера зрела надежда, что Германия сможет получить от Англии «свободу рук на Востоке».

Именно в этот момент в Англии пришел к власти Чемберлен — прямой уполномоченный тех английских промышленных кругов, которые готовы были идти на сговор и на совместный раздел сфер влияния. Казалось бы, в таких условиях как раз и состояться соглашению. Но — вот парадокс! — как раз к 1937 году Хенке относит изменение гитлеровской концепции, которая постепенно от формулы «вместе с Англией» перешла к формуле «без Англии» и, наконец, «против Англии»...

Парадокса, однако, не было. Скорее наоборот. Определенная логика диктовала подобное изменение, хотя ее бессмысленно искать в высказываниях фюрера или его министра иностранных дел. Это была неумолимая логика империалистических взаимоотношений в сфере экономики и политики, перед которой были бессильны все благие пожелания. По мере того как германские монополии набирали силу и выдвигались на мировых рынках как прямой конкурент английских, усложнялись и политические отношения обеих стран. И если в 20-е годы нефтяные магнаты типа сэра Генри Детердинга прямо финансировали гитлеровскую партию, поощряя ее приход к власти, то теперь те же магнаты с озабоченностью следили за действиями Германии на многих рынках (например, в Румынии), где Англия всегда чувствовала себя полным господином.

Вспомним меморандумы виднейших деятелей немецкого делового мира Рехберга и Крауха, о которых мы говорили в предыдущих главах. Они свидетельствовали, что в Германии стала господствовать точка зрения, соответствовавшая формуле «против Англии». Если же Гитлер полагал, что после его военных успехов в европейском конфликте английские

правители предпочтут вступить в соглашение с третьим рейхом, это в принципе не противоречило его новому, резко антианглийскому курсу (благо, что под покровом антианглийских речей совершались акции, нацеленные на возможность этого соглашения).

В этот период Гитлер начинает совсем по-иному говорить о той самой Британской империи, которой некогда восхищался: «Англия — это противник, исполненный ненависти»; «Наши враги — на Западе»; «Мы не потерпим, чтобы некоторые западные государства вмешивались в наши дела»; «Англии нечего искать в нашем жизненном пространстве»; «Если Англия хочет иметь войну, то она ее получит».

Последние слова были сказаны 19 апреля 1939 года в беседе с министром иностранных дел Румынии Грегоре Гафенку и предназначались для передачи Чемберлену и Галифаксу. А 23 мая в речи перед генералитетом фюрер прямо говорил, что военный конфликт с Англией вполне возможен. Единственно, чего хотели избежать Гитлер и его генералы, — это одновременного конфликта на Западе и Востоке. Лишь после разгрома противника на Востоке, говорил Гитлер, «начнется борьба с Францией и Англией. До этого же надо разгромить Польшу...»

Что же, капитулянтская линия Чемберлена и Даладье дала возможность Гитлеру осуществить этот план. Англия и Франция не только не пришли на помощь Польше, но фактически пощадили Германию, хотя могли нанести ей огромный ущерб. Началась «странная война». Как вспоминал Черчилль, «французское правительство просило нас воздерживаться от воздушных атак на Германию, утверждая, что они вызвали бы ответные атаки... Мы удовлетворились сбрасыванием листовок». Когда же к английскому министру авиации Кингсли Вуду пришел влиятельный депутат Эмери и предложил бомбить немецкие объекты в Шварцвальде, тот возмущенно ответил:

— Что вы, это невозможно! Это же частная собственность. Вы еще попросите меня бомбить Рур!

И как во времена Мюнхена деятельность «миротворцев» лишь ободрила Гитлера, так и «странная война» заставила его задуматься: а не пришел ли момент для разгрома Англии?

Первые планы

Когда западногерманский историк Карл Клее утверждает, что вторжение в Англию «не играло роли» в планах высшего немецкого командования перед второй мировой войной, то,

на наш взгляд, — это большое преувеличение. У германского генерального штаба были планы и разработки на все случаи жизни. Уже в «Указаниях на единую подготовку к войне» военного министра Бломберга от 24 июня 1937 года есть слова о том, что Англия может быть в числе противников Германии. На этот случай всем трем видам вооруженных сил предписывалось «представить дополнительные соображения». Эти соображения, как можно видеть из последующих дискуссий в германской военной верхушке, сводились к тому, что вторжение само по себе представлялось ненужным, ибо блокада и воздушные атаки могут заставить Англию капитулировать. Важным этапом подготовки стал приказ главного штаба ВВС от 18 февраля 1938 года, согласно которому 2-му воздушному флоту предписывалось начать разработку действий против Англии, включающих бомбежку порта и военных объектов Лондона, а также авиабаз в Норфолке, Суффолке и Суссексе. Осенью 1938 года этот приказ был расширен: предстояло разработать действия против английского флота в районах Кингстон и Лондон. Однако обсуждение этих обширных предварительных наметок и оценок привело в мае 1939 года главный штаб ВВС к выводу, что одной авиацией Англию нельзя будет принудить к капитуляции. Видимо, это и заставило вступить в действие командование немецкого военно-морского флота. В ноябре 1939 года оно разработало «Предварительные соображения о возможностях высадки на побережье Британских островов».

Генералы и адмиралы торопились. Ведь уже на 12-й день второй мировой войны Гитлер предупредил своих ближайших сообщников, что планирует войну на Западе. 29 ноября 1939 года в «директиве № 9» он указывал, что очень важно парализовать английскую экономику. Таким образом, предложения гросс-адмирала Редера становились органической частью общего военно-политического планирования, в котором явно обозначался новый этап: планирование высадки в Англии. Он открылся памятной запиской начальника штаба оперативного руководства ОКВ Йодля от 30 июня 1940 года, озаглавленной «Дальнейшее ведение войны против Англии». Йодль, хорошо знавший ход мыслей Гитлера и соображения военного руководства, считал, что пришло время решить, какой метод необходимо выбрать в борьбе против Англии. Он видел два пути:

а) развертывание борьбы против английской метрополии;

б) расширение войны на периферии.

Первый вариант означал, по мнению Йодля, необходимость не только блокады и бомбежек, но и высадки десанта, который нанесет Англии последний, «смертельный удар». Йодль предлагал немедленно начать подготовку вторжения, для которого, по его мнению, было необходимо 30 дивизий.

Напомню: шел июнь 1940 года. Завершилась французская кампания, выведшая вермахт на берега Ла-Манша. Итак, оставалось лишь пересечь его и оказаться в Лондоне?

Спор о Дюнкерке

Маленький городок и порт Дюнкерк на берегу Ла-Манша вошел в историю второй мировой войны. Сюда, к Дюнкерку, в 20-х числах мая 1940 года была оттеснена значительная группа англо-бельгийско-французских войск, практически отрезанная от основных сил. Это были 1-я французская армия, остатки 9-й и 2-й французских армий, вся британская экспедиционная армия и бельгийская армия. Все складывалось так, что после небольшой паузы немецкие танковые корпуса смогут повернуть на восток и добить окруженные три союзнические армии. Наступление было назначено на 24 мая, однако оно не состоялось. Танки двинулись лишь 27 мая, и именно эти три дня шла эвакуация английских, бельгийских и французских войск из Дюнкерка. В то время и родилось выражение: «Чудо под Дюнкерком».

Как же объяснить это, безусловно, важное событие? Распространенная версия состояла в том, что решение остановить танки принадлежало фюреру и только ему одному, так как «недоучка Гитлер» не слушал своих генералов. Другое объяснение: Гитлер хотел создать благоприятный климат для вступления в мирные переговоры с Англией, о чем прямо говорил своим генералам. Автор книги в свое время склонен был придавать большое значение подобным заявлениям и приводил слова, сказанные однажды Гитлером Борману:

— Мы действительно не захотели уничтожить их (англичан. — **Л. Б.**) в Дюнкерке. Следовало заставить их понять, что согласие с германской гегемонией... имело бы для них самые благоприятные последствия.

Однако многие мои коллеги, в том числе такой знаток второй мировой войны, как В. И. Дашичев, бросили мне и другим историкам, подчеркивавшим внешнеполитический аспект решения, упрек в смещении приоритетов, ссылаясь на ряд документов, отображающих события в ином духе. Что же, обратимся к документам.

Но сначала об общей обстановке, сложившейся в ходе операций немецких войск против Франции и ее союзников. Миновало десять дней боев, принесших тяжелые поражения оборонявшимся. Голландия и Бельгия были фактически оккупированы, французские армии отступали. Линия Мажино, на которую возлагались все надежды, оказалась обойденной. Основной успех выпал на долю группы армий «А» гене-

рала фон Рундштедта, танковые авангарды которой (ими командовал фон Клейст) прорвались вплоть до города Арраса. Отсюда до Ла-Манша было «рукой подать». Англичане оказались отрезанными в Дюнкерке.

Что же следовало предпринять? Повернуть на восток и завершить ликвидацию дюнкеркской группы или продолжать движение на запад, на Париж? Пока этой проблемой занимались высшие штабы, Рундштедт и Клейст сами решили 22 мая остановиться, закрепиться на позициях и пополнить потери в танках.

Именно в этой ситуации и появился приказ главного командования сухопутных сил (ОКХ) от 23 мая, т. е. приказ фельдмаршала Браухича. Он гласил, что часть войск группы Рундштедта должна повернуть фронт наступления моторизованных соединений; они, а за ними пехота должны двинуться в северо-восточном направлении. Для этого все войска в районе переподчинялись группе армий «Б» (фон Бок). Однако 24 мая в Шарлевиль (штаб фон Рундштедта) прибыли Гитлер и Йодль. Рундштедт поведал им свои сомнения по поводу решения Браухича. Браухич хотел ударить танками и прижать англичан к фронту немецких пехотных дивизий, Рундштедт, наоборот, предлагал двинуть с востока пехотные дивизии фон Бока и прижать окруженную группировку к танковым соединениям, уже стоявшим два дня под Аррасом. Гитлер согласился с ним, отдав так называемый «стоп-приказ».

Хотел ли в тот момент Гитлер «пощадить» англичан? «Директива № 13», подписанная им в тот же день, 24 мая, гласит: «Ближайшей задачей наших операций является уничтожение концентрическим ударом северного крыла окружения в Артуа франко-англо-бельгийских войск, а также выход на побережье Ла-Манша и закрепление на нем в указанном раньше районе...» Вслед за ударами авиации «должны как можно быстрее вступить в действие сухопутные войска и уничтожить расположенные во Франции силы противника». И, наконец, приказом ОКХ от 25 мая Рундштедту разрешалось «продолжать наступление до рубежа Дюнкерк, Эстер, Армантьер, Ипр, Остенде».

Итак, Гитлер не хотел щадить английскую группировку. Но дело в том, что хотя приказ о ее ликвидации был отдан, он ни к чему не привел. Танки не двинулись, причем не из-за «стоп-приказа» Гитлера. Рундштедт во второй половине дня 25 мая заявил о том, что **«танки должны сначала отдохнуть, чтобы подготовиться к задачам на юге»**.

В. И. Дашичев справедливо усматривает здесь ключ ко всей проблеме. 24 мая главная стратегическая задача кампании еще не была решена. Рундштедту предстояло двинуться из Арраса на Париж. Это следовало сделать для того, что-

бы сокрушить Францию и устранить для Германии угрозу второго фронта при дальнейших ее действиях — нападении на Советский Союз. Для этого Гитлеру, Йодлю и Рундштедту нужны были танки, танки и еще раз танки. А остановившаяся у Арраса танковая группа Клейста, пройдя 600 километров, потеряла в боях половину боевой техники. Другие танковые дивизии были разбросаны по фронту. На этот раз немецкое командование не хотело повторить печальный опыт боев на Марне в 1914 году, когда у кайзеровских генералов не хватило выдержки и сил для решающего удара.

Впрочем, чтобы оставаться объективным, я решил привлечь одного свидетеля. Им является генерал фон Бок, точнее, его дневник. Вот наиболее важные выдержки из него: [1]

21 мая. «Пришло сообщение, что сильные части моторизованных корпусов группы «А» достигли Абвиля и Арраса и, зайдя противнику глубоко в тыл, поворачивают на север... Посылаю телеграмму в ОКХ: «Сопротивление противника усиливается... Предполагаю ударить сильным флангом вдоль побережья... Предпосылка — удар сильной группы в северном направлении».

Далее Бок записывает, что ОКХ отказывает ему в помощи (известная нам пауза у Арраса). Бок возмущен и собирается действовать один. Более того, он считает, что Рундштедт у Арраса слишком испугался противника.

22 мая. Бок называет «паузу» у Арраса «постыдной комедией» и требует объединения всех сил под его, Бока, руководством. Тогда, мол, все будет «детской игрой».

23 мая. Бок с удивлением узнает, что части у Валаннсьена «переходят к обороне».

24 мая. Бок рад тому, что наконец все силы вокруг фронта окружения отданы под его командование. Приезжает Браухич, и они договариваются, что танковые соединения, зашедшие в тыл англичан, «должны продолжить наступление». Попутно Бок высказывает недовольство тем, что в дальнейшем ходе кампании ему отводят второстепенный участок. Но вот «в штаб 4-й армии приходит приказ фюрера об остановке танковых соединений. Их хотят пощадить для будущих операций».

25 мая. Войска фон Бока не могут преодолеть сопротивление противника. Бок последними словами ругает командующего 6-й армией Рейхенау.

26 мая. Бок докладывает Браухичу, что его части истощены. Браухич отвечает: «К сожалению, сегодня танковые сое-

---

[1] Дневник Бока до сих пор публиковался частично. Эти фрагменты публикуются впервые.

динения задержаны». «Я отвечаю на это, — записывает Бок, — что считаю абсолютно необходимым взятие Дюнкерка. Иначе может случиться так, что англичане начнут эвакуироваться под носом у нас, к чему они и стремятся». Браухич обещает получить согласие на действия танков.

«Вечером, — пишет Бок, — приходит новый приказ. Танки наконец могут снова наступать... Но они не должны брать Дюнкерк, а лишь отрезать его». «Тяжелая ошибка», — сокрушается он.

27 мая. «Наступление идет!» — записывает Бок. Докладывают о капитуляции Бельгии. Бок боится, что это помешает ему разделаться с «котлом».

28 мая. «Французы и англичане в котлах у Лилля и Дюнкерка дерутся отчаянно. Давление нашего танкового корпуса с запада слабое, он не может преодолеть сопротивления». Далее Бок пишет, что авиация не может помешать эвакуации из Дюнкерка.

29 мая. Бок едет в Шарлевиль на совещание к Браухичу. «В Шарлевиле из одного замечания Рундштедта мне становится ясным, почему танки не были более активны под Дюнкерком. Рундштедт сказал: «Я был озабочен тем, что на слабые части Клейста обрушатся отходящие англичане». Бок считает эти опасения преувеличенными: «Я мог бы их рассеять и тогда англичане не успели бы эвакуироваться».

30 мая. «У Дюнкерка англичане эвакуируются, даже с открытого побережья. Когда мы придем, их там уже не будет. Задержка танков верховным командованием оборачивается тяжелой ошибкой. Мы атакуем. Ожесточенные бои, англичане упорны, мои дивизии истощены».

1 июня. «У Дюнкерка противник прекращает сопротивление... Битва окончена... Фюрер приезжает в Брюссель... Я докладываю обстановку и развитие событий под Дюнкерком. Фюрер благодарит нас и излагает свои мысли об общей ситуации и о новой операции... Он озабочен Парижем, где опасается французских контратак».

Таковы записи Бока. Если отбросить его раздраженные выпады в адрес генералов-соседей, то складывается определенная картина: едва ли окруженную группировку «щадили», однако ее ликвидация была затруднена общей военной обстановкой. Прав английский историк Дэвид Ирвинг, когда пишет, что «дюнкеркское решение было результатом целого ряда военных и психологических факторов». Он приводит по меньшей мере три из них. Во-первых, ОКВ и ОКХ вообще не предполагали, что англичане начнут эвакуацию. Хотя это решение было принято в Лондоне еще 19 мая, немецкая разведка пришла к такому выводу лишь 26 мая. До этого считалось, что английский экспедиционный корпус будет драть-

ся до последнего солдата (как утверждал Гитлер, «если англичане придут на континент, то их уже не выгонишь»).

Во-вторых, Гитлер не имел особых оснований беспокоиться о том, что Дюнкерк не удастся быстро взять без танков. 23 мая ему позвонил Геринг и заявил, что берет «расправу» на себя, т. е. на авиацию. Он специально просил не пускать в ход танки Клейста, дабы бомбардировщики могли «уничтожить англичан на берегу». Наконец, нашелся еще один претендент на роль палача англичан: командир дивизии СС «Адольф Гитлер» Зепп Дитрих, любимец фюрера. Гитлер считал необходимым подтянуть дивизию Дитриха, но это требовало времени.

Все эти факторы облегчили Гитлеру задачу подтвердить приказ Рундштедта. Ведь его знаменитый «стоп-приказ» был всего-навсего подтверждением приказа командующего группой армий «А». И мы в очередной раз можем убедиться в ложности легенды о «ефрейторе», который якобы не слушал генералов!

Что же касается политических мотивов, то здесь вполне возможен некоторый сдвиг во времени. Гитлер действительно говорил Рундштедту, Зоденштерну и Блюментритту о политике Англии и своем отношении к ней. Но речь об этом была не в дни «стоп-приказа», а позднее — 29 мая. Тогда фюрер сказал, что ожидает «выхода Англии» из войны и заключения «пристойного мира». В таком случае у него, дескать, будут свободны руки для его «великой и главной задачи — конфликта с большевизмом».

Но вот загвоздка: когда я поделился своими сомнениями с участником боев генералом фон Шверином (он командовал дивизией «Великая Германия» под Дюнкерком), то он совершенно убежденно сказал:

— Дюнкерк? Не может быть двух мнений: это было политическое решение Гитлера...

Очевидно, решение «загадки» возможно лишь в том случае, если отказаться от крайних точек зрения. Первоначальной и главной причиной «стоп-приказа» была военная ситуация. Однако именно этой ситуацией воспользовался Гитлер для своих политических соображений. Последние же толкали его к продолжению «двойной стратегии» — оказывать на Англию военное давление, но не закрывать ей дверь к компромиссу с Германией. Гитлер, кстати говоря, никогда не противопоставлял эти линии. Именно устрашающей мощью вермахта он хотел заставить Англию прекратить войну и наконец принять его условия совместного господства в мире. Но только на условиях Гитлера!

Однако Англия этого не приняла. Тогда решено было перейти к «последнему средству» — именно так генерал Йодль назвал вторжение на Британские острова.

Как готовилась операция

В июле 1940 года планирование высадки в Англию вступило в стадию конкретных штабных разработок. 2 июля ОКВ отдало приказ штабам сухопутных сил и военно-морского флота представить свои соображения. ОКХ предложило организовать десант по маршруту Остенде — Гавр. Флот наметил другие, более выгодные маршруты. Первые варианты были доложены 11 июля Гитлеру; тот обратил особое внимание на необходимость обеспечить полное господство в воздухе. 13 июля Гальдер снова докладывал Гитлеру о положении дел, и тот приказал начать немедленную подготовку войск. Генерал Йодль предложил кодовое наименование «Лёве» (видимо, имея в виду знаменитых львов на британском гербе). Впоследствии решили остановиться на коде «Зеелёве» («Морской лев»). 16 июля 1940 года была издана директива № 16, носившая подзаголовок «О подготовке операции по высадке войск против Англии».

Есть одна причина, по которой мне хотелось бы подробно проследить за всей серией документов «Зеелёве». После войны возникла версия, будто вообще вся эта операция была скорее «психологической» и Гитлер, мол, никогда не собирался высаживаться в Англии. Эту версию впервые пустили в ход Геринг и Кейтель во время Нюрнбергского процесса. Ее активно поддержали на страницах своих мемуаров и генералы вермахта, побывавшие в английском плену (Рундштедт, Зоденштерн). Бытовала она и на страницах западных исторических исследований. Однако когда стали известны многие документы, сторонники этой версии приутихли.

Директива № 16 излагала общие принципы, цели и методы операции. Вот ее преамбула:

«Поскольку Англия, несмотря на свое бесперспективное военное положение, все еще не проявляет никаких признаков готовности к взаимопониманию, я решил подготовить и, если нужно, осуществить десантную операцию против нее. Цель этой операции — устранить английскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если это потребуется, полностью захватить ее.

С этой целью приказываю следующее:

1. Высадка должна произойти в форме внезапной переправы на широком фронте примерно от Рамсгейта до района западнее острова Уайт, причем частям авиации предназначается роль артиллерии, а частям военно-морского флота — роль саперов. Вопрос о том, целесообразно ли до общей переправы предпринять частные операции, скажем, по захвату острова Уайт или графства Корнуэлл, следует изучить

с точки зрения каждого вида вооруженных сил и о результатах доложить мне. Решение оставляю за собой...

...Операция носит кодовое наименование «Зеелёве».

Каким же образом сухопутные силы, флот и ВВС решили выполнить эту задачу?

Сухопутные силы. Главнокомандующий сухопутными силами решил образовать три группы наступления:

— группа «Кале» — 16-я армия — должна была высадиться в районе Маргэйт — Гастингс;

— группа «Гавр» — 9-я армия — должна была высадиться между Брайтоном и Портсмутом;

— группа «Шербург» — 6-я армия — должна была высадиться в районе Веймут.

Наиболее мощная группа «Кале» формировалась из 6 корпусов (13 дивизий, в том числе 3 танковые и одна моторизованная). Группа «Гавр» включала 3 корпуса (9 дивизий, из них 3 танковые и моторизованные). Наконец, в группу «Шербург» входили 3 корпуса (9 дивизий, среди них 2 танковые и дивизия СС «Тотенкопф»). Общая численность «первой волны» высадки определялась в 90—100 тысяч, «второй волны» — 170 тысяч человек. Пехоту должны были поддержать 650 танков.

Флот должен был перевезти эти войска на 1722 самоходных баржах, 471 буксире, 1161 моторном катере и 155 транспортных судах.

Авиация выделила для обеспечения высадки 2-й и 3-й воздушные флоты в составе 3 авиакорпусов и 2 зенитных корпусов общей численностью до 3500 самолетов.

Организационная структура впоследствии была изменена. Войска вторжения делились на две группы армий — «А» и «Б». В первую входили 16-я и 9-я армии, во вторую — 6-я армия; при этом группа «Б» должна была оставаться в резерве.

Исходя из этих данных, Браухич и Гальдер разработали оперативный план, который предусматривал, что после высадки на широком фронте и преодоления сопротивления английских войск (которое ожидалось весьма значительным), 16-я и 9-я армии должны захватить плацдарм глубиной 20—30 км и затем начать наступление в общем направлении на Лондон. Первой оперативной целью была намечена линия Портсмут — высоты южнее Лондона — устье Темзы; вторая цель находилась уже за Лондоном. Основную битву Браухич предполагал провести в Южной Англии с таким расчетом, чтобы разгромить английские войска западнее и юго-западнее Лондона. Группа «Б» должна была высадиться позднее и оккупировать западную часть страны — графства Девоншир и Корнуэлл. После достижения первой цели группе «А» приказывалось быстро продвинуться танковыми частями запад-

нее Лондона, отрезать столицу с запада и юга и выйти на линию Молден — устье реки Северн. Для захвата Лондона предназначалась 16-я армия. На всю операцию отводился один месяц.

Таков был план, который импонировал Гитлеру. Стали называться и сроки вторжения: 25 августа... 15 сентября... 20 сентября... 24 сентября.

Это могло произойти...

...В 9 часов утра 15 сентября 1940 года в кабинете Гитлера собрались высшие командиры вермахта — фельдмаршалы Браухич и Кейтель, рейхсмаршал Геринг, гросс-адмирал Дениц, генерал Йодль. Браухич доложил о готовности сухопутных сил: группа армий «А» под командованием Герда фон Рундштедта (после французской кампании он тоже получил фельдмаршальский жезл и традиционную сумму в 250 тысяч рейхсмарок) вышла в районы погрузки. Необходима лишь темная ночь. Гросс-адмирал Редер дал справку: ночь на 24 сентября наиболее подходящая. Гитлер подтвердил: высадка — 24 сентября, через 10 суток.

В ночь с 23 на 24 сентября «первая волна» войск Рундштедта произвела погрузку на 170 транспортов, и вскоре гигантская армада двинулась к берегам Англии. Под покровом темноты и используя благоприятную погоду, корабли вышли в назначенные районы высадки. Рундштедту повезло: хотя в половине первого ночи английские торпедные катера, встретив передовые немецкие корабли, открыли огонь и потопили два тральщика, их донесение не было сразу передано в адмиралтейство. Такой же случай произошел в предыдущую ночь, и местное командование получило нагоняй за ложную тревогу.

Лишь в 4 часа утра начальники штабов видов вооруженных сил узнали о новости: немцы приближаются. Генералы не сразу решились будить премьер-министра. Только через полчаса, когда было сочтено необходимым отдать условный сигнал «Кромвель», главу правительства поставили в известность о случившемся. Но торопиться никто не хотел. Под общий смех один из генералов заметил:

— Может быть, начать колокольный звон?

Первые донесения были сравнительно успокаивающими: высадилось лишь несколько взводов авиадесанта. Первый лорд адмиралтейства заметил, что выводить флот не имеет смысла. Поэтому и сообщение Би-Би-Си в 9 утра было выдержано в осторожных тонах; в нем говорилось, что несколько вражеских подразделений приблизились к берегу,

а в районе Дувра был высажен десант; противник понес чувствительные потери. Для безопасности местного населения начата эвакуация прибрежной полосы. Вслед за этим была передана речь короля, призвавшего нацию к оружию.

Фельдмаршал Рундштедт ожидал донесений в своей полевой штаб-квартире на берегу Ла-Манша. Они были ободряющими: 7-я авиадесантная дивизия захватила Дувр и Фолкстон; 17-я пехотная — успешно высадилась с моря; 35-я — уже овладела Димчэрчем и Литтлстоном. Однако командующий 16-й армией генерал Буш не считал, что его армия выполнила задачу первого дня. Выявились некоторые трудности на его левом фланге. У знаменитого норманнского замка Вильгельма I солдаты Девонского и Сомерсетского полков оказали неожиданное сопротивление. Зато Рундштедта утешил командующий 9-й армией генерал Штраус: на западном фланге высадки плацдарм был захвачен на всю ширину...

Так началось вторжение? Читатель может обвинить автора в необузданной фантазии. Однако он решился на создание картины воображаемого вторжения не сам, а вместе с Норманом Лонгмэйтом, английским публицистом, бывшим офицером британской армии. Несколько лет назад он выпустил книгу «Если бы Англия пала...» Его побудил на это телевизионный фильм под таким же названием, сделанный Би-Би-Си в 1972 году. Тогда Лонгмэйт решил собрать весь военно-исторический материал, проконсультировался со специалистами. Результатом и была книга, исходившая из предположения, что, решись Гитлер в 1940 году на вторжение, Англия не смогла бы устоять и была бы оккупирована, как и многие другие западноевропейские страны. И хотя Лонгмэйт описывал воображаемые события, он каждое из них не выдумывал, а «выводил» из имеющихся документов германских и английских штабов.

Продолжим же описание того, что «случилось бы, если...».

На второй день высадки войска Буша и Штрауса закрепились на плацдарме, доведя его до предписанных размеров. К 27 сентября на британской земле уже находилось более 200 000 солдат вермахта. Они были готовы встретить контратаку англичан. Однако главнокомандующий английской армией генерал Алан Брук еще не имел точного представления о немецком плане. Ему было ясно, что вторгшийся противник стремится овладеть Лондоном. Но как? Где будет главный удар? Из района Дувр — Гастингс или, наоборот, с западного фланга?

Тем временем немецкое наступление продолжалось. 1 октября Брук отдал приказ: перейти в контрнаступление и разгромить войска противника в западной части плацдарма, овладеть портом и городом Ньюхейвен и расчленить плацдарм на две части. Удар должна была нанести хорошо оснащенная

1-я английская танковая дивизия, к ней присоединялись пехотные части. В 5 часов утра 2 октября контрнаступление началось, принеся Бруку успех. Казалось, Ньюхейвен будет взят.

Однако интервенты поняли опасность положения. 4 октября фельдмаршал Рундштедт взял руководство операциями на себя, пересек Ла-Манш и оборудовал свой командный пункт в прибрежном городке Сент-Лионард. Немецкие части активизировались, принудив Брука к перегруппировке. Он решил, что ему надо уйти за Темзу. В штабе Рундштедта иронизировали:

— Отступление — главная специальность английских генералов...

Прошло десять дней, и в роковую для англичан годовщину битвы при Гастингсе — 14 октября — Рундштедт начал второе наступление с целью разгромить английскую группировку в Южной Англии. Около Валлифорда основные силы 16-й армии форсировали Темзу. Три пехотные дивизии обеспечили плацдарм для двух танковых. Командир одной из них, генерал-майор Эрвин Роммель решил идти на Лондон.

Английским войскам не удалось задержать наступающих. Кадеты знаменитого Сандхэрстского военного училища дрались отважно, но были смяты танками. К утру 15 октября танковый прорыв был осуществлен. В Лондоне были готовы начать эвакуацию. 16 октября король покинул столицу и направился в Эдинбург.

18 октября Рундштедт, выполняя план Браухича, двинулся дальше на север, оставив Лондон в тылу — но не оставляя его без своего внимания. 19 октября положение стало для англичан безнадежным. Передовые отряды наступающих были обнаружены близ Букингэмского дворца, и пулеметный огонь стал слышен в Сент-Джеймском парке. Вечером премьер-министр покончил с собой, главнокомандующий погиб раньше. Когда командир передового отряда 16-й армии появился в доме 10 на Даунинг-стрит — резиденции премьер-министра, он не нашел там никого. Несколько старших офицеров, которых захватили в здании военного министерства, заявили, что они не уполномочены подписать капитуляцию. Они разъяснили, что этого никто не в силах сделать: король покинул Лондон, премьер-министр и главнокомандующий мертвы, местонахождение начальников штабов родов войск неизвестно.

Наконец был найден какой-то бригадный генерал, который изъявил согласие отдать приказ лондонскому гарнизону о прекращении сопротивления. Эта трагическая новость была передана по радио. Вскоре флаг со свастикой был поднят над зданием парламента.

Оккупированная Англия?

Надо признать, что нарисованная Норманом Лонгмэйтом картина свидетельствует о его невысоком мнении об оборонительном потенциале собственной страны. Я не рискнул бы сделать это с такой беэжалостностью, однако англичанину, видимо, она поэволена. Лонгмэйт утверждает, что развитие операции «Зеелёве» шло бы именно так, и в этом его эаверили такие эксперты, как бывший военный министр лорд Чалфонт, историк Колльер и другие.

Но если можно спорить — так или иначе шли бы бои на побережье и в Южной Англии, то не может быть двух мнений по поводу тех последствий, которые были бы вызваны военным поражением Англии. Поэтому Лонгмэйт следующие главы своей книги снабдил таким примечанием: «На этом эавершается часть книги, основанная на вымысле. Следующая — описывает не то, что могло бы проиэойти, а то, что беэусловно проиэошло бы. Она баэируется на планах, составленных немцами, и на опыте их поведения в других странах, попавших в аналогичное положение».

Лонгмэйт берет быка за рога: «Нужен был английский Квислинг». В Норвегии, король которой покинул страну, гитлеровская оккупационная администрация стала перед проблемой формы своего управления. Здесь ей на помощь пришел главарь норвежских нацистов Видкун Квислинг. А в Англии? И эдесь имелся претендент на дом номер 10 по Даунингстрит — руководитель британской «Фашистской лиги» сэр Освальд Мосли. На первый вэгляд, у него были шансы: бывший офицер, эатем член палаты общин от консервативной партии и министр — от лейбористской; его симпатии к Гитлеру и Муссолини были более чем очевидны, за что он даже угодил в тюрьму.

Однако в Берлине делали ставку не на него. Там хотели найти не столь скомпрометированного человека. Для этого составлялись специальные списки. Один иэ них, относящийся к сентябрю 1940 года, насчитывал 39 человек, но не был одобрен Гитлером и Герингом. Лишь после войны стало иэвестно имя «английского Квислинга». Им должен был стать сэр Сэмюэль Хор, бывший министр.

Источником этих сведений является опять же англичанин, причем весьма информированный. Это — постоянный заместитель министра иностранных дел сэр Александр Кадоган, имя которого часто упоминалось на страницах этой книги. 20 мая 1940 года у сэра Александра состоялся прощальный раэговор с Хором, который отправлялся в Мадрид на пост английского посла. Это наэначение имело свои причины: Хор

был известен как «архиумиротворитель» и ближайший единомышленник Чемберлена во время мюнхенского сговора. 21 мая Кадоган записал в своем дневнике: «Чем скорее мы отошлем его (Хора. — **Л. Б.**) из Англии — тем лучше. Однако я лучше отослал бы его на эшафот. Он будет английским Квислингом, если Германия покорит нас, а я умру».

За то, что слова эти написаны были не случайно, говорит многое. Будучи министром иностранных дел Англии, Хор подписал пакт Лаваля — Хора в 1935 году, которым легализовался захват Италией Абиссинии. Во время гитлеровской оккупации Лаваль стал вторым человеком в вишистской Франции. Чем не пара? Хор хорошо знал и Иоахима фон Риббентропа, человека, который претендовал на пост «имперского наместника» в Англии. Вместе с Риббентропом в Лондоне в качестве немецкого посла должен был появиться Вильгельм Боле — руководитель «Зарубежной организации НСДАП», ставленник Гесса.

Не исключался и другой вариант: Гитлер был весьма высокого мнения о герцоге Виндзорском — бывшем короле Эдуарде VIII. Герцог бывал у фюрера, и тот считал его «своим человеком» в Лондоне. Отречение короля от престола весьма расстроило Гитлера, однако он внимательно следил за ним, а когда герцога решили «запрятать» подальше и назначили губернатором Багамских островов, глава эсэсовской разведки Шелленберг получил задание похитить его и увезти в Германию...

Система оккупационного правления в Англии была заранее продумана. В одном из документов, в котором излагались основы «нового порядка» в Англии, говорилось: «Английская территория, оккупированная германскими войсками, будет находиться под управлением германской военной администрации... Все безрассудные действия, саботаж любого рода, активное или пассивное сопротивление германской армии вызовут ответные меры...» Под приказом стояла подпись Браухича. Другой документ был подписан начальником генерального штаба генералом Гальдером и датирован 9 сентября 1940 г. В нем есть такие слова: «Главная задача военной администрации в Англии заключается в том, чтобы обеспечить использование английской рабочей силы в интересах германских вооруженных сил и германской военной экономики... Все здоровое мужское население в возрасте от 17 до 45 лет должно быть в возможно короткие сроки отправлено на континент, если положение на месте не потребует другого решения». В качестве одной из мер поддержания «законности и порядка» приказ вводил институт заложников. За каждого убитого немецкого солдата предполагалось казнить от 10 до 100 человек, а в случае сопротивления — уничтожать всю общину. Совсем как в Лидице!

Англичане, выйдя на улицы своих городов, должны были прочитать «Распоряжение по оккупированной территории»[1]. В нем говорилось:

«Акты насилия и саботажа будут караться самым суровым образом. ...Следующие действия будут караться военным судом:

1) всякое содействие военнослужащим, не принадлежащим к германским вооруженным силам, на оккупированной территории; 2) всякое содействие гражданским лицам, пытающимся бежать на неоккупированную территорию; 3) всякая передача лицам или властям, находящимся за пределами оккупированной территории, информации во вред германским вооруженным силам и германскому государству; 4) всякое общение с военнопленными; 5) всякое нанесение оскорбления германским вооруженным силам и их командованию; 6) скопление на улицах, распространение листовок, организация публичных собраний и шествий без предварительной санкции германских военных властей, а также все другие формы выступлений антигерманского характера; 7) подстрекательство к прекращению работы, злонамеренное прекращение работы, забастовки и локауты».

Командующие оккупационными войсками получали в свое распоряжение 4 полевые комендатуры и 12 местных комендатур; в Лондоне предусматривалось образование специальной усиленной комендатуры. На территории Англии проектировалось создать три концентрационных лагеря. Таким образом, в случае нацистской оккупации Англия имела бы свои освенцимы и свои майданеки. В памятке, составленной в генеральном штабе 9 сентября 1940 года, войскам предписывалось расстреливать на месте без суда и следствия английских партизан.

Поражает фундаментальность, с которой готовилось размещение будущих военнопленных англичан и других предполагаемых обитателей концлагерей. Главное командование сухопутных сил 12 октября 1940 года приказывало:

«...Для приема английских пленных, прибывающих по морю, вблизи пунктов выгрузки создаются пересыльные лагеря. Организация и оборудование лагерей (каждый на 10 000 человек) проводится следующим образом:

	Пункт выгрузки
а) XXXVII штабным корпусным управлением:	
Лагерь Лотен (6 км ю-з Амстердама)	Амстердам

[1] Этот документ был составлен в штабе 16-й армии, остался в ее архивах и был захвачен советскими войсками при разгроме этой армии в Прибалтике.

лагерь Риддеркерк (10 км ю-з Роттердама)	Роттердам
б) Военным комендантом Бельгии и Сев. Франции:	
Лагерь Сен-Круз (вост. Брюгге)	Зеебрюгге Бланкенберге
Лагерь Яббеке (10 км ю-з Брюгге)	Остенде
Лагерь Зоэкс (10 км ю-з Дюнкерка)	Дюнкерк
Лагерь Одрик (15 км ю-з Кале)	Кале
Лагерь Самер (12 км ю-в Булони)	Булонь

В случае непригодности местности допускаются небольшие отклонения...

II. **Приемка и работа лагерей**

Начальник военной администрации во Франции отвечает за приемку лагерей, за пересылку пленных и работу лагерей. Он имеет право отдавать приказы об обеспечении, охране и отправке пленных из лагерей командующим в Бельгии и Сев. Франции и XXXVII корпусному управлению с одновременным докладом ОКХ (отдел 1-б 2-го квартирмейстера). Он обеспечивает лагеря охраной к дню начала работы.

III. **Приемка и отправка пленных**

В момент прибытия транспортов части, дислоцированные в портах выгрузки, выделяют охранные команды. Штабы армий, находящихся в Англии, обязаны срочно доносить о числе пленных (по соответствующей форме), о портах назначения и времени прибытия командующему войск во Франции и в ОКХ.

Управление по делам военнопленных ОКХ должно переправлять прибывающих пленных в Германию и обеспечить охрану во время пересылки...

За генерал-квартирмейстера
Начальник штаба
Ангелис».

Этот документ достаточно красноречив. Добавлю лишь одно: он бы не заговорил, если на советско-германском фронте не была бы разгромлена 9-я армия, в штаб которой 15 сентября 1940 года поступил из ОКХ этот совершенно секретный приказ. Приказ был тщательно подшит к соответствующему делу и совершил свой путь со штабом 9-й армии, которая попала не под Брайтон и Портсмут, а на поля сражений с советскими войсками. Когда же армия была разгромлена под Варшавой, среди трофейных документов и был найден сей приказ за номером 2766/40...

Но осенью 1940 года штаб 9-й армии еще готовился к операции «Зеелёве». Готовились не только войска, но и части СС. Гиммлер проявлял большой интерес к Англии. Начальником службы безопасности (СД) в оккупированной стра-

не был назначен штандартенфюрер СС, профессор (!) Альфред Зикс. Ему предписывалось «начать свою деятельность одновременно с военным вторжением, чтобы обнаружить и ликвидировать многочисленные организации и общества, враждебные Германии... Бороться всеми средствами против всех антигерманских организаций, учреждений и оппозиционных групп... воспрепятствовать вывозу всех нужных материалов, собрать их и обеспечить дальнейшее использование».

Высшие штабы СС занимались и другими проблемами. 26 августа 1940 года в III отделе СД был составлен документ «Планы для Англии», в котором рассматривался вопрос: как можно наиболее эффективно продемонстрировать англичанам факт покорения их страны? Составитель документа сожалел, что в Лондоне нет такого «символа», каким был знаменитый вагон в Компьене, где в 1940 году была подписана капитуляция Франции. «Однако, — замечал он, — со времени Трафальгарской битвы колонна Нельсона стала для Англии символом британской морской мощи и мирового господства. Если увезти колонну Нельсона в Берлин, то это было бы весьма эффектной демонстрацией германской победы».

Команды СС получили самые разнообразные указания — одни должны были арестовывать видных деятелей, другие — вывозить в Берлин шедевры мирового искусства из Национальной галереи и Британского музея, третьи — конфисковать важные документы. Был подготовлен «особый розыскной список», в котором на 350 страницах перечислялись лица, подлежащие аресту. Возле каждой фамилии стояло указание, какой именно отдел Главного управления имперской безопасности СС будет заниматься арестованными. Так, Черчилля надлежало передать в 1-е отделение отдела «А» VI Управления (разведка СС), а Чемберлена — в отдел «Д» II Управления (общее ведомство СС).

Но мы знаем: колонна Нельсона осталась на Трафальгарской площади, Чемберлен не попал в руки СС и флаг со свастикой не взвился над Вестминстерским аббатством (если не считать одного дня 1972 года, когда это было сделано по просьбе телевидения, снимавшего фильм «Если бы Англия пала...»).

Теперь пришло время разобрать вопрос: почему операция «Зеелёве» не состоялась?

Когда Гитлер начал колебаться

Изучая вопрос, почему не состоялась операция «Зеелёве», некоторые историки начинают с того, что в течение летних месяцев 1940 года германский военно-морской флот оказал-

ся не в состоянии обеспечить операцию и, в частности, перебросить достаточное количество войск через Ла-Манш. Действительно, среди документов главного морского штаба (ОКМ) есть тому подтверждение. Когда 21 июля 1940 года Гитлер одобрил первые наметки Браухича о высадке в Англии 40 дивизий вермахта, он дал указание Редеру разработать соответствующий план для флота. 29 июля оперативный отдел штаба ОКМ пришел к выводу, что флот будет готов не раньше конца сентября, а к этому времени навигационные условия будут неблагоприятны. Учитывая и другие факторы, отдел считал необходимым отложить «Зеелёве» до мая 1941 года.

31 июля вопрос снова разбирался у Гитлера. Правда, Редер не решился прямо советовать фюреру отложить вторжение на будущий год; он соглашался на сентябрь 1940 года, однако лишь при условии господства люфтваффе в воздухе. Тем не менее, гросс-адмирал видел ряд опасных последствий того, что значительную часть торгового флота надо будет отдать на перевозку десанта. Все это, как впоследствии считал сам Редер, и привело к тому, что Гитлер заколебался. Решение было двойственным: считать датой высадки 25 сентября, однако оговорить это определенными условиями: «выяснением обстановки для сухопутных войск и успехом 8—10-дневного авиационного наступления на Англию.

Обратим внимание на эти два условия, появившиеся в ходе совещания 31 июля. Сначала — о «воздушном наступлении».

Гитлер возлагал особые надежды на действия люфтваффе против Англии, вплоть до того, что он надеялся «достигнуть сокрушения Англии и без высадки» (так он сказал Редеру 6 сентября). Главным сторонником воздушного наступления был, разумеется, Геринг — тот самый Геринг, который только год назад в беседах с английскими эмиссарами изображал себя лучшим другом Англии и миротворцем.

Еще 21 июля Геринг собрал в своем «Каринхалле» генералов люфтваффе, объявив им, что прошла пора одиночных ударов по портам и промышленным объектам (это в среде гитлеровских асов называлось «наступать Англии на мозоли»). На 13 августа был назначен «День орла» — так был назван удар по окрестностям Лондона и, главное, по английской авиации. Однако он принес Герингу лишь большие потери — 45 самолетов; английская истребительная авиация потеряла 13 самолетов. После бурного совещания у Геринга было решено изменить тактику боев и повторить удар 16 августа. На этот раз в операции участвовали все три воздушных флота, дислоцированные в Западной Европе. Потери составили: у люфтваффе — 45 машин, у англичан — 21; через

день, соответственно, 77 и 21. Плохая погода прервала поединок.

В это время в штабе Геринга обсуждали вопрос: каким путем возможно быстрее добиться деморализации Англии? Начальник штаба ВВС генерал Ешонек настойчиво требовал начать бомбежки Лондона и других населенных пунктов. Геринг считал, что важнее уничтожить английскую авиацию, но после беседы с Гитлером 4 сентября собрал своих генералов и задал им вопрос: «Когда мы бомбим Лондон?» В этот же день было решено начать ночные бомбардировки всех объектов на территории Англии. 5 сентября Геринг объявил, что «берет лично на себя руководство авиацией в борьбе против Англии». Вечером того же дня немцы бомбили лондонские верфи. 7 сентября на город пошли 300 бомбардировщиков и 600 истребителей. Этот день Геринг считал удавшимся. Крупнейшим был налет 15 сентября — в нем участвовали три воздушных флота, однако и потери были ощутимыми (60 немецких самолетов). Это была кульминация боев над Британскими островами, которая не привела ни к деморализации страны, ни к разгрому английской авиации.

Конечно, все имеет свои масштабы и их нельзя забывать. В 1978 году, к 38-летию «битвы за Англию» (так часто называют в западной прессе воздушные бои августа — сентября 1940 года) в Лондоне появилась книга полковника британской авиации Аллена — одного из командиров эскадр в годы войны, кавалера высших орденов Британской империи. Аллен был очень сдержан в своих оценках. Во-первых, он предупреждал против злоупотребления термином «битва за Англию». Такая битва, писал Аллен, могла бы состояться, если бы вермахт высадился на Британских островах. Только тогда могла идти речь об уничтожении английской авиации (подобное возможно лишь в случае захвата аэродромов и баз). Однако ни один немецкий солдат не появился на английской земле и королевская авиация при всех потерях сохранила свои базы.

Аллен продолжал: надо быть очень осторожными в употреблении превосходных степеней, особенно если вспомнить о яростных схватках между советской авиацией и люфтваффе во время Сталинградской битвы. «Надо сохранять чувство перспективы, когда выносятся исторические суждения», — замечает Аллен.

Повторяю: я сам не стал бы сравнивать воздушные бои над Англией с авиационными сражениями на советско-германском фронте, боясь уязвить национальные чувства англичан. Но Лонгмэйт и Аллен позволили это себе, и мне трудно не присоединиться к ним.

Теперь мы можем перейти к решающему вопросу: о сухопутных силах для «Зеелёве».

Что значило выдвинутое Гитлером требование «выяснения обстановки для сухопутных сил»? Ответ на этот вопрос дает запись в дневнике начальника генштаба тех самых сухопутных сил, которые ждали «выяснения обстановки». Именно 31 июля, после того как Редер покинул Гитлера в его баварской резиденции, тот выступил перед Гальдером с развернутой программой новой операции — нападения на Советский Союз. Сохранившаяся запись Гальдера настолько красноречива, что мы приведем из нее основные фрагменты.

«Фюрер:

Подчеркнул свое скептическое отношение к техническим возможностям (осуществления десантной операции)...

...Принимая решение, следует учитывать, что мы никогда не должны рисковать зря.

Допущение. Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение ее позиции. Сама по себе война выиграна. Франция отпала от «британского льва». Италия сковывает британские войска. Подводная и воздушная война может решить исход всей битвы, но это продлится год-два.

Надежда Англии — Россия и Америка. Если рухнет Россия, Америка Англии не помощник, ибо вследствие разгрома России возрастет опасность со стороны Японии в Восточной Азии.

Россия — восточноазиатский меч Англии и Америки против Японии, откуда дует неприятный для Англии ветер. Японцы, подобно русским, имеют свой план, согласно которому Россия должна быть ликвидирована еще до конца войны... Англия особенно рассчитывает на Россию. В Лондоне что-то произошло! Англичане совсем было пали духом, теперь они вдруг снова воспрянули...

Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия.

Вывод. В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года.

Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше».

Записи Гальдера несколько хаотичны, но он хорошо знал, о чем идет речь. Еще в июне он получил задание фюрера о подготовке той операции, которая впоследствии была названа «Барбаросса». И если Йодль 30 июня лишь подал Гитлеру идею о подготовке «Зеелёве», то за пять дней до этого, 25 июня, Гальдеру было поручено начать штабную разработку нападения на Советский Союз. Практически оба плана разрабатывались параллельно. Гитлеру и генштабу было ясно, что один исключает другой.

Взять хотя бы проблему наличных сил. Для осуществления «Барбароссы» уже на первом этапе планирования предусматривалось 100—140 дивизий. Впоследствии это число было увеличено до 153 при общем количестве 200 дивизий во всем вермахте. Это означало, что **все боеспособные дивизии** должны быть отправлены на Восток. При такой ситуации уже не могло быть и речи о том, чтобы выделить для Англии 30—40 первоклассных дивизий (а именно так предполагалось). Уже в самом скором времени ОКХ снизил число дивизий для высадки до 10—13. Это обрекало операцию на провал, ибо в Берлине считали, что Англия имеет 37 дивизий, из них 12 — в состоянии боевой готовности.

Неудивительно, что когда 22 сентября ОКХ провело военную игру с участием командиров корпусов, результаты оказались малоудовлетворительными. Через три дня игра была повторена с участием Браухича и Гальдера. Согласно записи одного из участников, «Гальдер произнес панихидную речь. «Зеелёве» была похоронена».

Но все это — лишь чисто военная сторона проблемы, была и другая — военно-политическая. Говоря о ней, генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс в своих заметках, написанных после войны, отмечал: «Не заставило ли Гитлера его намерение выступить против России отказаться от операции против Англии? Если десантная операция против Англии уже сама по себе была риском, то вслед за этим невозможно было предвидеть, сколько времени продлится борьба за Лондон и Британские острова после успешной высадки десанта и какие силы немецкой армии она поглотит и скует. Далее, Гитлер не был уверен, удастся ли ему собрать необходимые силы для нападения на Россию. Но уже потеря престижа в случае провала десантной операции имела бы столь значительные последствия, что Гитлер опасался, что ему больше уже не удастся собрать необходимое число сторонников нападения на Советскую Россию».

Здесь-то и лежали причины, на первый взгляд, удивительной нерешительности Гитлера и его ближайших военных советников в то время, когда им надо было решать вопрос о «Зеелёве». Действительно, сначала (31 июля) проведение операции было поставлено в зависимость от «выяснения проблем сухопутных войск» и успехов авиации. 14 августа ОКВ поставило «теоретический вопрос» о переносе ее на следующий год, а Гитлер в принципе не возразил. Операция сначала условно была назначена на 15 сентября, 30 августа ее отложили на 20-е, а затем — на 24 сентября 1940 года. Наконец 14 сентября на совещании с высшим генералитетом Гитлер заявил, что было бы неправильным отказаться от операции вообще, но ее надо отложить до 27 сентября. А 17 сентября «отдача приказа» на высадку была отложена (как записали

в журнале боевых действий штаба военно-морского флота) «на неопределенное время».

С этого момента ставке Гитлера стало ясно, что вторжение не состоится. 12 октября ОКВ отдало приказ, смысл которого был более чем однозначен: «Фюрер принял решение о том, чтобы приготовления к высадке в Англии с настоящего времени и до весны будущего года сохранялись лишь как средство политического и военного давления на Англию».

Сыграло ли роль в отказе нацистской Германии от «Зеелёве» то обстоятельство, что на фронте «тайной войны» гитлеровские эмиссары в 1939—1940 годах не смогли добиться существенных результатов (мы об этом еще узнаем) и не принесли в имперскую канцелярию триумфального доклада о том, что Англия меняет фронт и хочет стать союзником Германии в антикоммунистическом походе? Мы видели, какие объективные и субъективные препятствия встали на пути этого опасного замысла еще до того, как Англия вступила в войну. Препятствия эти не стали меньше, а с момента прихода Черчилля к власти выросли.

Надо зафиксировать важное изменение в ходе тайных контактов. Если летом — осенью 1939 года инициатива преимущественно исходила от английской стороны (Вильсон, Эштон-Гуэткин, Хадсон и другие), то теперь инициаторами выступали немецкие эмиссары. И второе: если тогда решение отказаться от сговора принял Гитлер, то теперь отказ пришел из Лондона. Здесь решал уже не Чемберлен со своей «мюнхенской кликой», а Черчилль — представитель иной фракции английской буржуазии, понимавшей всю опасность, которая грозила Британии. Конечно, Черчилль был не прочь держать открытым канал тайных связей с Берлином. Но для него было главным другое: борьба с германским империализмом, реально угрожавшим мировым позициям Британской империи. Если учесть, что закулисные англо-германские контакты не прервались и после осени 1940 года, то можно считать, что отсутствие каких-либо ощутимых результатов к осени 1940 года было лишь одним из дополнительных факторов, которые повлияли на отказ от «Зеелёве».

Конец «Зеелёве»

После того как Гитлер 17 сентября 1940 года отказался определить срок принятия решения о дне высадки в Англии, судьба операции фактически была предрешена. 12 октября в директиве ОКВ она официально переносилась на весну 1941 года, и штабам родов войск предписывалось быть в го-

товности к этому времени. Однако для высших командиров было ясно, что подобные формулировки лишь маскируют подлинное решение об отказе. Кстати, Гитлер в беседах со своими «союзниками» не выдавал своих истинных намерений. Так, 4 октября он сказал Муссолини, что отказался от вторжения только из-за плохой погоды...

Правда, операция «Зеелёве» еще продолжала свое «канцелярское существование». Продолжались штабные игры. 5 ноября в ОКВ было отдано распоряжение разработать общие принципы ведения войны на будущий год. В новую директиву № 18 была включена и «Зеелёве», но не на первом месте. Это внесло некоторое замешательство в действия штабов: так, начальник оперативного отдела генштаба полковник Адольф Хойзингер пожаловался, что с Запада на Восток забирают дивизии, которые первоначально предназначались для вторжения в Англию. Действительно, шла переброска войск, и 10 января 1941 года ОКВ было вынуждено официально приказать: все приготовления к «Зеелёве» прекратить! 16 января Гальдер распорядился, чтобы сухопутные силы остановили штабную отработку операции. Когда же Гитлеру осторожно намекали на то, что, может быть, для вермахта выгоднее «Зеелёве», фюрер категорически отвергал все, что могло бы помешать подготовке «Барбароссы». Он разрешал лишь дезинформационные мероприятия на Западе, что и делалось вплоть до 21 июня 1941 года.

Пожалуй, это был последний и единственный успех «Зеелёве». В Англии поддались дезинформации и долго считали вторжение реальной угрозой и говорили о некоем «чудовищном вторжении, которого не видывал свет»! Но эта угроза в действительности уже миновала. 22 июня 1941 года началось иное вторжение, которое изменило весь ход второй мировой войны. Советский Союз принял на себя удар.

Добавлю лишь одно: 3 февраля 1942 года в главном военно-морском штабе Германии вдруг вспомнили, что забыли отменить приказ о «Зеелёве». Гитлер разрешил отдать соответствующее указание. Все документы были собраны, уложены в ящики и отправлены в Потсдам, в Имперский военный архив. Там-то их и нашли советские солдаты, пришедшие в Берлин и спасшие Европу, в том числе и Англию, от нацистской угрозы.

Глава шестая

ПОЛЕТ В МАЕ

Много лет спустя

Майским утром... Не утром 10 мая 1941 года, о котором автор собирается подробно рассказать на последующих страницах книги, а майским утром 1975 года я направился к зданию боннского отеля «Бристоль», что неподалеку от главного вокзала. Этот отель был построен в начале 70-х годов, когда в моду стали входить темные, почти черные плоскости зданий. Не серый бетон, а металл разделяет длинные ряды окон; стекла в них дымчатые, почти непрозрачные, они пропускают достаточно света, но снаружи кажутся зеркальными. Таково последнее слово здешней архитектуры, хотя подчеркнутая современность отеля мало гармонирует со стоящим поблизости изящным дворцом кёльнских курфюрстов и кварталами, сооруженными в конце XIX — начале XX века.

Именно в этой суперсовременной и аристократической гостинице утром 6 мая 1975 года была созвана пресс-конференция, связанная с предстоявшим 30-летием со дня окончания второй мировой войны. Но эта связь носила, мягко выражаясь, своеобразный характер, ибо именно годовщину освобождения Европы от гитлеризма организаторы пресс-конференции решили использовать для выступлений в защиту Рудольфа Гесса, одного из главных военных преступников, бывшего «заместителя фюрера».

Вместе с несколькими коллегами я вошел в устланный мягкими коврами вестибюль «Бристоля», и знакомый портье предупредительно сказал: «Наверное, на пресс-конференцию? Будьте любезны, спуститесь по лестнице, затем направо». Мы быстро нашли зал, в котором должна была состояться пресс-конференция «Комитета в пользу освобождения Гесса». Зал был не полон: за длинными столами для прессы сидели 5—6 человек, зато в глубине стояли три ряда стульев для приглашенных членов комитета. Не надо было быть большим физиономистом, чтобы определить, кто эти господа приглашенные, — казалось, что здесь собрались все «герои» антифашистских карикатур Бориса Ефимова и Кукрыниксов.

Не хватало только повязок со свастиками и петличек со знаками СС...

Каждый из нас получил подробную документацию по «делу Гесса», а через несколько минут последовали устные комментарии. Их дали двое: седой господин и господин помоложе. Первый оказался бывшим министром юстиции ФРГ д-ром Эвальдом Бухером, второй — сыном Рудольфа Гесса Вольфом-Рюдигером.

Сначала слово взял Бухер. Он сообщил собравшимся, что комитет, созданный несколько лет назад, насчитывает около двух тысяч членов. Его ранее возглавлял отставной генерал Заксенхаймер, а теперь эти обязанности принял на себя он, Бухер. Комитет занимается в первую очередь сбором подписей во всем мире за освобождение Гесса; уже собрано около 200 тысяч подписей. Цель комитета — «проявление гуманности» к Гессу, причем это должно быть сделано именно в день годовщины окончания войны. После Бухера выступил Гесс-младший. Затем начались вопросы и ответы. Приведу записи из моего блокнота:

— Признал ли себя Гесс виновным?

— Нет. Нюрнбергский приговор оспаривается даже немецкими юристами, поэтому у Гесса нет оснований признавать себя виновным.

— Считает ли Гесс, что совершал преступления?

— В тюрьме Шпандау ему запрещено выступать с политическими заявлениями. Лишь когда его освободят, он сможет что-либо сказать...

— В каком состоянии находится Гесс?

— Он в хорошем состоянии. Я был у него недавно.

— Что подумает ваш отец, если его помилуют 8 мая 1975 года?

— Он считает, что термин «помилование» подразумевает признание приговора. Поэтому я сомневаюсь, что он примет помилование.

— Что же тогда будет?

— Он добровольно останется в тюрьме.

— А как вы сами относитесь к Нюрнбергскому трибуналу?

— Мы этим не занимаемся, так как это спорный вопрос. Наша задача — соблюдение гуманности.

— Не думаете ли вы, что освобождение Гесса будет использовано неонацистскими партиями?

— Мы люди беспартийные и заботимся лишь о принципах человечности...

И после этой конференции мне пришлось встречать печальные плоды деятельности сих «защитников гуманности». Так, 9 мая 1975 года весь Бонн был обклеен черными плакатами с изображением тюремной решетки и призывом освободить «заместителя фюрера». После трагической катастро-

фы советского самолета «ТУ-144» в Париже в 1973 году в ряд парижских редакций поступили письма от некоего «Комитета действий за освобождение Рудольфа Гесса», который объявил, что именно этот комитет совершил диверсионный акт против советского самолета. То и дело в Бонне, Лондоне или Нью-Йорке подают голос «комитеты», требующие освободить Гесса, объявляя его «невинной жертвой» и «борцом за мир». Я сам однажды получил открытку, в которой «организация помощи Рудольфу Гессу» решила пригласить выступить за освобождение Гесса... советский журнал «Новое время». «Рудольф Гесс хотел кончить войну — неужели он должен за это умереть в Шпандау?» — риторически спрашивали авторы обращения. В мае 1978 года они вновь обклеили боннские дома своими плакатами. В начале 1979 года за Гесса вступился даже бывший американский комендант тюрьмы Шпандау!

Для западногерманской реакции Гесс — своего рода символ. Он создает новоявленным борцам за «новый порядок в Европе» очень удобную ширму: мы, мол, сторонники гуманности, мы выступаем за сострадание к человеку, не знающему с 1941 года дома родного...

Эту линию с усердием гнет не только малочисленная пресса национал-демократической партии и снискавшая себе скандальную славу неонацистская газета «Дейче националь-цайтунг», выходящая в Мюнхене в нескольких десятках тысяч экземпляров. О Гессе неусыпно заботится пресса г-на Акселя Шпрингера, в первую очередь газета «Бильд-цайтунг», миллионы экземпляров которой ежедневно отравляют души «среднего» немца. Шпрингеровская печать заботливо регистрирует все семейные праздники Гессов, малейшие недомогания узника «камеры № 7», не упускает случая бросить тень на тюремные власти, в первую очередь на советскую охрану (в Шпандау каждый месяц меняется охрана четырех оккупационных держав). То и дело публикуются письма сердобольных читателей, которые призывают правительство ФРГ «вступиться» за Гесса, а одновременно, как бы походя, высказываются за то, что пора бы перестать считать руководителей третьего рейха исчадиями ада.

Однако камуфляж — далеко не главная задача «защитников» Гесса. Иные настроения проглядывают в течение послевоенных лет в бесчисленных документах, речах и действиях ультраправых группировок, возникающих, исчезающих и вновь появляющихся в Федеративной республике. И Рудольф Гесс имеет к этой главной задаче непосредственное отношение как единственный оставшийся в живых «руководящий деятель» третьего рейха.

Третьего рейха? Не прекратил ли он свое позорное существование 8 мая 1945 года? Для всего мира прекратил, а вот,

скажем, для Манфреда Рёдера — нет. В этом я убедился, слушая осенью 1975 года в Бонне в одной телевизионной передаче такие фразы:

«...Было бы благом для человечества, если бы национал-социалистская Германия выиграла войну...»

«...Было бы глупо отрицать, что Гитлер гений...»

Слова эти звучали столь кощунственно, что не хотелось верить в то, что их произносят сегодня с телевизионного экрана ФРГ! Когда передача кончилась, я сразу связался с редакцией Западногерманского телевидения в Кёльне. Сотрудник, оказавшийся у телефона, был как раз редактором этой передачи. Из разговора выяснилось, что 17 ноября 1975 года редакторы телевизионного журнала «Монитор» решили посвятить один из сюжетов неонацистской опасности в ФРГ. С этой целью они разыскали деятелей нескольких вновь возникших профашистских групп. Некоторые отказались сообщить о себе какие-либо данные, другие были словоохотливыми. Так выяснилось, что первая из вышеприведенных фраз принадлежала адвокату Манфреду Рёдеру, главе так называемой «Немецкой гражданской инициативы». Другую произнес Карл-Гейнц Хофман, руководитель военизированной молодежной организации, действующей недалеко от Нюрнберга.

Редакторы «Монитора», комментируя передачу, заметили, что о деятельности подобных групп «широкая общественность до сих пор знает не слишком много». Это справедливо. Официальные круги ФРГ предпочитают больше распространяться на другую тему — о том, что Федеративная республика преодолела тяжелое наследие нацистского прошлого. Особенно на это упирали в дни 30-летия окончания второй мировой войны. Но снята ли тема, о которой напоминают Манфред Рёдер и многие другие?

Рёдер не был членом нацистской партии. Ему исполнилось всего лишь 16 лет, когда развалился третий рейх. Он был школьником, причем верующим. После войны вступил в ХДС. Затем его наставил на «путь истинный» некий агроном Кристоферсен, который якобы был служащим концлагеря Освенцим. Наставник сказал Рёдеру, что «газовые камеры — выдумка», Рёдер пошел по стезе старого нациста. Став к этому времени адвокатом в городе Бенсхайме, он решил создать свою собственную организацию под названием «Немецкая гражданская инициатива».

Цель Рёдера — восстановление третьего рейха. Ни больше и ни меньше! Всякую парламентскую демократию он отвергает. Для достижения своих целей считает необходимым применение силы. Идеалом для Рёдера является военный преступник Рудольф Гесс, за освобождение которого он борется. Такова, с позволения сказать, его теория. А практика?

Погромные действия против антифашистов, пронацистские демонстрации в залах судов. Своих приверженцев Рёдер воспитывает в купленном за 170 тысяч марок здании, носящем название «Имперское подворье».

Самое любопытное состоит в том, что фашистская группа Рёдера долгое время имела в ФРГ официальный статус «организации, заслуживающей поддержки». Это значит, что она получала субсидии от городских властей. Местная палата адвокатов никак не реагировала на возмутительное поведение неутомимого нациста и не собиралась его исключать из своей корпорации. Демократические организации и отдельные граждане подали против Рёдера более 50 исков, но суды с разбором не торопились. Когда же стали заниматься этим делом, он уехал в Южную Америку...

В равной мере не удается положить конец деятельности человека, считающего Гитлера «гением». Когда некоторое время тому назад стало известно, что Карл-Гейнц Хофман проводит в своем имении «Альмосхоф» военное обучение молодежи и прививает своим выученикам нацистские взгляды, все газеты ФРГ были полны негодования и протеста. Дело дошло до суда, но там оно и кончилось. Хотя нюрнбергский судья и признал, что Хофман воспитывает своих молодчиков в «фашистском направлении», обвиняемый был оправдан. Таким образом он получил официальное благословение своей деятельности и долгое время беспрепятственно продолжал «военные учения».

Организации Хофмана мало чем уступает «Боевой союз немецких солдат» (КДС), штаб-квартира которого находится во Франкфурте-на-Майне. Один из сторонников КДС в той же телепередаче объявил: «Рассуждения о вине за развязывание войны, о газовых камерах — все это ложь. На немецкой земле никогда не было концентрационных лагерей, никогда не было газовых камер». Заметим, что в КДС немало молодежи и самому юному — 15 лет...

А вот подлиный текст беседы телерепортера с лидером неофашистской группы — «кружок друзей НСДАП» в Гамбурге, молодым неонацистом Вольфом Дитером Эккартом.

Вопрос. Как вы определяете цели вашей партии?

Ответ. Наши цели изложены в программе НСДАП, которую можно прочесть в любом учебнике истории.

Вопрос. Это значит — программа Адольфа Гитлера?

Ответ. Да, это программа Гитлера.

Вопрос. Кто для вас лично является самой сильной и впечатляющей личностью в третьем рейхе?

Ответ. Безусловно, Адольф Гитлер.

Вопрос. А в чем вы видите свой идеал?

Ответ. В том, как Гитлер вел борьбу ва Германию.

Вопрос. А за что вы покритиковали бы Гитлера?

Ответ. За то, что он был в 1933 году недостаточно радикальным...

Группы и группки, подобные организации Рёдера, Хофмана и Эккарта, отвергают справедливый приговор Нюрнбергского трибунала, не считают закономерным крах нацизма. Они поклонники Гитлера и третьего рейха, и это они подтверждают не только речами, но и поступками.

«...23 мая 1945 года последнее немецкое правительство было незаконно и оскорбительно арестовано. Тем самым немецкий народ был лишен правомочного и избранного им самим руководства... Мы с этим не примиримся. Имперское правительство никогда не подавало в отставку! Немецкий рейх не погиб! Немецкий рейх — это мы! Мы требуем восстановления права!» Это написано в листовке, опубликованной Рёдером и его организацией к 30-летию ареста союзниками так называемого «правительства Дёница» во Фленсбурге. Рёдер организовал в этот день в этом городе демонстрацию, а ее участникам было сообщено: «Есть листовки в защиту Гесса размером А-4, А-5 и А-6 (формат открытки) и плакаты формата 1 и 2».

Как мы видим, Рёдер ратует за Гесса и за «правительство Дёница».

Но не только для Рудольфа Гесса и Манфреда Рёдера «рейх» продолжает свое загробное существование. В дни 30-летия краха вермахта в кулуарах боннского бундестага я получил документ со штемпелем фракции ХДС/ХСС. В нем за подписью одного из руководящих деятелей фракции содержалось «разъяснение», адресованное всей прессе ФРГ. Что же пытались разъяснить миру господа из фракции христианских демократов? Вот заголовок документа: «В 1945 году капитулировал лишь вермахт, а не Германское государство».

Итак, цепочка начинается с Гесса и Рёдера, но тянется дальше, к сегодняшним, весьма влиятельным реакционным кругам ФРГ. Эти обстоятельства придают немалую политическую актуальность такой, казалось бы, давно забытой фигуре, как Гесс, и такому ушедшему в историю событию, как его неожиданный полет в Англию, совершенный 10 мая 1941 года, в разгар второй мировой войны, на пороге нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. До сих пор вокруг этого идут ожесточенные споры, появляются новые и новые свидетельства. Утверждение, будто Гесс хотел «окончить войну», повторяется не только неонацистами, но и рядом влиятельных политиков ФРГ и солидных западных историков. Пропагандируются и другие версии, согласно которым главари третьего рейха выступают в роли миротворцев...

Рудольф Гесс, «заместитель фюрера»

Сам Гесс едва ли мог предполагать, что его персона станет объектом столь ожесточенных дискуссий. Выходец из весьма состоятельной семьи немецкого торговца, обосновавшегося в конце XIX века в египетском порту Александрия, он должен был пойти по стопам отца. Однако первая мировая война изменила эти планы. Лейтенант Гесс вернулся с фронта (там он служил в авиации) и решил изучать историю и экономику. В Мюнхенском университете он стал учеником профессора, влияние которого определило его дальнейшую судьбу. Генерал кайзеровской армии, создатель знаменитой в те годы «геополитической школы» Карл Хаусхофер может с полным правом считаться одним из идеологических провозвестников нацизма. Именно ему принадлежал антинаучный тезис о решающем значении «жизненного пространства» для судеб государств и народов. Перешедший из научных трактатов на страницы «Майн кампф», этот тезис стал любимейшим аргументом Гитлера. И хотя впоследствии Гесс, познакомивший своего фюрера с Хаусхофером, утверждал, что визиты профессора к автору «Майн кампф» не были причиной усвоения Гитлером идеи «жизненного пространства», духовное сродство генерала и фюрера несомненно.

Хаусхофер считал Гесса одним из своих любимых учеников и одобрял его интерес к нацизму. Когда после неудачного путча 9 ноября 1923 года мюнхенская полиция искала Гесса, маршировавшего рядом с Гитлером, Хаусхофер спрятал беглеца на своей даче. Однако Гесс предстал перед судом и ему пришлось отбыть свой срок в Ландсбергской крепости. Вместе с Гитлером, секретарем и ближайшим помощником которого он стал уже в то время.

Послевоенная апологетическая историография часто изображает Гесса далеким от жизни идеалистом, эдаким мечтателем в коричневой форме. Но, с позволения сказать, о каких идеалах шла речь? Вот одно из сочинений Гесса ранних лет, в котором он нарисовал свой идеал: «Как должен выглядеть человек, который вернет Германии национальное величие?.. Чем глубже диктатор постигнет генеалогию своей нации, ее корни, тем лучшие психологические контакты он установит со своим народом, тем больше ему будут верить рабочие и тем больше приверженцев он соберет в этом широком слое населения. Однако сам диктатор не должен иметь с массами ничего общего. Он — великий человек, он существует сам по себе. Если необходимо, он не должен бояться пролития крови. Великие проблемы всегда решаются кровью и железом... Во имя великой цели он не должен беречь и

самых близких друзей, а если понадобится — растоптать их гренадерским сапогом».

Таким молодой Гесс нарисовал портрет фюрера, которому стал служить верой и правдой. «Идеалист» Гесс был весьма практичен, организуя аппарат нацистской партии, ее штурмовые и охранные отряды. Он настойчиво вколачивал в головы своих подчиненных идеи абсолютного подчинения Гитлеру — тому самому диктатору, который действительно не имел ничего общего с массами, с немецким народом. Гесс стал автором десятка брошюр, излагавших несложную нацистскую премудрость. Но среди этих псевдоистин была одна, которую Гесс проповедовал особенно настойчиво: это была псевдоистина антикоммунизма. Мало того, что Гесс был «практиком антикоммунизма» в своей стране, он считал себя международным мессией антикоммунизма. Так, когда генерал Карл Хаусхофер отправился в 1930 году в одну из своих частых поездок в Англию, Гесс решил... поучить своего учителя. Он писал ему: «Наверное, вас будут спрашивать в Англии о нас (т. е. о нацистах. — **Л. Б.**). Изобразите нас как бастион против большевизма, чем мы действительно являемся... Наши люди — это единственный активный фактор в борьбе против большевизма — как пропагандистский, так, в случае нужды, и реальной власти...»

21 апреля 1933 года Гесс был назначен «заместителем фюрера» и получил «полномочия решать все вопросы руководства партией от имени фюрера». Его подпись стоит под сотнями распоряжений и декретов, в том числе под расистскими «нюрнбергскими законами». Недаром он был приговорен Нюрнбергским военным трибуналом к пожизненному заключению!

И вот этот человек в 17 часов 40 минут 10 мая 1941 года поднялся в воздух с военного аэродрома Аугсбург на самолете «Ме-110», специально оборудованном дополнительными баками для горючего, и взял курс на север. Гесс был в офицерской форме (с петлицами капитана).

На аэродроме Гесса знали давно: время от времени он приезжал сюда для коротких полетов. Хотя еще в 1933 году Гитлер запретил ему летать, Гесс договорился с генеральным руководителем авиапромышленности Фрицем Тодтом и конструктором Вилли Мессершмиттом о том, что они дадут ему возможность «опробовать» новые модели военных самолетов[1]. Тодт и Мессершмитт не знали лишь одного обстоятельства: оказывается, еще с осени 1940 года Гесс приказал

[1] Заметим: Тодт и Мессершмитт впоследствии признались Гитлеру, что нарушили его приказ, но тот не наложил на них никаких взысканий.

регулярно доставлять ему метеосводки о погоде над Северным морем. Он подробно изучил новые способы навигации (так называемый метод «Игрек»). Благодаря этому вечером 10 мая самолет уверенно прошел по всему маршруту до восточного берега Шотландии, уйдя от преследования патрулировавшего здесь английского «спитфайера». Курс Гесса лежал на гору Чевист-Хилл, затем на небольшую запруду около местечка Бродлав. Взглянув на часы в 22 часа 40 минут, он установил, что приблизился к своей цели — замку Дунгавел. С этого момента самолет стал быстро набирать высоту, после чего пилот выбросился с парашютом. Это был его первый — и последний! — прыжок в жизни.

Слегка повредив ногу, Гесс проковылял к одинокой ферме, владелец которой, выйдя к незваному гостю, спросил: «Англичанин? Немец?» Гесс назвался капитаном люфтваффе Альфредом Хорном и принял приглашение выпить чашку чая. Через некоторое время прибыли офицеры из расположенной недалеко английской комендатуры. Гесс потребовал проводить его к владельцу замка Дунгавел герцогу Гамильтону. К удивлению «капитана Хорна», его просьба выполнена не была и ему на первых порах пришлось удовлетвориться комнатой в военной комендатуре.

«Бергхоф». 11 мая 1941 года

Существует добрый десяток описаний того, как Гитлер воспринял известие о поступке своего заместителя. Авторы книг, вышедших во время «первой гитлеровской волны», рисовали необычайно разгневанного фюрера, его полную растерянность и последующие строжайшие меры по отношению к улетевшему Гессу. Так примерно описывал события имперский пресс-шеф Дитрих в своих мемуарах.

Если заглянуть в позднейшие публикации, то в них появились некоторые коррективы. Альберт Шпеер, например, нарисовал такую картину. Когда утром 11 мая он собирался доложить Гитлеру очередную серию проектов послевоенной перестройки Берлина, у входа в кабинет фюрера в его баварской резиденции уже стояли два адъютанта Гесса — Пинч и Лейтген. Пинч вежливо попросил Шпеера уступить ему очередь, так как у него, мол, срочный пакет от Гесса. Шпеер согласился. Через несколько минут он услышал голос Гитлера:

— Бормана ко мне!

Борман вбежал в кабинет, а всех посторонних попросили удалиться в верхние комнаты. Затем Гитлер вышел из каби-

нета. С ним был Борман. Вскоре вызвали командующего истребительной авиацией генерала Удета, Геринга, Риббентропа и Лея.

Шпеер запомнил две реплики Гитлера. Первая — вопрос, адресованный Удету: долетит ли Гесс до Англии? Удет высказал сомнение. Затем фюрер сказал:

— Кто мне поверит, что он полетел не от моего имени?

Есть теперь и документальные свидетельства. Одно из них — дневник, который вел секретарь Гитлера Мартин Борман в течение ряда лет. Под датами 11 и 12 мая 1941 года в нем значится:

«11.5. Полдень. Адъютант Пинч доставляет письма заместителя фюрера, который 10.5 в 17 часов 40 минут стартовал в Англию. Совещание с Борманом. Геринг, Риббентроп и Удет вызываются в «Бергхоф».

12.5. Совещание с Борманом, Герингом, Риббентропом, Удетом; формулируется первое сообщение о полете Гесса (вечернее сообщение о полете Гесса для «Национал-социалистише партайкорреспондент») 16.00—18.30. Совещание фюрера с гаулейтерами».

Если сопоставить все данные, то события 11 мая представляются в таком порядке: первое совещание у Гитлера и первое обсуждение известия о полете произошло с глазу на глаз с Борманом. Практически до вечера обсуждение этого, казалось, столь срочного дела не возобновлялось. Оно было продолжено лишь после того, как вечером прибыл Геринг. Видимых результатов совещание не принесло, поскольку никакой официальной информации для прессы не последовало. С английской стороны также не было сообщений.

Дискуссия возобновилась лишь на следующий день. Здесь инициативу проявил Риббентроп. Он высказал опасение, что Лондон может заявить, будто Гесс прибыл для заключения сепаратного мира. Подобная «новость» будет, по мнению министра иностранных дел, губительна для нацистской «оси», так как вызовет у союзников Германии сомнения в лояльности своего партнера. А ведь готовилось нападение на Советский Союз! Тогда Гитлер распорядился дать сообщение в прессу и радио. По предложению Бормана в этом тексте должно было быть сказано о психически ненормальном состоянии Гесса. Сообщение готовилось долго: утвержден был лишь десятый (!) вариант. Он был передан по радио в 20 часов. Что касается лондонского радио, то оно сообщило о прибытии Гесса позднее, изобразив это как «бегство от Гитлера».

Тем временем продолжались поиски объяснения, наилучшего с пропагандистской точки зрения. Новая версия гласила: «идеалист» Гесс был не в своем уме, но он хотел бóль-

шей славы для Германии и пожертвовал собою во имя тех «миролюбивых предложений», которые Гитлер не раз направлял Англии.

Однако фюрер и его сообщники заботились не только о прессе. Так как Борман знал о контактах Гесса с отцом и сыном Хаусхоферами, то Альбрехт Хаусхофер был срочно вызван из Берлина на «Бергхоф». Здесь ему предложили в письменном виде изложить все, что ему известно о полете и идеях Гесса относительно Англии. Альбрехт написал обо всем весьма подробно.

Был вызван на допрос и наш давний знакомый Фриц Хессе. Казалось бы, почему? Ведь он не был ничем связан с Гессом, кроме совместной учебы у Хаусхофера. Но его стали спрашивать совсем не о Мюнхене 20-х годов. В резиденции Риббентропа, замке Фушль, Фрица Хессе (который ни о чем не подозревал!) стали допрашивать сам Риббентроп и Гиммлер.

— Что вы знаете о бегстве Гесса? — спросил Гиммлер.

— О каком бегстве?

Гиммлер пояснил:

— Гесс улетел в Англию, оставив письмо фюреру о том, что собирается связаться с герцогом Гамильтоном!

Будучи человеком осторожным, Хессе решил уйти от опасной темы и стал рассказывать, что в последний раз видел «заместителя фюрера» около года назад и тот говорил ему о твердой воле Гитлера «уничтожить всех англичан».

Тогда оба допрашивавших, видимо, решили открыть карты. Гиммлер прямо спросил:

— Фюрер хочет знать, каковы шансы мирного зондажа Гесса?

На это Хессе отвечал:

— Шансы невелики. Герцог Гамильтон — личность незначительная. У него нет связей ни с правительством, ни с Интеллидженс сервис. Я исключаю, что он может стать посредником для Гесса.

Гиммлер поставил «вопрос-ловушку»:

— А если Гамильтон писал об этом Гессу? [1]

Хессе не поддался на удочку, сказав, что такое письмо могло быть лишь провокацией англичан, которые захотели «завлечь Гесса».

Это объяснение обеспокоило Гиммлера:

— Вы хотите сказать, что Гесс может выдать намерения, связанные с Россией?

Ответил, однако, не Хессе, а его начальник Риббентроп:

---

[1] Гамильтон никогда не писал Гессу никаких писем.

— Гесс не в курсе!

После этого Гиммлер и Риббентроп убыли из Фушля. Министр на прощание обратился к своему подчиненному Хессе с такой сентенцией:

— Ах, если бы фюрер не попался на удочку этого идиота, который уверил его, будто можно с легкостью заключить мир с Англией! Представьте себе, он действительно верил в то, что Гесс добьется успеха!

Этот рассказ Фрица Хессе (у которого в данном случае не было особых оснований кривить душой) — серьезный элемент в противоречивых свидетельствах об отношении Гитлера к истории с Гессом. Ведь далеко не случайно многие историки на Западе склонны верить большому знатоку «коричневой» эпохи профессору Андреасу Хилльгруберу, писавшему, что «Гитлер перед своей свитой очень умело разыгрывал роль человека, застигнутого врасплох».

Впрочем, у нас есть еще один важный свидетель — сам Рудольф Гесс. Когда в камере нюрнбергской тюрьмы он составлял заметки о причинах полета, то изложил их в таком порядке: первая его серьезная беседа с Гитлером о перспективах войны состоялась летом 1940 года, во время французской кампании. Тогда Гитлер сказал, что Германии нужен не «новый Версаль», а компромисс с Англией при двух условиях: раздел сфер влияния и возвращение колоний. Развал Британской империи — не в немецких интересах. Именно это заставило Гесса задуматься над тем, что необходимо дать Гитлеру «повод» для начала переговоров с Англией и что таким поводом может стать его неожиданный полет в Англию. В ноябре 1940 года состоялась вторая принципиально важная беседа, во время которой Гитлер и Гесс установили полное единство в том, что «необходимо отказаться от высадки в Англии» и начать военное вторжение в Советский Союз. «Я придерживался мнения, — писал Гесс, — что, несмотря на то, что англичане отклонили все прежние мирные предложения фюрера, можно все-таки добиться соглашения с ними. И шансы эти возрастут после начала войны Германии с Россией».

Итак, мысли Гесса и Гитлера совпадали. Ведь Гитлер однажды сказал в кругу своей свиты:

— Я бы охотно вел эту войну против большевизма вместе с английским флотом и авиацией в качестве наших партнеров! [1]

Надо ли после этого спорить: знал Гитлер о замысле Гесса или не знал?

---

[1] Эти слова Гитлера записал стенограф ставки 3 апреля 1942 года.

В последнее время появились новые документы и свидетельства по этому вопросу. Одно из них принадлежало американскому коменданту тюрьмы в Шпандау, в которой отбывает наказание Гесс. Полковник Юджин К. Бэрд, который служил в Шпандау с 1964 года, многие годы регулярно нарушал порядок: вопреки уставу тюрьмы он неоднократно вел беседы с Гессом на политические темы. Более того, когда в 1966 году он получил приказ сжечь личные документы Гесса, он сохранил их и предложил Гессу на основе этих бумаг совместно написать книгу о событиях 1941 года. Гесс долго думал над этим, в конце концов согласился и начал диктовать Бэрду свои воспоминания. Об этом узнали, полковника уволили в 1972 году в отставку. Однако ему удалось взять с собой все записи. Так родилась книга Бэрда, вышедшая в 1974 году.

Книга начинается с биографических данных Гесса, которые, впрочем, были известны и раньше. Эти записи Бэрда лишний раз подтвердили, какое важное положение занимал в свое время Гесс.

— Скажите, Гесс, — спросил Бэрд, — если бы вы все начали сначала, то поступили бы так же? Так же изучали бы геополитику и так же до конца приняли философию Гитлера?

— Да, я сделал бы это, — без колебаний ответил Гесс. — Я пошел бы по такому же пути и кончил бы его здесь же, в Шпандау. Я бы полетел и в Шотландию. Ведь у меня есть собственные убеждения...

— Даже если бы путь этот означал войну с целью расширения границ Германии?

— Я от всей души хочу вернуть Германии ее былое величие, которым она обладала до первой мировой войны...

— И вы снова бы служили Гитлеру?

— Полковник Бэрд, разумеется, я служил бы Гитлеру!

Эти слова престарелого военного преступника (сейчас ему уже за 80), точно записанные Бэрдом, служат лучшим доказательством правоты тех, кто не соглашается на освобождение Гесса. Это освобождение было бы не только оскорблением памяти жертв Гитлера и Гесса, но прямым поощрением современного неонацизма. Ведь у Гесса и Гитлера и сейчас есть приверженцы, которые хотели бы все повторить сначала...

Бэрд затронул и полет в Англию:

— За эти годы вы не раз рассказывали о вашем полете. Что за ним скрывалось?

— Гитлер не хотел падения Англии. Он намеревался прекратить борьбу, однако не знал, что я для этого полечу

в Англию. Я взял ответственность на себя. Это была моя идея, и я не хотел заранее знакомить с ней Гитлера. Я оставил ему письмо у моего адъютанта Пинча.

Итак, снова версия об «одиночке Гессе»? Бэрд несколько раз возвращался к ней во время бесед с Гессом и усомнился в том, что тот говорит правду, особенно когда в Национальном архиве США изучил документы Карла Хаусхофера. Можно лишь присоединиться к этим сомнениям, если познакомиться с новыми изысканиями, касающимися «отца геополитики». О них мне рассказывал известный боннский историк, профессор Ганс-Адольф Якобсен, готовивший к печати архив Хаусхофера.

Карл Хаусхофер был одним из теоретических столпов рвавшегося к власти нацизма. Мы уже говорили, что его «геополитика» обосновывала претензии Германии на якобы не хватавшее ей «жизненное пространство». Хаусхофер считал, что это «жизненное пространство» Германия должна завоевать не одна, а совместно с Англией. Убежденный монархист и антикоммунист, он видел в Британской империи пример «господства над миром». Из предыдущих глав мы знаем, что таких взглядов придерживался не только Хаусхофер. Это была империалистическая платформа международного капитала. С одной стороны Вильсон, Хор, Чемберлен, Монтегю Норман, с другой — Хаусхофер, Вольтат, Хессе, Вайцзеккер, Шахт. Разве это не подлинный «интернационал бизнеса»? Занимал в нем свое место и Рудольф Гесс.

Хаусхоферы оставили обширный архив. Я приведу из него лишь несколько документов, дающих представление о «духовной» и «практической» подготовке полета Гесса.

3 сентября 1940 года Хаусхофер-отец писал из Мюнхена своему сыну: идет «подготовка к серьезной и жестокой операции против известного острова» (нетрудно догадаться, что речь шла об Англии. — **Л. Б.**). Но еще не поздно «предотвратить ужасные последствия». Поэтому надо «обсудить возможности с каким-нибудь посредником, например со стариком Гамильтоном или с другим Гамильтоном».

В письме не уточнялось, откуда появилась мысль о встрече с Гамильтонами, которых знали и отец и сын. Зато отец вспомнил, что в Лиссабоне живет его хорошая знакомая миссис Вайолет Робертс, дочь бывшего вице-короля Индии лорда Робертса. Был известен и ее адрес: Лиссабон, почтовый ящик 506. Об этом он сообщил Гессу.

10 сентября Гесс писал Карлу Хаусхоферу: «Связь мы не должны игнорировать и не должны дать ей заглохнуть. Я считаю, что лучше всего, чтобы вы или Альбрехт написали письмо старой даме, другу вашего дома. Она должна попытаться спросить друга Альбрехта, готов ли он приехать в нейтральную страну, где она живет, чтобы побеседовать с ним».

Сам Гесс предлагал другие варианты: неофициальную встречу в третьей стране в ближайшее время; использование «нейтрального» знакомого. «Заместитель фюрера» был вполне конкретен: он готов был дать указание агенту «Заграничной организации»[1] отвезти письмо в Лиссабон «старой даме» и сообщить ей условные адреса посредников.

Но главное Гесс не хотел доверять бумаге. 8 сентября у него был Альбрехт. Они провели двухчасовой разговор с глазу на глаз. Прежде всего Гесс спросил Альбрехта, есть ли возможность рассказать о мирных пожеланиях Гитлера какому-нибудь влиятельному человеку в Англии? Гесс даже разъяснил смысл «пожелания»:

— Продолжение войны — самоубийство для белой расы, даже в случае нашего полного успеха в Европе. Германия не в состоянии взвалить на себя наследие Британской империи. Фюрер не хотел разгрома империи и не хочет этого сейчас. Неужели в Англии нет никого, кто бы это понял?

В ответ на это Хаусхофер довольно резонно сказал, что гитлеровская Германия потеряла доверие даже у английских «мюнхенцев». Англия не потерпит ни сильного немецкого флота, ни сильной авиации. Какой из этого выход? Надо создать некую федерацию «против советской Евразии» на базе тесного англо-германского сотрудничества, вплоть до слияния армии и флотов.

Гесс прервал собеседника:

— Почему же Англия готова заключить такой союз с Соединенными Штатами, а не с нами?

Хаусхофер вразумительного ответа не нашел. Он стал говорить о том, что английскому характеру Гитлер противопоказан, об ошибках нацистской пропаганды против «английской плутократии».

— Я придерживаюсь того мнения, — заметил он, — что о мире скорее всего были бы готовы говорить как раз те англичане, которым было что терять, то есть разумная часть так называемой плутократии.

Вслед за этим зашла речь о тех англичанах, которые лично были известны Хаусхоферу своими прогерманскими настроениями. Он назвал послов в Будапеште О'Малли, в Мадриде — Сэмюэля Хора, в США — лорда Лотиана. Сказал он и о герцоге Гамильтоне-младшем, который «в любой момент может найти путь к самым высокопоставленным особам в Лондоне, в том числе к Черчиллю и королю».

Свою запись беседы 8 сентября Альбрехт Хаусхофер завершил строками: «Из всего разговора у меня сложилось определенное впечатление, что он проведен не без ведома

---

[1] «Заграничная организация НСДАП», которой руководил гаулейтер Боле, подчинялась непосредственно Гессу.

фюрера и что я не получу новых указаний, пока об этом не будет достигнута договоренность между фюрером и его заместителем».

15 сентября А. Хаусхофер отослал запись беседы отцу, 18-го он написал ему о своих сомнениях по поводу формы письма Гамильтону; 19-го отправил проект письма и копию своего послания Гессу; он уточнял «технические детали», предупреждая об опасности перехвата письма Канарисом или Гейдрихом. Хаусхофер предлагал составить письмо в заведомо «невинных выражениях» и предложить встречу в Лиссабоне; в случае же, если англичане никак на это не отреагируют, послать в Лондон «нейтрального курьера». При этом Хаусхофер-младший не выражал особого оптимизма по поводу «возможности достижения компромисса между фюрером и правящей верхушкой Англии». Шансы, на его взгляд, были невелики.

Тем не менее, Гесс дал команду действовать. Он позвонил Альбрехту Хаусхоферу, предложив передать письмо своему брату Альфреду Гессу — сотруднику гаулейтера Боле. Письмо было написано 23 сентября. Но в тот же день Хаусхофер-младший отправил отцу весьма пессимистическое послание, в котором снова и снова сомневался в успехе всего плана. «Я хочу зафиксировать, — писал он, — что речь идет об операции, инициатива которой принадлежит не мне».

В письме А. Хаусхофера Гамильтону говорилось:

«Дорогой Дугло[1], даже если есть малейший шанс, что это письмо дойдет до Вас, я готов его использовать... Если Вы вспомните о некоторых моих сообщениях периода июля 1939 года, то Вы и Ваши высокопоставленные друзья поймут сейчас значение моего предложения встретиться с Вами где-либо в одном из окраинных государств Европы, например в Португалии. Я могу приехать в Лиссабон без всяких сложностей на несколько дней, если Вы дадите мне знать...

Надеюсь, Вы найдете способ ответить мне. Письма доходят сравнительно быстро (4—5 дней из Лиссабона), а Вы можете мне написать, использовав двойной конверт. На внешнем — фирма Минейро Сильрикола, Руа де Каис Сантарен, 32/1. Лиссабон. Португалия; на внутреннем — д-ру А. Х. Мои родители присоединяются к моим пожеланиям личного процветания.

С сердечным приветом
Ваш А».

— Вы должны понять, — рассказывал Гесс в тюрьме полковнику Бэрду, — что очень сложно было найти у нас до-

[1] Сокращенное имя Дугласа Дуглас-Гамильтона.

статочно высокопоставленного человека, которому я доверял бы... Мы должны были найти такого человека и свести его на нейтральной почве с английским эмиссаром. Мы ничего не получили от герцога Гамильтона,[1] а надо было действовать незамедлительно.

— Говорили ли вы об этом с Гитлером? У Альбрехта Хаусхофера сложилось впечатление, что вы действовали с ведома и согласия Гитлера.

— Я повторяю: Гитлер не знал, что я хотел полететь в Англию. Но я знал: фюрер одобряет то, что я собираюсь сказать...

Бэрд попытался уточнить:

— Хотите ли вы сказать, что в определенном смысле Гитлер дал согласие попробовать начать мирный зондаж через Альбрехта Хаусхофера?

— Да, так и было...

Прямое признание? Но не будем себя гипнотизировать этой, по сути дела, частной проблемой. Исследуя все обстоятельства полета Гесса, западногерманский историк Бернд Мартин, с некоторыми интересными выводами которого мы ознакомились в предыдущих главах, считает, что вопрос о полете Гесса «надо отделить от вопроса о том, кто ему дал приказ. Он должен быть решен на фоне политической и военной обстановки того времени». А составные элементы этой обстановки были таковы:

— Гесс услышал об интенсивных, но безрезультатных попытках Гитлера достичь компромисса с Англией в июне 1940 года, т. е. в разгар французской кампании;

— примерно в это время у Гитлера созрело решение начать непосредственную подготовку к нападению на Советский Союз;

— Гесс прекрасно знал, что любимым методом Гитлера была посылка «специальных эмиссаров»;

— еще лучше Гесс знал о том, что идея компромисса с Англией (читай: антисоветского сговора) давно вынашивалась в нацистской верхушке.

И вот две даты: 18 декабря 1940 года была подписана директива о «Барбароссе», 10 января 1941 года Гесс совершил свою первую попытку полететь в Англию. А незадолго до этого он пригласил к себе руководителя «Заграничной организации НСДАП» Вильгельма Боле и, посвятив его в свой замысел, поручил подготовить перевод на английский язык нескольких документов; в начале января 1941 года документы были готовы. Как впоследствии сообщал Геббельс, они содержали план «федеративного объединения» стран Европы

---

[1] Письмо к Гамильтону перехватила английская разведка и сообщила герцогу о нем значительно позже.

под германской гегемонией с одновременным сохранением Британской империи. Все та же старая песня, та же идея, которую обсуждали А. Хаусхофер и Гесс!

В качестве непосредственной подготовки «специальной миссии» Гесса были предприняты встречи Альбрехта Хаусхофера с Карлом Буркхардтом (последний, как мы уже знаем, не раз выполнял посреднические функции в 1938—1939 годах).

Встреча с Буркхардтом имела принципиальное значение, ибо тот сообщил Хаусхоферу условия сговора, которые выдвигали в Лондоне. Их подробно изложил Хаусхофер в документе, который ему приказали составить 12 мая 1941 года на «Бергхофе», то есть в тот день, когда Гитлер хотел узнать о шансах Гесса. Документ гласит:

«Общее впечатление Буркхардта о концепции умеренных групп в Англии складывается следующим образом.

1. Английские интересы в восточных и юго-восточных европейских областях (за исключением Греции) являются номинальными.

2. Ни одно английское правительство, считающее себя дееспособным, не сможет отказаться от восстановления государственной системы Западной Европы.

3. Колониальный вопрос не составит особых трудностей, если германские требования ограничатся прежними германскими владениями, а итальянские аппетиты будут укрощены.

Предпосылкой всего этого — на чем делается особый упор — является установление личного доверия между Берлином и Лондоном».

Хаусхофер доложил об этих условиях Гессу и Гитлеру, а после этого 28 апреля 1941 года сам встретился с Буркхардтом в Женеве. 4 мая Гесс имел последнюю беседу с Гитлером. Как впоследствии вспоминал Гитлер, Гесс во время этого разговора настойчиво спрашивал своего фюрера: остается ли в силе тезис «Майн кампф» о необходимости союза с Англией? Гитлер ответил утвердительно [1].

С другой стороны, британская разведка уже знала о действиях Хаусхофера; герцог Гамильтон, письмо к которому было перехвачено разведкой, был наконец поставлен о них в известность и 25 апреля получил указание: восстановить контакты с Хаусхофером и выяснить все подробности. Отметим, что осторожный герцог потребовал, чтобы эти указания были подтверждены специальным приказом, а Форин оффис дал бы ему особый инструктаж. И то и другое было обещано в директиве министерства авиации (Гамильтон служил в королевских воздушных силах) от 10 мая 1941 года.

[1] Содержание этого разговора изложил гауляйтер Боле во время допроса в Нюрнберге. По его утверждению, разговор длился 4 часа.

Таким образом, действия Гесса меньше всего можно считать «импровизированными». Полет был подготовлен не только технически, но и политически.

Глубокие корни

Разбор идеологических и политических воззрений Хаусхоферов, их практической деятельности уже давно стал неотъемлемой частью всех исследований, посвященных полету Гесса. Теперь никто не оспаривает, что именно через Хаусхоферов была осуществлена подготовка полета. Однако, на наш взгляд, этого мало, ибо сей разбор оставляет акцию Гесса в категории экстраординарных действий хотя не одного, но всего лишь троих людей. Дело куда глубже и серьезней, ибо оно было начато далеко не в 1941 году, а еще в дни Мюнхена и не было прервано с вступлением Англии в войну.

Действительно, куда девались все усилия, предпринятые во время Мюнхена, в период бесед сэра Гораса Вильсона с Вольтатом, тайных контактов Геринга? Неужели эта глава англо-германских отношений была закончена и закрыта? Такое предположение не только неверно. Оно противоречило бы самой сущности нацистской политики, которая не оставляла надежд на создание «священного союза» против коммунизма.

Начало войны на Западе вовсе не было концом интриг, имевших целью создание единого антисоветского фронта. Скорее наоборот: оно дало стимул для возобновления старых и поиска новых каналов связей. Повторяю: я не рискую претендовать на полный обзор всех закулисных контактов подобного рода. Назову лишь несколько из них, поскольку в мои руки попали некоторые доселе малоизвестные и даже неизвестные документы. Первая группа этих документов касается нашего давнего знакомого Биргера Далеруса.

...Шведский промышленник, организовавший встречу Геринга с английскими эмиссарами в августе 1939 года, а в последние дни мира сновавший между Лондоном и Берлином для передачи доверительных посланий Чемберлена и Гитлера, — сей поистине неутомимый Биргер Далерус и после того, как война началась, не успокоился. Впоследствии он даже подсчитал, что это стоило ему 23 тысячи фунтов стерлингов. В мемуарах Далеруса о его миссиях 1939—1940 годов сведений немного. Зато в архиве Форин оффиса за это время сохранились десятки донесений английских дипломатов из Стокгольма, Гааги, Берна, Осло и других мест, где он появлялся и передавал английским дипломатам свои меморандумы, составленные на основе личных бесед с Гитлером и Герингом. Обратимся же к этому «досье Далеруса».

Когда началась война, Далерус уехал в Швецию, однако созванивался время от времени по телефону с Герингом. После каждого разговора он посещал британское посольство и передавал послу соответствующую запись. Тот немедленно отправлял ее в Лондон, где о ней докладывали высшим чиновникам Форин оффиса. Последние не закрывали этот прямой канал связи с гитлеровской Германией. Наоборот, постоянный заместитель министра сэр Александр Кадоган дал специальное указание послу в Стокгольме Монсону держать канал открытым!

Так, 24 сентября 1939 года Монсон докладывает: Далерус беседовал с Герингом. 26 сентября Далеруса принимают в Берлине Гитлер и Геринг. Фюрер выражает желание начать переговоры с Англией на «военном уровне» между Герингом и генералом Айронсайдом. 28 сентября Далерус прибывает в Лондон и его принимает Кадоган, а затем — Чемберлен и Галифакс. Они, хотя и отвергают предложение Гитлера, однако выдвигают контрпредложения. В октябре Далерус опять в Берлине. 12 октября он получает от Геринга ответ, согласованный с Гитлером, в котором выдвигаются новые предложения.

14 октября Далерус снова принимается за дело и привлекает в качестве посредника правительство Швеции. Затем он отправляется в Голландию, откуда британский посол Блэнд докладывает, что пытается получить письменный текст немецких предложений. (Эти послания держатся в абсолютной тайне; с ними знакомят только короля Георга VI, Чемберлена и Галифакса). В свою очередь, Далерус включает в игру своего давнего единомышленника — Чарльза Спенсера, а вместе с ним других участников встречи в «Зёнке Ниссен Ког». Он приглашает их в Гаагу. После беседы с Далерусом они возвращаются в Лондон и немедленно сообщают о своих беседах сэру Александру Кадогану. Затем они «выходят из игры», так как в Форин оффисе считают это излишним. По заключению высших чиновников, «Далерус уже наладил все контакты с британским правительством, в которых нуждался».

О чем же шла речь во время этих встреч? Не забудем, что Англия и Германия находились в состоянии войны. Формально и фактически уже сам факт контактов через Далеруса противоречил статусу «воюющих сторон» и подавно противоречил обязательствам Англии и Германии по отношению к своим союзникам. Однако это ничуть не беспокоило лидеров обеих стран, которые как ни в чем не бывало обменивались «эвентуальными идеями» по поводу прекращения огня и заключения мира. Другое дело, что выдвинутые в этом туре переговоров предложения не устраивали ни Берлин, ни Лондон. Но ведь это был начальный тур!

За ним последовали другие. В них приняли участие: шведский посол в Англии Бьерн Притц (кстати, друг Далеруса) — он вел от лица немцев переговоры с заместителем министра иностранных дел Англии Батлером; немецкий посланник в США Томсен — он встречался с английским послом лордом Лотианом; и даже папа Пий XII, предложивший свое посредничество в деле заключения «компромиссного мира».

О роли папы стало известно уже в 60-е годы, однако сейчас тому получены дополнительные подтверждения. В 1973 году скончался бывший посол Франции в Ватикане виконт д'Ормессон. Перед смертью он встречался с американским иезуитом Робертом Грэхемом и сообщил ему следующее: когда он прибыл в Ватикан в 1940 году, тогдашний ватиканский статс-секретарь кардинал Маллионе высказался за мирные переговоры между Англией и Гитлером. Французский посол поддержал эту идею. 28 июня 1940 года Маллионе передал немецкому послу свое предложение о посредничестве. На него вскоре последовали ответы: «папский делегат» в Лондоне сообщил, что здесь «существует идея мира», причем речь идет не о сохранении какой-либо части империи, а о «совокупности принципов, на которых базируется содружество». Со стороны держав «оси» Ватикану последовал такой ответ: Гитлер хочет получить Эльзас-Лотарингию и бывшие немецкие колонии в Африке, Муссолини — Ниццу, Корсику, Мальту и англо-египетский Судан. И в таком случае они согласны на существование Британской империи с доминионами, но без колоний...

В игру вступили и деятели международного делового мира. Глава крупной голландской авиационной компании КЛМ Альберт Плесман появился 24 июня 1940 года у Геринга и предложил ему план, на основе которого должен был произойти раздел сфер влияния между Германией, США и Англией. Сферой влияния Англии должна быть ее империя, Соединенных Штатов — американский континент, а Германии — континентальная Европа. Плесман предлагал включить в сферу немецкого влияния Африку. Это предложение было передано в Лондон. Документы Плесмана находятся в архиве мюнхенского Института современной истории, и я внимательно с ними познакомился.

По спирали

Изучение архивов имеет одну особенность: здесь каждый найденный документ вызывает необходимость дальнейшего поиска. И вдруг через десяток-другой страниц, разделенных

немалым отрезком времени, встречаешь то же самое имя, хотя и в другой ситуации.

Были все основания полагать, что и в документах 1940 года я рано или поздно встретил бы имя принца Макса Гогенлоэ. И вскоре это предположение оправдалось: среди материалов Форин оффиса я увидел запись беседы принца Макса с полковником Кристи — начальником немецкого отдела Интеллидженс сервис. Содержание было такое, о каком можно было предполагать: в нем были отражены недовольство Геринга договором о ненападении с Советским Союзом и подготовка им компромиссного мира с Англией...

Но на этот раз Гогенлоэ не удовольствовался полковником Кристи. Его партнером стал английский посол в Швейцарии сэр Дэвид Келли. Вот что последний вспоминал по этому поводу в своих мемуарах:

«Перед моим отъездом из Лондона[1] сэр Роберт (Ванситтарт. — **Л. Б.**). под большим секретом сообщил мне имена двух немцев, которых я, в случае если они обратятся ко мне, должен выслушать. Как-то в июне бывший швейцарский посол в Лондоне г-н Паравичини пригласил меня посетить его вечером и, если я не возражаю, встретиться с принцем Максом Гогенлоэ-Лангенбург... Это был один из тех, с кем я должен был встретиться.

Так состоялась первая из трех-четырех встреч, для которых Гогенлоэ приехал в Швейцарию. Они происходили за 5—6 недель до того, как начались бомбежки Англии... Гогенлоэ каждый раз все настойчивее старался вручить мне послание, которое, по его словам, исходило от Гитлера. Согласно ему, Гитлер не хотел наносить ущерба ни Великобритании, ни Британской империи (хотя указывалось на полезность соглашения о бывших германских колониях) и не хотел выдвигать репарационных требований. Его единственное условие состояло в том, чтобы мы заключили мир и дали ему в Европе полную свободу действий».

Далее Келли утверждает, что не вел никаких переговоров и лишь хотел достичь «оттяжки» (так как Гогенлоэ связывал ответ с началом бомбардировок Англии). Мол, он сообщил о предложениях Гогенлоэ сэру Роберту и не получил никакого ответа.

Но так как мы располагаем не только документами Келли, но и архивом самого принца Гогенлоэ, то имеем возможность восстановить события с бо́льшей определенностью. В одной из заметок, составленных после войны, сам Гогенлоэ писал:

«В первые дни войны мы сняли виллу в Гстааде (Швейцария), так как наши дети учились в Лозанне и Гстааде. В мае 1940 года я поехал в Богемию навестить свою мать и посмот-

---

[1] Келли уезжал в Швейцарию в начале 1940 года.

реть, как идут дела в моем замке и имении. Сюда я пригласил профессора из Берлина, который любил охотиться, — это давало мне возможность запастись мясом для семьи (на мясо в то время были ограничения). Я был очень благодарен ему за информацию о том, что происходит в Берлине, а также за советы и предупреждения. Он помог мне сформулировать мои мысли; я их записал таким образом, чтобы они были приемлемы для Берлина... Профессор ожидал в предстоящие три месяца принятия важных решений, так как различные инстанции просили его дать исторические и юридические консультации по поводу следующих трех проектов.

I. **Вторжение или бомбардировка Великобритании.** Гитлер, исходя из своей расовой теории и восхищения перед английским народом, был склонен избежать этого... Геринг не хотел брать на себя ответственности за такие действия, зная намерения Гитлера и настроения в его войсках. Генералы были озабочены невероятными потерями в людях и технике и рассуждали о том, что, проиграв сражение, Гитлер должен пасть. В Берлине понимают, что даже захват Британских островов не покорит английский народ. Это не будет концом войны, ибо британцы будут сражаться при помощи других стран империи и Америки. Зная, что у меня много друзей в Англии, профессор посоветовал мне срочно помешать этому плану. Я полностью с ним согласился.

II. **Вторжение в Россию.** Чтобы передать настроения, царившие в Берлине, я расскажу... что послал Герингу и полковнику Остеру две почтовые открытки с моими комментариями. Это были копии картины Давида «Наполеон форсирует Березину»...

III. **Война с Англией путем вторжения в Африку, на Ближний Восток и в Индию.** Эти планы имеют сторонников в Берлине, однако их не разделяют Риббентроп и его клика, которые требуют прямого нападения на Англию.

Таковы были тезисы профессора, которые дали мне представление о ситуации».

Кто был «профессор из Берлина»? Есть основания предполагать, что это был д-р Рейнхард Хён — человек, известный в берлинских кругах не только как ученый. Хён имел чин бригадефюрера СС и был первым начальником центрального отдела IV Управления в Главном управлении имперской безопасности СС, т. е. гестапо. Это придавало миссии принца дополнительный вес.

Принц далее пишет:

«Получив в моем богемском замке информацию от профессора, я перепроверил ее через моего друга в ведомстве Хевеля в Берлине, у хорошо знакомого мне бывшего посла в Испании и у полковника Остера. После этого я вернулся к семье в Гстаад, как раз начинались школьные каникулы.

При случае я говорил об огромной опасности вторжения в Британию. Для каких-либо действий в Восточной Европе в этом году уже было поздно. Что касается действий в Африке, то к ним готовились, хотя об этом не было договоренности с Италией.

Я вспоминаю об обеде с Буркхардтом, о встрече с папским нунцием, далее с оказавшимся в Швейцарии другом Ванситтарта и с Паравичини. Ему я сказал, что охотно встречусь с Келли, которого знаю по Мексике с 1925 года. Паравичини пригласил меня на ужин; на нем были его дочь, несколько знакомых, супруги Келли и испанский посол... После ужина я беседовал с Келли об актуальных проблемах и об огромной опасности для Британии. Мы договорились снова встретиться в Берне. Инициатива принадлежала не Буркхардту, не Паравичини, не Келли. Это было мое пожелание.

В начале июля ко мне приехал германский посол в Берне, чему я очень удивился. После беседы на общие темы он вручил мне запечатанный конверт из ставки от Хевеля. Посол торопился и лишь после его отъезда я вскрыл конверт. В нем было письмо. Оно начиналось так: «Главная ставка фюрера. Посол Хевель». И далее: «После длительных размышлений фюрер принял решение вступить в союз с Англией...»

Я был удивлен спокойным тоном письма и отсутствием ультимативных требований... Насколько я помню, в нем называлась дата, кажется, сентябрь. До этого времени предложение должно было быть принято, иначе начнутся бомбардировки Англии. Я считал и считаю сейчас, что предложение было сделано всерьез. Добавлю, что письмо было подписано не только Хевелем, но и юридическим советником министерства иностранных дел Гауссом».

Это поистине любопытнейший документ: он показывает, как далеко заходили нацистские главари и их эмиссары в стремлении вывести Англию из войны и, может быть, сделать ее союзником в походе против Советского Союза. Любопытно и другое: упоминание Карла Буркхардта. С ним Гогенлоэ встречался не раз в 1940 году, зондируя позицию Лондона. А в 1941 году с тем же Буркхардтом встречался Хаусхофер, готовя полет Гесса!

Есть еще одна причина для того, чтобы придать достаточное значение переговорам Гогенлоэ — Келли. Выясняется, что и в действиях Гогенлоэ принимали прямое участие американские представители. На это до сих пор не известное обстоятельство я натолкнулся в том же архиве принца.

Среди меморандумов, собранных дочерью Гогенлоэ, было несколько телеграмм и писем. Письма принадлежали Паравичини (посреднику в контактах Гогенлоэ — Келли), Фрэнку Эштон-Гуэткину, Лесли Рэнсимену. Но телеграммы...

Первая из них — из Лондона в Лозанну. Некто за подписью Смит (это имя встречалось мне и раньше в переписке Гогенлоэ с деятелями Форин оффиса) 9 сентября 1939 года извещал принца, что «уведомил Роялла Тайлера в Лиге наций» и тот «передаст ваши приветы». Заглянув в справочники и покопавшись в своем досье, я установил, что Р. Тайлер — американский экономист: в конце 20-х годов он был заместителем финансового комиссара Лиги наций в Венгрии. Но уже следующая телеграмма содержала упоминание человека куда более известного. Из Лондона 13 октября 1939 года Гогенлоэ извещали (он находился в Гааге), что его просят позвонить по поводу встречи. С кем? На телеграмме рукой принцессы Гогенлоэ (дочери принца Макса) записано: «Беседа с Даллесом». Даллес! Будущий руководитель бюро стратегической разведки США в Швейцарии, а после войны — глава ЦРУ?! Шпитци, комментировавший мне документы из архива Гогенлоэ, подтвердил это.

14 октября из Лондона пришла еще одна телеграмма: «Рекомендую вам встретиться с лицом, которое позвонит вам по телефону. Виземан» (принцесса на полях разъясняет: Уильям Виземан, американский банкир, друг Даллеса). Через день он же сообщал Гогенлоэ: «Приехал сюда на две-три недели. Родители Томми хотят получить консультацию ведущего американского доктора (приписка принцессы Гогенлоэ: «Даллеса»). Постараюсь и извещу вас телеграфно. Уильям Виземан».

19 октября м-р Грэхем (по данным принцессы, — секретарь Даллеса, а по моему предположению, — сам Даллес) сообщал принцу: «Приеду в Лозанну в следующий вторник, прошу подтвердить встречу. Некто позвонит вам завтра в 11.30».

Через день: «Ваш друг Грэхем прибудет в Лозанну утром среду для встречи». Финалом этой переписки была телеграмма американского посла в Швейцарии Гаррисона принцу. Он благодарил за «послание» и выражал уверенность, что сможет еще раз прибыть в Гстаад, т. е. на виллу принца Гогенлоэ.

Эта, хотя и неполная, корреспонденция проливает новый свет на фигуру Гогенлоэ: она свидетельствует о том, что принц, имевший столь «глубокие корни» в Лондоне, располагал не менее важными связями в США — связями настолько влиятельными, что когда в 1940 году в Европу приехал со специальной миссией заместитель госсекретаря США Сэмнер Уэллес, Гогенлоэ получил из Нью-Йорка от Даллеса такое сообщение: «Я порекомендовал Уэллесу, чтобы он связался с вами».

Итак, принц мог вступить в 1940 году в переговоры с Келли, будучи достаточно определенно ориентированным не-

которыми влиятельными кругами американского делового и политического мира. Речь идет о той группе, которая склонялась к сговору с Гитлером и в которой Аллен Даллес был не последним человеком.

«Что хорошо для «Дженерал моторс»...»

Положение США и американских монополий в 1939—1940 годах было своеобразным. Соединенные Штаты — нейтральная держава в конфликте, сохраняли дипломатические и прочие отношения с обеими воюющими сторонами. Но самое главное: связи американских монополий с их немецкими партнерами не были нарушены начавшейся войной. Более того: многие американские концерны сотрудничали с германскими фирмами в таких важных отраслях, как химия, петрохимия и электротехника. Так, в начале 40-х годов с «ИГ Фарбен» были прямо связаны 53 американские фирмы.

Американские исследователи подсчитали, что из 21 вида продукции, которые в 1940 году были признаны первостепенно важными для американского военного производства, 14 производилось... по немецким патентам. В разработке ряда важнейших для военной промышленности нововведений и изобретений американские фирмы сотрудничали с немецкими. Это имело место, например, в производстве 100-октанового бензина, высококачественных масел и электронного оборудования для самолетов. Когда же началась война, сотрудничество отнюдь не прекратилось. Иными словами: многие американские фирмы были союзниками гитлеровской Германии, начавшей войну.

Руководителям крупных американских концернов было не до Польши, захваченной вермахтом; не до того, что — как стало известно американской разведке — германская агрессия будет расширяться. Заботы были иные. Например, после того как возникла угроза снабжению каучуком, промышленность США переориентировалась на искусственный каучук (буну), патент на который принадлежал германским фирмам. В сентябре 1939 года — как раз в момент начала войны! — всемогущий концерн «Стандард ойл» купил у немецкой фирмы «Эльберфельдер фарбверке» патент на буну. Платежи за него вплоть до 1942 года регулярно шли в германские банки. Не в меньшей степени немецкая военная промышленность использовала ресурсы США: в Германию шла американская нефть, а техасский нефтяной магнат Уильям Р. Дэвис даже стал официальным поставщиком немецкого военно-морского флота.

О деятельности ИТТ в Германии мы уже знаем. Но этой монополии отнюдь не уступали другие. Так, еще в 1929 году компания «Дженерал моторс» приобрела под Франкфуртом автозавод «Адам Опель АГ». Это было большое предприятие: уже в 1935 году половина всех немецких легковых автомашин носила марку «Опель». По рекомендации военного ведомства фирма «Адам Опель» построила новый завод, который стал производить грузовики для вермахта и части для танковых и авиационных моторов.

Когда после войны американские историки и экономисты стали подсчитывать, какова же была доля американского делового мира в материальном обеспечении гитлеровской агрессии, цифры оказались сногсшибательными:

— американские заводы в Германии («Опель» и «Форд») произвели для вермахта 90 процентов грузовиков грузоподъемностью до 3 тонн;

— те же заводы выпустили для вермахта 70 процентов тяжелых грузовиков;

— 50 процентов двигателей для самолетов «Ю-88» были произведены фирмой «Опель»;

— эта же фирма выпустила двигатели для первого реактивного самолета «Ме-262»;

— дирекция «Опеля», назначенная руководством «Дженерал моторс», действовала во все время войны и тогда, когда США объявили войну Германии. И после этого сохранились технические и организационные контакты между «Опелем» и «Дженерал моторс», которые осуществлялись через Швейцарию.

Этот циничный примат интересов прибыли над всеми иными соображениями неплохо выразил один из заправил «Дженерал моторс» Альфред Слоан в апреле 1939 года: «Действия международного делового мира должны строго руководствоваться только принципами бизнеса и не принимать во внимание ни политических позиций руководителей фирмы, ни политических позиций тех стран, в которых фирмы функционируют...» И если в свое время родился лозунг: «Что хорошо для «Дженерал моторс», то хорошо для Соединенных Штатов», то Слоан, Бенн, Дэвис и иже с ними предлагали новый вариант: «Что хорошо для Гитлера, то хорошо для американского бизнеса».

Таковы были предпосылки того, чтобы возникла новая идея: не англо-германский раздел мира, а американо-германский! С немецкой стороны ею занялся не кто иной, как... Герман Геринг, опять-таки показывая понимание интересов крупных немецких фирм. Сразу после окончания польской кампании он активизировал свои деловые связи с американскими фирмами. Со специальным заданием в Мексику был послан немецкий промышленник д-р Иоахим Хертслет, ко-

торый должен был заключить крупную сделку по обмену техасской нефти на продукцию немецкой металлургической промышленности. Попутно Хертслет изложил своим американским партнерам, в частности тому же м-ру Дэвису, пожелание Геринга — подумать о новых возможностях в германо-американских отношениях.

... В Лондоне с тревогой следили за этими миссиями. Началось все опять-таки с Далеруса. По указанию Александра Кадогана сотрудник Форин оффиса Робертс 17 октября 1939 года отправился в бюро фирмы «Джон Браун энд К°», где встретился со своими давними коллегами из делового мира Спенсером, Маутеном и Рэнвиком, участниками достопамятной встречи с Герингом 7 августа. Они рассказали Робертсу, что на днях встретили в Лондоне м-ра Рикетта, известного нефтеторговца. Рикетт прибыл не один, а с видным дельцом Уолл-стрит Беном Смитом по специальному заданию Рузвельта: «распознать подлинное положение дел в Европе». Они уже беседовали с Муссолини, а Смит побывал в Берлине. Итог их бесед таков: американцам должно быть безразлично, какую воюющую сторону поддерживать, а продолжать войну нет смысла. Рикетт и Смит рекомендовали дельцам Сити подготовиться к «невероятному послевоенному буму» [1].

Это совещание крайне взволновало английских дипломатов. Ведь если Англия останется один на один с Гитлером, без поддержки США, положение крайне ухудшится!

Но не успели в Лондоне получить информацию (весьма неполную) о Рикетте, как французский посол в Англии Корбэн явился к Кадогану и в крайнем беспокойстве показал ему телеграмму из Парижа. В ней говорилось о том, что на днях в Париж из Берлина прибыл виднейший американский бизнесмен Пол Муни, один из руководителей крупнейшего концерна США «Дженерал моторс». Он беседовал в Берлине с Герингом и тот изложил ему план секретной встречи руководящих деятелей трех воюющих сторон для мирных переговоров. Геринг якобы был готов на большие уступки. Об этом Муни поставил в известность американского посла в Париже Буллита.

К сообщению отнеслись весьма серьезно. «М-р Муни, — писал в специальном меморандуме на имя английского министра иностранных дел его главный дипломатический советник сэр Роберт Ванситтарт, — значительно отличается от господ типа Рикетта, Дэвиса и Смита, на которых имеется весьма неблаговидное досье. Муни — человек с высоким личным авторитетом, давно занимает важный пост в крупной амери-

---

[1] Рикетт был компаньоном У. Р. Дэвиса.

канской фирме и имеет свободный доступ к Буллиту и Кеннеди».

Впрочем, Муни сам появился в Лондоне и направился к тому же Ванситтарту. Как бы разъясняя связи бизнеса и дипломатии, сэр Роберт докладывал министру: «Мой брат уже давно занимает пост директора европейского филиала американской компании «Дженерал моторс». Как вы знаете, это крупнейшая компания такого рода в США. Начальник моего брата — м-р Муни, президент «Дженерал моторс оверсис корпорейшн». Муни — высокопоставленный американец, с большими военными заслугами. Я был с ним знаком, хотя и не поддерживал связи в последнее время. Сейчас мой брат по совету американского посла м-ра Кеннеди устроил мне встречу с м-ром Муни, и вот что он мне сообщил...»

Ванситтарт узнал от Муни следующее: во время недавнего визита в Берлин он встретился с... Гельмутом Вольтатом (!!), а тот свел его с Герингом. 19 октября 1939 года состоялась их трехчасовая беседа. Сначала Геринг изложил Муни свою концепцию: оказывается, в Германии есть «две школы мышления». Одна считает войну делом, решенным окончательно и бесповоротно, другая рассматривает ее как «открытую проблему» и стремится к «обсуждению возможности или невозможности соглашения». Как видим, это был давний и весьма избитый прием, который пускался Герингом в ход не раз.

Тем не менее, Муни выразил готовность рассказать в Лондоне о программе Германии, якобы сводящейся к следующим пунктам:

«1. **Польша.** Германия хочет восстановить автономное польское государство с 14 миллионами населения [1].

2. **Чехословакия.** Геринг хотел бы гарантировать «политическую и культурную целостность» чехов [2].

3. **Россия.** Фельдмаршал Геринг заявил, что если будет достигнуто соглашение по другим пунктам, то его группа предпочтет «вернуться в западную семью». Он заявил, что Германия заключила соглашение с Россией в «состоянии отчаяния» и хочет от него отказаться, как только это будет возможно.

4. **Религия.** Геринг заявил, что он уже сообщил Ватикану о том, что его группа собирается предпринять в религиозном вопросе... Он высокого мнения о папе и может заключить с ним сделку».

Для обсуждения этой программы Геринг и предложил встречу уполномоченных трех держав «на нейтральной почве». При этом снова был упомянут Вольтат. Муни долго об-

---

[1] Это была чистейшая ложь.

[2] Ложь не меньшая!

суждал этот план и стал его сторонником, призвав Ванситтарта «поддержать группу Геринга». Для того чтобы ободрить Ванситтарта, он разъяснил ему: речь идет о «тройственном разделе сфер влияния» — дележе мировых рынков между Германией, Англией и США.

Не требуется особых усилий, чтобы увидеть коварный смысл замысла Геринга, поддержанного главой «Дженерал моторс». Ведь в беседе с Муни он был гораздо откровенней, чем Муни это передал англичанам:

— Если мы сегодня заполучим соглашение с англичанами, — сказал Геринг, — то завтра сбросим русских за борт!

Все те же антисоветские намерения торчали, как ослиные уши, из-за спины гитлеровского фельдмаршала, который изображал себя миротворцем и хотел на антикоммунистическую удочку подцепить Муни, а за ним — Ванситтарта и Чемберлена.

Однако не надо забывать: Муни был только одним из представителей крупного бизнеса США. Были и другие, не менее влиятельные круги, меньше связанные деловыми интересами с Германией и трезво оценивавшие обстановку. Они понимали, что речь идет о борьбе не на жизнь, а на смерть и увещеваниями Гитлера интересы США защитить нельзя. Рузвельт в первую очередь опирался на эти круги, взяв курс на поддержку Англии и последующий разгром Германии и Японии как опасных соперников США. Понимал Рузвельт и то, что за антикоммунистическими приманками таится неуемная агрессивность гитлеровского режима.

Соотношение сил между «изоляционистской» (читай: прогитлеровской) и «антиизоляционистской» политическими линиями во внешнеполитическом курсе США тех лет было сложным и далеко не стабильным. Мюнхен встревожил многих в политическом и деловом мире США. Анализ положения на мировых рынках подтверждал эти опасения. Так, по ряду важных показателей Германия стала обгонять США. Она вышла на первое место в мире по производству каучука, бензина, алюминия, азота, по точной механике и оптике. Хотя к 1938 году Германия еще отставала по общему объему экспорта станков, но обогнала США по экспорту машин, стали и химикалий. Как говорил один из видных представителей «антиизоляционистов» Корделл Хэлл, возникала опасность «полного господства Гитлера в Европе». Он рисовал такую перспективу в случае победы нацизма: «Мы не будем допущены к столу мирной конференции. Мы будем отсиживаться на своих изолированных континентах, блаженно воображая, будто сможем быть реальным фактором при заключении мирного договора, который в действительности будет продиктован Гитлером...»

Конечно, США стояли перед невеселой перспективой потери своих позиций в Европе, где их капиталовложения к 1939 году составляли 3,3 миллиарда долларов. Агрессия Гитлера привела к резкому падению американского экспорта в страны, захваченные вермахтом (1938 год: 25% всего экспорта США, 1940 год — 5%). Недаром конгрессмен Пайерс заявил 25 июля 1940 года: «Битва идет прежде всего в области экономики, и здесь мы оказываемся в проигрыше. Мы, весьма вероятно, не почувствуем действия бомб, взрывающих здания. Но нам, бесспорно, придется ощутить результаты экономической бомбардировки, которая может разрушить наше финансовое положение...»

Эти веские основания укрепляли позиции тех сил в США, которые не воспринимали убаюкивающих уверений «изоляционистов» и считали необходимым дать отпор германской экспансии, в том числе и военный.

И как ни далеко было от нью-йоркской Уолл-стрит до шотландского замка Дунгавел, куда летел Рудольф Гесс, невидимые нити тянулись через все «социально-экономическое пространство» капиталистического мира, определяя действия политиков. Как бы это ни отрицали апологеты империализма, за полетом «заместителя фюрера» стоял фронт тех международных монополий, которые стремились к антисоветскому сговору. Но в равной мере инстинкт самосохранения господствовавших на Западе социальных и политических групп мешал осуществлению этого сговора. Он и предопределил провал тайной миссии Гесса.

Что произошло в Англии

10 мая Гесс очутился близ замка Дунгавел. Как мы знаем, в резиденции Гитлера это известие вызвало немалое замешательство. Не меньшим было оно и в Лондоне: Черчилль опасался, что если Гесс привез с собой приемлемый компромисс, то «мюнхенцы» могут снова одержать победу. Поэтому с Гессом обращались, как с «горячей пышкой».

Сначала — 11 мая — его идентифицировал герцог Гамильтон. В беседе с ним Гесс уже намекнул «на мирные условия», которые он привез с собой. Затем к Гессу был послан эксперт Форин оффиса, бывший сотрудник английского посольства в Берлине, лично знавший его сэр Айвон Киркпатрик. Встречи состоялись 13, 14 и 15 мая: каждая длилась несколько часов. По воспоминаниям Киркпатрика, смысл высказываний Гесса был таков: компромиссный мир, необходимость отставки Черчилля, раздел сфер влияния, признание

интересов Германии на Ближнем Востоке или... блокада и «голодная смерть» Англии...

Автор одной из книг о Гессе В. Шварцвеллер, процитировав эти «предложения», не без основания пишет: «Настало время выбросить на свалку истории залежавшуюся легенду (а в нее часто охотно верят) о том, что Рудольф Гесс был одиноким миссионером гуманности и высшим его желанием был только мир, но его благородная миссия натолкнулась на стену непонимания. Человек, который топчет цветы в моем цветнике, мучит мою кошку и терроризирует моих друзей, а потом говорит, что я могу у себя на задворках сажать гвоздики, редиску и капусту, если я разрешу ему в любой момент снова топтать сад, мучить кошку и терроризировать моих друзей, — такой человек не может называться «ангелом мира». Это грубый, хотя и наивный вымогатель».

Шварцвеллер выбрал слишком вежливое сравнение: ведь на деле речь шла не о гвоздиках и редиске, а о миллионах человеческих жизней, о Ковентри и всей Англии. Самолеты люфтваффе не мучили кошек, а уничтожали людей. Тем не менее, до сих пор господа из организаций в защиту Гесса требуют человечности к преступнику.

А тогда, в мае 1941 года, лидеры Великобритании решили продолжать свои беседы с человеком, «топтавшим цветник». Черчилль, узнав о содержании разговора Киркпатрика с Гессом, заметил, что, видимо, у Гесса есть и другие намерения. Начались споры, в ходе которых неожиданным образом в прессу просочились сведения о предварительных контактах Гесса и Гамильтона. Английское правительство опровергло их вопреки истинному положению дел и тем самым усилило недоверие общественности: а вдруг действительно речь идет о сговоре?

К примеру, в Токио полет Гесса вызвал полное замешательство. Немецкий военный атташе в Японии Кречмер доносил в Берлин, что японцы крайне обеспокоены перспективой англо-германского соглашения. Ведь предстояло японское нападение на Сингапур! В свою очередь, в Риме полагали, что Гесс послан самим Гитлером (так записал в своем дневнике министр иностранных дел граф Чиано 16 мая 1941 года). И в Вашингтоне задавали вопросы: неужели оживает дух «умиротворения»? Рузвельт считал, что в английской верхушке этот дух весьма силен.

Если исходить из логики военной ситуации, при которой Англия и Германия находились во вражеских лагерях (причем Англия в те дни уже знала, что война вскоре будет расширена ввиду ожидавшегося нападения Германии на СССР), то, конечно, притязания Гесса должны были быть немедленно отвергнуты, а сам он подлежал заключению в лагерь для военнопленных. Какой, действительно, мог быть разговор с

ним? Казалось бы, англичанам было все ясно: по заявлению Гесса, «Германия была намерена предъявить России определенные требования, которые должны быть удовлетворены либо путем переговоров, либо в результате войны». Именно так доложил своему правительству о беседе с Гессом Киркпатрик.

Однако английское правительство практически вступило в переговоры с Гессом, поручив это лорду-канцлеру Джону Саймону. Переговоры состоялись 9 июня.

О чем же шла речь 9 июня 1941 года в Митчет плейс, что близ авиационной базы Олдершот под Лондоном? Сюда Гесс был переведен на «постоянное жительство», причем оно ни в коем случае не напоминало по своим условиям о месте содержания военнопленного, которым практически являлся Гесс. Это был обычный дом со всеми удобствами, охранявшийся солдатами королевской гвардии (последнее весьма импонировало «заместителю фюрера»).

Протокол[1] содержит более 80 страниц, причем Саймон именуется в нем «психиатром д-ром Гатри», Киркпатрик — «д-ром Маккензи». Гесс обозначен буквой «Дж» (англичане дали ему псевдоним «Джей» — «Сойка», дабы в документах имя Гесса не упоминалось). Протокол начинается так.

«**Совершенно секретно**
9.VI.1941
С 14.30 до 17.30

Д-р Гатри. Я полагаю, что наш план очень хорош. Мы находимся здесь, с нами — стенограф, свидетель г-н Масс, далее — в качестве переводчиков д-р Маккензи и капитан Барнс.

Г-н имперский министр, меня проинформировали, что вы прибыли сюда, будучи облеченным некой миссией, и что вы хотели поговорить по этому вопросу с кем-нибудь, кто мог бы передать это правительству. Как вы знаете, меня зовут д-р Гатри, и я уполномочен правительством выслушать вас, беседовать с вами и ответить, насколько это будет возможно, на любые вопросы, которые вы хотите поставить мне...

Дж. Я очень рад, что прибыл г-н Гатри.

Дж. Я знаю, что мое прибытие очень трудно понять.

Дж. Ввиду того, что это был экстраординарный шаг, я не могу ожидать иного отношения.

Дж. Именно поэтому я хотел бы начать с того, что объясню, как я прибыл сюда.

Дж. Эта идея пришла мне, когда я был вместе с фюрером во время французской кампании в июне прошлого года...[2]

---

[1] Его представила защита Гесса в Нюрнберге.

[2] В оригинале каждая фраза Гесса дается с новой строки, видимо, из-за последовательности перевода. Далее мы будем приводить фразы без перерывов.

Д-р Гатри. Может быть, вы предпочли бы употребить выражение «я пришел к этому решению» и повторить эти слова. Это лучше, дабы не произошло никакого недоразумения.

Переводчик. Хорошо.

Д-р Гатри. Итак, будьте любезны повторить последнее предложение: я не совсем понял его.

Г-н стенограф, будьте любезны повторить.

Секретарь. Я пришел к решению прибыть сюда после того, как я видел фюрера во время французской кампании в июне...»

Гесс не торопился, он начал издалека: с Версальского договора, с «миролюбивой политики» Гитлера в 30-х годах. Он долго рассказывал о «мирных деяниях» фюрера, например об аншлюсе Австрии. Поучая своих английских собеседников — мастеров по ханжеству, — заместитель Гитлера заявил, что при аншлюсе Австрии «был осуществлен демократический принцип, потому что 95% населения впоследствии проголосовали за аншлюс». О мюнхенском соглашении Гесс сообщил Саймону, что Гитлер «был счастлив и верил, что это было началом взаимопонимания с Англией».

Однако вслед за этим Гесс, явно забыв о том, где он находится, стал обвинять Чемберлена и Черчилля в германофобии, а Польшу — в том, что она и только она виновна в войне. Более того: он начал приводить примеры... нарушения Англией международного права, чернить ее за колониальную политику в Индии и Ирландии. После этого Гесс возложил на Англию ответственность за немецкие бомбежки мирного населения. Это было слишком даже для дипломатичного лорда. Протокол фиксирует:

«**Д-р Гатри.** Могу ли я прервать нашу беседу с разрешения г-на рейхсминистра, потому что я до сих пор внимательно слушал его рассуждения о немецкой точке зрения на войну со времени ее начала. Разумеется, я перечитаю все, что он сказал. Я не хочу мешать и хочу быть хорошим слушателем.

Дж. Да.

Д-р Гатри. Со своей стороны, я хочу сделать ему комплимент и воздать ему должное. Конечно, он поймет, что я не разделяю его точку зрения на войну. Я надеюсь, что он поймет, что если я не возражал ему, то вовсе не потому, что согласен с ним. Мы должны признать тот факт, что отношение к этой проблеме у нас разное. Главная цель, с которой я пришел сюда, это выслушать его.

Дж. Это не надо переводить, я понял. Я так с самого начала и предполагал. Я упустил из виду, что надо было в самом начале оговориться, что я не рассматриваю отсутствие возражений как согласие. С другой стороны, я должен от-

метить, что эта тема относится к общим проблемам нашей беседы, то есть к тому, что говорил д-р Гатри.

Д-р Гатри. Я хочу, чтобы меня точно поняли. Надеюсь, что я выражаюсь достаточно ясно. Я лишь хочу быть достаточно вежливым. Я хотел бы приступить к делу и перейти к настоящему обсуждению, которое наконец приближается. Хорошо, если мы понимаем друг друга.

Дж. Я, разумеется, предполагал с самого начала, что могут возникнуть разногласия по многим вопросам.

Д-р Гатри. Разумеется. Это реальная проблема, которая в конечном счете будет решена лишь историей.

Дж. Я все это сказал только для того, чтобы д-р Гатри понял нас, чтобы он понял, как немецкий народ рассматривает ситуацию по каждому пункту — независимо от того, верно это или неверно.

Д-р Гатри. Да, я понимаю это. Нет никакого сомнения, что г-н рейхсминистр поймет это в ходе его миссии. Он должен помнить, что британский народ — это гордый народ, народ господ[1]. Ему не так просто понять все доводы, если они не выражены дружески. И поэтому я хотел бы услышать те предложения, с которыми он прибыл».

Но и тут Саймон не услышал столь желанных для него предложений Гесса. Вообще нельзя удержаться от улыбки, читая протокол допроса: в нем более 80 страниц, и достопочтенному лорду удалось добиться от Гесса более или менее ясных ответов лишь к исходу 60-й! После первого напоминания о необходимости приступить к делу Гесс ударился в историю, после второго стал расхваливать люфтваффе и грозить уничтожением Британских островов. При этом он быстро «менял пластинки»: сначала уверял, что Гитлер вовсе не хотел конфликта с Англией. Однако, позабыв об этой «мирной» мелодии, Гесс быстро перешел к угрозам. Добрый час он распространялся о мощи люфтваффе и о той участи, которая ожидает Англию. Здесь терпение Саймона снова лопнуло:

«**Д-р Гатри.** Теперь я должен вас прервать, г-н Гесс. Мне довольно трудно следовать за вами. Раньше вы говорили о том, что г-н Гитлер очень сопротивлялся тому, чтобы подвергать бомбардировке города нашей страны. Теперь же вы заявили, что его политика выглядит совсем по-другому и что он является несгибаемым руководителем Германии. Дальше вы сказали, что германское гражданское население выражает большое неудовольствие. Я не могу понять, как может гражданское население выражать неудовольствие. Как можно сказать, что, с одной стороны, в Германии существует боль-

---

[1] Наверное, Гессу было весьма приятно слышать эту типично нацистскую формулировку из уст лорда Джона.

шое озлобление по поводу атак со стороны британских сил, а с другой стороны (вы сказали об этом чуть позднее), что с Германией ничего не может случиться, потому что разработаны все планы для защиты гражданского населения и сооружены необходимые бомбоубежища? Одно исключает другое.

Дж. Я этого не говорил. Я только сказал, что наши потери по сравнению с английскими весьма незначительны.

Д-р Гатри. Правда заключается в том, что Германия понесла тяжелые потери от британских бомб. Таков результат.

Дж. Я не сказал, что потери были велики. Я только сказал, что они были меньше, чем английские.

Д-р Гатри. Простите, что я вас прерываю, но я не могу понять, как можно сочетать эти два положения.

Д-р Маккензи. Если учесть, что мы потеряли 30 тысяч человек гражданского населения, а вы потеряли гораздо меньше, как же понять ваши слова о недовольстве?»

После этого Саймон снова попытался вернуться к главной теме.

«**Д-р Гатри.** Теперь я хотел бы вам сказать следующее. Мы уже потратили много времени. Не будете ли вы столь любезны сообщить нам для информации британского правительства, какие предложения вы привезли для обсуждения.

Дж. Будьте любезны перевести последнюю фразу.

Д-р Гатри. Могу ли я просить вас представить ваши предложения для того, чтобы их можно было обсудить?

Дж. Я, безусловно, сделаю это. Только я хотел бы рассмотреть еще один вопрос, а именно о подводной войне.

Д-р Гатри. Пожалуйста, продолжайте. Я готов слушать. В конце концов это цель моего приезда. Да, да, я буду вам очень благодарен, если вы будете продолжать...»

Гесс охотно принял это предложение: тему подводной войны он использовал, чтобы «пугать» Саймона. Лишь к исходу беседы последний заставил Гесса огласить документ, который тот привез с собой. Документ назывался — «Основа для соглашения».

Киркпатрик прочел пункт первый:

«1. Для предотвращения в будущем войн между Англией и Германией будут определены сферы влияния. Сфера интересов Германии — Европа, сфера Англии — ее империя».

Разумеется, Саймон стал уточнять и спросил: «Европа тут несомненно означает континентальную Европу?» Гесс ответил: «Да». Саймон хотел знать еще более точно: «Включает ли она какую-либо часть России?» Гесс начал отвечать, и ввиду важности темы его стал переводить Киркпатрик.

«**Д-р Маккензи.** Он[1] сказал: «Само собой разумеется, что нас интересует Европейская Россия. Например, если мы за-

[1] Т. е. Гесс.

ключим соглашение с Россией, то Англия не должна будет вмешиваться никоим образом».

Д-р Гатри. Я хочу узнать лишь одно: что означает «европейская сфера интересов»? Если сфера германских интересов представляет собой Европу, то, разумеется, надо знать, подразумевается ли Россия, Европейская Россия, та Россия, которая не в Азии, Россия западнее Урала.

Дж. Азиатская Россия нас не интересует.

Д-р Гатри. Хотелось бы знать: Москва и вся эта часть, это часть европейской зоны?

Дж. Нет, ни в коем случае».

Здесь Гесс внес в протокол следующее примечание: «Я не мог этого сказать, это противоречит вышесказанному, или я не понял вопроса».

Но разговор продолжался:

«**Д-р Гатри.** А Италия?

Дж. Италия? Конечно, Италия является частью Европы, и если мы заключаем договор с Италией, то и в этом случае Англия не должна вмешиваться.

Д-р Гатри. Лучше пойдем дальше».

Киркпатрик продолжил чтение документа:

«2. Возврат немецких колоний.

3. Возмещение убытков германским подданным, жившим перед войной или во время войны в Британской империи и потерпевшим личный или имущественный ущерб в результате действий имперского правительства или в результате бесчинств, грабежа и т. п. Возмещение Германией убытков, нанесенных британским подданным, на такой же основе.

4. Одновременно должны быть заключены перемирие и мир с Италией.

Вышеперечисленные пункты были повторно названы мне фюрером как основа для соглашений с Англией. Помимо них, не были уточнены никакие другие пункты».

Тем не менее, Саймон стал уточнять. Например, какова будет судьба Ирака? Гесс заявил, что «Ирак не может быть оставлен на произвол судьбы», но не мог объяснить Саймону, что означает эта формулировка, сославшись лишь на то, что таковы были слова Гитлера (как раз тогда немецкая разведка организовала антибританское движение в Ираке).

Далее Саймон стал настойчиво задавать вопросы о судьбе Голландии и Норвегии, а также Греции. Он хотел знать, намерен ли Гитлер и эти страны полностью исключить из британской сферы влияния? Затем был поставлен вопрос, более всего интересовавший Гитлера: о его тылах на Западе во время похода на Восток. Саймон спросил: «Являются ли все внутренние дела континента германскими?» Гесс ответил: «Мы, как господствующая держава Европы, не должны находиться в постоянном ожидании, что Англия станет вмешивать-

ся в дела других европейских государств. Это главное, что сразу должно быть сказано в пункте о сфере интересов Германии».

Смысл ответа был ясен: Гитлер требовал, чтобы Англия дала ему обязательство не вмешиваться в его «дела» с Советским Союзом! Затем Саймон спросил, означает ли «германское господство» над Европой, что Италия подчиняет свой суверенитет Германии. Гесс спохватился и исправил в тексте меморандума слово «Германия» на «ось». Получилось: «сфера интересов оси — это Европа» и т. д. На вопрос, что это означает, Гесс ответил, что это дело Германии и Италии, которые сами выяснят свои взаимоотношения.

Заканчивая беседу, Саймон сказал:

— Я, конечно, самым точным образом доложу все, что вы сказали, г-н Гесс. Я очень рад, что имел возможность выслушать вас. Вы хотели говорить с представителем британского правительства. Эта честь выпала на мою долю, и мне это тем более приятно, так как мы встречались раньше.

Однако здесь Гесс заявил:

— Теперь я хотел бы дополнительно передать еще кое-что для кабинета, но я могу сказать это только д-ру Гатри. Могу ли я это сделать?

Саймон ответил:

— Но вы должны говорить очень медленно.

Как принято говорить, на самом интересном месте протокол обрывается.

Что же сказал Гесс Саймону наедине? Поставить этот вопрос нас принуждает еще одно обстоятельство. В протоколе есть неясное место. Когда Киркпатрик настойчиво пытался выяснить, имеются ли в высших германских сферах другие (кроме самого Гесса) сторонники компромисса с Англией, Гесс, видимо, не без раздражения заявил:

— Я хочу сказать, и это я твержу вам уже второй день и говорил то же самое герцогу Гамильтону: я редко даю честное слово, ибо привык рассматривать его как святое дело. А сейчас я даю честное слово: документ, написанный мною, отражает то, о чем фюрер говорил мне в многочисленных беседах...

Второй день? Разве беседа продолжалась два дня? Об этом нет никаких письменных свидетельств. Или Гесс имел в виду прежние встречи с Киркпатриком? Вопросов много, но смысл возможных ответов один: речь шла о столь щекотливых делах, что их предпочли не фиксировать в официальных английских документах.

Однако на английских документах свет клином не сошелся. Если обратиться к запискам гитлеровского адъютанта Отто Гюнше, то там смысл предложений изложен определенно: «В разговорах о полете Гесса в штабе Гитлера под большим

секретом передавалось, что Гесс взял с собой в Англию меморандум об условиях мира с Англией, составленный им и одобренный Гитлером. Суть меморандума сводилась к тому, что Англия предоставляла Германии свободу действий против Советской России, а Германия, со своей стороны, соглашалась гарантировать Англии сохранение ее позиций в колониальных владениях и господство в средиземноморском бассейне. В этом меморандуме, кроме того, подчеркивалось, что союз «великой континентальной державы Германии» с «великой морской державой Англией» обеспечит им господство над всем миром».

Да, это куда яснее! Не может быть сомнения, что Гесс довел до сведения англичан свои идеи в самом развернутом виде. Принимавший участие в событиях того времени английский эксперт по вопросам психологической войны Сэфтон Делмерс сообщил уже после окончания второй мировой войны, что в сентябре 1941 года состоялась беседа Гесса с другим членом английского правительства — лордом Бивербруком; Саймон, как утверждает Делмерс, был неспособен расположить Гесса к полной откровенности, и эту задачу выполнил Бивербрук. Гесс прямо сказал ему, что его цель — побудить Англию заключить мир с Германией, чтобы затем совместно действовать против СССР.

Несколько лет спустя появились и мемуары самого Бивербрука, в которых он обнародовал часть записи своей беседы с Гессом. В ней Бивербрук фигурировал под псевдонимом «д-р Ливингстон», Гесс — снова под инициалом «Джей» (нам знаком этот метод записи по протоколу Саймона)[1].

«**Дж.** Англия сейчас ведет очень, очень опасную игру с большевизмом.

Д-р Л. Очень опасную игру с большевизмом?

Дж. Очень опасную.

Д-р Л. Однако я не понимаю, почему Германия напала на Россию.

Дж. Потому, что мы знали, что Россия нападет на нас.

Д-р Л. Но зачем было бы России нападать на Германию? С какой целью?

Дж. С целью революции. Мировой революции».

Разумеется, затасканный тезис о «превентивной войне» не смог убедить Бивербрука, и тот иронически заметил, что у СССР «едва ли хватило бы сил для достижения такой цели». Как утверждает Бивербрук, Гесс вручил ему «длинный меморандум, в котором предлагал, чтобы Великобритания поддержала Германию против России».

Много лет спустя комендант тюрьмы в Шпандау любознательный полковник Бэрд не раз спрашивал Гесса: сообщил

---

[1] По настоянию Гесса разговор состоялся без переводчика.

ли он англичанам дату нападения на Советский Союз? Знал ли он ее? Бэрд повторял свой вопрос по различным поводам. Гесс то говорил, что «не знал», то отговаривался тем, что «ничего не помнит». Наконец Бэрд потерял терпение: он изложил «показания» Гесса таким образом: «Гесс мог выдать гитлеровский план нападения на Россию. Он был одним из немногих, кто знал об этом нападении, которое должно было произойти через шесть недель. Гитлер был вне себя от страха, что Гесс может его предать».

Записав этот абзац, Бэрд перечеркнул его и показал рукопись Гессу. Тот спросил:

— Почему вы зачеркнули этот абзац?

— Я думал, что это было так, — ответил Бэрд. — Однако вы это отрицали во время бесед. Поэтому я все перечеркнул.

— Полковник, я хочу, чтобы вы все оставили в таком виде.

— Но вы понимаете, что это значит? Вы тем самым признаете, что знали о «Барбароссе» до отлета в Шотландию?

— Полковник, я прошу вас все оставить так, как вы написали.

— Итак, вы знали о «Барбароссе»?

— Да, я знал.

— Тогда расскажите мне поподробнее.

— Нет, не сейчас...

Но то, что Бэрд не узнал от Гесса, мне довелось услышать от другого человека. Я уже упоминал о моих беседах с бригадефюрером СА Вернером Кёппеном. Разыскать его помог известный английский историк и публицист Дэвид Ирвинг — специалист по розыску дневников и записей времен нацизма. Он нашел ежедневные отчеты, которые посылал из ставки Гитлера Кёппен как личный представитель имперского министра по делам оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга при ставке фюрера. Записи отличались большой подробностью и представляли определенный интерес. Затем Ирвинг разыскал и самого автора.

— Попытайтесь поговорить с Кёппеном. Он многое видел и многое знает, — посоветовал мне Ирвинг, когда я рассказал ему о своей работе.

Сказано — сделано. Будучи в Мюнхене, я встретился с Кёппеном. Тогда я больше всего интересовался Борманом и наиболее подробно выспрашивал моего собеседника о том, что представлял собой этот зловещий человек. Однако Кёппен рассказал мне и о других своих «знакомых».

— Кстати, — заметил он, — знаете ли вы, что я один из последних, кто видел Рудольфа Гесса перед его отлетом в Англию?

Нет, я этого не знал и с тем большим интересом выслушал рассказ Кёппена.

...В мае 1941 года рейхслейтер нацистской партии Альфред Розенберг был занят выполнением сверхсекретного и исключительного задания, полученного им 2 апреля лично от Гитлера. Розенберг должен был разработать точные планы действий оккупационной администрации в Советской России после того, как вермахт победоносно закончит свой «поход на Восток». 10 мая Розенберг должен был доложить Гитлеру о ходе работ. Для этого ему предстояло вылететь из Берлина в Мюнхен, а оттуда машиной отправиться на «Бергхоф».

Как всегда, Розенберга должен был сопровождать его адъютант Вернер Кёппен. Однако поздним вечером 9 мая в адъютантуре Розенберга раздался звонок. Звонил из Мюнхена бригадефюрер СА Карл-Хейнц Пинч, адъютант Гесса. «Вы должны завтра утром быть у Гесса!» — сказал он Кёппену. Кёппен связался со своим начальником.

— Что-то случилось, надо быть, — ответил Розенберг.

Ранним утром 10 мая самолет Розенберга приземлился в Мюнхене. Здесь его уже ожидала машина Гесса, которая привезла рейхслейтера на квартиру Гесса в пригороде Харлахинг. Кёппен и заместитель Розенберга Шикеданц остались ждать, пока Гесс и Розенберг долго гуляли в саду, с озабоченным видом беседуя о чем-то. Разговор, по впечатлению Кёппена, был очень серьезным. Затем они пообедали и распрощались. Адъютанты и не предполагали, что Розенберг окажется последним собеседником Гесса в Германии. В их присутствии Гесс попрощался с семьей, и обе машины покинули Харлахинг: Розенберг с адъютантами поехали в направлении Берхтесгадена, а Гесс, как выяснилось позже, на аэродром, где его ждал специально оборудованный «мессершмитт».

Кёппен не сомневается, что Гесс получил от Розенберга всю необходимую информацию о подготовке нападения на Советский Союз.

* * *

Что же остается от «загадки» полета Гесса? Поистине немного. В своей политической сущности он загадочности лишен, поскольку оказывается одним из звеньев общего ряда внешне парадоксальных, но внутренне логичных акций международного антикоммунизма. Как и многие его единомышленники, Гесс полагал, что стóит предложить Черчиллю соучастие в походе на Советский Союз, как перед ним откроются все двери. Но двери захлопнулись, ибо не только здравый смысл руководящих политиков Запада, но сам дух времени, настроение миллионов говорили об ином: о том, что только в едином фронте с Советским Союзом возможно спасение мира от коричневой чумы.

Глава седьмая

ЕСЛИ ОТКРЫТЬ СЕЙФ № 14

«Сохранить в полном секрете»

Об этом должны знать только немногие. Гитлер сам составил список лиц, которые должны были получить допуск к шестистраничному документу, автором которого был Генрих Гиммлер. 28 мая 1940 года последний записал: «Фюрер отдал указание о том, чтобы документ был составлен лишь в нескольких экземплярах, не подлежал размножению, и о том, что его необходимо сохранять в полном секрете». С содержанием документа разрешалось ознакомить двух имперских министров и даже не всех гаулейтеров и начальников главных управлений СС.

Что же было в этом документе, составленном 15 мая 1940 года, т. е. в самом начале французской кампании, в тот самый момент, когда надо было планировать следующие шаги третьего рейха? Касался ли он судьбы Франции? Или, может быть, Англии, план вторжения в которую уже в наметках был подготовлен? Нет. Об этом можно было судить по одному лишь названию меморандума: **«Некоторые мысли по поводу обращения с инородцами на Востоке»**.

...Несколько лет назад западногерманский историк Рейнхард Опитц задался интересной целью: он решил сопоставить «европейские планы» германского империализма на протяжении большого исторического периода — от 1900 до 1945 года. Картина получилась поучительная: она рисовала железную последовательность германского крупного капитала в его борьбе за «место под солнцем». Работа Опитца, названная автором «Европейская стратегия германского капитала», может стать важнейшим документальным материалом для выяснения подспудных причин обеих мировых войн. Нет, не Гитлер и не Гиммлер первыми начали задумываться о «дранг нах Остен» — эти планы родились давным-давно. Опитц напоминает о трудах реакционного идеолога времен Вильгельма — Пауля Рорбаха, который мечтал о «расчлене-

нии русского колосса на свои естественные, исторические и этнографические составные части». К ним он относил Финляндию, Прибалтику, Польшу, Бессарабию, Украину, Кавказ, Туркестан, «Московию» и Сибирь. Рорбах иллюстрировал свои идеи следующим образом: Россию можно безболезненно расчленить, как апельсин на ломтики. «Именно так, — пророчествовал он, — будет легко покончить с огромным русским государством».

Прочитав эти разглагольствования, датированные 1916 годом, я сразу вспомнил другую формулу: «В принципе речь идет о том, чтобы удобно расчленить гигантский пирог». Так вещал Гитлер 16 июля 1941 года. Опитц приводит и этот протокол совещания у Гитлера, как бы подчеркивая связь различных этапов стратегии германского империализма XX века. Но этапов было много, очень много...

Когда в Нюрнберге Международный военный трибунал вскрывал все обстоятельства нацистской агрессии, основные усилия подсудимых были направлены на то, чтобы отрицать предумышленный характер заговора против мира, который был составлен гитлеровской Германией. Но уже в дни Нюрнберга часть за частью прояснялась картина планомерной и систематической подготовки нападения на Советский Союз. И не только самого нападения, но и всех возможных последствий!

Одним из тех, кто занимался разработкой подобных «возможных последствий», был только недавно упоминавшийся нами рейхслейтер нацистской партии, особый уполномоченный фюрера по вопросам национал-социалистского воспитания Альфред Розенберг. Д-р Вернер Кёппен рассказывал, как Розенберг готовился к расправе с Советским Союзом:

— Еще задолго до войны с Советским Союзом Розенберг приступил к разработке планов «переустройства» Советского государства после военной победы. Для этого был создан так называемый «Исследовательский институт континентально-европейской политики». Конечно, это был не научный институт в обычном смысле слова, а практический штаб планирования. Он разместился в здании, где раньше находилось югославское посольство в Берлине.

Кёппен продолжал:

— Розенберг видел в этой задаче средоточие своих давнишних помыслов, сводившихся к восстановлению порядка, существовавшего в России до 1917 года...

Об этом говорят и документы. 2 апреля 1941 года в дневнике Розенберга появилась запись: «Розенберг, пробил ваш час!» — такими словами фюрер закончил беседу со мной, длившуюся два часа... Я развивал перед ним мои представления о расовом и историческом положении в Прибалтике,

на Украине, мои представления о борьбе против Москвы, о необходимой экономической связи этой борьбы с Кавказом... Фюрер выслушал с удовлетворением». Запись 11 апреля: «Практически фюрер доверил мне судьбу пространства, которое, по его собственным словам, со своими 180 миллионами населения представляет «целый континент». Не менее 180 миллионов человек будут непосредственно затронуты нашими действиями». 1 июня 1941 года: «Я приступаю к решению задачи всемирно-исторического масштаба: создать противовес Москве и России...»[1]

Однако выполнение этих чудовищных «финальных» планов расправы с советским народом было поручено не Розенбергу, а Генриху Гиммлеру, рейхсфюреру СС.

В научно-популярной литературе СС («охранные отряды») чаще всего рассматриваются как полицейско-карательный аппарат третьего рейха. Для этого есть все основания, ибо именно на СС было возложено выполнение самых кровавых, самых чудовищных злодеяний, причем злодеяний «промышленного масштаба». Именно СС ведало «индустрией смерти» в десятках концлагерей и тысячах застенков фашистского государства. Но у СС были более далекие цели. Это был подлинный организационно-идеологический центр нацизма. Собственно говоря, первоначальные задачи «охранных отрядов» были выполнены СС уже в первые годы после прихода Гитлера к власти. С этого времени организация СС стала превращаться в своеобразный «мозговой трест нацизма» (если можно говорить о мозговой деятельности в данном случае!), причем базирующийся на теснейших связях с деловыми кругами Германии. Недаром Гиммлер придавал такое значение своему «кружку друзей СС», объединявшему крупнейших деятелей промышленного и финансового мира страны.

Гиммлеровское ведомство в своей деятельности преследовало две цели. С одной стороны, это был своеобразный средневековый орден, объединявший отборные кадры нацизма. С другой стороны, это был «закрытый клуб», в котором главари режима и их наиболее верные слуги с полной откровенностью могли рассуждать о своих целях и планах. Такое построение открывало немалые возможности: пока низшие чины СС исполняли карательно-полицейские функции, эсэсовская элита могла беспрепятственно заниматься «перспективным планированием».

Конечно, обретая такую силу, рано или поздно руководство СС должно было сказать свое слово о «конечных це-

---

[1] Дневник Розенберга находится в архиве американского юриста, участника Нюрнбергского процесса Р. Кемпнера.

лях» рейха в войне против Советского Союза. Уже в период планирования нападения на СССР Гиммлер вмешивался в разработку операций генштабом и верховным командованием вооруженных сил, оставив за собой «выполнение особых задач». И пока Розенберг разрабатывал систему оккупационной администрации, в руководстве СС зрели иные планы. Ими занимались три «главных управления» СС — т. н. Главное управление по делам расы и поселений (обергруппенфюрер СС Хильдебрандт), Главное управление имперского комиссара по укреплению немецкой расы (обергруппенфюрер СС Грейфельт) и Центральное ведомство по делам фольксдойче (обергруппенфюрер СС Лоренц).

Распределение работы было таким: ведомство «имперского комиссара по укреплению немецкой расы» (сокращенно РКФДФ) планировало выселение и переселение, «центральное ведомство» разыскивало и набирало переселенцев, а «расово-поселенческое» проверяло их расовую чистоту.

Вот почему Гиммлер еще в 1940 году разработал совершенно секретный документ: программу полного уничтожения славянства. Он предлагал такое обращение с «не немецким населением на Востоке»: «Расово пригодную» часть германизировать, остальных либо уничтожить, либо превратить в рабов, умеющих считать до 50, писать свое имя и подчиняться немцам. На освобождающихся землях предлагалось создать немецкие военные поселения.

— Вы не можете понять, как я счастлив, — сказал Гиммлер своему врачу Керстену весной 1940 года, вернувшись с очередного приема у Гитлера, на котором докладывал свой план. — Фюрер не только меня выслушал, но и одобрил то, что я ему доложил. Это самый счастливый день в моей жизни...

«Самый счастливый день» Гиммлера стал самым страшным днем для народов оккупированных вермахтом стран, ибо он означал начало осуществления безжалостной программы уничтожения, казней и расправ. «Восток отныне принадлежит СС», — так декларировал один из руководителей этой преступной организации. Действительно, с некоторого времени эсэсовские главари стали считать себя полными хозяевами захваченных территорий.

Но нам уже хорошо знакома специфическая черта германского империализма: стремление заранее расписать все, заранее определить все предстоящие действия в мельчайших подробностях. Так было с планом «Грюн», так было с планом вторжения в Англию и с десятками других планов. Должен был существовать и план расправы со славянскими народами.

«Пропавшая грамота»

Летом 1943 года в личной канцелярии Генриха Гиммлера поднялся переполох: пропали важные документы из одного дела. По этому поводу заведующий канцелярией оберштурмфюрер СС Пфейфер писал личному референту Гиммлера оберштурмбаннфюреру Брандту: «Вы должны помнить, что я уже неоднократно говорил об этом деле. Я его пополнил, о чем докладывал начальству. Однако сейчас у меня оказалась лишь небольшая часть документов, и чиновники канцелярии клянутся, что остальное должно где-то найтись. Может быть, вы припомните, где они лежат? На основании оставшихся документов мы не можем продолжать работу».

Действительно, к Брандту не раз обращались по этому поводу. Еще в апреле ему докладывали, что в делах замечен беспорядок. Оказывается, на «заколдованные» документы заведены целых три дела. Два из них нашлись, третье оставалось у Гиммлера на столе, и референты не могли обрабатывать материалы. В мае удалось кое-что найти, но не хватало какого-то «переработанного варианта». Поэтому референты снова убедительно просили Брандта поискать его на столе начальника. В июне от автора «переработанного варианта» (его имя мы скоро узнаем) поступило разъяснение, что он еще ждет ответа от Гиммлера. «Да, я помню, — сказал автору Гиммлер в апреле. — Он лежит у меня на столе. Я думаю об этих вещах». И лишь в конце года все стало на место: канцелярия нашла все документы, подшила их в дело и 1 января 1944 года успокоилась, сообщив Брандту: «Все дело находится в сейфе № 14» [1].

Что же содержалось в делах, так взволновавших канцелярию Гиммлера, и почему в январе 1944 года переполох окончился? Ответы на эти вопросы связаны с самыми тяжкими нацистскими преступлениями, долгое время остававшимися неисследованными. Речь идет о так называемом генеральном плане «Ост» — одном из центральных планов нацизма, имевшем целью не только ликвидацию Советского Союза как государства, но и физическое истребление всего славянства с последующей германизацией всего востока Европы до Урала, а может быть, и до Сибири.

Впервые об этом плане заговорили во время Нюрнбергских процессов, в частности суда над обергруппенфюрером Грейфельтом, возглавлявшим имперский комиссариат по укреплению немецкой расы. Однако в руках американского обвинения не оказалось тогда всех документов. Они были обнаружены позже, когда западногерманский исследователь

---

[1] Копии всех этих документов находятся в архиве мюнхенского Института современной истории.

профессор Ганс Хайбер натолкнулся в архивах на материалы, относящиеся к этому плану. В документах NO-2585 и NO-2325 прямо говорилось о генеральном плане «Ост», и публикация, осуществленная Хайбером в 1958 году на страницах исторического журнала «Фиртельяресхефте фюр цайтгешихте», стала подлинной сенсацией. Полный текст обнаруженных документов был переведен на многие языки, опубликован во многих странах, в том числе и в СССР.

Но вот досада: Хайбер обнаружил важные документы, связанные с планом, но самого плана не было! Работая в архивах ФРГ, я спросил самого профессора Хайбера, удалось ли ему найти всю документацию по этому вопросу. Хайбер ответил отрицательно. Когда же в Институте современной истории в Мюнхене я нашел переписку, приведенную выше, то решил, что дело безнадежно. Раз уж в канцелярии Гиммлера не могли найти всех документов, то казалось — через 30 лет на это надеяться бессмысленно!

Но произошло то, на что уже не было надежды. Однажды в беседе с прогрессивным историком ФРГ Петером Кайзером зашла речь о плане «Ост», и он стал припоминать, что недавно видел небольшую заметку на эту тему. В ней говорилось, что при инвентаризации немецких трофейных документов в Национальном архиве США в Вашингтоне одна из сотрудниц нашла какие-то новые документы об оккупационной политике нацистской Германии. Не стану описывать всех этапов розыска, но в один прекрасный день на моем рабочем столе в Бонне оказался толстый ролик микрофильма, полученный из Вашингтона. Схватив его, как драгоценность, я помчался в фотокопировальную мастерскую и через пару дней смог прочитать на заглавном листе: «Генеральный план «Ост»... Архивный номер 484/173. Правовые, экономические и территориальные основы развития Востока. Представлен оберфюрером СС профессором д-ром Конрадом Майером. Берлин — Далем, июнь 1942 года». Здесь же были американские архивные номера: VII-66-C-12-2/20, Box № 9876, NAUS T-84, Roll 73». Вместе с этим 84-страничным документом в ролике были и другие интересные материалы, которые в сочетании с документами, найденными Хайбером и другими исследователями, давали возможность достаточно полно реконструировать важнейшие элементы наисекретнейшего плана коричневой клики [1].

Этим мы и займемся.

---

[1] Некоторым из моих коллег повезло больше. Известный польский историк Чеслав Мадайчик обнаружил и опубликовал этот документ раньше. Он также был обнаружен сотрудниками Центрального государственного архива ГДР, которые познакомили западногерманского историка Рейнхарда Опица с некоторыми его фрагментами. Опиц использовал их в своей большой работе о планах германского империализма.

Как рождался план

Сейчас мы располагаем возможностью поэтапно вскрыть историю создания плана «Ост». Если в мае 1940 года Гиммлер сформулировал его основные цели, то как только прогремели первые залпы вермахта по советским городам, а именно спустя только два дня после начала войны — 24 июня 1941 года — рейхсфюрер СС вызвал к себе одного из своих подчиненных — оберфюрера СС профессора (!) Конрада Майера и дал ему задание: разработать план колонизации и германизации тех земель, которые подлежали захвату. И тут началось!

Первый, предварительный вариант был представлен 15 июля 1941 года и получил одобрение.

Второй, основной вариант был представлен Гиммлеру тем же Майером 28 мая 1942 года. Очередное одобрение со стороны Гиммлера последовало очень быстро — 12 июня. Однако он сделал дополнительные замечания; в частности, расширил территориальные масштабы плана.

Новый, третий вариант был готов в конце 1942 года, после чего наступила пауза.

Как же выглядел основной вариант (он был переслан Гиммлеру в начале июня 1942 года)? Если открыть первую страницу плана, то на ней напечатано оглавление — как и положено в любом солидном документе. Вот оно:

«СОДЕРЖАНИЕ

Часть В. Отграничение колонизируемых районов от остальных оккупированных восточных областей и основные принципы их развития

I. Карта: районы поселения и опорные пункты на Востоке

II. Таблица: потребность в поселенцах и стоимость строительства в районах колонизации и опорных пунктах в восточных областях (без полиции и вермахта)

III. Разъяснения к 1 и 2 пунктам 71»

Такое содержание может озадачить некоторых читателей. На первый взгляд, это вполне солидное сочинение, трактующее вопросы переселенческой политики. Таблицы, графики, сметы — что в этом предосудительного? Нет никаких указаний ни на расправы, ни на концлагеря, ни на уничтожение населения. Но может быть, такие указания найдутся в тексте? Что ж, откроем первые страницы плана, которые начинаются с раздела «Общие руководящие идеи». Он гласит:

«Силой немецкого оружия восточные территории, являвшиеся предметом споров на протяжении веков, окончательно завоеваны для рейха. Отныне рейх рассматривает в качестве своей благороднейшей задачи превращение этих областей в кратчайший период в полноценные имперские области (гау). Первейшей предпосылкой для этого является заселение сельских районов и создание здорового крестьянства. Для системы немецких поселений должны быть приняты нижеследующие принципы:

а) Для проведения подобной огромнейшей колонизаторской задачи надо провести отграничение заселяемых районов, определяемое этнографическими мотивами.

б) Как говорит накопленный опыт, успех колонизации в решающей степени зависит от создания единой системы управления во всех колонизируемых областях.

На тех восточных территориях, которые уже включены в рейх, руководство и контроль над проведением колонизации должно быть передано имперскому комиссару по укреплению немецкой расы.

Остальные заселяемые области должны быть выделены из прежнего государственно-правового и территориального подчинения и на время колонизации подчинены рейхсфюреру СС в качестве марок[1] рейха... Для колонизационных

[1] В плане используется средневековый термин «марка», обозначающий пограничные укрепленные районы.

опорных пунктов, соединяющих отдельные марки, действуют принципы предыдущего абзаца, установленные для включенных областей...»

И так далее и тому подобное. Чистая администрация, аграрная политика?

Извращенность в квадрате

Не хочу долго мучить читателя бюрократическими формулировками профессора Конрада Майера, хотя впоследствии нам еще придется вернуться к ним. Но с самого начала уместно избавиться от всех сомнений, о которых говорилось выше, и тогда мы поймем некоторые очень важные стороны как гитлеровской, так и всей империалистической демагогии.

Тот, кто подробно знакомится с нацистской документацией, не может не заметить, что в ней употребляется специальный эвфемистический жаргон. Например, вы очень редко встретите слово «уничтожение» — сплошь и рядом речь идет об «особом обращении». Вы не найдете выражения «расстрелять всех» — зато натолкнетесь на ученое выражение «пацифицировать».

Различные инстанции третьего рейха немало преуспели в поисках канцелярских терминов для сокрытия процесса уничтожения людей. Только в самых секретных документах употребляются слова «ликвидировать» или «подвергнуть экзекуции». Но, собственно говоря, это было нарушением строжайшего приказа. Поэтому когда начальник комендатуры г. Керчи 7 декабря 1941 года доносил: «уничтожено около 2500 евреев», то затем он перечеркнул эти слова и от руки вписал: «переселено». 810-я полевая комендатура (близ Евпатории), докладывая о расстреле женщины-еврейки с трехлетним ребенком и только что родившимся младенцем, рапортовала: указанные лица «подверглись обращению, соответствующему директивам». Местная комендатура города Тирасполя, уничтожив с 29 сентября по 3 октября 1941 года 682 человека, так доложила об этом: «682 гражданских лица оформлены». Сообщивший мне эти факты большой знаток немецкой военной документации Н. Д. Дятленко добавил, что в одном из приказов по комендатуре г. Бреста за осень 1941 года он нашел прямое указание — не употреблять глагол «ликвидировать».

Впрочем, профессор Майер не должен был утруждать себя поисками эвфемизмов. Его задача была проще — произвести расчеты для заселения как бы безлюдной территории.

О том, что произойдет с коренным населением, он не беспокоился, ибо знал, что соответствующие части генерального плана «Ост» разрабатываются непосредственно в Главном управлении имперской безопасности СС (РСХА).

Эвфемизмы гитлеровского жаргона родились и на другой базе. Для нацизма процедура уничтожения человека стала нормой, и главари рейха рассматривали это как нечто само собой разумеющееся, как обычное явление. Тот самый «обыкновенный фашизм», который пригвожден к позорному столбу в знаменитом фильме Михаила Ромма, занимался уничтожением мирного населения как своей обыкновенной работой. Для этого не надо было даже говорить о самой процедуре — она уже была ясна. Таково было чудовищное извращение нормального здравого смысла, самого человеческого языка: ведь язык дан нам для общения, для совместной жизни, для постижения смысла бытия. Нацизм же вывернул смысл человеческого языка наизнанку.

Извращенная психология преступников порождала извращенный язык и мышление. Например, когда специалисты из отдела «Т-4» имперской канцелярии, возглавлявшегося обердинстлейтером[1] Браком, и эсэсовского отдела «II-Д», которым командовал оберштурмбаннфюрер Рауфф, предложили использовать выхлопные газы грузовиков для уничтожения людей, они вовсе не хвастали тем, что изобрели наилучший метод уничтожения невинных жертв. Нет, оказывается, они лишь заботились о них: во-первых, при погрузке в машину человек и не подозревает, что идет на казнь, во-вторых, из закрытого кузова не доносятся крики и окружающее население не будет обеспокоено. А Брак добавлял: чувствительные эсэсовцы будут освобождены от неприятной обязанности смотреть, как гибнут люди...

Примерно так же объясняли свои нововведения и эсэсовские палачи, соорудившие в Освенциме камеры смерти, которые были оборудованы как душевые. Только сверху не лилась вода, а сыпался «Циклон». Комендант Освенцима Рудольф Хёсс даже хвастался: «В Треблинке жертвы всегда знали, что они умрут, а у нас жертвы думали, что их подвергнут санитарной обработке».

Нацисты очень заботились о том, чтобы их, не дай бог, не сочли врагами рода человеческого. Агрессия против Советского Союза, нарушение всех пактов и соглашений? Нет, «превентивная война» против «злых большевиков», готовивших захват всей Европы. Истребление миллионов мирных жителей? Нет, всего-навсего «переселение» в более удобные места жительства. Казнь в душегубке? Нет, только «специальная обработка».

---

[1] Звание в НСДАП.

Только исходя из этих особенностей нацистской методологии и терминологии, можно разобраться в документах нацистской поры, в том числе и в генеральном плане «Ост». В нем особенно ярко выразилась своеобразная «триада»: сначала циничный, откровенный **замысел**, затем наукообразный, до мелочей продуманный **план** и, наконец, **воплощение замысла в жизнь огнем и мечом.**

«Триада» в действии

Начнем с замысла.

Мы знаем, что он родился еще в 1940 году. Однако наиболее откровенно и подробно его изложил Гиммлер в одной из речей перед высшими чинами СС и полиции в своей полевой ставке «Хегевальд» близ Житомира. Речь была произнесена 16 сентября 1942 года, т. е. еще до Сталинградского поражения, примерно в те дни, когда Гитлер объявил, что «мы там (т. е. в Сталинграде. — **Л. Б.**) и оттуда не уйдем». В этих условиях Гиммлер решил подробно объяснить своим подчиненным, что именно надо сделать с оккупированными странами Восточной Европы — с населением Чехословакии, Польши и в первую очередь Советского Союза. Вот основные положения его речи:

«...Вы должны смотреть на местное население только глазами, которыми должен смотреть кадровый эсэсовец с идеями СС в крови... Было бы очень хорошо, если бы все понимали, что означает тот факт, что мы, 83 миллиона немцев, наши союзники и вместе с нами работающая на нас Европа должны справиться с 200 миллионами русских... Из этого должны вытекать такие следствия: мы сейчас завоевываем передовые позиции Азии. Мы должны собрать все, что попадается во всем мире из германской крови. Отсюда первый принцип, который вы должны себе зарубить на носу: если вы когда-нибудь встретите на Востоке человека с хорошей кровью, то его нужно либо привлечь к нам, либо уничтожить.

...Надо учиться у англичан не на теории, а на практике; учиться тому, как они обращались с индусами. Мы должны вообще научиться тому, чтобы один человек германского происхождения был в состоянии без всякой помощи владычествовать над областью со 100 тысячами людей. Из этих 100 тысяч работоспособных будет, наверное, тысяч 50. В их распоряжении будут камни, дерево, солома, зерно, скот. Пусть они себе строят из этого свой собственный рай, но господствовать должен немец. Правда, об этом мы должны говорить возможно реже.

...На будущие 20 лет после окончания войны мы, нынешнее поколение, ставим перед собой следующие задачи — и это в первую очередь относится к СС:

1. В качестве первой и самой важной цели мы должны на этой территории сделать все, чтобы объединить германские народы. Германцев нужно объединить не только внешне, но и внутренне, — для того, чтобы из нынешних 83 миллионов стало 120 миллионов сознательных германцев...

2. Мы должны добиться решающего успеха в наиважнейшей области, а именно в области сохранения крови...

Третья проблема — дать людям землю! Недавно на одном из совещаний группенфюреров я заявил о том, что в течение 20 лет мы должны колонизировать нынешние восточные германские провинции, начиная с Восточной Пруссии до Верхней Силезии, а также все генерал-губернаторство[1]. Мы должны германизировать и заселить Белоруссию, Эстонию, Латвию, Литву, Ингерманландию[2] и Крым. В остальных районах мы должны действовать так, как мы начали действовать здесь, а именно: вдоль маршрутов, имеющих военное значение, вдоль наших шоссе, железных дорог и сети аэродромов построить небольшие города по 15—20 тысяч жителей. Каждый город должен иметь гарнизон в качестве охраны. Вокруг него в радиусе 10 километров будут созданы немецкие деревни. Это ожерелье поселений мы продвинем вплоть до Дона и до Волги и, я надеюсь, даже до Урала... Мы, как эсэсовцы, своими идеями, нашей жизнью и воспитанием, а также нашим участием в боях должны добиться того, чтобы был создан германский Восток, простирающийся до Урала. Это будет оранжерея германской крови. Тогда через 400—500 лет в случае возможного конфликта континентов в нашем распоряжении будет не 120 миллионов, а 500—600 миллионов германцев».

Бред маньяка? Разглагольствования сумасшедшего? Нет, таков был замысел, за которым и последовала вторая часть «триады» — педантично разработанный план профессора Конрада Майера.

Я не хочу отягощать читателя чтением всего плана. Но вот его важнейшие элементы. Часть «А» начинается с раздела «Требования, предъявляемые к будущей системе поселений».

«1. Сельские поселения. Проведение операции по созданию поселений в захваченных восточных областях проходит под руководством и наблюдением имперского комиссара по укреплению немецкой расы. Районы поселений, которые будут

---

[1] То есть оккупированную Польшу.

[2] Германизированное название Ленинграда и прилегающих к нему территорий Ленинградской и Псковской областей.

захвачены позже, будут выделены в отдельные области и на период выполнения программы будут подчиняться исключительно рейхсфюреру СС в его функции имперского комиссара по укреплению немецкой расы. Вся земля и полезные ископаемые будут принадлежать рейху, представителем которого будет являться рейхсфюрер СС. Под его руководством будут созданы ленные дворы...

2. Городские поселения. В городах, как и в сельских местностях, монополия на владение землей принадлежит рейху. Учитывая, что желательным является максимальная привязка к земле (строительство собственных домов), в городах необходимо предусмотреть большую гибкость при интерпретации права собственности. Программа социального жилищного строительства должна учитывать потребности восточных районов.

3. Создание колонизационных марок. В тех восточных областях, которые уже включены в состав рейха, поселения становятся частью общей администрации и подлежат законам, которые действуют на территории рейха. Что же касается тех районов, которые будут захвачены позднее, то их управление должно учитывать потребности и заявки, исходящие из интересов укрепления немецкой расы. На этом основании необходимо сделать указанные районы специальными административными единицами. Эти административные единицы на период развития системы поселений следует выделить из нынешнего государственно-правового и территориального целого и подчинить власти рейхсфюрера СС в его функции имперского комиссара по укреплению немецкой расы. Компетенция подобного характера должна быть учтена правовыми, административными и исполнительными нормами.

...На передовом фронте борьбы немецкой расы против русачества и азиатчины существуют определенные области, перед которыми стоят особые общеимперские задачи. В этих областях для обеспечения охраны рейха нужно использовать не только власть и организацию, но и все оседлое немецкое население. Здесь, в совершенно чуждом окружении, немцы должны быть посажены на землю и обеспечены на длительное время. Сначала такими областями предлагается сделать Готенгау[1] и Ингерманландию. Затем предлагается добавить Мемельско-Наревскую область...»

После того как Майер разработал столь стройную систему управления районами, подлежащими колонизации, он перешел к самому процессу колонизации или, как он выражался, «германизации». Этому посвящены разделы «Б» и «В» генерального плана.

---

[1] Крым и Херсонская область.

С самого начала эсэсовец в профессорском звании разъяснял тем, кто должен был читать его проект, что он понимает под «германизацией» отнюдь не процесс превращения славян в немцев путем «использования человеческого материала» (так, Борман удивлялся большому числу голубоглазых и блондинов среди русских и украинцев). Не шла речь и о передаче славянам «германского культурного наследия». Нет, определение процесса германизации звучало иначе: «Германизация рассматривается завершенной, когда, во-первых, земля и полезные ископаемые переданы в немецкое владение; во-вторых, когда владельцами самостоятельных предприятий, чиновниками, служащими, квалифицированными рабочими, включая их семьи, станут немцы. Согласно наметкам, содержащимся в планах-эскизах, сельское население будет составлять примерно 2,9 миллиона человек, городское — 4,3 миллиона. Для германизации в селах численность немцев должна достигать около 1,8 миллиона, в городах — около 2,2 миллиона».

Иными словами, германизация, по понятиям СС, должна была состоять в полной колонизации захваченных территорий и превращении местного населения в рабов. Даже в категорию квалифицированных рабочих они не должны были допускаться.

Соответственно этой изуверской задаче и разрабатывались «новые формы колонизации», которые выглядели в генеральном плане так:

«...Задача насыщения огромных пространств Востока немецким порядком и укладом ставит рейх перед настоятельной необходимостью найти новые формы колонизации, которые приведут в соответствие размеры территорий и необходимое для них количество немцев. В генеральном плане «Ост» от 15 июля 1941 года[1] было предусмотрено выделение новых районов поселений в течение 30 лет. По указанию рейхсфюрера СС план исходил из заселения следующих районов:

1. Ингерманландия (Петербургская область).

2. Готенгау (Крым и Херсонская область, бывшая Таврия).

Далее предлагаются:

3. Мемельско-Наревская область (район Белостока и Западная Литва).

Эта область совместно с включенными в рейх восточными территориями принадлежит к предполью и в геополитическом смысле представляет собой перекресток обоих направлений колонизации. В результате возвращения фольксдойче уже идет германизация Западной Литвы.

---

[1] Этот вариант до сих пор не обнаружен.

Представляется необходимым, чтобы эти три района были превращены в колонизационные марки с распространением на них специальных правовых установлений, так как на эти марки выпадает важная в имперском масштабе роль передового отряда германской расы.

Для того чтобы теснее связать эти марки с рейхом и обеспечить коммуникации вдоль основных ж. д. линий и автострад, предлагается организовать 36 колонизационных опорных пунктов (из них 14 — в генерал-губернаторстве). Эти колонизационные опорные пункты примкнут к ныне существующим удобным центрам и совпадут с резиденциями высших начальников СС и полиции. Они будут удалены друг от друга на 100 км. Общая площадь каждого пункта составит примерно 2000 кв. километров, т. е. будет равна площади 1—2 округов в рейхе. На Ингерманландском направлении расположение опорных пунктов будет предусмотрено в две линии, учитывая особое значение Прибалтики для немцев.

I. Германизация

Марки и опорные пункты должны быть германизированы за 25—30 лет. Для этого предусматриваются нижеследующие нормы, необходимые для германизации первых крупных участков колонизации (по пятилетиям).

	Пятилетия				
	первое	**второе**	**третье**	**четвертое**	**пятое**
	Процент германизации в марках				
На селе	50	—	—	—	—
В небольших городах	20	20	10	—	—
В крупных и средних городах	20	20	10	—	—
	Процент германизации в опорных пунктах				
На селе	—	10	5	5	5
В небольших городах	—	10	10	10	—
В крупных и средних городах	10	5	5	5	—

В Ингерманландии будущая численность городского населения предполагается в размере 200 000 (1939 г. — 3 200 000)[1], в Готенгау городское население будет сокращено до 650 000 (1939 г. — 790 000).

[1] Это означало уничтожение всего населения Ленинграда, которое в 1939 году составляло 3 200 000 человек.

а) На селе.

В основу расчетов для Готенгау (Крым и Херсонская область) и для 8 опорных пунктов Украины положены хорошие почвенные условия. Для 14 пунктов Прибалтики, Ингерманландии, в Мемельско-Наревской области (Западная Литва и Белосток) и генерал-губернаторстве расчеты базируются на средних почвенных условиях».

Далее в генеральном плане «Ост» следовала арифметика — арифметика смерти и разбоя. Такие цифры были исчислены эсэсовским профессором:

Для германизации территорий, захваченных до 1941 года, нужны	1,5 млн. человек
Для колонизации захваченных после 1941 года земель и создания опорных пунктов и марок	3,3 млн. человек
Предполагается навербовать немецких поселенцев из всех стран Европы и из-за океана	4,9 млн. человек
Предполагается германизировать на захваченных территориях	0,7 млн. человек
Стоимость колонизации	45 млрд. марок»

Баланс Майера, казалось, сходился: надо 4,8 миллиона человек, можно набрать даже 5,6 миллиона колонистов. Все в порядке! Вермахт и «эйнзатц-группы» быстро очистят захваченные земли от «туземного населения», и не пройдет и 25 лет, как здесь раскинется царство Генриха Гиммлера. Так было предусмотрено на 84 страницах генерального плана «Ост».

Когда стали расшифровывать...

Теперь перейдем к третьей части «триады» — к части практической. Эту работу за нас выполнил один весьма трудолюбивый человек по имени д-р Эрхард Ветцель, сотрудник розенберговского министерства по делам оккупированных восточных территорий. Когда ему прислали «на отзыв» проект Майера, он, как человек практический, стал прикидывать:

«...Генеральный план «Ост» предусматривает, что после окончания войны число переселенцев для немедленной колонизации восточных территорий должно составлять... 4550 тысяч человек... Если принять во внимание благоприятное увеличение населения за счет повышения рождаемости, а также в известной степени прилив переселенцев из других стран, населенных германскими народами, то можно рассчитывать

на 8 млн. немцев для колонизации этих территорий примерно за 30 лет. Однако этим не достигается предусмотренная планом цифра в 10 млн. немцев. На указанные 8 млн. немцев приходится по плану 45 млн. местных жителей не немецкого происхождения, из которых 31 млн. должен быть выселен с этих территорий».

Не надо обманываться: глагол «выселить» означал нечто совсем иное, а именно: «уничтожить». Но вот цифра «31 миллион» была далеко не последней. В ведомстве Розенберга уточняли: «Количество людей, подлежащих согласно плану выселению, должно быть в действительности гораздо выше, чем предусмотрено. Только с учетом того, что примерно 5—6 млн. евреев, проживающих на этой территории, будут ликвидированы еще до выселения, можно согласиться с упомянутой в плане цифрой в 45 млн. местных жителей не немецкого происхождения. Однако из плана видно, что в упомянутые 45 млн. человек включены и евреи. Следовательно, план исходит из явно неверного подсчета численности населения. Отсюда напрашивается вывод, что количество людей, которые должны либо остаться на указанных территориях, либо быть выселены, значительно выше, чем предусмотрено в плане. В соответствии с этим при выполнении плана возникнет еще больше трудностей. Если учитывать, что на рассматриваемых территориях останется 14 млн. местных жителей, как предусматривает план, то нужно выселить 46—51 млн. человек».

У нас есть все основания полагать, что «практик» Ветцель был ближе к эсэсовской истине, чем «теоретик» Майер. У Ветцеля для этого был достаточный опыт: именно он вместе с штурмбаннфюрером Рауффом и обердинстлейтером Браком был изобретателем душегубки!

Располагаем ли мы всей документацией по генеральному плану «Ост»? Советские, польские и чехословацкие исследователи этого вопроса обращают внимание на следующее обстоятельство: план разрабатывался параллельно в двух эсэсовских учреждениях — в штабе Грейфельта (РКФДФ) и в ведомстве Гейдриха (РСХА). Документ, с которым мы познакомились, — один из тех вариантов, который создавался в РКФДФ. Как мы знаем из переписки по этому вопросу, существовали варианты от 15 июля 1941 года, 28 мая 1942 года, конца 1942 года.

Так как «рецензия» Ветцеля датирована апрелем 1942 года, он мог рассматривать либо первый вариант, либо какой-нибудь предварительный текст второго варианта. Но здесь возникает и такой вопрос: а может быть, уже существовал план, составленный в РСХА? В Нюрнберге начальник отдела «III-B» Элих показывал, что в его отделе шли подготовительные работы. Правда, в документе Ветцеля речь идет о «ге-

неральном плане «Ост» рейхсфюрера СС»; такое название мог носить лишь документ, подписанный самим Гиммлером или от его имени. Документ же, родившийся в РСХА (ведомстве Гейдриха), назывался бы иначе (Ветцель, кстати, несколько раз пишет о «плане РСХА»).

Этими вопросами весьма интенсивно занимались польские историки. Так, директор Главной комиссии по расследованию нацистских преступлений в Польше профессор Чеслав Пилиховский придерживается мнения, что первые наброски плана в РСХА возникли уже в 1940 году (Пилиховский условно именует его «малым планом»). Его коллега, директор Института истории Польской Академии наук Чеслав Мадайчик относит первые наброски к более позднему времени, а именно к осени 1941 года. Когда я беседовал с ним в старинном здании на чудесно восстановленной главной площади варшавского Старого Мяста (Старого города), Мадайчик заметил:

— Я основываюсь на следующем: в октябре 1941 года имперский наместник в Голландии Артур Зейсс-Инкварт был принят Гитлером. И речь шла не о чем ином, как о колонизации, заселении Востока. Можно понять, почему Гитлер говорил это Зейсс-Инкварту. Ведь тот раньше был заместителем «генерального губернатора» в Польше; кроме того, он носил звание обергруппенфюрера СС. Я предполагаю, что к этому времени документы по плану колонизации должны были быть готовы...

Действительно, и Ветцель в своей «рецензии» пишет, что ему с ноября 1941 года было известно о работе над планом «Ост» в РСХА. Именно тогда штандартенфюрер СС Элих назвал ему зловещую цифру 31 миллион — 31 миллион человек, подлежавших «выселению». Следовательно, документы РСХА по этому вопросу существовали. И если о моменте начала работы над ними еще имеется неясность, то нет никаких сомнений в том, что в верхушке СС — как в РСХА, так и в РКФДФ — параллельно велось планирование одного из самых чудовищных замыслов в истории человечества, перед которыми меркнут злодеяния Нерона или Атиллы. Чеслав Мадайчик говорил мне:

— Моя гипотеза состоит в том, что если в ведомстве Гейдриха — Элиха составлялся план уничтожения славянства, то Майеру было поручено подсчитать, какие людские и финансовые ресурсы понадобятся для освоения гигантских районов вплоть до Урала. Подобная пунктуальность и тщательность была характерна для подхода Гиммлера к решению задач геноцида, которые практически должны были осуществить отряды СС...

Тут же мой собеседник показал любопытнейший документ, обнаруженный в архиве охранной полиции и СД Позна-

ни. Он представлял собой записки гауптштурмфюрера СС Германа Крумея, сделанные после совещаний в Берлине в феврале и в июне 1943 года. Крумей возглавлял так называемый «переселенческий центр Восток» в Познани, т. е. практически осуществлял планы СС в оккупированной Польше. Совещания проводил все тот же начальник отдела «III-В» в РСХА, штандартенфюрер СС Элих. Записки, сделанные Крумеем от руки, носят отрывочный характер и с трудом поддаются расшифровке. Однако ряд фраз говорит сам за себя:

«Выселение... Советская Россия: народ... это не люди в европейском смысле, рабы... Образовать большую империю, выселять параллельно с колонизацией. Длительность — два или три поколения... Германизация области Варты — за 6 лет. Зона IIa — Прибалтика за 10 лет, зона IIb — южная часть генерал-губернаторства, зона IIIa — северная часть, зона IIIb — ...Львов, IV зона — Днестр... Цель: полная германизация всей территории, а не оккупация... Создание поселений на бывшей советской территории. Немецкие арендаторы получат бывшие советские предприятия... Слияние двух исторических направлений колонизации».

Ну как не узнать во фразах, записанных Крумеем, формулировок Конрада Майера, особенно об «исторических направлениях колонизации»! Дальше Крумей приводит данные, которых мы не находим у Майера, а именно общую цифру уничтожения, разбивая ее по периодам (A, B, C, D, E).

«В течение 30 лет выселить 31 миллион человек

A	6—7 миллионов
B	3 миллиона
C	10 миллионов
D	6—7 »
E	5—6 »

Подлежат выселению[1]

Евреи	100%
Поляки	80—85%
Литовцы, латыши, эстонцы	50%
Галицийцы, западные украинцы	65%
Белорусы	75%»

Эти записи дают ответ на вопрос, который возникал раньше, а именно: почему в плане Майера (т. е. в плане РКФДФ) отсутствовали цифры, касающиеся масштаба уничтожения славянских народов? Их не было, т. к. они указывались в дру-

[1] Читай: уничтожению.

гом документе, а именно в плане РСХА. Через несколько строк Крумей прямо пишет: «**Генеральный план «Ост»** и начинает излагать то, о чем говорилось на втором совещании по этому столь важному для нас поводу.

К сожалению, именно на этих строках записки Крумея кончаются. Однако и сохранившиеся заметки достаточно красноречивы. Они позволяют сделать следующие заключения. Во-первых, еще в феврале 1943 года в штабах СС, в частности в отделе «III-В» РСХА, выполнение генерального плана «Ост» считалось вполне актуальной задачей. Это совпадает и с приводившейся выше документацией РКФДФ, согласно которой интенсивная переписка Гиммлера и Майера шла именно в это время. Во-вторых, подтверждается «исходная цифра» уничтожения 31 миллиона человек на оккупированных территориях. Более того: из записок Крумея видно, что это была сугубо минимальная наметка и Ветцель был куда более близок к эсэсовским масштабам, полагая, что надо уничтожить не 31, а от 46 до 51 миллиона человек.

Чехословацкий исследователь Мирослав Карны считает, что существовала определенная последовательность: в 1941—1942 годах план преимущественно разрабатывался в РСХА, а в 1942—1943 годах — в РКФДФ. Это вполне могло иметь место, учитывая сложное разделение компетенций в аппарате СС. Однако для нас важнее общий итог, из которого вырастает поистине чудовищная картина. Добавлю: из некоторых документов и свидетельств очевидцев явствует, что генеральный план «Ост», в свою очередь, предполагалось включить в еще более широкий «генеральный колонизационный план», касавшийся всей Европы — Западной, Центральной и Восточной.

Польский публицист Кшиштоф Конколевский беседовал несколько лет назад с безбедно живущим в ФРГ бывшим начальником «отдела планирования» главного штаба СС штурмбаннфюрером Александром Долежалеком. Долежалек рассказал, что в его отделе планировали судьбу «всей новой Европы», а именно удел «всех 36 европейских народов». План этот подразделялся на три части («Европа-1», «Европа-2», «Европа-3») — судя по всему, по очередности реализации. Однако, как с сожалением констатировал Долежалек, осенью 1944 года эти работы были прекращены.

Весьма важный документ из всей «майеровской серии» был неизвестен до сих пор. Это — письмо Гиммлера от 12 января 1943 года за номером 47/20/43. Оно являлось ответом на вопрос, который Майер задал рейхсфюреру СС, когда он представил ему очередной вариант плана «Ост» (теперь он стал называться «генеральным планом заселения»). Вот что писал Гиммлер:

«Дорогой Майер!

При первом ознакомлении с генеральным планом заселения я хотел бы ответить на вопрос, который Вы собирались мне поставить во время Вашего последнего визита ко мне.

В район заселения на Востоке следует включить: Литву, Латвию, Эстонию, Белоруссию и Ингерманландию, а также весь Крым и Таврию.

Таково мое первое замечание, согласно которому Вы сможете соответствующим образом переработать план.

Хайль Гитлер!

P. S. Упомянутые области должны быть тотально германизированы, т. е. тотально заселены.

Копии направляются для сведения:

2-я — обергруппенфюреру СС Вольфу[1]

3-я — начальнику охранной полиции и СД

4-я — группенфюреру СС Бергеру[2]».

Это чрезвычайно важный документ. Он дает нам краткий, но выразительный комментарий к генеральному плану «Ост» и ко всем «аграрно-политическим» рассуждениям Майера: все попадавшие под власть СС районы должны были быть **тотально** заселены, т. е. все коренное население «подлежало выселению», иными словами — уничтожению. Приведем небольшой подсчет. По состоянию на 1939 год население указанных «объектов» составляло:

Литва	2,87	млн.	человек
Латвия	1,99	»	»
Эстония	1,12	»	»
Белоруссия	8,46	»	»
Ингерманландия	6,24	»	»
Крым и Таврия	2,00	»	»
	22,68 миллиона человек		

Итак, 22—23 миллиона человек. Если к ним добавить «минимум» 20 миллионов поляков, то мы приближаемся к цифрам Ветцеля, т. е. от 40 до 50 миллионов — только в пределах тех территорий, которые попали под ярмо оккупации к исходу 1942 года. Если же распространить расчеты Майера — Ветцеля (65—85 процентов «выселения») и на те территории, на которые зарились Гитлер и Гиммлер («заселение вплоть до Урала»), то получается цифра порядка 120 — 140 миллионов. Можно констатировать, что **генеральный план «Ост» предусматривал физическое уничтожение 120—140 миллионов человек на территории Польши и Советского Союза** и засе-

[1] Начальник личного штаба Гиммлера.

[2] Представитель СС при министерстве Розенберга.

ление этих территорий 8—9 миллионами немцев. Таковы были наметки каннибалов в эсэсовских мундирах и профессорских мантиях.

Теория и практика

Но не только наметки! Дальше всего зашли эсэсовские меры по германизации и колонизации в Польше — на территории так называемого «генерал-губернаторства».

С самого начала создания «генерал-губернаторства» его оккупационные власти не упускали из вида «дальнюю цель» нацизма — ликвидацию поляков как нации. Об этом выразительно сказал генерал-губернатор Ганс Франк на одном из совещаний в Кракове 30 мая 1940 года: «Территория генерал-губернаторства останется под немецкой властью, причем не в форме протектората или ей подобной, а в ясной форме территории, находящейся под немецким господством, на которой обеспечено абсолютное владычество германской расы над низшим слоем польских трудящихся. Здесь после завершения германизации и возвращения немцев в районы Вартегау, Западной Пруссии, Юго-Восточной Пруссии и Верхней Силезии будет осуществлена долгосрочная германизация. Я открыто говорю о германизации, ибо точно такая же проблема стояла 100 лет назад перед нашими предками, которым противостоял тот же самый чужеродный славянский народ. Обо всем этом я говорил с фюрером, и мы пришли к единому мнению, что эта территория должна быть возвращена немецкой расе. За какой период это произойдет — 50 или 100 лет, — это нам безразлично... Но если мы перед лицом всех трудностей все же стремимся добиться полного господства над польским народом, то мы должны использовать время. Все, что мы обнаружили в виде руководящей прослойки в Польше, должно быть уничтожено».

Таковы были установки Франка. На практике это выглядело так: сразу после оккупации Польши началось выселение «инородцев» из так называемых «включенных в рейх областей» — Силезии, Померании, Познани, Лодзи. С 1939 до июня 1941 года число выселенных составило свыше 1 миллиона человек. Однако на этом этапе еще не производилось массового уничтожения людей: оно началось после нападения на СССР. В 1941 году под руководством Франка был составлен 20-летний план преобразования всей демографической и экономической структуры территорий, вошедших в состав «генерал-губернаторства». Как и в плане Майера, его основой была передача земли в немецкие руки и заселение Польши немецкими колонистами; составление конкретного

плана колонизации было поручено Гиммлером высшему начальнику СС и полиции в Люблинской области обергруппенфюреру СС Одило Глобочнику. Как мы знаем, «высшие начальники СС» были одновременно представителями Гиммлера на местах.

Люблинская область была неким «образцом» политики колонизации. В первую очередь в ней практически уничтожили все еврейское население (его численность с 250 000 была доведена к концу 1942 года до 20 000); затем очередь дошла до поляков. По решению Гиммлера в качестве первого объекта колонизации был избран округ Замостье (директива № 17/С).

Идея сделать район Замостья экспериментальным объектом для колонизации принадлежала самому Глобочнику, который нашел в этом районе остатки древнегерманских поселений. Этого было достаточно, чтобы Гиммлер пришел в восторг от замысла. В беседах со своим врачом Керстеном он говорил: «Посмотрите, какая прекрасная идея! Это крупнейшая колонизаторская операция, которую когда-либо видел мир!»

Глобочник предлагал начать с Замостья, Томашува и Грубешува — городов, находящихся на юге Люблинщины. Затем германизации подлежал огромный четырехугольник, ограниченный Люблином, Житомиром, Винницей и Львовом. Американский исследователь Р. Л. Кёль полагает, что «если бы немцы одержали победу над Россией, то в этом четырехугольнике, где перекрещивались две административные области и проходила граница между украинцами и поляками, возникло бы эсэсовское государство».

Глобочник приступил к выполнению своего замысла. С ноября 1942 по март 1943 года здесь было изгнано со своих земель население 293 деревень общей численностью более 100 тысяч человек. Жителей Замостья ожидала тяжелая судьба: у родителей отнимали детей, примерно $^1/_5$ выселенных предполагалось отправить в лагеря смерти. При проведении акции было расстреляно около 17 000 человек.

Для поселения предназначалось 1000 немецких семей из Бессарабии, 1000 — из Боснии, 200 — из Сербии, 4000 — из Прибалтики, 500 — с Волыни, 200 — из Голландии, Дании, Бельгии, а всего — около 10 000 семей общей численностью до 50—60 тысяч человек. Практически к 1943 году поселено было около 4000 человек; однако 2 февраля 1943 года было признано, что дальнейшее переселение продолжать нельзя. После Сталинграда оккупантам было не до колонизации.

Профессор Ч. Мадайчик приводит такие обобщенные данные по переселению коренного населения из различных районов «генерал-губернаторства»:

1939	год	140 000	человек
1940	»	190 000	»
1941	»	290 000	»
1942	»	265 000	»
1943	»	160 000	»
1944	»	595 000	»

Однако уже акция в Замостье показала, что планы Майера, Глобочника и иже с ними осуществить было не просто. Немецкие оккупационные власти стремились к германизации местного населения, но последнее вело себя совсем не так покорно, как предполагалось. Акция вызвала такой протест (включая усиление партизанской борьбы), что Франк, от которого требовались все новые и новые поставки продовольствия в рейх, был вынужден замедлить темпы колонизации. «Долгосрочные» планы стали препятствием для планов «краткосрочных».

Более того: первые шаги по выполнению генерального плана «Ост» показали, насколько надумана вся теория «жизненного пространства». Выяснилось, что Германия не только не имела избытка населения, но, наоборот, нуждалась в рабочей силе. Не случайно начался массовый угон населения Польши, Украины и Белоруссии в рейх. Хотя Майер предполагал, что в его распоряжении будет более 2 миллионов переселенцев, выяснилось, что их лишь несколько сот тысяч. Так, до 1941 года в Польшу было переселено около 200 000 немцев (однако не из рейха, а из числа немцев, бежавших в рейх в предвоенные годы). Франк раздал им 47 000 крестьянских дворов площадью в 9,2 млн. га; ремесленники получили 20 000 предприятий. Когда же Гиммлер приступил к завершению германизации тех областей, о которых Майер говорил в первой части плана «Ост», то, например, для района по реке Варте пришлось брать фольксдойче из «генерал-губернаторства», что срывало планы германизации Польши. В свою очередь, Франк категорически возражал против того, что СС вербовало переселенцев для Украины среди фольксдойче «генерал-губернаторства».

Та же картина наблюдалась и в «имперских комиссариатах». Рейхскомиссар «Остланда» Гинрих Лозе с первого дня приступил к выполнению генерального плана «Ост» на территории Прибалтики. Раньше всех подлежала германизации Эстония, население которой считалось наиболее чистым в расовом отношении (затем, по мнению Гейдриха, должны были идти латыши и лишь в третью очередь — литовцы). Согласно этому «расписанию», в Эстонии в период оккупации было уничтожено все еврейское население и началась процедура германизации. В первую очередь ей подлежали дети эстонцев.

Следующей областью германизации была так называемая Ингерманландия. Значительную часть населения этого района должны были выселить в Финляндию, а земли — включать в так называемый «административный округ Петербург» («Адольфсбург»).

Процесс германизации на территории Белоруссии задержался, но не по вине Лозе или Розенберга, а из-за героического сопротивления белорусского народа. Розенберг предполагал расширить Белоруссию на восток («вплоть до Орла и Твери»[1]) и сделать ее административным центром Смоленск. Одновременно предполагалось переселить в Смоленскую область часть польского населения, чтобы разобщить белорусов и русских. Но все эти планы остались на бумаге. Что касается Украины, то здесь вставал вопрос о выселении украинского населения и перемещении сюда в качестве «военных колонистов» немцев из Румынии, Болгарии и Югославии. В августе 1942 года из района Винницы было изгнано коренное украинское население: здесь решили соорудить военное поселение «Хегевальд», а в районе Коростеня — «Ферстенштадт». Предполагалось, что они станут центрами германизации. Но вскоре от предположений ничего не осталось!

В Крым по предложению начальника немецкого оккупационного управления в Крыму Фрауэнфельда намечалось переселить немцев из Южного Тироля, а также жителей немецких колоний за Днестром. В 1942 году Гитлер пришел к окончательному решению, что Крым будет «новой родиной для южных тирольцев» (тем самым он хотел ликвидировать потенциальные возможности германо-итальянских конфликтов). Планы переселения южных тирольцев были разработаны довольно подробно, но, конечно же, так и не были осуществлены. Одним из первых из Крыма бежал сам Фрауэнфельд.

Правда, еще в январе 1943 года, в дни Сталинградской битвы, шла усердная переписка между Гиммлером и Майером, Майером и Розенбергом по поводу всех мельчайших деталей плана. Даже в апреле 1943 года, т. е. уже после Сталинграда, непосредственный начальник Майера обергруппенфюрер СС Грейфельт направлял в секретариат Гиммлера доклады, пополняющие «документацию» по генеральному плану «Ост». И, как мы уже знаем, лишь к 4 января 1944 года в канцелярии Гиммлера улеглась буря по поводу «пропавших грамот». Это было после разгрома немецких войск на Курской дуге, освобождения Левобережной Украины и части Белоруссии (заметим — задолго до высадки союзников в Нормандии). Лишь после этого канцеляристы в черных мун-

---

[1] В ведомстве Розенберга, разумеется, не признавали название Калинин.

дирах собрали все документы и положили их в специальный сейф под номером 14. Там они и остались.

Только подвиг Советской Армии положил конец генеральному плану «Ост».

Добавить остается лишь немного: Гиммлер покончил жизнь самоубийством; Конрада Майера судили в американском военном трибунале, приговорили к 25 годам тюрьмы. Но уже в 50-х годах он был выпущен и стал профессором Ганноверской академии планирования. Его перу принадлежало много вышедших в ФРГ сочинений по вопросам переселения. Он умер в 1973 году. Архивы Майера, как любезно сообщила мне его супруга, не содержат никаких материалов по генеральному плану «Ост»...

Но остался сейф № 14 и его содержимое, которое является подлинным обвинительным актом. Обвинительным актом против антигуманных, разрушительных сил мирового империализма в его эсэсовской ипостаси.

От автора

На титульном листе этой книги стоят даты «1933—1941». Тем не менее, читатель мог заметить, что в последней главе шла речь о годах более поздних. Но это не хронологический сдвиг, а скорее хронологический «мостик», ведущий к годам Великой Отечественной войны. Они столь значительны для Европы и всего человечества, что их нельзя отрывать от предыстории второй мировой войны. Операции «Грюн» (захват Чехословакии), «Вейсс» (нападение на Польшу), «Гельб» (нападение на Францию), «Зеелёве» (высадка в Англии) были лишь ступенями нацистского заговора против мира, которые вели к центральному замыслу — нападению на Советский Союз. На всех этих ступенях вооруженной, политической и экономической экспансии Гитлер, его генералы и стоявшие за ними некоронованные короли стали, угля и химии всегда сохраняли дальний прицел, в прорези которого им виднелась Страна Советов.

«Все, что я предпринимаю, направлено против России», — эти слова Гитлера можно считать подлинным кредо германского империализма. Предпринималось же многое, начиная от военных действий и кончая закулисными интригами самого опасного свойства. Подобным проискам врагов мира я уделил немало внимания и собираюсь вести эту тему и на материале 1941—1945 годов.

Но об этом — в следующей книге.

Оглавление

Лев Александрович Безыменский

РАЗГАДАННЫЕ ЗАГАДКИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА
1933—1941

Редактор *С. И. Красильщик*
Млвдший редактор *О. В. Ермолаева*
Художннк *Е. В. Шворак*
Художественный редвктор *В. Г. Прохоров, В. Н. Пахомов*
Фоторедактор *З. М. Микоша*
Техинческий редактор *З. В. Черняева*
Корректор *Д. П. Токарь*
Технолог *В. И. Руденко*

Сдано в набор 4.2.1980 г. Подпнсано в печать 24.4.1980 г. Т07751.
Формат 60×90/16. Объем 17,5 печ. л. текста + 1,0 печ. л. илл., 18,5 усл. л.,
18,33 уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз. Зак. 338. Изд. № 4726.
Цена 1 р. 50 к.

Издательство Агентствв печати Новостн.

Нвбор изготовлен в Московской типографии № 13
Союзполнграфпрома прн Государственном комнтете СССР
по делам издательств, полиграфии н книжной торговли.
17005, Москва, Б-5, Денисовский пер., д. 30.

Отпечвтано иа Головном предприятни республнканского
производственного объедииення «Полнграфкнига»
Госкомиздата УССР, 252057, Кяев-57, ул. Довженко, 3.

1 р. 50 к.

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ
1933-1941
Разгаданные загадки
третьего рейха